

ЛАНА НАЗАРИ

ПЕПЕЛ
СТРАНИЦ
МОЕЙ
ДУШИ

НАЧАЛО

18+

18+

Лана Назари

Пепел страниц моей души: Начало

«Автор»

2026

Назари Л.

Пепел страниц моей души: Начало / Л. Назари — «Автор», 2026

Когда-то Лана была обычной волшебницей. Жила спокойной, размеренной жизнью, строила планы на будущее, верила, что у неё есть выбор. Пока война не отняла всё. Тёмный маг одержал победу, и вместе с ней пришёл новый порядок — жестокий, беспощадный, где человеческая жизнь ничего не стоит, а чужая воля ломается так же легко, как тонкий лёд. В тот день Лана потеряла того, кто был ей дорог. И всё, что от него осталось, — это кольцо. Как напоминание о нём. И о прошлой жизни. Когда она оказалась на грани жизни и смерти, спасение пришло оттуда, откуда она не ждала. От того, кто когда-то был ей близок. И кто стал её врагом. Только это спасение не стало свободой. Теперь её жизнь ей не принадлежит. Теперь она — тень прежней себя. Игрушка в чужих руках, лишённая выбора и права на собственную жизнь. И именно в его руках находится её судьба. В этом мире нельзя доверять. Нельзя ошибаться. И нельзя позволить себе чувствовать. Потому что иногда спасение — хуже гибели.

© Назари Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Последняя битва	5
Глава 2 Господин	11
Глава 3 Мир, в котором я жила	17
Глава 4 Игра	21
Глава 5 Встреча	26
Глава 6 Завтрак	35
Глава 7 Каморка	48
Глава 8 Библиотека	57
Глава 9 Впервые	68
Глава 10 Приказ, который нельзя не исполнить	76
Глава 11 Первая драка	86
Глава 12 Чего ты хочешь?	93
Глава 13 Маскарад	103
Глава 14 Лабиринт	117
Глава 15 Решение	135
Глава 16 Парни	143
Глава 17 Спасение	156
Глава 18 Бордель	164
Глава 19 Жизнь без Ланы	181
Глава 20 Представление	189
Глава 21 Начало конца	202
Глава 22 Здесь и сейчас	214
Глава 23 Жить в аду	230

Лана Назари

Пепел страниц моей души: Начало

Глава 1 Последняя битва

18+ Тёмная романтика. Психологическая драма. Тёмное фэнтези.

Дорогой читатель!

Я очень рада, что ты открыл эту книгу.

Перед началом чтения хочу сказать несколько слов.

Это моя первая книга и первый большой писательский опыт. История жила в моём воображении больше десяти лет, постепенно менялась, росла вместе со мной, и только сейчас я наконец решилась рассказать её.

Эта книга написана в кинематографичном стиле и рассчитана на эмоциональное погружение в историю персонажей. Здесь много чувств, внутренних переживаний, сложных отношений и тяжёлых выборов.

Важно! В книге присутствуют:

- сцены насилия;
- принуждение;
- психологическое давление;
- сексуальное насилие;
- жестокость;
- сексуализация страха;
- тяжёлые эмоциональные переживания;
- морально неоднозначные персонажи.

Пожалуйста, учитывайте это перед началом чтения. Некоторые сцены могут вызвать сильные эмоции или дискомфорт.

Если вам нравятся тёмные романтические истории, психологическая драма, сложные персонажи и непростые отношения, то добро пожаловать.

Приятного чтения!

Лана

За широким старым деревом я наконец нашла укрытие.

Страх стискивал рёбра так сильно, что каждое дыхание давалось рывком. Воздух был душливым — пропитанным гарью, дымом и металлическим запахом крови. Мои волосы сбились в мокрые пряди. Белая рубашка прилипла к коже, пропитавшись пеплом и запахом пожара, который въелся в меня так глубоко, будто я сама только что выбралась из огненной ловушки.

Неподалёку тлела трава, кое-где дымились обугленные ветви деревьев. Пепел медленно кружил в воздухе, оседая на землю серыми хлопьями.

Оранжевый свет заката заливал всё вокруг, и редкие языки огня казались ещё ярче. Мир выглядел нереальным, больше напоминая кошмар, чем действительность.

Но страшнее огня были звуки.

Издали доносились крики людей и тяжёлый грохот заклинаний, похожий на раскаты грозы. Совсем рядом рушился верховный магический колледж Скайвордеи — тот самый замок, который ещё утром казался вечным и непоколебимым.

Огромные каменные стены трескались и осыпались вниз, а вместе с ними исчезало последнее чувство безопасности. Кто бы мог подумать, что такой древний, величественный

замок может оказаться настолько хрупким? Что нескольких вспышек магии окажется достаточно, чтобы превратить его в грудку камня.

Новый взрыв прогремел так резко, что у меня зазвенело в ушах. Я вздрогнула, машинально закрыла их руками и пригнулась, вся сжимаясь от страха, пока впереди снова с оглушительным треском обрушивались стены.

Дерево было моей единственной защитой. Единственной границей между мной и творившимся вокруг кошмаром.

Я не знала, куда бежать, кому верить, что делать. Горло сдавило так сильно, что стало трудно дышать. Ледяной холод сковал руки, а тело мелко дрожало. Казалось, стоит сделать всего один шаг — и смерть настигнет меня.

Собрав остатки храбрости, я осторожно выглянула из-за дерева.

Большая площадь с фонтаном отделяла меня от полуразрушенного замка. И среди хаоса я увидела две фигуры.

Первая — молодой темноволосый парень, бегущий в мою сторону. Томас. Я узнала его сразу, даже несмотря на дым, кровь на его белой рубашке и искажённое тревогой лицо.

Вторая фигура — мужчина. Высокий. Седовласый, его волосы были собраны в аккуратный хвост. Он шёл неторопливо, будто прогуливался по саду, а не по месту разрушения. Его абсолютно не трогала адская картина вокруг — наоборот, казалось, он наслаждался ею.

Я высунулась чуть сильнее — только чтобы Томас заметил меня. И он заметил. Наши взгляды встретились, и он тут же поднёс палец к губам, коротким жестом приказывая мне молчать.

Он остановился у фонтана, развернулся лицом к мужчине.

Сердце внутри болезненно кольнуло.

Что он задумал? Он собирается сражаться... с ним? Сам? С самым сильным тёмным волшебником? Где его отец?! Это его бой — но точно не Томаса!

Во мне смешались чувство ужаса и бессильной злости. Я не понимала, что именно ощущаю — страха было слишком много, чтобы разобрать остальные эмоции. Всё сжалось в один тугой ком под рёбрами.

Мужчина подошёл ближе и остановился. Они стояли посреди площади — метров десять друг от друга. Только фонтан, с его мутной дрожащей водой, разделял их.

— Покорись и сдайся, Томас! — голос седого мужчины прокатился над поляной тяжёлым, давящим эхом. — Ты всего лишь мальчишка. Тебе меня не одолеть.

— Я буду сражаться до конца, Фодес! — ответил Томас. В его тоне не дрогнула ни одна нота страха. Перед ним стоял самый опасный маг нашего века, но держался он так, будто находился на обычном тренировочном поединке.

— Вот как? — Губы мужчины скривились в презрительной усмешке. — Ты умрёшь так же, как и твой отец. А ведь мог послужить мне.

— Я никогда не стану служить убийце... и безумному психопату! — Томас шагнул вперёд, сжимая ладонями воздух, насыщенный магией.

— Не забывайся, мальчик, — холодно протянул Фодес. — Ты стоишь перед самым сильным волшебником в мире.

— Пока самым сильным. Но магия не прощает жадных. Рано или поздно магия сама тебя уничтожит.

Фодес тихо хмыкнул с притворным сожалением:

— Я забрал силы трёх сильнейших магов и выжил. Обрёл величайшую мощь. Больше мне чужая магия не нужна. Тебя я просто убью... для развлечения.

Он резко взмахнул рукой. Вспышка — яркая, как расколота молния — пронзила воздух и сорвалась прямо в Томаса.

Томас успел. Он поднял ладонь, и вокруг него сомкнулась белая, колышущаяся завеса, переливаясь, словно соткана из света и дыма. Удар с оглушительным треском врезался в щит.

Но Фодес даже не сделал паузы. Вторая молния сорвалась куда более стремительной полосой.

Щит дрогнул. Побледнел. Его свет стремительно таял.

— Держись... держись... — прошептала я, хотя знала — он не слышит.

Томас вскинул руку, рассекая пространство. Завеса исчезла, и теперь уже его молнии — десятки тонких, рвущихся нитей света — метнулись к Фодесу.

Но тот лишь чуть повернул запястье. Молнии прошли мимо, распадаясь на сотни сверкающих осколков.

Я наблюдала за этим, и отчаяние поднималось во мне ледяной волной. Слёзы текли по щекам. Это не был бой. Это была казнь, растянутая во времени.

— Даю тебе последний шанс, Томас, — произнёс Фодес, и в его словах звучала злая игра. — Склонись передо мной — и я позволю твоему роду существовать дальше.

— Никогда! — выкрикнул Томас и метнул в него новый град молний — ярче, сильнее, чем прежде.

— Ты силен, мой мальчик, — в голосе Фодеса прозвучало ласковое одобрение, от которого мороз побежал по коже.

Он поднял обе руки. Молнии Томаса рассыпались в воздухе и исчезли. Резкий, короткий жест — и одиночный удар, чистый как стилет, сорвался прямо в грудь Томасу.

Вспышка. Глухой удар. Томаса отбросило назад — далеко, на добрые десятки метров — прямо к моему дереву.

Земля содрогнулась. Поднялись клубы пыли.

Я ахнула и выглянула из-за ствола. На земле, всего в нескольких шагах от меня, лежало тело моего друга — неподвижное и в крови.

Все страхи и сомнения в одну секунду исчезли, и я бросилась к нему.

— Нет... Том... — выдох сорвался с моих губ тихим, жалобным плачем. Я опустилась на колени и схватила его руку — ещё тёплую, слабеющую в моей ладони. Другой рукой осторожно провела по его окровавленному лицу, стирая грязь и кровь, пытаясь удержать его здесь ещё хоть немного.

Он закашлял, и багровая струйка стекла по щеке. Его веки дрогнули и медленно приподнялись.

— Прости меня, Лана... — прошептал он, голос едва угадывался под шипением умирающей магии. — Мой отец... и я... мы пытались спасти всех... но не смог...

— Нет, не говори так! Не смей! — слова срывались с губ. — Пожалуйста... только не умирай... Прошу... Солёные слёзы лились без остановки. Казалось, каждая капля прожигает кожу и сердце одновременно. Дышать стало так трудно, что я едва могла вдохнуть.

Я крепче сжала его пальцы, чувствуя... чувствуя, как из них медленно уходит жизнь.

— Лана... возьми... моё кольцо... — он едва заметно кивнул на свою ладонь, лежащую в моей.

— Д-да... да, конечно, Том... конечно... — ответ дался мне сквозь рыдания. Пальцы дрожали. Я сняла кольцо — тяжёлое, серебряное, с едва голубым, почти прозрачным камнем, будто в его глубине застыло чистое небо, — и надела его на свой палец. Оно холодило кожу. Но в ту же секунду стало последним, что осталось у меня от Томаса.

Том следил за каждым движением. Его взгляд смягчился. Он медленно моргнул в знак одобрения.

— Помни обо мне... — прошептал он едва слышно. — И знай... я люблю тебя... всегда... любил...

Короткий, едва различимый вдох. Его ресницы дрогнули... и опустились.

Он не выдохнул.

Тишина ударила по мне сильнее молнии.

— Нееет... Том... неееет...

Крик сорвался нечеловечным, надломленным, разорванным на части горем. Истерика захлестнула меня целиком, не оставляя ни воздуха, ни сил.

Я ощутила, как его рука с каждой секундой холодеет в моей ладони.

Мир вокруг расплылся. Крики стихли, грохот битвы превратился в далёкий, приглушённый гул. Перед глазами осталось только его мёртвое тело.

Мне был двадцать один год, и до этого дня никто из моих близких никогда не умирал.

Я не знала, что смерть может причинять такую боль. Не знала, что от неё хочется кричать, пока не сорвётся голос. Не знала, что мир способен разрушиться за несколько секунд.

Дымка наконец рассеялась. Пыль, поднятая ударом, медленно оседала, возвращая миру привычные очертания. И сквозь этот едкий, пропитанный гарью воздух ко мне приближался Фодес. Он выглядел так спокойно и уверенно, что даже его плащ оставался чистым, без единой пылинки. Казалось, вокруг не было ни войны, ни крови. Будто он пришёл не на поле боя, а на светский приём.

За его спиной выстроились десятки фигур в тёмных одеждах. Их капюшоны скрывали лица, но слышались смешки, сдавленные хмыки, мерзкие перешёптывания. Голодные псы, довольные тем, что хозяин снова пролил кровь.

Я не могла даже пошевелиться. Томас лежал передо мной, и я вжималась в его холодеющую руку, как утопающий — в обломок корабля. Но я уже понимала: это конец.

Мир рухнул. Война проиграна. Совет магов больше не существовал — его мудрецы и защитники лежали пеплом на земле. Светлые волшебники исчезли, как свечи, погашенные чьим-то жестоким дыханием. И теперь над миром опускалась густая, неотвратимая завеса тьмы.

Фодес остановился рядом и наклонил голову. Он изучал меня с тем же любопытством, с каким коллекционер рассматривает редкую находку.

— Ох, дитя... — его тон был удивительно мягким. Ложь сочилась из каждого слова. — Как мне жаль тебя. Я искренне соболезную твоей утрате.

Мне стало противно.

— Так устроен мир, моя дорогая, — продолжил он, коротко взглянув на тело Тома. — Но все, кто откажется подчиниться... будут мертвы.

Смеющиеся тени позади него зашевелились и одобрительно закивали.

Я подняла голову.

Слёзы застилали всё: я почти не видела его лица — только размытый силуэт, окутанный тьмой. Но мне этого было достаточно.

Страх испарился. Сгорел вместе с колледжом, советом и всем, что я когда-то любила. Я смотрела на Фодеса так, чтобы он запомнил меня навсегда. Чтобы запомнил эту ненависть. Это отвращение.

Я знала — он забрал силу отца Томаса и теперь способен читать мысли. Я хотела, чтобы он сделал это. Чтобы увидел всё, что я думаю о нём.

Мои губы дрогнули от боли. Сердце разрывалось на части.

Я была готова умереть.

Но, видимо, ему хватило одного моего выражения лица — и это ему явно не понравилось.

Его губы дрогнули, а глаза потемнели от раздражённого удовольствия.

— Как же громко ты смотришь, дитя, — протянул он ласково и холодно. — Но ничего... тебя вполне можно научить молчанию.

— Схватить её, — произнёс Фодес, даже не повышая голоса. — И рот закройте. Мне надоели истеричные звуки.

Я едва успела вдохнуть.

Двое крупных мужчин мгновенно вынырнули из толпы в одинаковых тёмных плащах. Они схватили меня под локти и грубо оттащили от бездыханного тела Томаса.

Я вскрикнула, но один из них тут же жёстко зажал мне рот ладонью, так что зубы больно ударились о язык. Второй держал меня настолько крепко, что пальцы впивались в кожу, оставляя синяки.

Я рванулась — бесполезно. Паника подступала к горлу, но я даже вдохнуть нормально не могла.

Фодес сделал шаг ближе и внимательно осмотрел меня, как вещь, выставленную на продажу.

— Вот так, намного лучше, — сказал он довольным тоном. — Тишина тебе к лицу.

Он медленно поднял руку — то ли для жеста, то ли чтобы дать новый приказ.

И вдруг —

— Господин! — уверенный, резкий, знакомый голос прорезал гул толпы.

Фодес остановился. Его рука застыла в воздухе, пальцы слегка дрогнули. Он повернул голову в сторону своих приспешников с недовольством хищника, которого отвлекли от добычи.

Из толпы выскользнул молодой высокий парень. Он был одет в тёмную мантию, его лицо скрывал капюшон. Он быстро, но без лишней суеты встал перед Фодесом. Плечи были напряжены, однако держался он уверенно и спокойно.

Он склонил голову, не смея поднять глаз на своего господина.

— Прошу прощения, мой повелитель, — произнёс он почтительно. — Отдайте её мне... в награду за мою бессмертную преданность вашему величеству.

Слова, сказанные слишком уверенно, чтобы быть случайными. Слишком смело — чтобы не иметь скрытого смысла.

Фодес опустил руку и уставился на юношу. В его глазах вспыхнул недобрый огонёк.

— Неймор... — протянул он, смакуя это имя. — Я удивлён. И зачем тебе эта безродная девчонка?

Неймор выпрямился чуть сильнее. Говорил он чётко, подчёркнуто вежливо — как человек, который прекрасно знает, куда нужно давить.

— Господин, она была возлюбленной Томаса Сильвариса.

В каждом слове чувствовалась ледяная решимость.

— Он был моим врагом всю жизнь... и сыном вашего заклятого врага. Он посмел бросить вам вызов. Я был бы безмерно почтён получить его подругу... как трофей. Во владение.

Он сказал это так отточено, так выверено, будто готовил эти слова заранее.

— Неймор... — Фодес шагнул к нему ближе. — Посмотри мне в глаза.

Неймор сразу поднял взгляд. Их глаза встретились.

И наступила пауза. Воздух стал плотным и напряжённым, как перед ударом. Никто не двигался. Никто не говорил. А потом всё резко оборвалось.

Губы Фодеса искривились в мерзкой, довольной улыбке. Значит, он увидел в мыслях Неймора именно то, что хотел. Именно то, что ему понравилось.

— Неймор, я впечатлён. Идея превосходна!

Его глаза сверкнули безумием. Он повернулся к толпе, театрально раскинув руки, как актёр перед началом представления.

— Раздать всех непокорных в качестве трофеев моим верным слугам! — выкрикнул он, и толпа взорвалась восторженными возгласами.

Кто-то захолопал. Кто-то крикнул что-то одобрительное.

— Гениально! — снова обратился он к парню, подходя ближе. Его длинные пальцы легли на плечи юноши, как лапы паука.

— Я не сомневаюсь, что ты станешь прекрасным наследником... своего отца, дорогой. Фодес наклонился ближе, почти касаясь лбом Неймора.

— Ты хорошо послужил мне. Забирай девчонку. Но будь осторожен — его голос стал шипящим, сладким до отвращения. — Теперь она ценный трофей.

— Благодарю, господин, — тихо ответил Неймор, покорно склоняя голову.

Фодес развернулся к своим подданным, и толпа встретила его овациями.

Со всех сторон раздались крики: «Господин!» — «Слава Фодесу!» Казалось, сама тьма праздновала свою победу.

Я перестала понимать, что происходит вокруг. До меня доносились лишь обрывки чужих голосов. Всё остальное тонуло в глухом гуле, который заглушал даже собственный стук сердца.

И вдруг руки, крепко удерживавшие меня, дёрнули в сторону, пытаюсь увести. Но я не могла уйти. Упиралась. Вырывалась. Била ногами, локтями, коленями — всем, чем могла. Хотела закричать, но ладонь намертво зажимала рот. Воздуха не хватало. Каждый вдох обжигал горло. А взгляд всё равно оставался прикован к тому месту, где лежал мой лучший друг.

Меня тащили всё дальше, шаг за шагом, а боль потери растекалась по груди расплавленным металлом, прожигая изнутри. И в этот миг я увидела, как Фодес повернул голову, посмотрел на тело Тома и сделал к нему шаг. Он присел на корточки, опёрся локтями о колени, разглядывая его так, словно любовался своей работой.

Его свита окружила их, закрыв своими телами, заслоняя мне обзор — навсегда.

Это был последний раз, когда я видела Томаса. Последний раз, когда была свободна. Последний раз, когда надежда ещё жила во мне.

Я сделала ещё один, последний рывок, но силы окончательно покинули меня. Мир накренился, потерял очертания. И я провалилась во тьму.

Глава 2 Господин

Лана

Свет пробивался сквозь плотную тьму, расползаясь по ней бледными кругами, как мазки кисти по самому краю моего сознания. Меня покачивало, тело медленно вращалось вокруг своей оси, а белые всполохи перед глазами становились всё шире, размывая границы реальности.

В нос ударил сладковатый аромат цветов — приторный и навязчивый. Меня тут же затошнило. Волна подступила к горлу, но не вырвалась наружу, только слабость растеклась по телу. Меня по-прежнему тащили.

Глухие голоса прорывались сквозь толщу воды.

— Несите её наверх, — знакомый голос донёсся эхом из какого-то мутного, далёкого мира.

Я попыталась открыть глаза — всего на мгновение. Под ногами мелькнул зелёный ковёр... и снова накатила тошнота.

Голова кружилась, но сознание постепенно прояснялось. Я начала понимать — мы уже не в колледже. Мы в другом месте.

Конечно же... телепортация.

Именно она так выбивала меня из равновесия, потому что я всегда переносила её плохо — с головокружением, слабостью и ощущением, будто тело не успевает за разумом. Особенно после переноса на большие расстояния.

Казалось, этот путь длится бесконечно, но в какой-то момент всё внезапно оборвалось, и я почувствовала, как сильные руки отпускают меня, позволяя упасть на что-то мягкое.

Это оказалась кровать, неожиданно тёплая и почти нереальная после всего пережитого, словно остров спокойствия, который ненадолго отделял меня от ужаса, через который я только что прошла.

Я лежала с закрытыми глазами, но сознание уже полностью вернулось. Я цеплялась за эту тишину, за мягкость кровати, за нежную ткань под ладонью и отчаянно пыталась поверить, что всё произошедшее было всего лишь кошмаром.

Но я знала — это не сон.

Это была реальность. Жестокая, беспощадная, от которой невозможно спрятаться.

Нападение на колледж. Битва. Убийство Томаса — прямо у меня на глазах.

От одной этой мысли в груди словно провернули клинок, и тягучая боль, как яд, растеклась по телу, заполняя каждую клетку. Меня затрясло, и из груди вырвался крик, глухой, надломленный, полный боли, которую невозможно было сдержать.

Слёзы потекли сами собой. Я уткнулась лицом в матрас и закричала.

Воспоминания вспыхивали в голове одно за другим, не давая передышки.

Счастливые, тёплые — мой дом, родители, друзья, моя прежняя жизнь — сменялись кошмарными картинками: коридоры колледжа, заваленные телами студентов и преподавателей, лица тех, кто выжил, искажённые ужасом, застывшие в безмолвном крике.

И Томас. Мой самый лучший друг.

Тот, кто был рядом, кто поддерживал меня в самый страшный момент — умирающий у меня на руках.

Это было невыносимо.

Я кричала, впиваясь пальцами в одеяло, кричала до тех пор, пока горло не начало жечь и саднить так, что каждый звук превращался в пытку. Лишь когда силы окончательно покинули меня, я отстранилась, сжалась в комок и обхватила себя за плечи, впиваясь ногтями в кожу, но почти не ощущая этого.

То, что творилось внутри, было гораздо страшнее.

Я тихо плакала, почти беззвучно, и ловила себя на единственной мысли — что было бы легче, если бы сердце просто не выдержало и остановилось. Тогда эта боль исчезла бы. Тогда всё наконец закончилось.

Но, видимо, судьба решила поиздеваться надо мной ещё немного.

Прошло много времени — я не знала, сколько именно, но ощущалось это именно так.

Слёзы иссякли, и вместе с ними отступило то дикое, ядовитое мучение. Оно больше не растекалось по телу, а сжалось в груди, в самом сердце, оставив после себя тяжесть и глухую пустоту.

Я вдруг почувствовала, как на плечах ноют следы от собственных ногтей.

Постепенно вернулись и остальные ощущения. Горло пересохло, и меня накрыла сильная жажда. Собрав остатки сил, я медленно приподнялась, села на кровати и начала осматривать комнату, пытаюсь понять, где я оказалась.

Прямо передо мной тянулась стена, у которой возвышался высокий шкаф из тёмного дерева — массивный, с резными деталями, он казался слишком тяжёлым для этой комнаты и давил одним своим присутствием.

За спиной находилось окно, скрытое за плотными тёмными шторами. Сквозь них едва пробивался приглушённый вечерний свет, и из-за этого в комнате стояли густые сумерки.

Справа располагалась остальная мебель: изящный туалетный столик с изогнутым зеркалом и мягким круглым пуфиком, рядом — резной диванчик, а чуть дальше узкий пристенный столик, аккуратно вписанный в общий ансамбль.

Кровать, на которой я сидела, стояла вдоль левой стены, вплотную к ней, и казалась огромной, непривычно мягкой и чужой.

Вся комната была выдержана в одном стиле — роскошном, старомодном, с тёмным деревом, плавными линиями и приглушёнными оттенками. Бежевые стены с тонким узором и мягкий ковёр под ногами делали цвета глубже, насыщеннее, ещё сильнее приглушая свет и создавая ощущение тяжёлой, почти удушающей тишины.

Что это за место? Почему вся мебель здесь выглядит так, будто её привезли из музея?

На туалетном столике я заметила стакан. Жажда накрыла мгновенно, и я, не раздумывая, подошла, схватила его и начала жадно пить.

Первые глотки дались тяжело — горло будто пересохло настолько, что не желало пропускать воду, а тело противилось возвращению к жизни. Но я заставила себя сделать ещё глоток... ещё... и постепенно напряжение отпустило.

Вода растеклась по телу прохладой, и на секунду мне показалось, что ничего вкуснее я в жизни не пробовала.

Поставив пустой стакан, я только тогда заметила пыль на столешнице. А вместе с этим — затхлый запах.

Здесь давно никто не жил.

Я посмотрела на своё запястье в надежде увидеть браслет связи, но его не было. Значит, его забрали те, кто притащил меня сюда, и теперь я не смогу связаться с внешним миром. От этой мысли внутри всё неприятно похолодело, и я раздражённо огляделась по сторонам, пытаюсь хоть что-то понять.

Где я? Это... бордель?

Комната действительно выглядела вычурной и невольно напоминала пристанище девушек для утех из старинных романов, которые я когда-либо читала. От этой мысли меня передёруло, и я поморщилась.

Я попыталась вспомнить, что видела и слышала перед тем, как оказалась здесь, но в сознании всплывало только одно — мёртвое тело Томаса.

Я поспешно отвела глаза, будто могла избавиться от этого воспоминания, и, не давая себе времени снова утонуть в боли, подошла к окну, аккуратно сдвинула тяжёлую штору и выглянула наружу.

Сумерки уже опустились на землю, но сад за окном всё ещё был залит мягким вечерним светом. Он ложился на лепестки роз, делая их оттенки глубже и ярче.

Я замерла. Никогда прежде мне не доводилось видеть столько цветов сразу. Розы тянулись вдоль дорожек, поднимались густыми кустами у стен, переплетались между собой так тесно, что казались живым морем.

Моя комната находилась примерно на уровне третьего этажа, и с этой высоты сад открывался почти полностью. Где-то среди цветов виднелись белые статуи, изящные скамейки и фонтан в самом центре, откуда, должно быть, доносился тихий плеск воды.

Всё выглядело слишком красивым для этого места.

Но стоило поднять взгляд чуть дальше — и это ощущение рассыпалось.

Забор.

Тёмный, массивный, пугающе высокий, он возвышался над садом неприступной стеной, отрезая этот мир от всего остального. За ним не было видно ни горизонта, ни даже неба — по ту сторону словно ничего не существовало.

И этот контраст между живым, утопающим в цветах садом и холодной давящей стеной вызывал внутри странное чувство.

Восхищение и страх.

Передо мной была не свобода, а ловушка, замаскированная под рай.

Вдруг я обратила внимание на свои руки — они были в крови.

На моём теле не было ран, кроме синяков, и я сразу поняла: это не моя кровь.

Это кровь Тома.

В груди кольнуло, и я машинально прижала одну руку к груди, пытаясь удержать это чувство внутри, не дать ему разорвать меня окончательно. Взгляд сам собой остановился на другой руке.

Его кольцо.

Холодный камень с лёгким нежным голубым оттенком — всё, что осталось от моего друга. Всё, что осталось от него во всём мире.

Я смотрела на кольцо, не в силах оторваться, и в этот момент оно казалось мне самым дорогим сокровищем в мире. Всё остальное меркло рядом с ним.

Шаги за дверью вырвали меня из раздумий. Я быстро развернулась, страх кольнул под рёбрами, и внутри вспыхнуло отчаянное желание бежать... но бежать было некуда. Я была в ловушке.

Дверь в ту же секунду распахнулась, и в комнату вошёл он — тот, из-за кого я оказалась здесь.

На пороге стоял светловолосый мужчина в чёрном костюме. Даже сквозь ткань угадывалась его сильная, крепкая фигура.

Неймор Дракморн.

Тот самый надменный, заносчивый тип, который годами издевался надо мной, насмехался, портил жизнь мне и моим друзьям. Враг Томаса с детства. Сын Эвориона Дракморна — влиятельного мага древнего рода, приближённого самого Фодеса.

Он был красив... до боли. Высокий, статный, голубоглазый блондин с острыми чертами лица, одетый в безупречный чёрный костюм. Сложно было поверить, что ещё час назад он сражался среди руин колледжа.

Он вошёл в комнату медленно, держа руки в карманах брюк, и, не выражая ни единой эмоции, посмотрел на меня. Наши взгляды встретились, и его холодные голубые глаза впились в мои — ярко-синие. Они всегда предавали меня, выдавая всё, что творилось внутри.

В голове пронеслись сотни мыслей, но ни одна не сложилась в слова. Я просто застыла, глядя на него. Наверное, у меня на лице крупными буквами было написано: *«Какого хрена?»*

Он первым нарушил тишину.

— Уже обустроилась, Ланивея? — с лёгкой издёвкой спросил он.

Гад. Он прекрасно знал, как я ненавижу своё полное имя, и специально произнёс его, смакуя каждую букву.

Волна злости поднялась мгновенно. Я сжала кулаки, пытаюсь удержать себя в руках, но это было бесполезно.

— Где я? И что я тут делаю? — выкрикнула я.

Неймор смотрел на меня, чуть прищурившись, с довольной ухмылкой. В его взгляде читалось спокойное превосходство — будто перед ним не человек, а маленькая мышь, загнанная в угол, и он может в любой момент решить, играть с ней или нет.

Это бесило сильнее всего.

— Где мои друзья? Что с Миланией? Селиной? — крикнула я, чувствуя, как голос начинает срываться. — Где мой браслет?

Но он лишь стоял и молчал, медленно оглядывая меня с ног до головы.

Хотелось стереть эту довольную ухмылку с его лица.

Я подняла руку и взмахнула ею, пытаюсь соткать молнию — яркую, горячую, чтобы швырнуть её прямо в него.

Но ничего не произошло. Ни всполоха. Ни искры.

Я опешила и уставилась на свои ладони. Пальцы задрожали. Я попробовала снова, провела рукой в воздухе, как делала сотни раз раньше.

Пусто. Магии не было.

— У тебя ничего не выйдет, — спокойно сказал он.

Я вскинула голову.

— Ты в моём замке. Твоя сила подавлена. Колдовать ты больше не сможешь.

Он чуть склонил голову.

— Теперь ты лишена магии, Лана.

Я уставилась на него так яростно, что если бы взгляд мог жечь, от него остался бы один пепел. Но он лишь ухмыльнулся и шагнул ближе. Я осталась на месте, не двигаясь, хотя сердце на миг ухнуло куда-то вниз.

— Даже если бы могла, — продолжил он, — твоя магия осела бы на моём пиджаке пылью. Он тихо, почти ласково рассмеялся. — Такая ты слабая, ЛА-НИ-ВЕЯ.

От гнева мне стало жарко. Он делал это специально. Провоцировал меня. И я знала это — но всё равно едва держалась, чтобы не ударить его. Пальцы побелели от напряжения.

— Что тебе надо от меня, ублюдок? — прошипела я, словно змея.

Он сделал ещё один шаг и оказался вплотную ко мне. Я рефлекторно вжалась в подоконник. Близость с ним пугала, отзывалась болезненным комом внутри. Злость вдруг пошатнулась, уступив место отчаянию, которое я не успела спрятать.

Он наклонился к самому уху, нарочно растягивая момент. Тёплое дыхание коснулось моей кожи. Его палец мягко лёг на мои губы, заставляя замолчать.

— Тсс... — тихо, почти ласково произнёс он. — Нельзя так разговаривать со своим господином.

На его губах появилась хищная полуулыбка.

— А то я могу разозлиться. И наказать тебя.

Мои глаза расширились. Я уже хотела оттолкнуть его, но Неймор сам резко отступил. Воздух вокруг стал плотнее, и я заметила, как дрожат мои пальцы. Злость окончательно растворилась, вытесненная другим чувством — страхом и непониманием.

Что он имел в виду под «наказать»?

— Ч-что... что ты хочешь от меня, Неймор?.. — едва слышно вырвалось у меня.

Он заговорил. Спокойно. Слишком спокойно, будто речь шла о чём-то незначительном.

— Ты принадлежишь мне.

Он даже не моргнул.

— Ты — мой трофей. Подарок тёмного господина.

Мне стало холодно. Температура в комнате будто упала на несколько градусов.

Он продолжал:

— Я могу делать с тобой всё, что захочу. Ты не имеешь права сопротивляться. Ты не сбежишь. И тебя никто не спасёт. Он чуть склонил голову. — Этот замок заколдован так, что ты даже убить себя не сможешь.

Каждое его слово — удар. Прямой, точный и хладнокровный. Будто он разбивал меня по кускам, спокойно наблюдая за тем, как я рассыпаюсь.

— Запомни, — его голос стал ниже, темнее. — Я твой господин. И твоя единственная задача — развлекать меня.

Я открыла рот, но слова не выходили. Внутри всё опустело. Даже боль стала далёкой, как шум дождя за окном. Я просто стояла и хлопала глазами, изо всех сил пытаюсь понять: это реальность? Или жестокий розыгрыш? Сон? Нельзя, чтобы это было правдой. Не может.

Тишина между нами натянулась, как струна. Он явно ждал реакции... смотрел пристально и изучающе. Его взгляд скользнул вниз — к моим рукам, перемазанным кровью. И остановился на кольце.

И в этот момент ощущение было таким, словно мне на голову вылили ведро ледяной воды. Оцепенение рассыпалось в одно мгновение.

— Этого не будет, — прошептала я и тут же отвернулась, пытаюсь спрятать руку с кольцом от его глаз.

Но он оказался быстрее. Его пальцы вцепились мне в плечо, рывком развернули к себе. Второй рукой он схватил мою ладонь, сжал её так, что кольцо больно впилось в кожу, и протянул ближе к своему лицу. Он рассматривал его внимательно, сжав губы в тонкую полоску.

Мои руки были в крови и грязи — но его это не волновало. Он смотрел только на кольцо.

Паника накрыла мгновенно.

Если он поймёт... если догадается, кому оно принадлежало... если попытается его забрать... *Нет. Это единственное, что у меня осталось от Тома. Единственное.*

Я дёрнулась, пытаюсь вырваться, но его хватка была стальной. — Отпусти... — выдохнула я, чувствуя, как дрожат ноги. — Что тебе нужно?! — сорвалось уже криком. Голос дрогнул, сломался. — Отпусти меня!

Я дёргалась, вырывалась изо всех сил, отчаянно цепляясь за последние остатки контроля.

Он отпустил так резко, что я, потеряв равновесие, едва не рухнула на подоконник. Рваный воздух вырвался из лёгких. Я прижала руку с кольцом к груди, накрыла её второй ладонью, пытаюсь защитить его от всего мира. Я тяжело дышала, чувствуя, как в висках стучит кровь, а внутри поднимается холодный ужас.

Неймор стоял напротив и смотрел слишком пристально. Казалось, ещё немного — и он доберётся до мыслей, которые я так отчаянно прятала. Я замерла, едва дыша. Любое неосторожное движение сейчас могло выдать меня. Дрожь пробежала по телу, но я не позволяла себе отвернуться — не могла показать слабость. Его глаза были холодны, спокойны... и опасны.

Он наклонил голову чуть в сторону, внимательно изучая моё лицо, на мгновение задержавшись на губах. Затем тихо, почти неслышно прошептал:

— Красивое кольцо.

Кажется, моё сердце просто... остановилось. Он понял? Узнал?

Господи... нет. Нет. НЕТ.

Но Неймор вдруг отвёл глаза. На секунду — приняв какое-то решение для себя — отвернулся и направился к выходу. У дверей он задержался, даже не посмотрев в мою сторону.

— Ванная там.

Он небрежно указал на боковую дверь.

— Помойся. Ты вся в крови. И волосы пахнут гарью.

Голос его был бесстрастным. Ровным. Всё, что произошло за последние минуты, он проносил так, будто речь шла о чём-то незначительном.

Когда дверь за ним закрылась, я наконец-то глубоко вдохнула. Судорожно, жадно, до боли в лёгких. Я всё ещё держала кольцо так крепко, что ногти впивались в ладонь. Но вместе с ужасом понемногу отступало и напряжение.

Что это было? Он не узнал кольцо Тома?

Не может быть. Это невозможно. Они ненавидят друг друга столько лет, что любое, даже самое малое, связанное с Томом, Неймор бы узнал сразу. Даже я помню это кольцо... а я знала Тома всего два года.

Но если он узнал... то почему промолчал?

Меня прошиб мороз. Нужно быть осторожной.

Я схватила себя ладонями за лицо, пытаясь хоть немного успокоиться. Грязь, кровь, запах гари — всё это липло к коже, к памяти, к мыслям. Хотелось смыть это немедленно, стереть с себя весь хаос.

Я сделала глубокий вдох, ещё один, потом направилась к двери, которую указал Неймор.

Мне нужно собраться. Подумать. И понять, как выбраться из этого кошмара живой.

Глава 3 Мир, в котором я жила

Лана

Я оказалась в ванной комнате. В ней не было ничего необычного — наоборот, она казалась слишком простой по сравнению с той роскошной спальней. Всё здесь было необходимым, функциональным, лишённым вычурности.

Единственное, что отличало её от обычных ванных комнат, — это большое количество свечей. Они загорались сами, стоило мне войти, мягким тёплым светом наполняя пространство. Я сразу поняла, что они заколдованы: их огонь не обжигал и не причинял вреда. Я даже проверила это, поднеся к пламени кусочек ткани, но ничего не произошло — оно лишь тихо колыхнулось, оставаясь таким же безобидным.

Это выглядело странно — уже везде использовали обычные светильники, заряженные магией. А здесь... словно время остановилось.

Я стояла и смотрела на этот странный огонь, пока ванна медленно наполнялась горячей водой, и в этой тишине было что-то обманчиво спокойное.

Когда вода была готова, я, не раздумывая, сняла с себя грязную, порванную одежду и осторожно опустилась в ванну. Кристально чистая вода почти сразу помутнела, впитывая в себя грязь и кровь с моего тела, но я не обратила на это внимания.

Тёплая вода обволакивала кожу, мягко касалась, словно пытаясь стереть всё, что со мной произошло. Впервые за долгое время я почувствовала хоть какое-то облегчение — тело расслаблялось, тяжесть постепенно отпускала, и на мгновение казалось, что можно просто закрыть глаза и исчезнуть в этом тепле.

Но это было лишь иллюзией.

Тело удалось успокоить, но разум — нет.

Раз за разом сознание возвращалось к одному и тому же, перебирая тяжёлые, спутанные вопросы, не дающие покоя.

Я не могла освободиться от них. Они тянули меня обратно.

И вместе с ними приходили вопросы, на которые у меня не было ответов.

Зачем я здесь? Зачем я нужна Неймору?

Я вспомнила, что он говорил Фодесу, когда просил отдать меня ему.

Она была возлюбленной Томаса Сильвариса... Я был бы весьма почтён получить её в качестве награды, во владение.

Я прикусила губу, чувствуя, как внутри всё неприятно сжимается.

Нет... это глупо. Ради мести так рисковать — не имеет смысла.

Да и насколько глубокой была их вражда? Да, Томас и Неймор ненавидели друг друга, но разве этого достаточно, чтобы притащить меня в этот замок? Держать здесь? Унижать?

Или... всё именно так? Я теперь его... собственность?

И что он собирается делать со мной? Что он имел в виду, когда говорил, что я должна его развлекать?

Я вспомнила, как Фодес тогда смотрел на Неймора, читая его мысли, и как на его губах медленно расплзалась довольная улыбка.

По спине медленно пробежал холод.

О чём тогда думал Неймор?..

Неужели в его голове действительно было что-то настолько тёмное, что даже Фодес — человек, наслаждающийся чужими страданиями, — остался доволен?

В голову сразу же пришла самая отвратительная мысль, от которой по телу пробежали мурашки, но я упрямо попыталась отогнать её, будто это могло что-то изменить.

Я закрыла глаза и медленно провела ладонью по плечу. Тёплая вода стекала по коже, смывала всю пыль и копоть — всё, чем дышала война. Я почти поверила, что смываю не грязь, а прошлую жизнь. Но чем чище становилось тело, тем сильнее мутнел разум.

Мысли снова возвращались туда, куда я меньше всего хотела возвращаться — в наш проклятый мир, который когда-то был совсем другим.

Давным-давно, когда люди только обрели способности, магия проявилась лишь у немногих, и этих людей сначала боялись, пытались уничтожить, но очень быстро стало ясно — у обычных людей нет ни единого шанса, и всё изменилось. Волшебники стали новой силой, новой властью, а те, кто не владел магией, оказались вынуждены подчиниться.

Со временем магов становилось всё больше, но первые из них навсегда остались особенными. Их сила была чище и мощнее, а их потомки наследовали эту мощь вместе с редкими способностями, которые давали им явное преимущество. Перед ними склонялись, им поклонялись, и именно они стояли у истоков власти.

Целители могли исцелять смертельные раны и создавать лекарства, а те, кто владел телепортацией, открывали порталы, стирая расстояния. Именно такие люди быстрее остальных поднимались вверх, становясь хранителями сил — теми, кто управлял этим миром.

Со временем магия стала доступна всем, и казалось, что теперь мир должен стать равным... но этого так и не произошло. Те, кто обрёл силу первыми, по-прежнему превосходили остальных, и далеко не каждый был готов с этим смириться.

И тогда мир узнал страшную истину, которую уже невозможно было забыть — чужую силу можно забрать, убив другого мага.

Сначала это были единичные случаи, отчаянные попытки стать сильнее, но очень быстро всё вышло из-под контроля. Люди начали убивать, жадно присваивая чужую магию, не задумываясь о последствиях, и слишком поздно поняли, что это не просто преступление — это что-то против самой природы.

Сила, полученная таким способом, словно чёрный яд растекалась по венам, медленно разрушая тело и разум. Не каждое тело выдерживало это, и принять чужую магию означало впустить в себя смерть. Одни сходили с ума, других разрывало на части, оставляя после них лишь пепел, но всё равно находились те, кто был готов рисковать.

Особенно потомки древних родов, чья кровь была сильнее и чище, будто создана для того, чтобы выдерживать больше, чем остальные.

И тогда мир окончательно погрузился в хаос. Началась первая древняя война, жестокая и беспощадная, где сила решала всё.

Так продолжалось до тех пор, пока светлые древние маги, те, кто не запятнал себя убийствами и не позволил своей крови потемнеть, не объединились и не навели порядок. Они создали союз стран, установили законы, запретили насильственное отнимание магии и оставили лишь один путь её передачи — по наследству.

Мир изменился. Он стал более спокойным, более... контролируемым.

Но не безопасным. Потому что даже спустя столетия никто не знал, с какой силой может родиться человек... и сможет ли он её сдержать.

И двадцать лет назад всё снова рухнуло.

Появился Фодес.

Нарушая законы, он начал убивать магов и забирать их силу, и все были уверены, что его ждёт та же судьба, что и остальных до него — разрушение, смерть, безумие... но этого не произошло.

Он выжил.

И никто не мог понять, почему его тело выдержало то, что должно было его уничтожить. Но этого оказалось достаточно, чтобы в него поверили те, в чьих сердцах уже жила тьма. Он собрал армию... и начал охоту на самых сильных магов в мире.

И самой главной его целью стал Теодор Сильварис — лидер нашей страны, потомок древнего сильнейшего рода хранителей.

Отец Томаса. Моего Томаса.

Сердце дрогнуло, и я невольно прижала к груди руку с кольцом, чувствуя его тяжесть даже сквозь воду, будто в нём была заключена вся моя боль.

Фодес считал Теодора самым сильным, поэтому оставил его напоследок, и именно поэтому наша страна горела сильнее остальных, первой принимая на себя удар этой войны.

Я тяжело вздохнула, стараясь удержать дыхание ровным, но это было почти невозможно.

Что с моими родителями? Живы ли они? Успели ли сбежать?

Эта мысль жгла сильнее горячей воды, которой я пыталась смыть с себя кровь и грязь. Они жили далеко от столицы, в другом городе, и хотя нас разделяли тысячи километров, расстояние ничего не значило, когда мир рушится.

Когда началось нападение на колледж, я успела отправить им несколько сообщений... но сейчас я не знала, что с ними, и больше не могла с ними связаться.

И чем глубже я погружалась в свои мысли, тем тяжелее становилось дышать.

Что с моими друзьями?

С теми, кто был рядом со мной все эти годы...

С теми, с кем я смеялась, училась, жила...

Последний раз я видела их живыми — и больше не знала ничего.

Казалось, что весь мир вокруг меня раскололся на две части — там, где была моя прежняя жизнь, и здесь, где я по какой-то причине всё ещё оставалась жива.

Слёзы подступили, но я заставила себя сглотнуть их горечь.

Я взяла мочалку и яростно потёрла кожу, смывая последнюю грязь. Сильно, так, что кожа покраснела и начала жечь. Но я знала, что внутри я грязнее, чем снаружи. Гораздо грязнее. И никакая вода этого не смоет.

Я с силой бросила мочалку в угол и медленно опустилась в воду — полностью, с головой. Тёплая тишина накрыла меня, как одеяло. Всё моё тело оказалось под водой. Лёгкие были полны воздуха, и я могла оставаться под водой ещё какое-то время. Но я знала: момент, когда нужно будет вдохнуть, неизбежен. Я решила не встречать его.

Терпела. Не двигаясь.

Как будто неподвижность могла скрыть меня от боли.

Грудь сжалась. Воздух стремительно заканчивался. Я ощущала, как в лёгких разгорается пламя. Воздух закончился, и я невольно выдохнула.

Тело затрясло. Инстинкт рвался на свободу, требуя вдохнуть, жить.

Но я лишь крепче вцепилась в края ванны, удерживая себя там, где не было боли и не было мыслей.

Ещё немного...

Ещё мгновение — и темнота наконец обнимет меня...

Но в ту же секунду, как мысль о смерти коснулась моего сознания, ванна подо мной вдруг вспыхнула сотнями крошечных отверстий. Я не успела даже испугаться — вода мгновенно исчезла. Слилась в пустоту и пропала, будто её никогда и не было.

Пол остался абсолютно сухим.

А я, хватая ртом воздух, задышавшись, дрожала всем телом, откашливалась и одновременно ненавидела себя за то, что снова дышу.

Через секунду ванна снова была целой. Как ни в чём не бывало.

И тогда я поняла — нет, не поняла, вспомнила — что сказал Неймор.

Я не смогу убить себя. Даже если захочу.

Мой собственный мир, моя магия, моё тело — всё это больше не принадлежит мне. Теперь они подчинены другому.

Покой мне не обрести. Пока мой новоиспечённый господин сам не решит подарить его мне.

Я поднялась, взяла полотенце и спокойно — так спокойно, будто пару минут назад не пыталась утопить себя — вытерлась и укуталась в него. Полотенце было мягким, почти невесомым, и нежно скользило по коже, словно пыталось утешить меня.

Я вышла в комнату. Пространство освещала огромная люстра — сотни, нет, тысячи свечей, похожих на те, что стояли в ванной. Я только сейчас обратила на неё внимание, хотя не заметить её было невозможно. Свет был тёплым, густым, золотистым, и казалось, что сам воздух в комнате стал плотнее, будто в нём растворился мёд.

За окном, едва видимым из-за тяжёлой тёмной шторы, уже давно стояла ночь. Густая, как чернила. Ни огней, ни звёзд — только безмолвная, бесконечная тьма.

Я легла на кровать — на эту огромную, неестественно мягкую кровать, которая будто обнимала меня, стоило только коснуться простыней. Глаза закрылись сами, и я провалилась в сон.

Мне приснилось, что я счастлива. Мы сидели у меня дома: я, родители, друзья. Мы пили чай, смеялись, перебивали друг друга, говорили о каких-то пустяках и улыбались — легко, свободно, по-настоящему. В этом сне не было ни боли, ни страха, ни этой страшной реальности.

Но это был лишь сон.

Сон, который уже никогда не станет явью.

Глава 4 Игра

Лана

Яркий свет пробился в тонкую щелочку между шторами и лёгким золотым отблеском озарил комнату. Лучи, играя на бордовой обивке кровати и одеяле, добирались до моих закрытых глаз, и я — с огромным нежеланием — словно выпорхнула из чудесной страны сновидений. Теплота в груди от доброго сна рассеялась, будто её сдул холодный ветер, и на её место вернулась боль потери.

— Я так надеялась, что это сон... — прошептала я себе под нос. — Почему... почему это просто не кошмар? — почти простонала.

Мне совсем не хотелось возвращаться в эту реальность. Хотелось снова закрыть глаза и провалиться в забытье, где ничего из этого не существовало.

Я уткнулась лицом в подушку и накрылась одеялом с головой.

Я не знала, что будет дальше. Не знала, смогу ли сбежать отсюда. Не знала, что стало с моими близкими. И каждая из этих мыслей была слишком тяжёлой, чтобы позволить себе думать о ней.

Почему-то мне казалось, что впереди меня не ждёт ничего хорошего.

Поэтому я просто лежала, прячась в постели.

За дверью слышались шаги. Сердце дёрнулось — только бы не Неймор. Его надменная физиономия с утра пораньше была последним, что я хотела бы видеть.

Дверь открылась. Кто-то тихо вошёл. По шагам я сразу поняла — это не он. И это напугало меня ещё сильнее, ведь я не знала, чего ожидать от своего «пребывания» здесь. Я сильнее вжалась в подушки, натягивая одеяло выше, почти до глаз. Я была совершенно голой, и лишь тонкая ткань отделяла меня от чужих глаз, от чужого мира, в который меня насильно втянули.

Я осторожно сдвинула одеяло и выглянула.

Передо мной стояла женщина средних лет в длинном чёрном платье и белом фартуке. Её волосы были собраны в аккуратный пучок, ни одна прядь не выбивалась, и в руках она держала какие-то красные вещи.

Она бегло осмотрела комнату и лишь потом посмотрела на кровать, чуть прищурившись.

Горничная.

Я молчала, наблюдая за ней из-под одеяла, не двигаясь, словно любое лишнее движение могло выдать мою слабость.

Её взгляд скользнул по краю кровати... задержался... и остановился на моём лице, едва видневшемся из-под ткани.

Увидев, что я смотрю, она вежливо наклонила голову.

— Доброе утро, мисс Ланивея. Пожалуйста, вам нужно одеться и спуститься вниз. Господин Неймор ожидает вас, — спокойно произнесла она, с таким спокойствием, будто всё происходящее было в порядке вещей.

— Можно просто Лана... — пробормотала я, машинально морщась. Моё полное имя неприятно резало слух, тянуло за собой ту холодную формальность, которую я всегда избегала.

Я стянула одеяло с головы и, всё ещё сидя на полотенце, плотнее закуталась в него, устраниваясь на краю кровати так, словно ткань могла защитить меня от всего происходящего.

— Как вас зовут?

— Моё имя Феодора, госпожа, — ответила она, глядя на меня мягко и безмятежно. — Я буду вашей прислугой. Вы можете обращаться ко мне по любому поводу.

— О нет, пожалуйста... — торопливо заговорила я, сама не заметив, как сбилась на спешку. — Я не госпожа. Прошу вас, Феодора, не называйте меня так. Зовите меня просто Лана. Я здесь не по своей воле и уж точно не похожа на... хозяев этого замка.

Даже мысль о том, что кто-то может поставить меня рядом с Неймором и его семьёй, вызывала внутри неприятный холод. Слишком далёкие. Слишком тёмные. Люди, в чьих сердцах, казалось, давно не осталось ничего живого.

Феодора едва заметно улыбнулась и понимающе кивнула, но в её взгляде не было ни удивления, ни сочувствия — лишь спокойное принятие. Похоже, она уже слышала подобное не раз.

— Хорошо, мисс Лана. Одевайтесь, пожалуйста. Господин ждёт вас.

Она подошла ближе и протянула мне вещи.

Красная шёлковая ткань мягко скользнула по моим пальцам — и у меня сразу нехорошо ёкнуло внутри. Развернув одежду, я онемела: глаза расширились, щеки вспыхнули. Я не могла произнести ни слова. Только смотрела, хлопая ресницами.

Ярко-красный корсет с золотой застёжкой вдоль груди. Шёлковая юбка — короткая спереди, длинная и многослойная сзади: настоящий хвост, наверняка до самого пола. Миниатюрные прозрачные туфли на тонкой шпильке. И самое ужасное — не намек на бельё.

Меня ударило, как пощечиной. Злость поднималась медленно, но неуклонно — как кипящая вода.

Да уж. Ещё бы пару красных перьев в волосы — и получилась бы прекрасная дешёвая проститутка из борделя.

Это было издевательство. *Что он пытается этим сказать? Показать, что я — никто? Кукла? Игрушка?*

Меня накрыло тошнотой.

Я резко отшвырнула одежду, будто обожглась.

— Да пошёл ты, Неймор, — злобно, сквозь зубы прошипела я.

Вскочив, всё ещё закутанная в полотенце, я бросилась в ванную. Мне нужны были мои вещи — рваные, грязные, пропитанные чужой кровью... но родные. Но их не было.

— Чёрт... — выдохнула я, злобно уставившись на пустой пол.

— Мисс Лана, ваши вещи по приказу господина были уничтожены, — спокойно пояснила Феодора. — Он велел принести вам этот комплект одежды. Пожалуйста, наденьте его и спускайтесь.

Меня трясло. Я не хотела играть по его правилам, не хотела выглядеть посмешищем. Хотела придушить этого наглого блондина, этого извращенца. Что он вообще себе позволяет? За кого держит меня?

Но каждый раз, когда внутри вспыхивал очередной протест, в голове звучал холодный ответ: *Ты его заложница. В его доме. Ты ничего не можешь сделать.*

Злость медленно сменилась отчаянием. *Что мне делать? Что?*

Ответа не было.

Слёзы подступили, но я резко замотала головой.

Нельзя. Нельзя плакать. Нельзя жалеть себя. Я сжала кулаки, ногти больно впились в ладони — это помогало удержаться от слабости.

Собрав всё, что осталось от сил и гордости, я вернулась в комнату, подошла к кровати и села. Феодора по-прежнему стояла тихо, словно тень, но её взгляд теперь был мягким, сочувствующим.

— Мисс Лана... — начала она, но я подняла руку, прерывая.

— Я останусь здесь, — сказала я твёрдо. — У меня нет ни малейшего желания надевать это.

— Господин будет недоволен, мисс Лана.

— Мне плевать на его мнение, — тихо сказала я. В голосе уже не было ни злости, ни ярости. Только усталость и пустота. — Пусть засунет его себе куда-нибудь подальше.

— Хорошо, — кивнула Феодора и вышла.

Я сидела на краю кровати, уставившись в стену, и чувствовала, как меня разрывает изнутри. Страх и отчаяние плотно сжались вокруг моего сердца, а осознание того, в каком ужасном положении я оказалась, давило сильнее, чем сама реальность.

Я — игрушка в руках избалованного мальчишки.

Что у него в голове? Что он собирается делать со мной дальше?

Ответ я знала... но не хотела принимать. Я будто намеренно обманывала себя, отталкивая самые страшные мысли.

Пальцами я теребила край полотенца, плотно обёрнутого вокруг моего тела. Оно казалось мне куда безопаснее, чем та красная «одежда», которую пытались всучить.

За дверью слышались тяжёлые, уверенные шаги. Тут же холодок пробежал по спине. Я мгновенно вскочила, прижала руки к груди, будто это могло ещё хоть как-то меня защитить, и замерла, глядя на дверь.

Через мгновение она распахнулась, и в комнату вошёл он — Неймор.

Спокойно. Медленно. Так, словно ничего особенного не произошло. Только еле заметная тень раздражения скользнула по его лицу.

— Тебе нужно отдельное приглашение, Ланивея? — произнёс он бархатным голосом, в котором играла язвительная издёвка.

— Служанка передала, что ты не хочешь надевать одежду, что тебе принесли, — продолжал он, прогуливаясь по комнате, его взгляд не сводился с меня. — Я ожидал хотя бы каплю благодарности за твоё спасение. А ты воротишь нос, как маленькая принцесса!

Он резко повернулся ко мне и вскинул руки в стороны — театрально, вызываясь, словно ожидая аплодисментов.

Я скрестила руки на груди, пытаюсь хоть как-то укрыться от него, но это было невозможно. Я чувствовала, как он меня разглядывает — слишком тщательно, слишком пристально, и это было мерзко. Казалось, он видел меня насквозь, вытаскивая всё, что я пыталась скрыть. Всё, что я пыталась забыть.

Да, я привыкла к его надменности.

Да, в колледже он нередко позволял себе колкости — но там он всегда вымещал злость на Томаса, а меня зацеплял лишь «по касательной», не затрагивая глубже. Если мы оставались одни, он просто проходил мимо, будто меня не существовало. Я была невидима, пустым местом для него.

Но сейчас всё было иначе. Его внимание было направлено только на меня. Острое, сверлящее. Я чувствовала, как это пронзает меня. И это задевало куда сильнее, чем все его издёвки вместе взятые.

— Или это всего лишь предлог...? — протянул он, хищно прищурившись.

Он ухмыльнулся — медленно, опасно — и двинулся ко мне.

— Тебе хочется поиграть? — спросил он тихо, приближаясь слишком близко, гораздо ближе, чем мне хотелось бы.

Я отступила назад, пока не упёрлась ногами в кровать — дальше отступать было некуда. Его близость давила. Сердце забилося так сильно, что, казалось, сейчас вырвется наружу, и я мысленно умоляла его остановиться, просто остановиться и не делать этого шага.

— Я не хочу с тобой играть, Неймор, — торопливо произнесла я; слова спотыкались друг о друга, но я всё равно заставляла себя говорить, надеясь, что это его остановит.

— Если тебе нужны игры... сними проститутку! Ты достаточно богат. Можешь позволить себе самую восхитительную девушку!

Его взгляд буквально прожигал меня. Пронзал.

Но он остановился.

Он всё ещё стоял слишком близко — опасно близко, — но хотя бы не сделал следующего шага. Между нами оставалось крошечное, почти символическое расстояние, за которое я цеплялась, как за последнюю защиту.

И именно в эту паузу меня предало собственное сознание.

Воспоминание вспыхнуло внезапно.

Тот давний момент... Когда он стоял ко мне так же близко. Когда от этой близости не хотелось бежать.

Когда я смущалась. Краснела. Теряла дар речи.

Я резко попыталась вытолкнуть это из головы, загнать глубже, уничтожить — но было поздно.

Щёки вспыхнули, будто их облили кипятком. Лицо запылало так сильно, что стало почти больно.

Я знала — он заметил. Это невозможно было скрыть.

И от этого стыд начал просачиваться под кожу, разъедавая изнутри.

Эта слабость... ещё один повод для его издёвок.

— Лана, поверь, — его голос звучал мягко, почти ласково, но в этой мягкости чувствовался яд, — куда приятнее иметь свою личную проститутку.

Он ухмыльнулся и слегка наклонил голову, разглядывая меня по-новому.

Его слова ударили. Слишком точно и больно. Словно подтвердили то, о чём я сама боялась думать.

О том, зачем я ему на самом деле нужна.

— А знаешь... меня даже заводит то, как ты смущаешься. Как краснеешь. Как пытаешься строить из себя недотрогу. — он сделал короткую паузу, наблюдая за мной. — Но я знаю... на самом деле... тебе это понравится.

Я подняла на него глаза.

Понравится? Как он вообще смеет говорить мне такое?

Его слова вспыхнули внутри, как искра в сухой траве. Я понимала, что он специально провоцирует меня, понимала это слишком хорошо — но сдержаться уже не могла. Всё, что произошло за последние дни, смешалось внутри в один болезненный ком, давящий на грудь и не дающий нормально дышать.

— Да что ты вообще о себе возомнил, чёров подонок... — прошипела я сквозь зубы.

Ярость вспыхнула так внезапно, будто внутри наконец сорвало последнюю преграду.

— Ты больной извращенец, — процедила я, глядя ему прямо в глаза. — Я ненавижу тебя.

Мне казалось, ещё немного — и между нами действительно полетят искры.

— Катись ты и твой господин в ад... и горите там вместе хоть целую вечность.

Слова сами вырывались, острые, как лезвия. И, кажется, он действительно не ожидал такого — усмешка исчезла с его лица. Он резко шагнул вперёд, схватил меня за полотенце прямо на груди и рывком притянул к себе.

Я обеими руками вцепилась в его запястье. Я понимала: ещё одно движение — и полотенца нет, и всё... далее он может сделать всё что угодно. Ярость мгновенно ослабла, уступив место волне паники. Я дёргалась, пытаясь вырваться, удержать ткань — но он был сильнее. Намного сильнее.

Секунда — и полотенце полетело вниз, бесшумно упав куда-то в сторону.

Я осталась совершенно голой.

Холод мгновенно обжёг кожу, заставив тело покрыться мурашками. Ноги дрогнули так сильно, что я едва удержалась на месте. Я поспешно прикрыла грудь руками, но это выглядело жалко и бесполезно. Спрятаться таким образом всё равно было невозможно.

Я попыталась отвернуться, скрыться хотя бы так, но Неймор тут же схватил меня за талию и притянул обратно к себе. Его пальцы обожгли кожу даже сквозь холод.

Я слишком остро ощущала каждое прикосновение — будто под его руками оживали все нервы разом. Напряглось всё: живот, рёбра, дыхание.

— Либо голой... — прошептал он почти мне в губы, так близко, что тёплое дыхание скользнуло по коже, — либо в шлюшьем наряде.

Глаза у него стали ледяными. Голос — стальным, холодным, беспощадным.

— И если ещё раз заговоришь со мной в таком тоне... — его пальцы больно впились в мою талию, так, что я вздрогнула всем телом, — отправлю тебя в подвал. К паукам.

Он резко отпустил меня, как ненужную вещь.

Даже не взглянул больше на меня.

Я дрожащими руками схватила юбку и завернулась в неё, как в спасательный круг. Ткань была холодной, жёсткой, и от прикосновения к голой коже я ещё сильнее почувствовала себя грязной и уязвимой. В груди что-то сбивалось, путалось — сердце билось слишком быстро и уже не справлялось с собственным ритмом.

Он тем временем шёл к двери — медленно, спокойно, словно ничего не произошло.

По пути он поднял с пола полотенце. Легко. Как будто это тоже принадлежало ему.

— Даю тебе тридцать минут, — сказал он, повернувшись лишь на секунду. Его голубые, ледяные глаза впились в меня — и я почувствовала, как по коже пробежал холод. — И, Лана... привыкай. Здесь всё по моим правилам

Он улыбнулся так ласково, что внутри всё сжалось.

— Я всегда найду, как тебя приструнить.

Он вышел, закрыв за собой дверь.

Я стояла, прижимая ткань юбки к груди, и одна-единственная мысль билась в голове: Как можно быть настолько двуличным? Настолько лживым?

Я вспомнила, как он когда-то улыбался мне. Как был добр — или делал вид, что добр. Как легко ему удалось обмануть меня, использовать... просто ради развлечения. Ради того, чтобы уязвить, унижить, поднять себя за мой счёт.

Как искусно он носил маску. А я... как глупая, поверила в неё. Поверила в улыбку. Поверила, что в нём есть что-то человеческое.

Сердце дрогнуло — старая рана, давно затянувшаяся, снова разошлась.

Слёзы покатались по щекам — горькие, едкие, словно ржавая вода. Я стирала их поспешно, почти яростно, пытаюсь вытереть саму боль, как кровь, проступившую изнутри.

Нет.

Я не могла позволить себе снова это чувствовать. Не сейчас.

Я глубоко вдохнула, загоняя всё внутрь — в самый тёмный, самый дальний угол, туда, где это не сможет меня сломать.

И проклинала.

День, когда поступила в колледж. Пару, на которую опоздала. Стул, на который села рядом с ним.

И ту проклятую улыбку, из-за которой моё сердце тогда забилось быстрее.

Глава 5 Встреча

Неймор 2,5 года назад

Orion White - Afraid of the Dark

На улице светило солнце, и стоял тот самый идеальный осенний день — прохладный, но не холодный, с лёгким сквозняком, который проникал в большой зал и касался моего лица, словно мягкая, почти морозная свежесть.

Шла до ужаса скучная пара по Истории.

Старый профессор сидел за огромным громоздким столом, перелистывал потрёпанный учебник и своим монотонным, протяжным голосом читал параграф за параграфом. Его интонация была такой убаюкивающей, что весь поток медленно проваливался в полусонное состояние: кто-то тихо перешёптывался, кто-то переписывался, кто-то уже откровенно дремал, не особо стесняясь, потому что даже преподаватель, кажется, давно смирился с собственной никчемностью.

И именно за это я любил этот предмет.

Когда в колледже нужно было выбрать обязательный дополнительный курс, я остановился на Истории — хотя она мало кого интересовала, да и меня, если честно, тоже. Но здесь можно было спрятаться от вечной суеты колледжа, от нескончаемой болтовни «друзей». Обычно на других парах рядом со мной сидел кто-то из них — хотя кого я обманываю? Какая дружба? Люди, которые тебя боятся; люди, что поддакивают из зависти; люди, готовые исполнить любой мой приказ, потому что я — сын древнего рода магов. Они не друзья. Они — стая, которая держится рядом лишь из выгоды.

Даже те, кто был из таких же влиятельных семей, ничем особо не отличались — всё те же подхалимы, только одетые дороже и говорящие увереннее.

И чем я от них отличался? Разве что тем, что *не получал удовольствия* от своей власти. Наоборот — она меня тяготила. Иногда до тошноты.

Поэтому История стала моим единственным островком покоя. Здесь, в тишине и однообразном бормотании профессора, я мог проваливаться в свои мысли и рассматривать собственную жизнь со стороны, как чужую, не слишком приятную картину, на которую кто-то зачем-то повесил моё имя.

А думать было о многом.

Третий курс. Учёба давалась легко, да и желания продолжать учиться у меня особо не было. Будущее казалось туманным, потому что шла магическая война. Фодес захватывал всё больше территорий, убивал магов, рушил города и собирал вокруг себя новых приспешников.

И одним из них был мой отец.

Не просто человек где-то рядом. Не очередной трусливый чиновник, делающий вид, что ничего не происходит. Нет. Эварион Дракморн был его соратником. Другом. Тем, кто годами двигал эту войну изнутри, сидя на высоком месте в правительстве и улыбаясь всем своей безупречной холодной улыбкой.

Никто не обвинял нашу семью открыто, но слухи ползли за нами повсюду.

Я рос внутри этого дерьма с самого детства.

Статус сына древнего мага не позволял расслабиться ни на секунду. Отец учил меня манерам, выдержке, самоконтролю и тому, как смотреть на людей так, чтобы они первыми опускали глаза. А слухи о Фодесе научили другому: иногда люди ненавидят тебя ещё до того, как ты откроешь рот. Просто из-за фамилии. Из-за того, кем ты родился.

Наверное, именно поэтому я всё чаще вспоминал замок у моря, где жила бабушка по материнской линии.

Горячий золотой песок. Солёный ветер. Тёплые волны.

Я бегал босиком вдоль берега, гонял чаек, прятался среди скал и делал вид, что не слышу, как бабушка зовёт меня ужинать с каменной террасы. Тогда мне казалось, что если бежать достаточно быстро, можно никогда не возвращаться туда, где тебя снова ждут правила, титулы, фамилия и вечное чувство, будто ты обязан быть кем-то другим.

Тогда мир казался простым и добрым.

Глупо, конечно. Но в детстве я ещё умел верить в такую чушь.

Но уже тогда я был Неймором Дракморном, сыном Эвариона Дракморна. И быть просто ребёнком мне не позволяли.

Я пытался. Пытался дружить, быть нормальным. Но стоило кому-то услышать мою фамилию — в глазах вспыхивал страх. Или презрение. Или всё сразу.

А потом я просто устал что-то доказывать.

Если весь мир заранее решил, что я подонок, — значит, проще было им стать.

Надменным, уверенным, дерзким наследником.

Даже когда мне было страшно. Никто не знал меня настоящего. Да и плевать всем было, какой я на самом деле.

Даже родителям.

Отец мечтал вылепить из меня свою копию — холодную, расчётливую, безупречную, чтобы я стоял рядом с ним и выглядел так, будто вместо сердца у меня тоже аккуратно вставлен кусок льда. А мать... мать почти не участвовала в моём воспитании.

Я часто вспоминал портрет, который висел в нашем замке: мы втроём, красивая «идеальная» семья. Такие правильные, такие аккуратные, такие... пустые. Точно фарфоровые куклы, вылепленные искусным мастером, но абсолютно лишённые души.

Ни эмоций. Ни тепла. Ни любви.

— Любовь — это слабость, — говорил мой отец. — Если хочешь выжить, никто не должен быть тебе дорог. Ни я, ни твоя мать.

Он повторял это так часто, что фраза впилась в меня, как татуировка на коже. И заодно объясняла его отношение к нам: если бы возникла необходимость, он бы пожертвовал и мной, и матерью, даже не задумываясь.

Долгое время я жил так, как он хотел: развлекался, использовал людей, манипулировал, упивался властью и деньгами.

Но чем старше становился, тем сильнее чувствовал усталость. Эту давящую, постоянную усталость.

И поэтому мне хотелось, чтобы меня просто... оставили в покое. Чтобы я мог уехать в замок бабушки у моря. Жить там тихо, спокойно.

Без власти. Без титула. Без фамилии Дракморн.

От этой мысли стало тоскливо.

Слишком простая мечта для человека вроде меня.

И, наверное, именно поэтому она никогда не могла стать реальностью.

От тяжёлых мыслей меня отвлек стук в дверь. Она распахнулась, и в кабинет вошла русоволосая девушка. Я видел её впервые.

— Прошу прощения, профессор, — тихо произнесла она.

Её взгляд метался по аудитории. Она была явно взволнована и смущена.

— Ах, мисс Фортвел, проходите! — профессор поднялся, подзывая её к себе. — Да-да, мне сообщили о новых студентах...

Новенькая? И сразу на третий курс, да ещё посреди года?

Профессор начал рыться на столе в поисках каких-то бумаг. Девушка приблизилась, переминаясь с ноги на ногу, теребя пальцами ремешок сумки и избегая смотреть на студентов. Она прекрасно понимала, что все пялятся на неё. Сонная атмосфера класса была разрушена, и, конечно, всем сразу стало ужасно интересно, кого к нам занесло.

Профессор, наконец, нашёл нужную бумагу и обратился к студентам:

— Внимание! Это мисс Фортвел, новая учащаяся. Переведена с другого колледжа. Подробности расскажет директор во время обеда. Проходите, мисс Фортвел, садитесь.

Он сказал это как-то скомкано, и девушка будто бы смутилась ещё сильнее. Она быстро оглядела аудиторию в поисках свободных мест — их было минимум три. Но, не колеблясь ни секунды, направилась прямо к моей парте.

Я наблюдал, как она приближается, и не верил своим глазам. Она действительно идёт сюда?

Даже ничего не спросив, она отодвинула стул, села рядом и стала судорожно доставать учебник и тетради.

В аудитории повисла гробовая тишина. Никто не смел даже шепнуться — только хлопали глазами, наблюдая за этой картиной.

А я... я потерял дар речи. Мои глаза расширились от такой смелости.

Смелая девчонка. Просто так сесть рядом...

Я весь напрягся, словно струна, натянутая до предела, и на миг мысли исчезли, будто их смыло резкой волной. Осталось только настороженное ощущение внутри.

Я украдкой поглядывал на неё, не понимая, что она делает и зачем.

А она была симпатичной.

Даже очень.

Короткая юбка, длинные ноги, белая рубашка, подчёркивающая грудь, милое лицо, мягкие черты — ничего вызывающего, никакой этой дешёвой попытки сразу броситься в глаза. И всё же взгляд цеплялся.

Зачем она села рядом?

Может, это была очередная попытка приблизиться ко мне — странная, обходная, будто случайная. Очередная фанатка? Несмотря на мою репутацию, многие девушки мечтали оказаться в моей постели, считая близость со мной чем-то вроде пропуска в круг избранных.

Но она...

Она была другой.

Совсем не похожей на них.

Она сдвинулась на самый край парты, словно между нами проходила невидимая черта, которую она не решалась переступить. Плечи чуть приподняты, руки скрещены, пальцы едва заметно скользят по предплечьям, будто она пытается спрятать волнение. Губы сжаты, взгляд опущен, а на щеках проступил слабый румянец.

Она даже не смотрела на меня.

Не потому что боялась. Скорее потому, что смущалась.

И почему-то именно это зацепило меня сильнее, чем любая наглая попытка понравиться.

Стоп... Она не знает, кто я.

Мысль ударила резко — и в тот же миг внутри что-то отпустило, ослабло, словно тугой узел внезапно развязался.

Странная волна прошла по телу, а в голове вспыхнула такая заманчивая мысль, что я даже на секунду забыл про профессора, про аудиторию и про всех этих любопытных идиотов вокруг.

Если она новенькая, значит, вряд ли кто-то уже успел рассказать ей обо мне. О моей семье. О Дракморнах. О том, каким подонком я, по всеобщему мнению, обязан быть с рождения.

Огоньки вспыхнули в глазах, сердце забилося быстрее.

А вдруг она правда ничего не знает?

Эта мысль затуманила разум сильнее любой магии.

Мне просто нужно было... на секунду... снять маску. Стать собой. Настоящим. Хотя бы попробовать, пока эти сонные дебилы не успели открыть рты и всё испортить.

Ладони неожиданно стали влажными.

Отлично, Неймор. Просто прекрасно. Великий будущий хранитель, перед которым половина колледжа боится дышать лишний раз, занервничал из-за одной новенькой.

Я заставил себя успокоиться.

Глубоко вдохнул... и повернулся к ней.

— Привет, — тихо прошептал я. — Как ты? Вижу, день не задался... но не переживай. История — точно не та пара, из-за которой стоит волноваться.

Я улыбнулся ей настолько искренне и тепло, насколько вообще мог. Получалось неидеально — надменная маска, которую я носил годами, будто въелась в лицо и теперь не хотела слезать просто потому, что мне, видите ли, вдруг захотелось быть нормальным.

— Привет... ты, наверное, прав, — она быстро взглянула на меня, улыбнулась и слегка покраснела. — Хотя это и дополнительный предмет, я не хотела опоздать даже на него.

Её взгляд скользнул по моему лицу, но так и не добрался до глаз, будто она всё ещё не решалась посмотреть прямо.

И это почему-то показалось мне забавным.

Даже милым.

— Меня зовут Ланивея Фортвел... но это как-то слишком вычурно. Лучше просто Лана, — тихо представилась она и всё-таки задержала свои синие глаза на моих.

— А я Неймор... — я сделал паузу. Мне было страшно назвать свою фамилию. Страшно увидеть в её взгляде то, что я видел всю жизнь: страх или презрение.

Камень будто висел на моей шее, не давая продолжить. Но выбора не было. Сейчас или никогда.

— ...Неймор Дракморн, — выдохнул я и улыбнулся ей снова, пристально глядя в эти синие, глубокие — как море — глаза.

Сердце замерло.

Но ни страха, ни отвращения я не увидел. Она продолжала улыбаться — и, на секунду отведя взгляд, задумалась.

— Дракморн... знакомая фамилия, — произнесла Лана. — Твой отец состоит в Совете? Я почти не поверил.

Вот и всё? Не «тот самый Дракморн»? Не испуг? Просто вопрос.

— Да, ты права, — прошептал я, всё ещё разглядывая её лицо, будто искал подвох. — Но меня мало интересуют его дела.

И это была чистая правда.

Я всё ещё ждал, что она что-то вспомнит. Что поймёт, кто мой отец. Что испугается, отвернётся. Но вместо этого я видел, как она постепенно расслабляется. Её смущение сменялось интересом, голос стал ровнее.

— А тут всегда такая сонная атмосфера? — спросила она, приподняв бровь.

Профессор по-прежнему монотонно читал параграф, не замечая ничего вокруг, будто сам давно покинул этот мир и оставил вместо себя унылую оболочку с учебником в руках.

— Да, абсолютно всегда, — тихо засмеялся я. И вдруг мне стало так легко, будто камень, который давил на меня всю жизнь, наконец свалился с плеч. Я вдохнул свободно, полной грудью. — Зато тут можно отдохнуть от суеты, расслабиться... или поболтать.

— А на какую специальность ты учишься, Неймор?

— Архитектор телепортационных систем, — ответил я с лёгкой усмешкой. — Но, если честно, здесь вряд ли могут научить меня чему-то новому.

Я чуть пожал плечами и добавил, уже не скрывая иронии:

— Мой отец владеет компанией по производству порталов и является действующим хранителем силы нашего рода — силы телепортации. Так что, по сути, мне суждено продолжить его дело.

— Вау, так ты будущий хранитель! — её глаза расширились от искреннего удивления. — Я никогда раньше не встречала хранителей... или будущих хранителей.

Она наклонилась чуть ближе, и в её голосе зазвучал неподдельный интерес:

— Значит, ты тоже умеешь телепортироваться?

— Да, — ответил я. — Хотя, конечно, не так впечатляюще, как мой отец. Но я могу перенестись отсюда куда-нибудь за несколько километров. И даже взять с собой одного пассажира.

— Как это круто!

Она подперла ладонью щеку и посмотрела на меня почти мечтательно.

Это безумно забавляло. В том обществе, где я вырос, никого не впечатляло то, что я умею. Для них это было чем-то само собой разумеющимся: ну да, телепортация, древняя сила, очередной наследник с богатой фамилией — проходите дальше, ничего нового.

А она смотрела так, будто я только что показал ей настоящее чудо.

Я невольно улыбнулся ещё шире и спросил:

— А ты на кого учишься?

— Я... на юриста, — чуть смущённо ответила она. — У моих родителей свой маленький антикварный магазин, так что они тоже занимаются бизнесом, как и твой отец. Но я решила пойти другим путём. Да и сверхсил у меня нет...

Тоже занимаются бизнесом.

Это было громко сказано, но я промолчал. Мне не хотелось разрушать это странно тёплое и лёгкое общение.

Она рассказывала о себе так спокойно, будто мы с ней были одного уровня. Будто между нами не было той пропасти, которая обычно отделяла меня от других людей. Но все же я не понимал, как обычная волшебница могла оказаться в этом колледже, тут учились в основном дети из древних родов или те, кто родился со сверхсилой.

— А в каком колледже ты училась и почему тебя сюда перевели? — спросил я.

— В Годдарте. Это небольшой город на юге страны. Я оттуда родом. Там был старый колледж права... — она на секунду замолчала и чуть поёжилась. — Но его разгромили сторонники Фодеса. Всех студентов распределили по разным колледжам, меня же и немногих других пригласили доучиваться здесь... организовав для нас целый новый курс. Так как ранее на юристов тут не учили...

— Это печально. Сочувствую, — тихо ответил я, пряча взгляд.

Мне вдруг стало стыдно. Будто я сам имел к этому какое-то отношение.

— Никто не пострадал, и это самое главное, — сказала она, пытаясь улыбнуться. — А можешь рассказать мне о колледже?

— Конечно.

Я отвлёкся почти сразу и, сам того не заметив, начал рассказывать ей об учёбе, преподавателях, студентах — обо всём подряд. О том, какие пары можно спокойно проспять, какие профессора делают вид, что им не плевать, а какие действительно способны испортить жизнь одним вопросом. Я даже рассказал про пару мест в замке, куда лучше не заходить, если не хочется потом полчаса искать выход и выглядеть как идиот.

Мы просто болтали. И смеялись.

Я говорил так много, что сам удивлялся себе.

Но остановиться не мог. И, если честно, не хотел.

Я не хотел, чтобы этот момент заканчивался. Не хотел возвращаться в тот жестокий мир, где мне снова придётся надеть свою маску. Где я снова стану тем Неймором, которого все привыкли видеть.

В груди разливалась тёплая волна — как будто после долгой холодной дороги я наконец вошёл в тёплый дом.

Мне было приятно. И больно. И странно хорошо.

И мне это нравилось.

Нравилось то, что нашёлся человек, который не знает, кто я. Не знает, кто моя семья. Не смотрит на меня как на угрозу.

Я оставался внешне спокойным, улыбался, разговаривал, но внутри меня загорелось что-то тёплое и яркое.

Надежда.

Надежда, что я смогу подружиться с ней. И просто... побыть собой.

Когда прозвенел звонок, я разочарованно выдохнул. Как же быстро пролетело время. Впервые за все время посещения этой пары.

Мы начали собираться, как и остальные студенты. Они спешили покинуть аудиторию — казалось, каждый был в своих мыслях, но я чувствовал их косые взгляды, перешёптывания.

Что они думали? Наверняка — что я пытаюсь её соблазнить... или поиздеваться. Больше ничего от меня никто никогда не ожидал.

Я смотрел на них так, что они невольно съёживались, проходя мимо.

Но девушки всё равно бросали Лане сочувствующие взгляды, будто она уже попала в лапы чудовища и теперь оставалось только тихо молиться за её спасение. Она же ничего этого не замечала — всё её внимание было приковано ко мне. И я... я наслаждался этим.

— Лана, какая у тебя следующая пара? И в каком кабинете? — спросил я, собирая вещи.

Мне совершенно не хотелось прерывать разговор. Хотелось ещё немного потянуть это странное, почти невозможное чувство свободы — просто идти рядом, говорить о всякой ерунде и не видеть в её глазах ни страха, ни презрения.

Я нервничал, как последний идиот, но, конечно, старался не показывать.

— Правоведение. Четыреста пятьдесят пятый кабинет, — ответила она.

— Тебя проводить? — я поймал её взгляд.

— Буду благодарна, — улыбнулась Лана. — Не хочу опоздать и на эту пару.

Её улыбка была словно луч света, пробившийся сквозь вечный мрак, которым завесило моё сердце.

Слишком красиво звучит. Но именно так я это и почувствовал.

Мы вышли из аудитории, и я повёл её в нужном направлении. Шли медленно, непринуждённо разговаривая, и это, конечно, не осталось незамеченным. Студенты наблюдали, перешёптывались, рассматривали нас так, будто увидели редкое магическое явление: Дракморн кого-то провожает и почему-то ещё не испортил человеку жизнь.

Но стоило мне встретиться с кем-то взглядом — и он мгновенно отворачивался.

Забавно, как быстро у людей пропадает любопытство, стоит посмотреть им прямо в глаза.

Я чувствовал себя хищником, который ведёт свою добычу мимо стаи гиен, готовых разорвать всё, что выглядит слишком светлым и живым.

Только Лана не была добычей.

Она была тем единственным, что мне вдруг до боли захотелось защитить.

И чем дольше мы шли, тем сильнее я понимал: совсем скоро кто-нибудь расскажет ей правду.

Обо мне.

О моей семье.

О слухах, которые тянулись за фамилией Дракморн, как гниющий шлейф.

И тогда эта улыбка исчезнет.

А тепло в её синих глазах больше никогда не коснётся меня.

— Лана! Лана! — закричала невысокая девушка с кудрявыми каштановыми волосами и замахала рукой, когда мы подошли к нужному кабинету. Затем она поспешно побежала к нам.

— Я писала тебе, ты что, не видела? — тревожно заговорила она. Девушка переминалась с ноги на ногу и взволнованно смотрела на Лану, а затем стала украдкой поглядывать на меня, видимо заметив, что мы пришли вместе.

— Прости, я не видела, — виновато ответила Лана. Она посмотрела сначала на меня, потом на подругу.

— Это Милания, моя подруга. Мы приехали вместе. Она тоже учится на юриста, — представила нас Лана.

— А это Неймор Дракморн. Мы познакомились на истории, и он любезно проводил меня до кабинета.

Милания посмотрела на меня, слегка округлив свои карие глаза. В них мелькнуло явное недоумение — то самое, когда человек пытается понять, что вообще происходит и с какой стати рядом с его подругой стоит парень, которого будто вынесли сюда с обложки какого-нибудь дорогого журнала для богатых идиотов.

Она прикусила нижнюю губу, заметно занервничала, потом едва улыбнулась, кивнула — и вдруг покраснела.

Её реакция мне понравилась.

Я едва заметно ухмыльнулся и чуть потёр нос, пряча свою улыбку. Я привык, что девушки так смотрят на меня в первые минуты: чуть растерянно, слишком внимательно, будто не сразу верят собственным глазам.

Это льстило, чего уж скрывать.

Я знал, как выгляжу, и никогда не страдал от лишней скромности. Скромность вообще странная штука: обычно её требуют те, кому особо нечем гордиться.

Но чаще всё быстро менялось. Либо я сам их отпугивал, когда получал то, что мне было нужно, либо они понимали, что перед ними не просто богатый будущий хранитель, а тот самый Дракморн, который по самые уши погряз в чужих сплетнях.

Но сейчас я не опасался.

Я был уверен: Милания тоже не знает, кто я. А значит, можно было не переживать, что она вдруг откроет Лане глаза раньше времени и испортит мне этот редкий, почти невозможный шанс.

— Приятно познакомиться, — сказал я и улыбнулся ей во все свои тридцать два зуба, так широко, как только мог.

— Мне тоже, — тихо ответила она и снова повернулась к Лане. — Нам пора в кабинет. Она взяла подругу за руку.

— Спасибо, Неймор! — поблагодарила меня Лана и подарила ещё один тёплый взгляд.

— Пожалуйста. Ещё встретимся? — предложил я уверенно, хотя внутри всё равно шевелились страх и сомнение.

— Конечно! До встречи! — она провела рукой по своим длинным, слегка выющим русым волосам, развернулась и вошла в аудиторию.

Я остался стоять у двери, всё ещё чувствуя на себе её последний взгляд.

И, чёрт, мне хотелось, чтобы он задержался ещё хоть на секунду.

Я смотрел в пустоту, всё ещё не веря, что это произошло.

Что нашёлся человек, который улыбнулся мне искренне.

Не из страха, лести или выгоды.

Просто... искренне.

Я стоял, как ошеломлённый мальчишка, будто меня огрели чем-то тяжёлым по затылку. Тело не слушалось, сердце колотилось так жаростно, что отдавалось в горле и висках быстрыми, горячими толчками. Никогда в жизни я не испытывал ничего похожего. Мышцы будто оне-

мели, а под рёбрами разлилась тёплая дрожь, заставляя меня на секунду забыть, кто я и какую роль должен играть.

И вдруг будто прорвало дамбу.

Я резко сорвался с места и рванул в северную часть замка, туда, где находились мужские спальни. Бежал, перепрыгивая через две ступени, врезаясь плечом в стены, задевая проходящих студентов и даже не оборачиваясь на их возмущённые вскрики. Забыл о паре, забыл обо всём, кроме одной мысли, которая рвала меня изнутри.

Добежав до спальни, я влетел внутрь и, как и ожидал, застал там Дерека и Фина. Моих двух преданных прихвостней — или, как эти идиоты сами себя называли, «лучших друзей».

Оба высокие, крепкие, темноволосые, будто их вырезали из одного куска дерева и забыли вложить внутрь хоть немного здравого смысла. Как всегда — похмельные, полусонные, воняющие вчерашним дешёвым виски, который они пронесли в колледж с таким видом, будто им было десять, а не девятнадцать.

Но стоило им увидеть меня, они подпрыгнули как ужаленные. Глаза округлились, на лицах застыло тревожное выражение: *что-то сейчас будет.*

— Неймор, ты что, бежал?! — почти хором выдали они.

И правда. Зачем я бежал? Я же мог телепортироваться.

Отлично, Дракморн. Впервые в жизни понравилась девчонка — и ты уже носишься по замку, как придурок.

Я держался за дверной косяк, тяжело дыша, словно только что пробежал марафон.

— Так. Сейчас вы... — я сбился на выдохе, — идёте и всем нашим говорите, что война с Сильварисом и его друзьями на время прекращается.

Их глаза выпучились так, будто это заявление физически ударило их по черепу.

— До всех донести, — продолжил я уже увереннее, — чтобы вели себя тихо. Спокойно. Мирно. Никаких драк и провокаций. И... — я сжал кулаки, потому что следующее слово далось почти больно, — чтобы были добрыми и вежливыми. Настолько, насколько вообще способны.

У обоих лица перекосилились так, будто я приказал им надеть розовые балетные пачки и выйти танцевать перед всем потоком.

— И когда увидите меня с Ланой. С новой девчонкой. Ланой Фортвел, — я ткнул пальцем в воздух, словно ставил точку. — Не смейте даже приближаться. Ни при каких обстоятельствах. Никогда.

Я с грохотом сел на кровать, грудь всё ещё ходила волной, дыхание рвалось наружу.

Дерек — более сообразительный из двоих, что, если честно, не делало ему большой чести, — наконец смог сложить у себя в голове пару мыслей.

— А кто такая Лана Фортвел? И... что ты от неё хочешь?

Его туповатое лицо, эта жалкая попытка «понять», раздражали до судорог. Внутри меня всё перевернулось. Тёплое чувство, которое разожгла Лана, ещё пыталось удержаться, но привычная ледяная маска уже снова легла на лицо.

Я скривил губы в презрительной улыбке, медленно поднял взгляд и прожёл Дерека глазами.

— Хочу соблазнить её и поиграть с ней. Что непонятного?! — процедил я, почти срываясь на крик.

Это была ложь. Но сработало мгновенно — их лица расплылись в ухмылках, а глупый азарт блеснул в глазах. Они поспешно начали собираться, спотыкаясь о свои же вещи.

— Эй! — окликнул я их, когда они почти вышли за дверь. — Никому. Ни. Слова.

— Да, да, Неймор! Конечно! — затараторили они, опуская головы. Они знали цену неповиновению. Даже при их физической силе я мог разнести обоих одним движением руки. И они это прекрасно понимали.

Как только дверь закрылась, я просто рухнул спиной на подушку. Лёгкие наконец сделали нормальный вдох, грудь поднялась ровнее, но сердце всё ещё бешено билось, будто пыталось выскочить наружу.

Я закрыл глаза и увидел... её улыбку. Синие глаза — глубокие, как море моего детства. То самое море, в котором когда-то было тепло, свобода и что-то похожее на счастье.

Тепло разлилось по телу будто кто-то положил горячие ладони мне на грудь. Это чувство было таким новым, таким сильным, что я позволил себе просто... лежать и ощущать его.

Я был уверен: эти два идиота выполнят приказ. И даже если кто-то попытается рассказать Лане обо мне правду — это будет не скоро. А значит... у меня будет шанс.

Шанс общаться с ней.

Быть собой. Подружиться. Поболтать — так просто и легко, как не было в моей жизни уже давно. Без страха в её глазах, без опасений. Так, будто мы на одной волне, на равных.

Будто я простой парень, без имени, без фамилии, без этого чёртового наследия, которое висело на мне тяжёлой цепью. Будто я могу просто быть здесь и сейчас, таким, какой есть.

Ведь я этого хотел... так давно. Просто вдохнуть полной грудью, ощутить это мимолётное чувство свободы.

И я был готов на всё, что угодно, лишь бы сохранить это странное, опасное, незнакомое ощущение... которое возникло во мне просто оттого, что я посмотрел в глаза девушки, которую видел впервые в жизни.

Глава 6 Завтрак

Лана

Моё положение было ужасным, и я прекрасно это понимала. Я всё так же стояла обнажённой, сжимая в руках юбку, которой тщетно пыталась прикрыть своё тело, — и никак не могла найти выхода из этой нелепой ситуации. Взгляд снова упал на ткань, которую я нервно перебирала пальцами. Надевать её всё ещё не хотелось, но это уже не казалось таким чудовищным, как минуту назад, до того, как Неймор пригрозил мне подвалом с пауками.

Он вообще слишком много знал обо мне. Знал, на что давить, где больно, где страшно, где тонко. И это бесило до внутреннего дрожания.

Мерзкий, жестокий сукин сын.

Мысли путались, свивались в плотные клубки, но в каждом из них я снова и снова проклинала его всем сердцем и каждой нервной клеточкой.

Хотя мне и не хотелось, я решила поторопиться. Разозлить Неймора я уже успела — продолжения не хотелось. Хватило и того, что я пережила за последние дни. Испытать на себе шевелящиеся паучьи лапки — нет, на это у меня не осталось ни сил, ни смелости. Может быть, в другой день, в другом мире я бы рискнула, бросила вызов этому больному на голову тирану... но не сегодня.

Поэтому, выйдя из ванны, я всё-таки надела на себя эти злосчастные вещи и подошла к туалетному столику.

Зеркало встретило меня тусклым, уставшим отражением. Вещи — какими бы откровенными они ни были — всё же выглядели на мне неплохо. Корсет аккуратно обнимал грудь, точно по размеру, подчёркивая линию тела. Юбка оказалась не такой короткой, как мне показалось в начале: мягкая шёлковая ткань падала на бёдра лёгкими волнами, спереди не доходила до колен всего на десять сантиметров, а длинный шлейф сзади почти касался пола. Всё это напоминало наряд театральной певицы.

Но из зеркала на меня смотрела не артистка.

На меня смотрела измученная девушка. В её синих глазах не осталось жизни — лишь усталость и боль, осевшие там слишком глубоко. Казалось, война забрала всё, оставив только оболочку, всё ещё похожую на прежнюю Лану. Синяки под глазами, потрескавшиеся губы, застывшее страдание на лице. На руках и плечах — следы чужой грубости и моей собственной неосторожности.

Стоило увидеть всё это, как тело сразу напомнило о себе тупой, ноющей болью.

Что он вообще нашёл во мне?

Я коснулась щеки кончиками пальцев, продолжая рассматривать своё отражение.

Разве такая девушка может кому-то нравиться?

Попытка улыбнуться провалилась — улыбка вышла жалкой и чужой. Хотя о чём я думаю? Ему это только в удовольствие. Я тут для того, чтобы страдать, расплачиваться за Томаса.

Глаза сами опустились к поверхности столика. Маленькие флакончики причудливых форм притянули внимание. Я взяла один из них — тонкий серебристый пузырёк с крышечкой в виде цветка, украшенный крошечными прозрачными камнями. Он был таким изящным, что я невольно улыбнулась одними уголками губ.

Любопытство победило. Крышечка легко поддалась, и в лёгкие хлынул аромат.

И мир исчез.

На его месте возник огромный цветочный сад, наполненный пионами и розами. Я чувствовала влажный воздух после дождя, капли на лепестках, которые едва касались моих паль-

цев. Я будто скользила между огромных, спелых бутонов, не ощущая веса тела, просто плыла в этом идеальном, нежном пространстве.

Исчезли страх, боль, Неймор и всё, что происходило последние дни.

Я просто была — здесь, среди цветов, рассеянная, спокойная, будто под чарами.

Но резкий крик прорвал этот мир, как стекло:

— Мисс Лана! Нет, так нельзя!

Крепкие женские руки вырвали колбочку из моих пальцев, и от резкого возвращения в реальность я только моргнула, растерянно глядя на Феодору, не понимая, что произошло. Мир вокруг будто слегка помутнел, как после пробуждения от слишком яркого сна.

Феодора быстро закрыла флакон, спрятала его в складках длинного фартука и наклонилась ко мне, внимательно тревожно рассматривая моё лицо. В её глазах мелькал искренний страх. Она искала что-то в моём взгляде, что-то очень важное, чего я сама не могла уловить.

— Всё в порядке, мисс Лана, — наконец выдохнула она с видимым облегчением и убрала колбочку глубже, будто боялась, что я снова протяну к ней руки.

— Что... это было? — спросила я, не моргая, всё ещё пытаюсь вернуться своим сознанием из сада в эту холодную комнату.

Она поджала губы и слегка кивнула на зеркало.

— Посмотрите.

Я обернулась — и мои глаза расширились так, что мне показалось, они сейчас выпрыгнут из орбит.

С лица исчезли все следы усталости. Синяки испарились, будто их никогда не было. Кожа стала гладкой, ровной, будто отполированной светом. На щеках появился нежный румянец. Губы стали мягкими и розовыми, словно их только что увлажнил утренний ветер. Волосы блестели, струились, словно в них вплели солнечный луч.

Лишь глаза. Они остались прежними — пустыми, тихими, пережившими слишком многое.

— Это духи преображения, — объяснила Феодора. — Они восстанавливают кожу, волосы... возвращают то, что было утеряно. Но пользоваться ими нужно очень осторожно: у них есть побочный эффект. Аромат вызывает зависимость, дурманит, как сильный наркотик. Стоит вдохнуть чуть глубже — и можно потерять рассудок.

Я не могла оторваться от своего отражения. Такой я была тогда... когда только приехала в колледж. Живая, светлая, красивая — в той наивной, девичьей красоте, которую тогда не ценила. Только теперь ресницы казались гуще, волосы лежали мягкой волной... Я не удержалась и слегка улыбнулась — и зубы будто стали на тон белее.

Но тревога неожиданно прорвалась сквозь это тепло.

— И... сколько это будет длиться? — спросила я, всё ещё рассматривая себя. — Когда я снова превращусь в утёнка?

Феодора едва заметно улыбнулась.

— О, нет, мисс Лана. Ничего не исчезнет. Духи не создают иллюзию — они лечат. Восстанавливают то, что уже существует. Убирают следы усталости, боли, переживаний.

— Я уже забыла, что когда-то была такой, — мой голос дрогнул, хоть я пыталась звучать ровно.

— Теперь вы сможете вспомнить, мисс Лана, — мягко ответила она. По её выражению лица я поняла: она заметила, как резко изменилось моё настроение.

Я смотрела на своё отражение, и во мне перемешались странные чувства. Мне нравилось, как я выгляжу — и в то же время становилось не по себе. Будто это неправильно. Будто уставшее лицо, которое я привыкла видеть, было настоящим — честным — а это... идеальное отражение казалось кукольным. Красивым, но оторванным от реальности.

Я медленно поднялась, ещё раз посмотрела на себя целиком. Теперь наряд совпал с лицом — слишком хорошо совпал.

Теперь я была... готова. *Красиво упакованная жертва, которую вот-вот поведут на встречу с дьяволом.*

— Куда мне идти? — сказала я спокойно, хотя сердце тревожно сжалось.

— Я провожу вас, — тихо ответила Феодора и направилась к выходу.

Я последовала за ней.

Мы вышли в длинный коридор. Он оказался куда больше, чем казался мне в тот ужасный момент, когда меня тащили сюда. Тогда всё слилось в серый кошмар — теперь же я разглядела детали.

Феодора повернула налево, и я молча пошла за ней, вслушиваясь в звук собственных шагов.

Стены были выкрашены в мягкий бежевый оттенок, поверх которого тонкими линиями тянулся едва заметный золотистый узор — похожий на паутину, мерцающую в полумраке.

Вдоль стены стоял резной столик, а на нём — тяжёлые подсвечники с десятками свечей. Я не сомневалась, что они, как и свечи в ванной, были заколдованы. И почему-то мысль проверить это вызвала непреодолимое любопытство.

Под ногами тянулся тёмно-зелёный ковёр — тот самый, который я заметила ещё тогда, когда меня волокли сюда силой.

От воспоминания по спине пробежал холодок, а синяки на плечах, уже побледневшие, но всё ещё болезненные, неприятно заныли.

Я резко мотнула головой, пытаясь вытолкнуть эти воспоминания из сознания.

Мы прошли всего несколько метров, когда мой взгляд сам собой остановился на двери напротив — слишком близко к моей комнате.

Она будто притягивала меня.

Я сразу поняла, кому принадлежит эта комната. *Ego*. Конечно же его.

Если уж Неймор решил сделать меня своей игрушкой, неудивительно, что держит рядом, на коротком поводке, под постоянным контролем.

Коварное любопытство вспыхнуло где-то глубоко внутри. Как выглядит его комната?

Я задержала взгляд чуть дольше, чем следовало, проходя мимо. Если бы не Феодора, ведущая меня по коридору, я бы точно не сдержалась и заглянула внутрь.

Наверняка там так же темно и мрачно, как и в его душе. Хотя... души у него, скорее всего, вообще нет.

Грусть тут же сменилась злостью, стоило лишь позволить образу этого белобрысого засранца всплыть в памяти. Я крепче сжала губы и пошла дальше.

В конце коридора разрастался мягкий свет, становясь всё ярче с каждым шагом. Когда мы подошли ближе, Феодора вдруг остановилась, слегка развернувшись ко мне и указав на лестницу.

— Спускайтесь в гостиную, мисс Лана. Господин Неймор ждёт вас внизу.

Передо мной тянулась длинная, идеально прямая лестница того же спокойного бежевого цвета с зелёным ковром.

— А ты... не пойдёшь? — прошептала я, чувствуя, как мольба вспыхнула прямо в глазах. Мне не хотелось спускаться туда одной. Не хотелось встречаться с ним так близко, так открыто.

Феодора посмотрела на меня с мягким, почти материнским сочувствием. — Не бойтесь, мисс Лана. Всё будет хорошо, — тихо произнесла она, хотя в её голосе звучало сомнение. Возможно, она просто не до конца знала, каким монстром может быть Неймор Дракморн.

Я вздохнула. Просить дальше было бесполезно. И сделала шаг вниз.

Спускалась медленно, крепко держась за поручень. Пусть туфли и были заколдованы, позволяя идти так легко, будто я в мягких тапочках, — страх всё равно жил где-то под сердцем.

Я боялась оступиться, кубарем скатиться вниз и услышать его довольный смех. Дарить ему такое удовольствие я не собиралась.

После нескольких ступеней передо мной открылась просторная гостиная. Светлая — слишком светлая, так что он на мгновение ослепил меня. Я зажмурилась, давая глазам привыкнуть.

Когда белая пелена исчезла, я сразу почувствовала на себе цепкий взгляд. Неймор сидел за большим столом, не отрывая глаз от меня.

Он следил за каждым шагом, изучая меня сверху вниз... На одно короткое мгновение мне показалось, что уголок его губ приподнялся, и в голубых глазах мелькнула тёплая тень. Но эта тень исчезла быстрее, чем я успела понять, была ли она настоящей.

Его лицо оставалось прежним — ледяным и оценивающим. Казалось, он ощущает каждую частичку моего тела, проникая внутрь, до самых глубин. Я поёжилась, пытаясь спрятаться, словно меня могла защитить лишь собственная тень.

Я отвела глаза — на свои руки, на стены, на мебель, на что угодно, лишь бы не встречаться с этим холодом. Подойдя ближе, я села на стул напротив него. На столе стояли разные блюда — тёплые булочки, фрукты, бутерброды. В моей кружке был налит чай.

Чтобы хоть чем-то занять руки, я взяла чашку. Сделала глоток. Чай оказался остывшим, и я машинально попыталась согреть его... но магии больше не было. Неловкость неприятно кольнула, но я сделала вид, что ничего не произошло, и потянулась к булочке.

Я была голодна до отчаяния. Казалось, прошли сутки или двое с тех пор, как я ела в последний раз.

Булочка оказалась тёплой, только что приготовленной. Сахарная глазурь ещё не успела застыть. Я надкусила — и сладкое, нежное тесто растаяло во рту. Я тихо выдохнула от удовольствия, и на лице невольно появилось выражение наслаждения. От такой простой, казалось бы, еды — обычной булочки с помадкой.

Но всё портил Неймор.

Он сидел напротив и всё так же пристально смотрел на меня, молча, будто изучал. Я украдкой поглядывала на него, стараясь не встречаться с его глазами.

Молчание между нами становилось всё тяжелее.

Я заёрзала на месте. Выдерживать его взгляд было всё труднее, и в конце концов я не выдержала.

— Может, ты всё-таки скажешь что-нибудь... — произнесла я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, — и перестанешь так меня разглядывать?

Неймор словно вынырнул из собственных мыслей и на его губах тут же появилась знакомая ухмылка.

— Потерял дар речи от твоего наряда, — протянул он, слегка склонив голову. — Уж слишком он тебе идёт. Думаю, тебе придётся ходить в нём постоянно.

Его издёвка раздражала до дрожи, но я заставила себя не реагировать так, как хотелось, и быстро перевела разговор туда, что действительно имело значение.

— Где мой браслет связи, Неймор? — спросила я, стараясь удержать голос спокойным. — Мне нужно связаться с родителями.

Слова прозвучали ровно, но сердце всё равно будто сдавило. Родители. Это было единственное, что сейчас имело значение. Мне нужно было знать, что с ними, что они живы...

Он перестал ухмыляться. Его лицо стало серьёзным.

— Браслет тебе больше не нужен, — сказал он после короткой паузы. — Он всё равно не будет работать, Ланивея. Ты лишена магии.

Я резко вдохнула.

— Но я должна связаться с мамой! Узнать, что с ними! Предупредить их о...

Я осеклась. Слова застряли где-то на полпути, и я растерянно заморгала, внезапно осознав, насколько это звучит бессмысленно.

О чём я вообще собиралась его просить? Ему ведь всё равно.

— Твои родители покинули страну. Они живы, — произнёс он, глядя прямо мне в глаза. — Так что успокойся.

На секунду мне показалось, что воздух стал плотнее. Я замерла и даже перестала моргать, посмотрела ему прямо в глаза.

Как он это узнал, так быстро... Он наверняка лжёт специально, чтобы я молчала и не задавала лишних вопросов.

— Почему я должна в это верить?.. — едва слышно спросила я, не отрывая от него глаз.

Он отвёл глаза в сторону, будто этот вопрос оказался для него неудобным, и тяжело вздохнул.

— Я знал, что тебя это будет волновать, — сказал он уже тише. — Поэтому узнал всё сразу, как только смог.

Я не понимала его и на мгновение между нами повисла странная пауза.

Потом он снова посмотрел на меня — пристально, слегка прищурившись. Я не отводила взгляд, хотя сердце билось сильнее.

— Мне не нужно, чтобы ты делала глупости.

— А Селина и Милания? — с надеждой спросила я.

Он помолчал. Совсем недолго.

— Больше я ничего тебе не скажу, Лана, — наконец ответил он. — Может быть, потом... если будешь хорошо себя вести.

Он спокойно сделал глоток чая, словно этот разговор не имел для него никакого значения, будто мои слова, мои страхи, всё происходящее — было лишь чем-то незначительным, не заслуживающим даже лишнего внимания.

Я лишь смотрела на кружку перед собой и молчала. Мне нечего было ему сказать. Мне хотелось верить его словам. Но Неймор слишком много раз лгал мне, глядя прямо в глаза.

Воцарилась гробовая тишина. Мне больше не хотелось ни есть, ни пить — и тем более терпеть его присутствие. Несколько секунд я молчала, собираясь с мыслями, прежде чем всё-таки решиться.

— Я позавтракала. Можно я пойду? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, без лишних эмоций.

— Не спеши, Ланивея... — ответил он, нарочно растягивая моё имя. — Я расскажу тебе правила этого дома. И, кстати, к своему господину следовало бы обращаться на «вы».

Началось.

Я закатила глаза, даже не пытаюсь скрыть этого. Эта привычка, кажется, действительно прилипла ко мне от него — как и многое другое, что я бы с радостью забыла. Общение с Неймором в колледже оставило след куда глубже, чем мне хотелось признавать.

Опять издевается. Хотя чего я ожидала? По-другому он, кажется, просто не умеет.

— Итак, запомни, — продолжил он, откинувшись на спинку стула.

— Я твой господин. Ты обязана слушаться меня во всём и выполнять любой приказ. Тебе запрещено выходить из своей комнаты без моего разрешения. Выходить ты будешь только тогда, когда придёт прислуга и даст тебе указания. Если тебе что-то понадобится — обращай к служанке, которая к тебе приставлена. За хорошее поведение будешь поощрена: я разрешу тебе выходить на улицу. За плохое — будешь наказана.

— И какие именно приказы я должна выполнять? — перебила его я.

Я уставилась на него, чувствуя, как поднимается злость. Плечи напряглись, пальцы сами собой сжались в кулаки.

— Например, завтракать, обедать и ужинать со мной, — ухмыльнулся он.

Это я переживу. Но по его тону было понятно: он имел в виду совсем не только это.

— Это всё?

— Ещё — не сопротивляться, когда я буду трахать тебя, — спокойно добавил Неймор, будто говорил о чём-то совершенно обыденном.

Я замерла. Брови сами поднялись вверх, дыхание перехватило.

Почему он говорит об этом так, будто это что-то само собой разумеющееся?

— Ты же понимаешь, что я не хочу этого и буду сопротивляться?

— Тебе придётся смириться, — невозмутимо ответил он. — И тогда возможно тебе будет приятно.

Я стиснула зубы. Каждое его слово бесило меня всё сильнее.

— Неймор... зачем тебе это? Неужели мало женщин, которые с радостью лягут под тебя? — спросила я, стараясь удержать голос ровным.

— Лана, другие женщины не возлюбленные Томаса, — спокойно сказал он. — Поэтому сейчас они мне не интересны.

Я вся сжалась, он говорил таким тоном, будто мы обсуждали погоду.

— Всё дело только в этом? Только из-за Томаса? — выдохнула я, чувствуя, как по телу проходит горячая волна злости. — И ради этого ты собираешься издеваться надо мной? Будешь делать мне больно?

Я уже не могла выносить этот разговор. Эта глупая ситуация выводила меня из себя, будто я участвовала в каком-то дешевом спектакле. Все его слова казались невероятной глупостью, и я не могла даже представить, что это правда, что это происходит со мной прямо сейчас.

— Я не сделаю тебе больно, если ты будешь покорной, — ответил он с легкой ухмылкой.

— А если не буду? Что тогда? Возьмёшь меня силой?

Неймор даже не моргнул.

— Лана, я могу одним щелчком пальцев связать твои руки и ноги магией. Ты не сможешь двигаться. Я могу даже заткнуть тебе рот, чтобы ты не кричала. Но... — он чуть склонил голову, — это будет слишком просто.

Он смотрел прямо мне в глаза.

Я чувствовала, что он получает удовольствие от моего сопротивления. Каждое моё движение, каждая тень раздражения на лице, каждая вспышка гнева — он наблюдал и наслаждался этим.

Я не хотела давать ему этого удовольствия.

Но и держать себя в руках становилось всё труднее.

Я сжала кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Пыталась говорить спокойно, ровно, но я уже была на грани.

Больше всего на свете мне хотелось вскочить и запустить в него магическую молнию. Пусть даже она не причинила бы ему вреда — зато точно стерла бы эту наглую, самодовольную ухмылку с его лица.

Но магии у меня больше не было.

Глаза всё чаще возвращались к чашке, в которой совсем недавно был чай.

С каждой секундой мысль заменить молнию этой чашкой казалась всё более разумной.

Я обхватила её ладонью и снова уставилась на него.

— Неймор... я не виновата в вашей вражде с Томасом, — тихо сказала я. — То, что ты будешь издеваться надо мной, ничего не изменит.

Я сглотнула.

— Он умер. Его больше нет в этом мире. Ты не сможешь сделать ему больно, издеваясь надо мной.

Мой голос предательски дрогнул. Слова о смерти Томаса давались тяжело.

В горле образовался болезненный ком, слёзы подступили к глазам, но я стиснула губы и заставила себя не заплакать.

Наверное, если бы Томас увидел меня сейчас, он бы гордился мной. Потому что выдерживать нападки Неймора Дракморна раньше получалось только у него.

Неймор ухмыльнулся и чуть подался вперёд, словно нарочно сокращая расстояние между нами.

— Лана... — тихо прошептал он. — Ты правда думаешь, что я бы упустил возможность владеть любимой девушкой Томаса?

Он склонил голову набок и продолжил уже томным голосом:

— Упустил бы возможность делать с тобой всё, что захочу? Представлять, как он смотрит с того света на свою любимую... когда его злейший враг доводит её до блаженства... когда она умоляет меня продолжить?

Он смотрел на меня таким взглядом, будто готов был взять меня прямо здесь, за этим столом.

Будто я вещь. Игрушка. *Трофей.*

По моей коже пробежали холодные мурашки. Рот невольно приоткрылся, дыхание стало тяжёлым. Я смотрела прямо ему в глаза, чувствуя, как напрягается лоб, а в груди поднимается глухое, почти животное сопротивление.

Я не могла принять его слова.

Не могла принять мысль, что у меня больше нет выбора. Что теперь Неймор распоряжается моим телом. Моей жизнью.

Он вдруг откинулся на спинку стула и тихо рассмеялся, запрокинув голову и на секунду глядя в потолок.

Но смех быстро исчез.

Лицо его резко изменилось. На нём снова появилась холодная, властная гримаса. Несколько секунд он смотрел мне прямо в глаза — пристально, тяжело.

А потом сказал, уже с явной ненавистью:

— Он будет смотреть с того света... и страдать. Смотреть, как ты стонешь под его врагом.

Я не выдержала.

Злость накрыла меня так резко, что я задрожала. Она вспыхнула, смешалась с кровью и рванула по венам.

Я смотрела на него так, будто ещё секунда — и я перепрыгну через этот проклятый стол, вцеплюсь ему в горло и придушу его собственными руками.

Я резко вскочила. Стул с грохотом отлетел назад и опрокинулся на пол.

— Я никогда не буду наслаждаться близостью с тобой! Никогда! — закричала я, сверля его взглядом, будто могла испепелить.

Мне нужно было уйти. Как можно дальше от него.

Я резко развернулась и быстрым шагом направилась к лестнице. Мне хотелось вернуться в свою комнату. Сейчас она казалась единственным местом, где я могла найти хоть какое-то укрытие от этого ублюдка.

Но всё оказалось не так просто.

Когда я уже практически дошла до лестницы, Неймор в ту же секунду телепортировался прямо передо мной.

Я вскрикнула и резко остановилась.

— Я разве разрешал тебе уйти? — с насмешкой спросил он, глядя мне прямо в глаза, и сделал шаг ближе.

Я ничего не ответила. Только начала медленно пятиться назад.

Страх поднимался во мне холодной волной. Я не хотела даже думать о том, что он может сделать.

Я быстро обернулась — и заметила дверь в конце гостиной.
Не раздумывая ни секунды, я рванула к ней.

Все мысли исчезли из головы. Остался только адреналин, пульсирующий в крови и толкающий тело вперёд.

Я слышала смех Неймора за спиной, но мне было всё равно. Я подлетела к двери, резко дёрнула ручку и вбежала внутрь.

Передо мной открылся длинный тёмный коридор, похожий на тот, что был рядом с моей комнатой. Бежевые стены с узорами тянулись вдоль него, а на них висели подсвечники. Один за другим они вспыхивали, чувствуя присутствие человека.

Я замерла на секунду, тяжело дыша, и быстро мотнула головой из стороны в сторону.

И сколько бы я ни вглядывалась, я не могла разглядеть его конец — ни слева, ни справа.
Куда бежать? Где выход из этого проклятого замка?

Медлить было нельзя.

Я резко скинула туфли, чувствуя, как холод пола обжигает ступни, и, не давая себе ни секунды на сомнение, повернула налево — но успела сделать всего пару шагов, как прямо передо мной, будто выросший из самой тьмы этого коридора, снова возник Неймор.

— Ты правда думаешь, что сможешь сбежать от меня? — тихо произнёс он, притягивая меня ближе, и в его голосе не было и тени сомнений — только уверенность, от которой становилось по-настоящему страшно.

— Да пошёл ты... — выдохнула я сквозь зубы и, собрав остатки сил, рванулась вперёд, выскальзывая из его хватки.

И побежала в другую сторону, не оборачиваясь.

— Давай поиграем, Лана... Но в этой игре у тебя нет шансов... Я буду считать до десяти...
Один... Два...

Его ровный голос ещё звучал позади, но с каждым шагом он становился всё тише, расплываясь в пространстве, пока окончательно не растворился, оставив после себя лишь глухой отзвук в голове.

Я бежала быстро, не чувствуя ног, словно тело двигалось само, подчиняясь единственному инстинкту — бежать дальше, не останавливаясь, не оглядываться.

Но коридор не заканчивался.

Он тянулся вперёд, уводя меня вглубь темноты, и с каждым шагом казалось, что становится только длиннее, будто само пространство искажалось, подстраиваясь под мой страх.

Подсвечники вдоль стен вспыхивали один за другим, откликаясь на моё присутствие, но их света не хватало — он лишь выхватывал из тьмы отдельные фрагменты, оставляя остальное тонуть в полумраке.

И от этого возникало пугающее ощущение, будто я не двигаюсь вперёд вовсе, а лишь тону в этом бесконечном, чужом коридоре.

И вдруг — лестница.

Она возникла передо мной внезапно, уходя вниз, в ещё более густую тьму.

Я резко остановилась, хватая ртом воздух, и обернулась.

Позади было пусто. Лишь коридор, такой же бесконечный и равнодушный, как и прежде.

В груди вспыхнуло короткое облегчение — такое резкое, что на мгновение закружилась голова.

И вместе с ним пришли силы.

Я сорвалась с места и рванула вниз по лестнице, не давая себе времени подумать, правильно ли это решение.

Потому что сейчас важным было только одно — бежать дальше.

Путь оказался недолгим — я быстро спустилась вниз и оказалась в тёмном каменном коридоре, холодном и безмолвном, где каждый шаг глухо отдавался эхом. И почти сразу увидела её — дверь, ту самую, которую в тот момент приняла за единственный шанс на спасение.

Она была всего в нескольких метрах от меня — большая, тёмно-коричневая, старая, с потёртой поверхностью и тяжёлой ручкой.

Я преодолела расстояние за считанные секунды и распахнула её, буквально вырываясь наружу.

Меня тут же обдало прохладным свежим воздухом — таким настоящим после душного замка, что у меня на мгновение закружилась голова. Я остановилась, оперлась рукой о массивную серую колонну у входа, чувствуя под пальцами её шершавую поверхность, и попыталась восстановить дыхание.

Грудь тяжело поднималась, сердце всё ещё билось слишком быстро, но вместе с каждым вдохом внутри постепенно разливалось странное, забытое чувство — надежда.

Мне казалось, что у меня есть шанс. Что спасение где-то совсем рядом.

Оглядевшись внимательнее, я быстро поняла, что вышла не с центрального входа, а с боковой стороны замка. Здесь не было сада — того самого, через который меня тащили в первый раз.

Прямо передо мной возвышался тот самый тёмный забор, который я видела из окна своей комнаты, и сейчас он казался ещё выше, ещё тяжелее, словно давил своим присутствием. Никаких роз, никакой иллюзии красоты — лишь ровно подстриженные кусты, тянущиеся вдоль него. Я медленно подошла ближе, всматриваясь, и только тогда заметила, что за этим мрачным силуэтом скрывается нечто иное: настоящий забор был куда ниже, серый, с изящным металлическим обрамлением, обычный — но всё остальное пространство над ним занимала плотная, едва заметно мерцающая тёмная стена магического поля. Я сглотнула, не в силах отвести глаз, и в тот же момент за моей спиной раздался его голос.

— Если ты будешь так долго стоять и думать, — протянул Неймор, и в его тоне не было ни раздражения, ни злости — эта игра быстро мне наскучит. И тогда я её закончу.

Я обернулась лишь на мгновение, чтобы окинуть его полным ненависти взглядом.

Неймор стоял, облокотившись спиной о дверь, неподвижный, словно ему вовсе не нужно было преследовать меня. Руки спрятаны в карманы, плечи расслаблены, а ухмылка на губах — спокойная, уверенная, будто всё происходящее лишь забавляло его.

Я сжала губы и сорвалась с места, свернув налево.

Я не знала наверняка, куда ведёт эта дорога, но цеплялась за единственную мысль — если продолжать бежать, если не останавливаться, я смогу добраться до сада.

И я не ошиблась.

Преодолев несколько десятков метров, обогнув угол замка, я выскочила туда — туда, где пространство вдруг раскрылось, и передо мной раскинулся тот самый сад, который я видела из окна.

Адреналин в крови придавал мне всё больше сил, и я ускорила шаг. Я бежала по дорожке мимо аккуратно подстриженных кустов и лавочек, не разбирая пути. Я даже не знала, куда именно нужно бежать — просто мчалась вперёд, полагаясь на интуицию.

И была рада лишь одному: этот придурок больше не телепортировался передо мной.

Я свернула в сторону, надеясь, что он не заметит моего манёвра и не сможет сразу догнать меня. Может быть, у меня появится хоть немного времени, чтобы придумать, как переиграть его и выбраться из этого проклятого замка.

Пробежав ещё несколько метров, я остановилась на секунду, тяжело дыша и оглядываясь по сторонам. Шея уже начинала болеть от того, сколько раз за эти несколько минут я мотала головой, пытаясь увидеть, не преследует ли он меня.

Но сад был пуст. Неймора поблизости не было.

И вдруг в самом конце сада я заметила что-то блеснувшее в лучах света. Я прищурилась, вглядываясь внимательнее.

Это были ворота.

Мои глаза засияли. В груди вспыхнула неожиданная радость. И я со всех ног бросилась к воротам.

Дышать становилось всё труднее, грудь жгло от бега, но я не замедлялась. Я мчалась так быстро, как только могла.

Ещё немного.

Ещё несколько метров — и я на свободе.

Сердце колотилось так сильно, что отдавалось в висках.

Ещё один рывок.

Я уже вытягивала руку вперёд, будто могла дотянуться до них раньше, чем добежу...

Сделала последний шаг —

И вдруг что-то резко остановило меня.

Я с силой ударилась животом о чью-то руку.

Его руку.

Неймор перехватил меня одним движением, словно всё это время просто ждал нужного момента, схватил и силой дёрнул назад, оттаскивая от ворот так легко, будто мои попытки не значили ничего.

— Я же говорил, — произнёс он сквозь зубы, притягивая меня ближе, — У тебя нет шансов, ты не сможешь убежать от меня.

Он тянул меня всё дальше, не давая вырваться, и с каждым шагом расстояние между мной и воротами увеличивалось, отчаяние сдавливало грудь, словно у меня забирали последнюю возможность выбраться.

— Я поймаю тебя в два счёта. Ты и сама это знаешь, — добавил он, и в его голосе снова прозвучала эта невыносимая насмешка.

— Нет! — закричала я, срываясь на хрип. — Отпусти меня!

Я брыкалась, вырывалась, цеплялась за него, за воздух, за землю, не думая ни о чём, кроме одного — остановить это движение назад.

Слёзы брызнули из глаз, дыхание окончательно сбилось, но я всё равно тянулась к воротам, вытягивая руки вперёд так отчаянно, будто за ними было не просто спасение — а вся моя жизнь.

Будто если бы я смогла дотронуться до них... всё бы закончилось.

Но он продолжал оттаскивать меня всё дальше от ворот, и с каждым шагом надежда медленно гасла.

— Даже если бы ты добралась до них, — произнёс он, удерживая меня, — они бы не открылись. Тебя бы отбросило защитной волной. Замок заколдован, Лана. Ты не выберешься из него.

В его голосе не было паники — только попытка усмирить, остановить, привести в чувство, но я уже не слышала его по-настоящему.

— Отпусти меня, ублюдок! — закричала я изо всех сил.

Я ударила его локтем куда-то в живот. Его хватка на секунду ослабла — и этого оказалось достаточно.

Я вырвалась и, не оглядываясь, снова рванулась к воротам. Последняя, отчаянная волна силы пронзила всё тело.

Мне было всё равно, где он и как близко, догонит ли — существовала только одна цель: выбраться.

Ещё несколько шагов.

И вот я уже рядом.

Ещё мгновение — и я свободна.

Я вцепилась руками в холодный серебристый прут ворот, собираясь распахнуть тяжёлую металлическую створку.

Но в ту же секунду под моими ладонями вспыхнула магия.

По телу прошёл разряд, мелкий, но пронизывающий до костей, и эта неожиданная боль выбила из меня воздух. Силы исчезли мгновенно, будто их вырвали, и я даже не успела закричать, когда меня отбросило назад на несколько метров.

Я уже приготовилась удариться о землю, но вместо холодной травы почувствовала чьи-то руки.

Неймор поймал меня.

Он обхватил меня сзади, прижимая мои руки вдоль тела так крепко, что я не могла пошевелиться. Его грудь была вплотную к моей спине, удерживая меня на ногах.

Я чувствовала его тёплое дыхание у самого уха, на щеке.

Ноги подкашивались, и если бы он не держал меня так крепко, я, наверное, просто упала бы. По телу то и дело пробегала мелкая дрожь.

— Какая ты непослушная... — прошептал он мне в ухо ласково и медленно провёл носом по моей шее.

По коже мгновенно пробежали предательские мурашки, от которых стало ещё тяжелее дышать.

— Меня это только заводит, — закончил он тише, и я почувствовала его губы на своей коже.

Я едва заметно дёрнулась, но сил сопротивляться уже не было. Его хватка оставалась жёсткой и неумолимой, и в этот момент я слишком ясно поняла — мне не вырваться. Ни из его рук. Ни из этого замка.

Я бессильно выдохнула, и тело само собой обмякло, переставая бороться.

Он сразу почувствовал это и прижал меня к себе ещё сильнее.

— Лана... — его голос стал ниже, жёстче, и в нём больше не было той насмешки. — Чем быстрее ты поймёшь, что у тебя нет выхода, тем будет лучше.

Он говорил спокойно, но в этой спокойности было что-то давящее, не допускающее возражений.

— И запомни, — продолжил он, чуть сильнее наклоняясь к моему уху, — в этом замке нет ни одного места, где ты сможешь спрятаться от меня. Я знаю всё, что здесь происходит. И даже если ты попробуешь сбежать ещё раз — я всё равно узнаю.

Теперь его голос звучал строго, холодно, отстранённо, словно он не угрожал, а просто озвучивал неизбежный факт.

Меня это должно было разозлить. И где-то внутри злость действительно вспыхнула — словно слабая, потухшая искра.

Но сил на неё не осталось.

Я просто молча слушала. Сказать было нечего.

Надежда, которая ещё недавно гнала меня вперёд, теперь обрушилась, превратившись в тяжёлое, давящее чувство поражения, от которого хотелось только закрыть глаза и исчезнуть.

Вдруг меня повело в сторону, голова закружилась, и на мгновение показалось, что почва под ногами исчезла, ускользнула из-под меня, оставляя в пустоте... но тут же вернулась обратно, словно ничего не произошло.

Я прерывисто задышала, пытаюсь удержаться в реальности, собрать рассыпающееся сознание, и только через несколько секунд поняла, что вокруг всё изменилось.

Мы всё ещё стояли в той же позе — он за моей спиной, удерживая меня, — но место было уже другим.

Я начала оглядываться, и с каждой секундой во мне всё сильнее разрастался страх.

Тёмный коридор.

Каменные влажные стены, будто пропитанные запахом сырости. Пространство было пустым и лишь редкие факелы, закреплённые на стенах, давали тусклый, дрожащий свет, который не освещал, а скорее подчеркивал эту давящую темноту.

И впереди — прямо напротив нас — виднелась железная решётка.

Догадка пришла мгновенно.

Я резко вдохнула, но воздуха всё равно не хватило. Дыхание сбилось, стало глубоким, судорожным, будто тело само пыталось оттолкнуть то, что разум уже понял.

Это тюремная камера.

Моя камера.

Я сама не заметила, как сильнее прижалась спиной к Неймору, будто он мог защитить меня, хотя именно он привёл меня сюда.

Меня затрясло.

— Смотри вперёд, — приказал он тихо.

Он щёлкнул пальцами, и внутри камеры вспыхнул факел.

Тусклый огонь медленно разгорелся и осветил помещение. И я увидела стены.

Голый камень, покрытый тёмными пятнами сырости. В углах висели толстые нити паутины, и в них неподвижно сидели огромные чёрные пауки.

Один из них медленно пошевелился.

Я вскрикнула и вжалась в Неймора ещё сильнее, позабыв, кто он.

— Нет... не надо... прошу тебя...

Голос сорвался, стал хриплым и жалким. Слёзы сами потекли по щекам.

Сердце колотилось так быстро, что перед глазами всё плыло. Я пыталась вырваться, дернуться, сделать хоть что-то, но тело не слушалось.

— Эта камера станет твоей комнатой, если ты не будешь меня слушаться, — прошептал он мне на ухо спокойно, буднично, будто говорил о погоде.

Я снова посмотрела на пауков, и отчаяние сжало всё моё тело, ломая меня целиком.

— Я буду... буду... — зашептала я дрожащим голосом, не задумываясь ни на секунду. — Обещаю...

Я была готова на всё, лишь бы не оказаться в этой комнате.

Он шагнул вперёд, заставляя меня двигаться вместе с ним, приближая к решётке, и от этого движения внутри всё окончательно сжалось в один тугий узел.

— Умоляю, Неймор... я клянусь... я буду слушаться... — слова срывались сами, превращаясь в жалкий и беспомощный стон.

Потому что я понимала: если он это сделает — если закроет меня там — я не выдержу.

Не смогу.

Он тяжело дышал, и я чувствовала это слишком отчётливо — его дыхание, его близость, его власть надо мной.

Его губы снова скользнули по моей шее, медленно, словно нарочно, а рука опустилась ниже, проводя по животу, заставляя тело вздрагивать от этого противоречивого, пугающего ощущения.

— Вот так-то лучше, Ланивея... — прошептал он с лёгкой улыбкой в голосе.

И сделал несколько шагов назад, отталкивая меня от решётки.

Словно уже получил всё, что хотел.

Я выдохнула, но мир снова поплыл, закружился перед глазами, и в следующую секунду пространство вокруг изменилось — тёмный коридор исчез, уступая место моей комнате.

Он всё ещё держал меня, но почти сразу отпустил, и я, едва удержавшись на ногах, отступила в сторону. Голова кружилась, тело было тяжёлым, ватным, словно мне не принадлежало, но, собрав остатки сил, я всё же повернулась к нему.

Я подняла на него заплаканное лицо, пытаюсь удержать взгляд, не опуская его, несмотря на то, как сильно меня трясло изнутри.

— Что мне делать?.. — спросила я тихо, не дожидаясь никаких указаний.

Мне было так плохо, так страшно, что я действительно была готова на всё, что он скажет.

Лишь бы это закончилось. Лишь бы он оставил меня одну.

— Для начала — перестать реветь и прийти в себя, — спокойно произнёс он, будто речь шла о чём-то совершенно незначительном.

Я поджала губы, чувствуя, как во мне снова поднимается злость.

— Это не так просто, как ты думаешь, — ответила я язвительно, стараясь удержать голос ровным. — Ты только что хотел запереть меня в клетке с пауками.

Он чуть ухмыльнулся, как будто мои слова лишь подтвердили что-то для него.

— Я не собирался тебя там запирасть, Ланивея. Я лишь предупредил.

Это прозвучало так легко, так буднично, что от этого стало только хуже.

— Ближе к делу, Неймор... — быстро проговорила я, заставляя себя собраться и смотреть ему прямо в глаза. — Что мне делать? Просто скажи.

Он сделал небольшую паузу, словно обдумывал ответ, а затем произнёс, уже без всякой мягкости:

— Сидеть в своей комнате. И не выходить из неё, пока я не позволю.

В его голосе была такая твёрдость, такая холодная уверенность, что я невольно поёжилась.

— Это будет твоим наказанием, — продолжил он, и в уголках его губ снова появилась тень усмешки. — Посмотрим, как долго ты протянешь в одиночестве.

Мои брови невольно взлетели вверх — я действительно не ожидала этого.

— Это... всё? — переспросила я, не скрывая недоумения. — По твоим правилам я и так должна сидеть здесь.

Я уже почти свыклась с мыслью, что всё будет куда хуже, что он возьмёт от меня то, о чём говорил за завтраком.

— Да, — спокойно ответил он. — По моим правилам ты должна была спускаться на завтраки, обеды и ужины. Но теперь — будешь сидеть здесь всё время.

Я не ответила сразу — только усмехнулась, тихо, невесело.

Это наказание казалось... слишком мягким. Слишком удобным.

Мне не придётся видеть его наглое лицо.

— Я вижу, ты довольна, — протянул он, слегка наклоняя голову. — Но поверь, тебе это не понравится. Посмотрим, как ты будешь рада через несколько дней.

В его голосе не было угрозы — только уверенность, от которой становилось не по себе.

В ответ я лишь молча посмотрела на него — тяжело, с неприкрытой ненавистью.

Он улыбнулся.

Так, словно получил именно то, что хотел увидеть.

И в следующую секунду просто исчез.

Глава 7 Каморка

Неймор 2,5 года назад

Я сидел за длинным столом в столовой, откинувшись на спинку стула и вяло наблюдая за дверью. Мои же «друзья» что-то громко обсуждали, но в голове они звучали как гул мух — раздражающий и пустой.

— Я клянусь вам, он захныкал как ребёнок! — ржал Дерек. — Мы ж ничего не сделали: ну подожгли немного его плащ, и всё...

Фин вторил ему, как всегда. Два дебила.

Оба смеялись так, будто только что придумали самый гениальный розыгрыш в истории колледжа. Их слушал Филипп — кудрявый, спокойный и слишком правильный для сына одного из сторонников Фодеса. Такой же будущий хранитель, как и я, но, в отличие от остальных, у него хотя бы были мозги, а это здесь уже редкая сверхсила.

По другую сторону стола сидели Миллисент и её вечная тень — Алисия. Обе из древних семей, обе красивые, ухоженные и абсолютно бесполезные. Хранителями становились в основном мужчины, реже — женщины, если в них действительно были сила, характер и хоть что-то кроме громкой фамилии. Но эти две... нет. Слишком пустые. Слишком занятые тем, чтобы красиво сидеть, переглядываться и говорить гадости с таким видом, будто изрекают древнюю мудрость.

Куклы с родословной.

Филипп время от времени едва заметно морщился, но всё равно продолжал вежливо улыбаться. Я бы на его месте давно послал этих идиотов куда подальше, но причина его терпения была слишком очевидна — он уже несколько месяцев пытался затащить Миллисент в постель.

Правда, даже будучи редкостной дурой, она всё-таки оставалась достаточно избирательной.

Хотя в девятнадцать многие ведут себя как дебилы. Но то, что иногда устраивали Дерек с Фином, даже по этим меркам было перебором.

Травить первокурсников... Скучно.

Но мне было плевать. Плевать на всю их болтовню, на их фальшивые улыбки, на их тупость.

Потому что дверь открылась.

И вошла она.

Лана. В окружении новеньких девушек — но их я даже не видел. Только её. Её лицо, растерянное, красивое. Она скользила взглядом по залу — искала *меня*. Конечно. Я знал.

Наши взгляды встретились. Я слегка улыбнулся. И получил крошечную, еле заметную, но настоящую улыбку в ответ — и то, как она тут же отвела глаза, ударило по мне куда сильнее, чем я ожидал.

Она направилась к дальнему столу. Я следил за каждым её движением, пока мир вокруг снова превращался в мутный фон.

— Неймор... — донёсся вдруг голос откуда-то спереди. — Неймор, а как долго ты планируешь играть с этой новенькой?

Миллисент. Прекрасно. Ещё одна причина убить кого-нибудь.

— Какое твоё дело? — рявкнул я, даже не скрывая раздражение. Может, резче, чем хотел, но какая к чёрту разница. Они все меня бесили: избалованные детки древних родов, уверенные, что мир обязан им кланяться. Глупые, пустые, шумные.

Один лишь Филипп стоил хоть чего-то. И то — пока.

— Просто ты сказал не трогать друзей Сильвариса, — пробормотала Миллисент, глядя на стол. — А мы хотели развлечься и подшутить над новенькими в их стае...

Она ухмыльнулась и глянула на Алисию, а та сразу закивала, как хорошо обученная болонка.

Идиотка.

Я уставился на неё так пристально, что Миллисент заметно напряглась.

— Сколько тебе лет, Миллисент? — холодно спросил я, чуть подавшись вперёд.

Она замерла. Щёки медленно покраснели, а взгляд заметался так, будто я поймал её на чём-то постыдном.

— Девятнадцать... — нехотя выдавила она.

Я коротко усмехнулся.

— Девятнадцать лет, а ты всё ещё тратишь свою жизнь на то, чтобы цепляться к людям, которые даже секунды твоего внимания не стоят? — произнёс я тихо, но в голосе уже сквозил яд. — Может, в твоём возрасте пора начать думать о чём-то серьёзнее? Или хотя бы найти себе парня, чтобы у тебя наконец проветрились мозги?

Я мельком посмотрел на Филиппа, который тут же опустил взгляд, делая вид, что его здесь вообще нет.

— Или это слишком сложная задача для тебя, Миллисент?

Её губы дрогнули и недовольно скривились. Она демонстративно отвернулась, всем видом показывая обиду.

Вот и отлично. Молчала бы с самого начала.

За столом наступила короткая тишина. Все всё поняли: война заморожена. Кто нарушит — пожалеет. Через секунду шум возобновился, будто никто и не встретал.

А я просто ждал звонка на Историю. Полтора часа. Полтора часа рядом с Ланой.

И я уже знал, что в этот раз она от меня не уйдёт.

Как только я увидел, что Лана поднимается из-за стола вместе с другими девушками, я мгновенно вскочил, схватил сумку и поспешил за ней к выходу. Она как раз прощалась с ними, когда я подошёл.

— Привет! — широко улыбнулся я. — Идём на Историю?

— Привет, Неймор, — Лана ответила такой же искренней улыбкой. Я снова поймал её тёплый взгляд, и он будто прожёл меня до самой груди.

Чёрт, я уже начинал напоминать какого-то наркомана, который ловит кайф от очередной дозы, только моей дозой были её глаза, её улыбка и этот мягкий голос.

После нашей первой встречи.

Мне быстро донесли, что Лану и других прибывших поселили в гостевые комнаты, а вскоре должно состояться распределение по комнатам. К тому же курс ещё не был полностью укомплектован, точного расписания пар не существовало, и вся эта организация выглядела так, будто её поручили тем самым дебилам, которые не смогли бы расставить стулья без инструкции.

Но я не хотел навязываться ей своим присутствием.

Лана всё чаще появлялась в компании Миллани и других девушек, а всё, что оставалось мне, — ловить её редкие взгляды и лёгкие, случайные улыбки.

И уже на следующей паре нам наконец удалось нормально пообщаться и обменяться номерами.

Теперь мы могли переписываться, но этого оказалось мало. Жалкие короткие сообщения не передавали ни её голоса, ни того, как она улыбается, ни как смущённо отводит взгляд, когда я смотрю на неё слишком долго. Мне хотелось большего — живого общения, её реакции, её настоящего присутствия рядом.

Поэтому я ждал Истории.

Того момента, когда мы снова сможем быть рядом и нам никто не помешает.

— Тебе уже дали комнату? — спросил я.

— Нет, так и живём в гостевых. Но Селина сказала, что сегодня всё решится...

Селина Лайтвуд. Мерзкая заносчивая подружка Томаса Сильвариса. И Помощница декана. Уже, тянет свои ручонки к моей Лане.

— ...так что надеюсь, сегодня уже перейду в комнату. Всё же втроём жить удобнее, чем по десять человек, — она сморщилась. — Это смущает.

— Да, согласен, — тихо ответил я, хотя внутри уже вытягивался холодный шип недовольства. Мысль о Селине рядом с Ланой раздражала. Но я не хотел сейчас думать о всей их шайке.

Однако вселенная, как всегда, пошла против меня.

Из-за угла выпорхнула эта троица — Селина, Томас и Каил, парень Селины — и двинулась в нашу сторону.

Сердце ёкнуло. Но я приказал себе: *спокойно, может, пронесёт.*

Но Лана тут же расплылась в улыбке, едва увидев Селину, — и та ей тоже. И уже было ясно: они идут прямо к нам.

— А вот и она, — тихо сказала мне Лана, будто я мог не заметить. — Я быстро спрошу! Она кинула на меня быстрый взгляд, снова заулыбалась Селине, которая воодушевлённо махала ей рукой.

Понятно. Не пронесло. Я на секунду замялся, пытаюсь решить — стоять или сбежать к демонам отсюда.

Мы встретились нос к носу в длинном коридоре, и воздух сразу стал тугим, как струна. Селина тут же заговорила с Ланой, и они обе принялись вежливо щебетать, но получалось у неё плохо: Селина постоянно сбивалась, теребила пряди своих длинных тёмно-каштановых волос и бросала на меня короткие взгляды из-под ресниц — бледно-зелёные, настороженные, будто одно моё движение могло закончиться катастрофой.

Умная девочка. Инстинкт самосохранения у неё хотя бы работал.

Однако настоящая проблема стояла рядом.

Томас Сильварис. Тот самый самодовольный, правильный до тошноты ублюдок, которому я испортил жизнь уже столько раз, что мог бы вести счёт как хобби. Благородный Томас, защитник всех слабых и обиженных, которым зачем-то нужен был герой с честными глазами и вечным желанием лезть не в своё дело.

Наша вражда была непростой.

Мы учились в одной школе с самого раннего детства и жили по соседству, так что возможности ненавидеть друг друга у нас было более чем достаточно. Всё началось ещё тогда и с годами только набирало обороты, пока не разделило сначала школу, а потом и колледж на два лагеря.

Да и что тут скрывать — мы оба были самыми сильными магами в этом колледже, оба будущими хранителями своих древних семей: он телепат, я телепорт.

Только сражались мы не магией, а кулаками.

Как в древние времена, когда всё решала не сила дара, а сила удара. И, если честно, нас обоих это будто закаляло. Сильварис мог сколько угодно строить из себя светлого рыцаря, но бил он неплохо. Приходилось признать, хоть и хотелось подавиться этой мыслью.

Но разница между нами всё же была.

Рядом со мной Томас всегда выглядел как герой какой-нибудь дурацкой сказки. Высокий, крепкий, темноволосый. С тёплыми янтарно-кариими глазами и этой своей проклятой улыбкой, от которой половина колледжа готова была простить ему вообще всё.

Самое мерзкое — это работало.

Преподаватели его любили. Студенты ему доверяли. Девушки смотрели так, будто он спустился к ним с небес лично по их просьбе.

А потом люди переводили взгляд на меня и сразу решали, кто из нас хороший, а кто плохой.

И дело было не только в нас самих.

Томас был сыном человека, которого боготворила вся страна. А мой отец всю жизнь расплачивался за дружбу, случившуюся задолго до рождения многих из этих людей. Когда-то они с Фодесом были близки. Этого оказалось достаточно, чтобы слухи пережили десятилетия.

Наши взгляды встретились — и в этой секунде коридор будто сузился. Каждая встреча с ним всегда заканчивалась дракой или хотя бы перепалкой, но сейчас всё было иначе: Лана стояла между нами, и я знал, что нельзя.

Я продолжал смотреть на него пристально, не произнося ни слова. Томас, конечно, отвечал тем же, но периодически косился на Лану. В его лице читался немой вопрос: что такая милая девочка делает рядом с местным злодеем?

Ну да, конечно. Благородный рыцарь Сильварис снова нашёл кого спасать.

Я удержал его взгляд и позволил ему войти в своё сознание.

Через мгновение я уже ощущал его присутствие среди собственных мыслей.

Попробуй только что-нибудь выкинуть, Сильварис. Я телепортирую тебя на самую высокую башню и скину оттуда вниз, и клянусь, мне даже не будет стыдно.

Он услышал. Несомненно. Губы его тут же поджались, взгляд стал тяжелее, злее. Он начал копаться глубже — искать, что же я скрываю, пытаюсь найти подтверждение своим рыцарским фантазиям. Ему уже наверняка рисовалось, что я собираюсь причинить Лане боль и страдания, словно ужасное чудовище. Но, видно, такой вариант казался ему слишком банальным, потому что он копнул дальше.

Копaeшьcя у меня в голове, Сильварис? Напрасно стараешься. Ты не найдёшь там то, что ищешь.

Я моргнул, захлопнув сознание перед его носом. Между нами буквально прошёл разряд — напряжение трещало в воздухе. Каил стоял чуть в стороне, наблюдая, но, похоже, решил не вмешиваться. Может, впервые в жизни был умен.

Молчание повисло тяжёлым туманом. Лана вдруг хлопнула ресницами и нарушила паузу:

— Эм... это Неймор! — её голос звучал растерянno. — Мы вместе посещаем историю... как раз туда шли. Вы... знакомы?

Я быстро натянул маску спокойствия, посмотрел на неё, слегка улыбнулся — будто между мной и Томасом вообще ничего не произошло.

— Знакомы... — вдруг произнесла Селина, слишком пристально глядя на меня. — В одном колледже всё-таки учимся...

Томас всё ещё не сводил с меня глаз, и вдруг — секунда. Он будто что-то понял. Ухмылка медленно расползлась по его лицу. Почти моя собственная. От этого у меня внутри что-то неприятно дёрнулось.

Сука... что ты задумал?

И вот он — улыбается Лане шире, чем нужно:

— Привет! Я Томас. Друг Селины. Мы ещё не знакомы — думаю, самое время! Он тянет ей руку. А Лана улыбается в ответ: — Привет. Лана Фортвел. Приятно познакомиться!

Он кивает и показывает на Каила: — А это Каил Ревинор — мой друг. И парень Селины. Все улыбаются — но только друг другу. На меня никто не смотрит.

— Ты же новенькая из того колледжа, который разрушили сторонники Фодеса в Годдарте? — спросил Томас и перевёл на меня взгляд с таким намёком, что у меня пальцы сами дёрнулись. — Как первые дни? Уже нашла друзей?

Он улыбался настолько светло, что мне захотелось выбить эту улыбку вместе с зубами.

Но Лана ответила спокойно:

— Думаю, друзей так быстро не найти... но я уже познакомилась с интересными и приятными людьми.

И посмотрела на меня. Долго. Улыбаясь.

Я моргнул. На секунду даже забыл злиться. То мерзкое чувство, что грызло меня всё это время, будто выдернули с корнем.

Я бросил взгляд на Томаса — вызов, предупреждение, всё сразу. Он понял. Недовольство мелькнуло в его взгляде, но он видимо, как и я, был мастером носить маски.

Он снова переключился на Лану, изображая заботу:

— Лана, будь внимательна, когда выбираешь друзей. Колледж большой. Здесь есть хорошие люди... и много лицемеров. Всё-таки идёт война. Но если что — обращайся. Томас Сильварис всегда готов помочь.

Я закатил глаза так, что чуть шею не свернул.

Сука. Он издевается.

— Сильварис? — вдруг спрашивает Лана. — Ты... Томас Сильварис? Сын Лидера страны?

Он вздохнул так скромно, словно ему было неловко, что солнце каждое утро всходит лично из-за его плеч. — Да. Прости, что не сказал сразу. Я не люблю кичиться фамилией. Для меня важно, какой человек внутри.

И снова — короткий, колкий взгляд на меня. Будто полоснул хлыстом.

Я весь сжался, но не показал. Хотя по глазам — думаю, было видно, что я готов убить его.

Лане стало неловко, она улыбалась всем сразу, но я видел, как она смущена, растеряна, хочет исчезнуть. И тут прозвенел звонок — наше спасение.

— Ну, мы пойдём, — сказал я, глядя на эту троицу убийственным взглядом, но тоном — вежливым до омерзения.

— Ещё увидимся, Лана, — сказали Селина и Томас почти в унисон.

Оба — с одинаково колкими взглядами в мою сторону.

Каил лишь махнул рукой.

— До встречи, — тихо ответила Лана.

Мы пошли к кабинету молча. И хоть я ни разу не обернулся, я отчётливо ощущал их прожигающие взгляды в спину — полные недоверия и любопытства.

Я видел, что Лана взволнована: она то и дело поджимала губы, словно пыталась собрать в голове все куски произошедшего и сложить их в что-то хоть сколько-нибудь логичное, но у неё не получалось. И я прекрасно понимал почему — сам ведь не знал, как ей объяснить эту идиотскую ситуацию. Как вообще подобрать слова, если любое из них могло всё разрушить?

Мы уже сидели за партой, профессор монотонно читал параграф, ничего вокруг не замечая, будто мир для него существовал где-то отдельно, а он просто отбывал наказание за прошлые грехи. И вдруг Лана посмотрела на меня прямо и спросила:

— Что это было, Неймор?

В её глазах смешалось всё сразу: вопрос, интерес, любопытство и слабое опасение.

Я замер.

На секунду мне стало страшно: стоило сказать хоть одно лишнее слово — и я мог увидеть в её взгляде то, что видел всю жизнь.

Страх.

И тогда всё закончилось бы, даже не начавшись.

— Скажу так, Лана... — начал я осторожно, словно шёл по тонкому льду. — Мы с Томасом... ну, скажем, не в очень хороших отношениях.

— Мне кажется, это мягко сказано, — прошептала она, подпирая подбородок рукой, готовая слушать дальше, словно открывала книгу, в которой слишком много запрещённых страниц.

— Да, ты права... — я вздохнул. — Так уж вышло: его отец — глава страны, а когда-то наши отцы дружили. Потом что-то пошло не так, они разругались в хлам и стали, можно сказать, врагами. Ну а мы... мы просто отголоски прошлого. И, как водится, недолюбливаем друг друга.

Лана тихо нахмурилась.

— Томас так смотрел на тебя, будто ты убил кого-то. У меня мурашки по коже пошли от его взгляда, хотя он был направлен на тебя. Как ты это выдерживаешь?

В её голосе звучало сочувствие.

Чёрт. Это было мне на руку.

И всё равно почему-то выбивало из равновесия.

— Я давно привык, — ответил я, пожав плечами. — Просто не обращаю внимания. Мы с Томасом и Селиной ещё и учились вместе, так что у нас долгая, муторная история... не очень хороших отношений. Но это всё в прошлом. Уже давно в прошлом.

Я соврал так спокойно, будто ещё неделю назад мы не били друг другу лица и моя лопатка не ныла бы сейчас от последнего «дружеского» удара.

— Значит, всё в порядке? И можно не беспокоиться?

— Тебе точно не стоит, Лана, — я наклонился к ней чуть ближе, чтобы она услышала каждое слово. — У тебя и так хватает забот на новом месте. Не забивай голову нашими разборками. Они не стоят даже минуты твоего внимания.

Я заглянул в её глаза, и она смотрела на меня всё так же: тепло, внимательно, с этим странным интересом, от которого сердце билось сильнее.

Я не хотел думать о Томасе, Селине и всей этой правильной шайке, которая, видимо, уже мысленно записала меня в угрозу дня.

Я хотел думать только о ней. И ни о ком больше.

Я смотрел на неё и не мог наглядеться. Волосы лежали так, будто были созданы для того, чтобы к ним прикасаться. Лицо — красивое, мягкое, живое. А блеск в глазах сводил с ума сильнее, чем все дешёвые попытки понравиться, которые я видел раньше. Она чуть напрягалась, когда смущалась, прятала взгляд — так мило, будто не понимала, что этим только сильнее цепляет.

Я был уверен: я ей нравлюсь.

Не так, как другим.

И не потому, что я Дракморн. А просто потому, что я — Неймор.

Лана была другой. Совсем другой.

А таких, как она, вокруг не было.

Большинству девушек хватало того, что перед ними стоит смазливый наследник древнего рода. Красивое лицо, громкая фамилия и обещание безбедного будущего — большего им обычно и не требовалось. Те, кто из древних семей и в деньгах не нуждались, видели во мне возможность выскочить за хранителя, чтобы потом важно сидеть рядом на приёмах и делать вид, что у них великая любовь, а не удачная сделка.

Как же я любил видеть их лица, когда на меня надевалась моя маска жестокого, надменного подонка.

Сразу отскакивали. Искали следующую жертву.

Хотя были и исключения. Такие как Миллисент — вечная собака на поводке. Стоит поманить — и прибежит, даже если вчера я послал её к демонам. Ни капли гордости.

Зато предсказуемо.

Но Лана...

Лана не была такой.

Я видел, какая она добрая, светлая — под стать Томасу, к сожалению, потому что от этой мысли хотелось скривиться. И я знал: узнай она, кто я на самом деле, в её глазах появился бы страх. Отвращение. А потом она точно не захотела бы, чтобы я сидел рядом.

И вот именно это меня заводило.

Будто я вырвал наружу всё хорошее, что было во мне, вытянул на свет, чтобы прикрыть то ужасное, что сидело глубоко внутри, и наслаждался тем, как Лана видит только это — и не замечает другого.

Я чувствовал себя самозванцем. Но оправдывал себя тем, что не хочу ей вреда. Не хочу её обидеть. Ничего плохого ей не делаю.

Я просто хочу быть собой. Тем собой, которым могу быть только рядом с ней.

Это тёплое чувство, расплзающееся в груди чем-то приятным, — было слишком новым. Слишком сильным. Я подсел на него быстрее, чем ожидал. И очередную дозу мог получить только одним способом — видя её, чувствуя её рядом.

Загудела сирена — бьющая по ушам так, будто мир специально решил добить меня сегодня.

Конечно. Вселенная опять вставляет палки в колёса, лишь бы я не смог толком наслаждаться обществом Ланы!

Эти проверки случались часто: война, напряжение, постоянные опасения нападения на колледж. Тут учились дети хранителей, так что охрана была почти параноидальная. Несмотря на защитные чары замка, каждые несколько месяцев устраивали учения: то в коридорах, то в аудиториях, то на улицах — надо было находить ближайшее укрытие и добираться туда за несколько минут.

Профессор, кажется, сам не до конца верил, что это учения, но всё же выкрикнул: — Студенты, пожалуйста! Это наверняка только проверка! Идите к ближайшим укрытиям, у вас пять минут!

Все начали подниматься со своих мест и двигаться к выходу, толкаясь, суетясь, словно всё это действительно могло спасти им жизнь.

А я продолжал сидеть, абсолютно спокойный. Я прекрасно знал, что Фодесу точно не до колледжа — он ищет Леанору Вальнариус, хранительницу регенерации, она была лидером соседней страны Этидеи и все его силы брошены туда. Наш колледж ему не упёрся.

Но Лана... её реакция вмиг стерла моё спокойствие. Она была по-настоящему напугана — пальцы дрожали, взгляд метался, дыхание стало частым и прерывистым.

Конечно, идиот, её прежний колледж разгромили. Она говорила это. Ты вообще её слушал?

Я наклонился ближе: — Лана, это просто учения. Такое здесь постоянно. Расслабься. Можем остаться тут.

Я и правда не собирался никуда идти. Нахрен эта суета?

Но она упрямо мотнула головой, поднимаясь со своего места: — Профессор сказал найти укрытие. Я должна знать, где они... хоть где-то. Я не могу просто сидеть. Покажешь мне?

Она была права. И я не мог ей отказать.

Мы встали и уже шагнули к двери, когда мне вспомнилось одно место — намного лучше официальных комнат. То самое укромное пространство в стене, которое я нашёл случайно. Там действительно можно было спрятаться, и никто бы не догадался.

Я коснулся её руки: — Я знаю место получше.

Она удивлённо посмотрела на меня, но не остановилась — просто позволила мне направить её в сторону от общей толпы. Это доверие било по нервам, будто током.

Мы прошли вдоль стены, где стояли массивные книжные шкафы. У самого края, возле угла, был едва заметный проём растворённый в тени.

Я нашёл рукой знакомую щель и жестом показал Лане войти.

Она застыла, колеблясь. В её глазах отражались сомнения и страх. — Давай, Лана. — коротко приказал я, и она всё же шагнула внутрь.

А я протиснулся следом. Пространство было узким — настоящая ниша внутри стены. Мы стояли почти вплотную, лицом к лицу, так близко, что я слышал её дыхание.

— Это укрытие куда лучше тех, куда ведут студентов толпами. — я говорил тихо, шёпотом, чтобы не спугнуть её. — Ищейки Фодеса нашли бы их за пару минут, чары не помогли бы...

Я осёкся. Это лишнее. Болтаю больше, чем надо.

— А здесь никто не станет искать. — добавил я уже спокойнее. — Никому нет дела до пары студентов, спрятавшихся в стене.

Лана съёжилась, глядя по сторонам, словно стены могли сомкнуться на ней. — Надеюсь... здесь нет пауков? — прошептала она и испуганно посмотрела на меня.

Я улыбнулся. Вот это уже можно было исправить.

Взмахнул рукой — лёгкий, отточенный жест. Пространство на миг вспыхнуло тихим светом защитного плетения, а через секунду снова погрузилось в полумрак.

— Теперь даже если они тут есть, ни один паук к тебе не подползёт. — сказал я, глядя ей прямо в глаза. Сверху вниз. Она стояла так близко, что я уловил запах её волос — тонкий, цветочный аромат. Он ударил в голову, будто кто-то резко сорвал последний барьер, и я глубже втянул воздух, сам того не замечая.

И вот тогда я на секунду застыл. Она тоже смотрела на меня — прямо и открыто. Я поймал её взгляд, и в груди что-то рванулось. Сердце забилося так громко, что мне почудилось — она тоже слышит. Её синие глаза тянули меня к себе, как морская бездна, в которую хочется броситься добровольно, даже если знаешь, что утонешь.

И я понял, что хочу её. До безумия. Хочу почувствовать вкус её губ, коснуться её кожи, закрыть руками её лицо и раствориться в этой близости.

Молчание повисло между нами. Она тоже дышала чаще, её губы приоткрылись, будто приглашая меня ближе. И я видел — она чувствует то же самое.

Медленно, словно боялся спугнуть этот хрупкий миг, я наклонился к ней. Очень осторожно коснулся её губ своими.

Она отозвалась сразу — закрыла глаза, подалась вперёд, будто давно ждала этого.

И тогда меня накрыло.

Мысли посыпались из головы одна за другой, будто их вышибло внутренним штормом. Я целовал её мягко, но с каждой секундой всё жаднее, и впервые в жизни чувствовал, как по телу проходит настоящий разряд — не тот дешёвый азарт, не привычное желание, а что-то куда сильнее, будто удар пришёлся прямо в сердце.

Я углубил поцелуй, скользнул языком в её рот, чувствуя, как она отвечает — осторожно, но всё смелее, словно училась доверять мне каждую секунду. Я обнял её за талию, притянул ближе, и, когда её руки легли мне на плечи, а пальцы коснулись шеи, контроль едва не полетел к демонам.

Мне хотелось, чтобы это длилось бесконечно. Чтобы мир исчез. Чтобы остались только она и мои руки на её теле.

Я прижал её к стене и целовал глубже, горячее, проводя ладонью по её щеке, по шее, чувствуя, как она буквально тает в моих руках. Её мягкость, доверие, эта странная, невозможная отдача сводили меня с ума сильнее всего, что я знал раньше.

И именно в этот момент какие-то шорохи за стеной прорвались в мир, где существовали только мы двое.

Проклятая реальность решила напомнить, что она всё ещё здесь.

С неохотой я замедлил поцелуй... и оторвался от её губ.

Она стояла передо мной — румяная, взволнованная, с полуприкрытыми глазами, дышащая неровно. Смотрела так, будто я всё ещё держал её губы своими.

А потом — словно очнулась. Покраснела сильнее и отвела взгляд вниз, машинально переступив с ноги на ногу.

Я же не смог сдержать улыбку. Настоящую, идиотскую, как у подростка. Счастье переполняло так, что казалось — оно сейчас прорвётся наружу светом.

Я взял её за подбородок, поднял её лицо и коротко, играючи, чмокнул её в губы.

— Нам пора, — прошептал я, чуть отступая, всё ещё не в силах перестать улыбаться.

Она кивнула и тоже мягко улыбнулась — так красиво, что у меня снова дрогнуло сердце.

Я выбрался из узкого проёма первым, затем подал ей руку, помогая выйти наружу. Другие студенты и профессор же возвращались обратно в кабинет и расходились по местам. Мы направились к нашим вместе — и на полпути я заметил, что всё это время всё ещё держу её ладонь. Её тёплая, мягкая рука в моей холодной — это ощущение обжигало почти болью, но приятной, желанной.

И всё же... чтобы не привлекать внимания, я отпустил её. Неохотно. Чертовски неохотно.

Когда мы подошли к нашей парте, несколько студентов уже поглядывали на нас. Я сделал вид, что мне плевать, хотя их тупые взгляды раздражали так, что хотелось спросить, не забыли ли они, как моргать. Мы сели. Профессор уже что-то бубнил своим убаюкивающим тоном, студенты снова клевали носами от скуки.

Но мы... мы уже были другими. Мы сидели рядом, как и прежде, но между нами теперь была тайна, жаркая, живая, только наша.

То, что произошло в этой нише, стало самым сильным из всего, что я когда-либо чувствовал. Я ещё не знал, как правильно назвать это, да и, если честно, не особо умел разбираться во всей этой красивой чепухе про чувства, но уже понимал одно: Лана каким-то невозможным образом добралась туда, куда не добирался никто.

До моего сердца.

До той части меня, которую я сам давно считал испорченной, мёртвой или просто ненужной.

Она коснулась её — и будто вытащила наружу что-то лучшее, что во мне ещё оставалось.

И в тот момент мне хотелось только одного.

Чтобы это продолжалось.

Чтобы она снова смотрела на меня так.

Чтобы её рука снова оказалась в моей.

Чтобы рядом с ней я ещё хоть немного мог быть не тем, кем меня сделали, а тем, кем я, может быть, всё-таки мог стать.

Глава 8 Библиотека

Лана

Nathan Wagner - Anxiety.

Шёл седьмой день моего заточения в комнате, и это становилось невыносимо.

Первые два дня я даже была рада этому наказанию. Мне не нужно было видеть самодовольное лицо Неймора, не нужно было терпеть его присутствие за каждым приёмом пищи, не нужно было слышать его голос и ловить на себе его взгляд. Тогда мне казалось, что это подарок судьбы.

Феодора приносила поднос с едой строго по расписанию и почти сразу уходила, не задерживаясь. И после её ухода комната снова погружалась в тишину.

Мы оставались вдвоём. Я и эта комната.

Мне было нечем заняться. Сначала я пыталась просто отдыхать, лежать на кровати, смотреть в окно, но очень быстро пришло другое чувство — пустота. Скука. Одиночество.

Я была лишена магии и не могла даже отвлечь себя простыми заклинаниями, которые раньше казались чем-то обыденным и незначительным. Иногда я ловила себя на том, что мысленно разговариваю с Томасом, будто он всё ещё рядом, будто может ответить, поддержать, вернуть ощущение реальности.

Но этого было недостаточно.

Мысли начинали путаться, сбиваться, тревога всё чаще поднималась изнутри, заполняя грудь, не давая дышать спокойно, и я не могла найти себе места. Иногда мне казалось, что я медленно, незаметно для самой себя схожу с ума.

Я не знала, сколько сейчас времени, какой сегодня день, что происходит за пределами этой комнаты и замка, жив ли мир там, за этими стенами, или он уже давно рухнул, а я просто осталась здесь, в этой странной, изолированной реальности.

Я пересчитала все кусты и бутоны, которые могла разглядеть в саду из окна — снова и снова, раз за разом, пока числа не начинали терять смысл. Иногда ловила себя на том, что начинаю считать их по второму кругу, не замечая, как повторяю одно и то же.

Я часто ходила по комнате кругами, шаг за шагом, почти автоматически, и с каждым днём всё чаще ловила себя на пугающей мысли — что готова пойти к Неймору.

Готова уступить. Даже поклониться ему...

И попросить отменить это наказание.

Позволить мне хотя бы выйти из комнаты — вдохнуть воздух, почувствовать пространство... или просто пройтись по замку, лишь бы перестать быть запертой здесь.

— Спасибо, Феодора, — тихо прошептала я горничной, которая принесла мне большой поднос с обедом.

Еда пахла вкусно — тёплым хлебом, травами и чем-то мясным, — но аппетита у меня почти не было.

— Пожалуйста, мисс Лана. Как вы себя чувствуете? — спросила женщина.

В её голосе звучали искренние нотки заботы, и мне было неожиданно приятно это слышать.

— В целом неплохо... если отбросить тот факт, что я в тюрьме комфорт-класса, — иронично ответила я.

Несмотря на неудачную попытку побега, я всё ещё не теряла надежды. Где-то внутри жила упрямая уверенность, что спасение рядом, что однажды произойдёт чудо, и я смогу выбраться из этого замка.

Но пока я была здесь. И одиночество постепенно становилось невыносимым.

Поэтому каждый раз, когда Феодора приносила еду, я старалась задержать её хотя бы на несколько минут — заговорить, задать пару вопросов, узнать хоть что-нибудь о том, что происходит за пределами моей комнаты.

— Родители Неймора... они тоже живут здесь? — спросила я Феодору.

Этот вопрос возник не случайно. Сколько бы я ни выглядывала в окно, сколько бы ни прислушивалась к звукам за запертой дверью, я ни разу не увидела и не услышала никого, кроме слуг. И эта пустота пугала почти сильнее самого замка.

— Нет, мисс Лана, — спокойно ответила Феодора. — Они живут в поместье ближе к центру города. В старом фамильном замке Дракморнов уже несколько лет живёт только молодой господин Неймор.

Почему-то этот ответ одновременно и успокоил меня, и напугал ещё сильнее.

С одной стороны, чем меньше людей в замке — тем меньше глаз, меньше охраны и, возможно, больше шансов однажды сбежать отсюда.

Но с другой...

Если Неймор захочет сделать со мной что-то по-настоящему ужасное, помощи ждать будет неоткуда.

Впрочем... помогли бы мне его родители?

В конце концов именно они воспитали этого бездушного психопата.

— А чем занят Неймор? — осторожно спросила я.

— Господин занят государственными делами. Он уехал ещё в тот день... — она на секунду замолчала и посмотрела на меня, — когда у вас был совместный завтрак.

— Так его нет в замке? — радостно воскликнула я и вскочила с кровати.

Сердце скакнуло в груди, будто впервые за дни, и что-то внутри меня вспыхнуло.

Феодора сразу заметила, как загорелись мои глаза, и, похоже, поняла, о чём я думаю. Она поспешила вернуть меня на землю.

— Мисс Лана, вам нельзя выходить из комнаты. Господину обязательно кто-нибудь доложит, и он вас накажет! — она всплеснула руками и с тревогой посмотрела на меня. — Здесь вы, по крайней мере, в безопасности... в первую очередь от его гнева.

Но я уже почти не слушала её.

Мысль о том, что Неймора нет в замке, кружила голову сильнее любой надежды. Мне хотелось как можно скорее выйти из этой комнаты, пройти по замку, увидеть хоть что-то, кроме этих стен.

Я была уверена, что где-то здесь должна быть библиотека. Если я найду её, смогу взять несколько книг и хотя бы немного скрасить свои бесконечно серые дни.

Я быстро подошла к Феодоре и схватила её за руку.

— Феодора, я буду осторожна, никто меня не заметит. Я просто немного пройду по замку... — торопливо заговорила я. — Здесь ведь есть библиотека? Когда Неймор вернётся?

— Я не могу знать, — покачала головой женщина. — Он может вернуться в любую минуту. И если вас не окажется в покоях... накажут всех.

— Пожалуйста, Феодора, — прошептала я. — Если это случится, я всё возьму на себя. Скажу, что сбежала и обманула вас. Пусть накажет меня.

Я сжала её руку сильнее.

— Я больше не могу сидеть в этой комнате. Я просто сойду с ума.

Голос предательски дрогнул, и, кажется, именно это сломило её окончательно.

Феодора тяжело вздохнула.

— Хорошо, мисс Лана... — тихо сказала она. — Я уйду и сделаю вид, что ничего не слышала.

Она наклонилась чуть ближе и заговорила быстрее, почти шёпотом:

— Чтобы попасть в библиотеку, вам нужно повернуть направо по коридору. В конце будет лестница — поднимитесь на следующий этаж. Там увидите две двери. Левая — кабинет господина... а правая — библиотека.

— Спасибо! — радостно выдохнула я и даже тихо захлопала в ладоши.

Мысль о том, что я смогу хоть ненадолго выбраться из комнаты и дойти до библиотеки, казалась настоящим праздником. Это было глупо — радоваться такой мелочи, — но сейчас это ощущалось почти как подарок судьбы.

Маленькая минута свободы.

И ещё одна мысль грела меня не меньше: нарушить правило, придуманное Неймором. Пусть он даже никогда не узнает об этом... всё равно я буду чувствовать вкус маленькой победы.

Феодора слегка улыбнулась и тихо вышла из комнаты.

Я подождала несколько минут, прислушиваясь к звукам за дверью, а потом осторожно подошла к ней. Когда я приоткрыла дверь, её уже не было видно.

Я выглянула в коридор.

Там было тихо. Настолько тихо, что даже лёгкое потрескивание свечей казалось громким.

Я осторожно вышла, стараясь ступать как можно тише, и, словно мышка, повернула направо, двигаясь прямо в полутёмный коридор.

Адреналин мгновенно ударил в кровь. Сердце билось так быстро, что я почти слышала его в ушах. Я ужасно боялась, что меня поймают.

Но на пути никого не было. Ни прислуги. Ни охраны.

Впрочем, зачем здесь охрана? Если хозяин замка и есть самое настоящее зло, то защищать нужно скорее от него.

Эта мысль заставила меня невольно усмехнуться.

Я немного расслабилась и уже не так боялась быть замеченной. Коридор вывел меня к огромной винтовой лестнице. Она поднималась вверх крутым кругом и терялась где-то высоко под потолком.

Я остановилась и посмотрела наверх.

Лестница уходила так далеко, что трудно было даже представить, сколько этажей она соединяет. Любопытство сразу проснулось во мне — мне хотелось узнать, что скрывается там, наверху.

Но я решила оставить это на потом.

Поднявшись всего на один этаж, я повернула в сторону библиотеки.

Странное чувство свободы захлестнуло меня. Я понимала, что это всего лишь иллюзия — я всё ещё была пленницей этого замка, — но настроение всё равно заметно поднялось.

Я почти побежала по коридору, иногда даже переходя на лёгкие прыжки, словно ребёнок, которому позволили выйти из комнаты.

И когда я наконец вошла в библиотеку — замерла прямо на пороге.

Передо мной открылось нечто невероятное.

Высокие деревянные стеллажи поднимались почти под самый потолок и тянулись бесконечными рядами, словно тёмный лес из гладко отполированного дерева. Полки были заполнены книгами всех размеров: от тонких потрёпанных томиков до тяжёлых старинных фолиантов в потемневших кожаных переплётах.

Но сильнее всего меня поразил потолок.

Он был заколдован.

Вместо каменного свода над головой медленно плыли белоснежные облака, будто я стояла не внутри замка, а под открытым небом. Они неспешно скользили по искусственному небу, и вместе с ними менялся свет — становился мягче, глубже, погружая библиотеку в уютный полумрак.

По залу мерцали десятки свечей. Их тёплый золотистый свет ложился на книги, столы и деревянные полки, создавая почти обманчивое ощущение покоя.

В глубине библиотеки стояли мягкие диваны и кресла, рядом — тяжёлые письменные столы, заваленные книгами и свитками. Всё здесь словно приглашало остановиться, забыть о внешнем мире и потеряться среди чужих историй.

Здесь было удивительно спокойно.

Я осторожно вошла внутрь, почти на цыпочках, будто боялась нарушить эту тихую, почти священную атмосферу. Сердце билось быстрее от восхищения.

Я остановилась в центре зала и подняла голову.

Над мной медленно проплывало огромное облако. Я смотрела на него, затаив дыхание.

На мгновение мне даже показалось, что я не пленница в замке. Что я свободна.

Я медленно выдохнула и, всё ещё под впечатлением, пошла между стеллажами. Пальцы сами потянулись к книгам, скользя по корешкам, словно я проверяла, настоящие ли они.

Книги были аккуратно расставлены, ни на одной не было ни пылинки. Было очевидно, что за библиотекой тщательно следят.

Гораздо тщательнее, чем за моей комнатой, в которую меня поселили.

Я тихо усмехнулась этой мысли и продолжила идти вдоль полок, чувствуя, как внутри медленно поднимается странное чувство покоя.

Я слегка повернула голову и начала вчитываться в названия книг и имена авторов. Ни одно из них не было мне знакомо. Я выбирала наугад, больше доверяя интуиции, чем разуму.

И вдруг мой взгляд зацепился за название.

«Заложница тьмы»

Сердце неприятно кольнуло.

Я медленно потянула книгу с полки, раскрыла её и начала читать, прислонившись плечом к стеллажу.

История оказалась о принцессе, которую похитил жестокий правитель. Он держал её в плену, шантажируя её отца — короля — и пытаясь отобрать его престол и государство.

Читая первые страницы, я вдруг почувствовала странное родство с героиней. Слишком многое в её судьбе цепляло меня изнутри сильнее, чем хотелось бы.

Я начала читать быстрее.

Не заметив, как это произошло, я уже сидела на диване возле письменного стола. Я забралась на него с ногами, устроилась поудобнее и жадно перелистывала страницу за страницей.

Каждая новая строчка затягивала меня всё глубже.

Иногда я вздрагивала от напряжения, иногда невольно улыбалась, когда героиня находила в себе силы бороться. Она была такой же, как я — жертвой чужой вражды, чужих амбиций и чужой жестокости.

Она тоже мечтала сбежать. Мечтала стать свободной.

Я всё быстрее переворачивала страницы, будто боялась, что история может закончиться плохо. Мне отчаянно хотелось добраться до финала и узнать, что ей удалось вырваться из плена, что она свободна и наконец может жить своей жизнью.

Я проживала каждую эмоцию вместе с ней.

По коже то и дело пробегали мурашки. Сердце то замирало, то начинало биться быстрее, и я сама не замечала, как ерзаю на диване, полностью поглощённая историей.

На какое-то время я даже забыла, где нахожусь.

Звук открывающейся двери вырвал меня из омута книги.

Я вздрогнула и резко подняла голову.

Послышались шаги.

По телу прокатилась холодная волна ужаса. Я вскочила так резко, что книга едва не выпала из рук, и в панике заметалась по библиотеке, не понимая, куда бежать.

В груди резко потяжелело, словно что-то сдавило изнутри.
Не придумав ничего лучше, я быстро скользнула за диван, опустилась на пол и прижалась спиной к его спинке. Книгу я прижала к груди, словно она могла меня защитить.
Я замерла. Даже дышать боялась.
На секунду я позволила себе надежду, что это Феодора.
Но медленные, тяжёлые шаги быстро развеяли эту иллюзию.
Это была не она.
Это был он.
Мой надзиратель. Мой пленитель. *Мой господин.*
Он шёл медленно. Слишком медленно. Его шаги гулко разносились по библиотеке, словно эхом отражаясь от стен и высоких стеллажей.
Каждый звук отдавался во мне ударом.
Я вздрагивала от каждого шага.
Может... он не знает, что я здесь?
Может, если я не пошевелюсь, он просто пройдёт мимо?
Я смогу тихо выбраться из библиотеки, вернуться в комнату... и он никогда не узнает, что я нарушила его приказ.
Я пыталась убедить себя в этом. Но в глубине души уже знала правду.
Он всё понимает. Он просто устраивает представление.
Намеренно идёт так медленно, направляясь прямо в мою сторону... позволяя страху расти внутри меня с каждым его шагом.
Вдруг он остановился.
У меня перехватило дыхание, а ладони мгновенно вспотели. Я чувствовала, что он стоит прямо перед диваном, за которым я пряталась, стоит неподвижно и смотрит прямо на него, словно прожигая его взглядом.
Он сделал ещё пару шагов.
Я медленно повернула голову и подняла глаза, и в тот же момент наши взгляды встретились. Его взгляд был холодным и недовольным, почти ледяным.
Руки Неймора были спрятаны в карманах чёрных брюк. На нём была чёрная рубашка и узкий пиджак, подчёркивающий широкие плечи и сильную фигуру. Его грудь тяжело поднималась и опускалась, словно он только что сдерживал бурю эмоций.
Он явно был зол, хотя изо всех сил старался этого не показывать.
Он просто стоял и смотрел на меня.
Между нами повисло тяжёлое молчание, давящее, почти осязаемое. Я тоже смотрела на него, не в силах отвести взгляд, прекрасно понимая, что теперь мне уже не избежать наказания.
Мысли метались в голове, словно птицы в клетке, сердце билось так сильно, что я чувствовала каждый его удар, а тело начало предательски подрагивать.
Внутри всё кричало только одно:
Беги... беги... беги...
Я резко вскочила и рванулась в сторону, хотя прекрасно понимала, насколько это глупо. Бежать было некуда, да и я уже знала наверняка, что не смогу от него уйти, но тело уже не подчинялось разуму, действуя быстрее, чем я успевала подумать.
Я успела сделать всего несколько шагов и почти добралась до письменного стола, когда сильные руки настигли меня. Неймор резко схватил меня и в одно движение прижал животом к столешнице.
Я вскрикнула — то ли от неожиданности, то ли от лёгкой, резкой боли, пронзившей тело от удара о твёрдую поверхность.
Он навалился на меня сзади всем телом, прижимая так крепко, что я не могла пошевелиться, будто полностью потеряла контроль над собой. Я всё ещё пыталась вырваться, брыка-

лась, упиралась руками, цеплялась за край стола, но это было бесполезно — его хватка была слишком сильной, слишком уверенной, чтобы у меня оставался хоть малейший шанс освободиться.

— Разве прошлого раза было недостаточно, чтобы понять, — холодно произнёс Неймор у меня за спиной, — что ты не сможешь убежать от меня?

— Неймор отпусти меня, пожалуйста! — закричала я.

Но он будто не слышал. А может, слышал и просто не обращал внимания. Его руки крепко держали меня за плечи, и он молчал, словно выжидая, когда силы окончательно покинут меня и я перестану сопротивляться.

И он был прав.

Силы быстро уходили. Вырваться из цепких рук Неймора было практически невозможно — он был слишком силён, слишком хорошо сложен, чтобы я могла хоть как-то справиться с ним.

— Лана, — протянул он наконец холодным голосом, — я ведь говорил тебе сидеть в комнате. Но ты решила меня не слушать.

— Я не сделала ничего плохого... — жалобно сказала я. — Я просто хотела почитать.

Он резко выхватил книгу из моей руки и коротко рассмеялся.

— Какая же ты жалкая, — произнёс он, взглянув на обложку. — Читаешь романы о заложнице, хотя сама сидишь в золотой клетке.

Он поднял книгу чуть выше, словно демонстрируя её мне.

— Надеешься на счастливый конец?

Он усмехнулся.

— Огорчу тебя... его не будет.

После этих слов он бросил книгу на стол и немного отстранился, резко повернул меня лицом к себе.

Я всё ещё была в ужасе. Внутри всё сжималось от страха, и я не знала, что он сделает со мной дальше.

Может, он действительно бросит меня в подвал к паукам, как угрожал раньше.

От одной этой мысли меня затошнило. В голове тут же вспыхнула картина, как по моему телу ползают эти мерзкие маленькие чудовища, и от этого по спине пробежал холодок, а тело словно лишилось сил. Но Неймор держал меня слишком крепко.

— Я... ничего не сделала, — снова повторила я, почти шёпотом, словно это могло меня спасти.

— Ещё как сделала, Лана. Ты послушалась меня, и теперь мне придётся отвести тебя в подвал, — проговорил он, внимательно заглядывая мне в глаза и явно наслаждаясь тем, как от ужаса расширяются мои зрачки.

Я с трудом держалась на ногах. Страх сковывал всё тело, сердце билось так быстро, что каждый его удар отдавался болью в груди, словно оно вдруг стало тяжёлым камнем и вот-вот пробьёт грудную клетку.

— Пожалуйста... не надо! — взмолилась я, едва находя в себе силы говорить. — Не поступай так, Неймор... умоляю...

— Надо, — холодно ответил он сквозь зубы, сжав губы. — Похоже, ты решила, что я шучу.

Он потянул меня в сторону выхода, и я почувствовала, как внутри всё окончательно обрывается.

Но в последний момент я резко схватила его за плечи и изо всех оставшихся сил притянула к себе.

Он явно не ожидал этого.

Неймор мгновенно ухватил меня за талию, удерживая от падения, и навис надо мной. Я же вцепилась в его плечи, прижимаясь к его груди так близко, что между нами почти не осталось воздуха.

Я не думала, что делаю. Я просто молила, чтобы в его ледяном сердце хоть что-то дрогнуло.

Наши лица оказались слишком близко. Я чувствовала его дыхание на своей щеке, и от этого по телу прошла дрожь. Сердце пропускало удары, а знакомый аромат его парфюма кружил голову.

Но я не отпускала его плечи, словно от этого зависела моя жизнь.

На одно короткое мгновение его взгляд изменился.

Жёсткость исчезла. Он медленно поднял руку и коснулся пальцами моей щеки. Я от неожиданности приоткрыла губы.

Его прикосновение оказалось обжигающе знакомым — словно тень того Неймора, которого я когда-то знала, на секунду вернулась в его глазах.

Он провёл большим пальцем по моим губам, затем почти невесомо коснулся моей шеи.

По коже тут же пробежали мурашки. Я перестала дышать.

Его взгляд медленно опустился на мои губы...

И я замерла.

Словно на секунду передо мной снова оказался тот Неймор, которого я когда-то любила.

Железная дверь с множеством замков, за которой я столько лет прятала свои воспоминания, с грохотом распахнулась, словно её выбили ударом изнутри. Фрагменты прошлого тут же вспыхнули в моей голове. Всё, что я так долго пыталась запереть и забыть, снова закружилось в сознании бурей. Отголоски чувств, которые я когда-то испытывала, пробивались сквозь боль, и вдруг я поняла, что снова хочу почувствовать это — забытое, заглушённое, спрятанное глубоко внутри меня чувство. То самое, которое однажды уже вспыхнуло между нами в той тесной камерке на паре по истории.

Дрожь желания мягкими волнами разлилась по моему телу, дыхание стало прерывистым, и на мгновение мне показалось, будто время отступило назад. Я словно снова оказалась в той маленькой камерке. Всё было почти так же: близость, напряжение, этот взгляд. Чувства накрывали меня с головой, и реальность вокруг будто растворилась, оставив только нас двоих.

Он медленно наклонился ко мне и поцеловал так осторожно, едва касаясь моих губ, будто я могла разбиться, как хрупкая хрустальная ваза, если он надавит слишком сильно.

Я закрыла глаза и подалась к нему, прижимаясь всем телом. Он сразу почувствовал это движение, и его поцелуй стал глубже, жаднее. Его дыхание сбилось, и я ощутила, как по его телу проходит дрожь. Страсть накрыла нас внезапно и мощно, словно огромная волна, от которой невозможно укрыться. Она уносила нас обоих куда-то далеко, в самую глубину этого чувства.

Я наслаждалась каждым его прикосновением, каждым движением, прижимаясь к нему сильнее и чувствуя жар его рук. Казалось, будто душа на мгновение покинула тело и поднялась куда-то высоко, туда, где нет ни страха, ни боли.

Мне хотелось, чтобы этот момент никогда не заканчивался.

Но Неймор вдруг резко отстранился.

Так быстро и неожиданно, что возвращение с этого короткого рая обратно в реальность оказалось весьма болезненным.

Он отступил на шаг, и я сразу заметила, как меняется его лицо. От той мимолётной нежности и тепла, которые на секунду появились в его взгляде, не осталось и следа. Прямо у меня на глазах Неймор снова превращался в того самого холодного человека, которого я боялась.

Его глаза темнели и холодели, словно два айсберга, от которых веяло ледяным ветром. Меня невольно передёрнуло, и я поёжилась, обхватив плечи руками, будто пытаюсь защититься от этого внезапного холода. Я молча наблюдала, как на моих глазах он вновь становится высо-

комерным, властным господином, человеком, который, казалось, не способен ни на любовь, ни на ласку.

— А ты, Лана, оказывается, не такая уж невинная, как пытаешься казаться, — произнёс он с холодной издёвкой.

Его губы искривились в усмешке.

— Такая вся из себя: «не надо», «не буду», «не трогай меня»... — продолжил он, медленно растягивая слова. — А сама, как только почувствовала опасность, готова снять с себя трусы, лишь бы спасти своё дрожащее тельце от наказания.

Последние слова он почти выплюнул, и в его голосе зазвенела холодная сталь.

Меня словно ударили.

Лицо мгновенно вспыхнуло жаром, краска залила щёки, и я опустила глаза. Выдержать его тяжёлый, пронизывающий взгляд вдруг стало невозможно.

Я тут же пожалела о том, что произошло. О том, что позволила себе поверить, будто смогу остановить его. О том, что на секунду решила, будто могу дотронуться до его ледяного сердца и растопить его.

Я повелась на ту короткую тень, что мелькнула в его глазах.

Повелась на эту дьявольскую игру, в которой у меня изначально не было ни единого шанса победить. Это было поражение.

Я чувствовала себя загнанным зверем перед охотником, и мой взгляд беспомощно метался из стороны в сторону, словно пытаюсь найти путь к спасению, которого на самом деле не существовало.

— Так уж и быть... я накажу тебя тем способом, который ты сама выбрала, — произнёс он язвительным, почти ласкающим голосом и потянулся ко мне.

Его руки резко легли на мои ягодицы.

Я опешила.

Мысли будто рассыпались, я не могла ни говорить, ни думать, не могла смириться с тем крахом, который только что потерпела перед Неймором, и мысленно проклинала себя за эту слабость.

Он же, не обращая внимания на моё состояние, бесстыдно хватал меня за тело, грубо и нагло, будто перед ним был не человек, а вещь, которой можно распоряжаться как угодно.

Неймор легко приподнял меня и посадил на стол, не прекращая своих движений. Всё происходящее казалось странным и пугающим: всего несколько минут назад он касался меня так осторожно, будто боялся причинить боль, словно я могла разбиться от слишком сильного прикосновения, а теперь его руки сжимали моё тело грубо, почти нарочно причиняя лёгкую боль.

Я глубоко вдохнула и попыталась оттолкнуть его.

Он даже не пошатнулся.

Лишь короткий смешок раздался где-то у моего уха, и в следующую секунду его губы коснулись моей шеи. Он жадно целовал мою кожу, иногда прикусывая её и оставляя горячие следы.

По телу пробежали мурашки.

Я пыталась вырваться, дёргалась, упиралась руками в его грудь, стараясь оттолкнуть его от себя, но это было бесполезно.

Обида застряла в горле горьким комом.

Горячие слёзы потекли по щекам, обжигая кожу. Моё тело начало дрожать, и где-то глубоко внутри я с ужасом понимала, что он не собирается останавливаться.

Я проиграла этот бой.

И ведь он был прав. Чего я ожидала? Что он вдруг передумает тащить меня в подвал только из-за моих неловких объятий и случайного поцелуя?

Дура. У него нет сердца. Ему плевать на тебя. Ты для него всего лишь игрушка, разменная монета, способ отомстить Томасу — и ничего больше.

В моё сознание снова и снова прорывались воспоминания о нашей близости, но каждый из этих образов тут же сменялся той дикой болью, которую я когда-то испытала.

Ты мне больше не нужна.

Фразы, брошенные им когда-то, словно лезвия, снова и снова резали мне сердце.

Секс был хорошим... но уже наскучил мне.

Каждое воспоминание будто открывало новую рану.

Ты правда думала, что особенная?

Как перестать это чувствовать? Как просто отключить эту боль?

Пусть возьмёт всё, что хочет, и оставит меня в покое.

Я вдруг медленно выдохнула и закрыла глаза. В голове возникло странное ощущение, будто я покидаю собственное тело и смотрю на происходящее со стороны. Словно это вовсе не я стою здесь, а героиня той самой книги, которую я только что читала — героиня, которую ждёт трагичный финал.

Постепенно я перестала ощущать его пальцы на своём теле, перестала чувствовать обжигающие прикосновения и тяжесть его рук. Я больше не слышала его смешков и грязных слов, срывающихся с губ моего мучителя.

Чёрная огненная дыра раскрывается где-то внутри меня и начинает затягивать всё, что ещё осталось. Все чувства, воспоминания, страхи — всё летит прямо в эту тёмную горячую пучину, не оставляя после себя ничего: ни боли, ни радости.

Мой разум медленно освобождался от этой темноты.

Это уже не я. Это кто-то другой.

Только пепел кружится в этом огне — пепел горящих страниц моей собственной книги. Книги, в которой были записаны мои чувства, угрызения совести, страхи и вся та душевная боль, что я так долго носила в себе.

Огонь сжигает всё без остатка.

Чёрная дыра постепенно сжимается, становится меньше, и вместе с ней исчезает всё, что делало меня живой.

Мне больше не было больно. Мне больше не было стыдно.

Я словно перестала чувствовать что-либо вообще.

Теперь мне всё равно, что он сделает со мной. Боль больше не достигает меня.

Книга моей истории сгорает дотла.

Слёзы всё ещё текут по щекам, но я больше не дёргаюсь и не пытаюсь вырваться. Я полностью отдаю ему контроль.

Я словно марионетка в его руках. Он дёргает за ниточки — я просто подчиняюсь.

С моих губ не срывается ни единого звука, даже дыхание становится почти неслышным. Я смотрю куда-то в сторону, не замечая ничего вокруг.

Неймор сильнее сжимает моё бедро, пытаясь вернуть меня в реальность, затем наклоняется ближе и заглядывает мне в лицо.

— Ну что... тебе нравится такое наказание, Ланивея?

Но ничего не происходит. Я не реагирую.

Он резко придвинул меня к себе так, что я оказалась на самом краю стола. Я держалась за его край обеими руками, но по-прежнему не давала никакой реакции на его грубые движения. Моё тело оставалось неподвижным, будто всё происходящее больше не имело ко мне отношения.

Он злился. Я слышала это по его дыханию, по тому, как напряглись его руки.

— И что бы сделал твой любимый Томас, если бы увидел, какая ты шлюха? — почти прорычал он.

Но его слова больше не причиняли боли.

Я лишь смотрела в сторону пустым, отрешённым взглядом.

Вдруг ледяные пальцы резко схватили меня за подбородок и повернули моё лицо к нему, заставляя смотреть прямо в глаза. Его выражение было недовольным. Он внимательно всматривался в меня, словно пытался что-то найти, что-то разглядеть.

Но не находил ничего. Мои глаза были пустыми.

И ему это не нравилось.

Он смотрел на меня, сжав губы, словно пытаюсь понять, что произошло. Я всё ещё чувствовала, как через ткань брюк его член прижимается к моему бедру, но он не отстранялся, наоборот — словно нарочно удерживал эту близость, продолжая сверлить меня взглядом.

Я не понимала, почему он медлит. Чего он ждёт.

Я больше не сопротивлялась. Я была готова — как он и хотел.

Вдруг он заговорил.

— Я не хочу насиловать тебя, Лана. Я не хочу делать тебе больно.

Его голос прозвучал ниже обычного, почти хрипло. Он всё ещё держал меня, и я ощущала, как напряжено его тело, как тяжело поднимается грудь, словно он изо всех сил пытается удержать себя в руках.

— Ты считаешь меня монстром... — продолжил он после короткой паузы. — И ты права.

Он на секунду отвёл взгляд, будто собираясь с мыслями, затем снова посмотрел на меня.

— Но я никогда не хотел, **чтобы** это было так...

Мои глаза расширились. Мне показалось, что в его голосе на мгновение появилась едва заметная дрожь.

— Но поверь... — тихо сказал он, сжав челюсть, словно эти слова давались ему тяжело. — Это неизбежно. И это произойдёт.

Я не понимала его. Совсем не понимала, что он имеет в виду.

— Придёт время, — продолжил он уже жёстче, будто снова надевая свою привычную маску, — и я покажу тебе место, в котором ты окажешься, если не примешь правила этой игры и не перестанешь пытаться их изменить.

Я всё ещё смотрела на него, пытаюсь понять смысл его слов, но он уже отпустил меня.

Неймор поставил меня на ноги, не отрывая взгляда от моего лица, словно пытаюсь убедить, что я его услышала. Затем он резко отвернулся, поправил на себе одежду — движение было быстрым и раздражённым, будто он хотел скрыть то, что происходило с его телом.

Не говоря больше ни слова, он направился прочь между высокими стеллажами.

— Считаю, это было наказание, — произнёс он ровным, спокойным голосом, словно только что не говорил вещей, от которых у меня кружилась голова.

Сделав ещё несколько шагов, он вдруг остановился.

— Но помни... я всегда могу передумать.

После этих слов Неймор скрылся за рядами книжных шкафов.

Я так и осталась стоять возле стола, не в силах пошевелиться, глядя туда, где он исчез.

Несколько секунд спустя где-то в глубине библиотеки тяжело хлопнула дверь.

Только тогда я поняла, что он действительно ушёл.

Я ещё долго стояла, опираясь на стол и пытаюсь восстановить дыхание.

Казалось, будто из пепла медленно поднимается что-то живое. Словно феникс, я заново собирала себя по кусочкам. Книга моей истории, которую я только что сожгла в своём сознании, снова открывалась, возвращая мне все чувства, все подавленные мысли и всю ту боль, от которой я пыталась спрятаться.

Нервный смешок вырвался у меня сам собой.

А потом я вдруг начала смеяться по-настоящему.

Сначала тихо, почти недоверчиво, а затем всё громче и громче, пока звонкий смех не разнёсся по всей библиотеке. Я схватилась руками за голову и продолжала смеяться, как сумасшедшая, чувствуя, как внутри поднимается осознание.

Я вдруг поняла.

В итоге проиграла не я. Проиграл он.

Я была готова, а он нет.

Победа пришла в тот момент, когда я уже перестала её ждать. Я почти не чувствовала её вкуса, но тёплая волна облегчения медленно разливалась в груди.

Меня накрыла истерика.

Я смеялась и никак не могла остановиться. Ноги подкосились, и я рухнула на пол, продолжая заливаться смехом, держась за живот и скручиваясь от боли, пока эхо моего смеха гулко отражалось от высоких стен библиотеки.

Когда я вернулась в комнату, там ничего не изменилось. Всё оставалось таким же — пыльным, тихим и давящим, словно сама комната наблюдала за мной.

Мой взгляд случайно упал на туалетный столик.

Что-то тёмное лежало на его поверхности.

Я шагнула ближе, пытаюсь рассмотреть.

Это была та самая книга, которую я читала в библиотеке.

Я даже не заметила, когда она исчезла из моих рук, и совершенно не понимала, как она оказалась здесь.

Я подошла ближе и осторожно коснулась её пальцами, будто эта книга вдруг стала мне чем-то родным.

Я взяла книгу и аккуратно открыла её. Маленькая записка выскользнула из страниц и, словно лёгкое пёрышко, сделав пару медленных оборотов в воздухе, мягко упала на пол.

Я быстро подняла её и прочитала.

— *Можешь ходить в библиотеку, когда захочешь.*

Это был почерк Неймора.

Стоило мне закончить произносить эту фразу в своих мыслях, как записка вдруг вспыхнула и мгновенно исчезла. Огонь сжёг её за одно короткое мгновение, но пламя даже не коснулось моих пальцев.

Я всё равно тихо ахнула от неожиданности.

Потом перевела взгляд на книгу, снова разглядывая шероховатую обложку в своих руках.

И решила не медлить.

Я легла на кровать, осторожно открыла страницу, на которой остановилась, и продолжила читать. Когда история подошла к концу и принц спас героиню, убив злого короля, я невольно выдохнула и почувствовала искреннюю радость за неё, хотя это была всего лишь книга и выдуманная история.

Но мне всё равно стало немного легче.

Может быть... и в моём мире есть шанс на хороший конец?

Я тут же покачала головой.

Нет. В реальности это невозможно.

В моей реальности всех принцев уже убили, и остался только злой король и его подданные. И теперь, чтобы выжить, мне придётся играть в игру — по тем правилам, которые придумали они.

Что будет дальше? И смогу ли я принять правила этой игры?

Я прижала книгу к груди и закрыла глаза, надеясь, что ответы придут совсем скоро.

Глава 9 Впервые

Неймор 2,5 лет назад

VANLAV, Derek Joe - Poison

Я стоял у двери старого, давно заброшенного кабинета. Когда-то здесь проходили занятия, но теперь помещение служило складом ненужного хлама и убежищем для студентов во время учебных тревог. В остальное время тут было тихо, пусто... и здесь я мог позволить себе ждать её.

Ту, кто сумела добраться до моего сердца.

Прошёл месяц с того дня, как мы с Ланой впервые остались наедине, и с тех пор мы почти не расставались. Каждую свободную минуту проводили вместе, прятались в тёмных коридорах замка, находили укромные ниши, пустые аудитории, заброшенные лестницы — любые места, где можно было забыться в поцелуях и хотя бы на время сделать вид, что весь этот проклятый мир не лезет к нам своими грязными руками.

Каждый раз, касаясь её губ, я думал, что это может быть последним разом.

И всё же, встречая её взгляд — тёплый, влюблённый, — я понимал: у нас ещё есть время.

Я целый месяц не сцеплялся с Томасом.

Невероятный рекорд, если честно.

Огрызался только на своих, когда кто-то из них пытался тронуть кого-нибудь из его благодетелей. Дерек с Фином, конечно, не сразу поняли, что «не лезть» означает именно не лезть, а не «подождать, пока Неймор отвернётся». Но со временем даже до этих двух кусков дерева что-то дошло.

Ситуация усложнилась, когда Лану поселили в комнату с Селиной. Теперь они жили втроём — Селина, Лана и Милания, та самая болтушка, что приехала в колледж вместе с ней.

С Миланией я старался быть максимально вежливым. Она ничего обо мне не знала, и мне казалось, что если подруга Ланы будет настроена ко мне хотя бы нейтрально, это сыграет мне на руку.

Но то, что Лана жила с Селиной, бесило меня до дрожи.

Я нутром чувствовал: здесь не обошлось без Томаса. Прямых доказательств не было, конечно. Сильварис вёл себя как обычно — слишком правильно, слишком спокойно, слишком по-святому, чтоб его. Но дружба Ланы с Селиной означала её неизбежное присутствие рядом с ним. А он, как шакал, постоянно крутился возле своей подружки Селины и Каила — и теперь возле Ланы.

Меня это раздражало сильнее, чем я готов был признать.

Руки чесались всадить Сильварису пару ударов и выбить всю эту благородную дурь из его головы. Но Лана давала мне столько света в моём собственном тёмном мире, что я не хотел устраивать драки.

Почти не хотел.

И всё же каждый раз, когда он смотрел на неё, во мне поднималось желание стереть эту его правильную улыбку к чёртовой матери.

Я слышал шаги — лёгкие, быстрые — и мгновенно понял, что это она.

Лана выскочила из-за угла, будто собиралась напугать меня, и, вся сияющая от улыбки, бросилась в мои объятия. Я подхватил её за талию, притянул ближе и поцеловал — горячо, жадно, так, будто этот месяц не был бесконечной чередой таких же тайных встреч, а я всё равно успел соскучиться до боли.

— Испугался? — спросила она, чуть отстранившись, обняв меня за плечи и хитро вскинув брови.

— Я узнал тебя по шагам, — усмехнулся я. — Так что твоя великая затея провалилась.

Она прищурилась, словно бросала вызов всему миру.

— Когда-нибудь я застаю тебя врасплох. И ты точно испугаешься!

— Боюсь, боюсь, — прошептал я шутливо и поднял руки, сдаваясь.

Она улыбнулась ещё шире, и я, конечно, не выдержал.

Снова обхватил её за талию и прижал к себе так близко, как только мог. Наши губы встретились в горячем поцелуе, и Лана прижалась ко мне всем телом, словно хотела раствориться во мне. Поцелуй быстро стал глубже и настойчивее — из тех, после которых уже трудно вспомнить, где заканчивается нежность и начинается желание.

Я чувствовал, как возбуждаюсь.

Как мой член отзывается на неё слишком быстро, слишком сильно, будто ему вообще плевать на мои жалкие попытки держать себя в руках.

Сдерживаться становилось мучительно.

Я прижал её к стене — резко, как она любила. Она тихо ахнула, и этот короткий, сладкий звук сорвал с меня остатки самообладания.

Её нежные ладони скользнули по моей шее. Такие горячие, что меня едва не повело. Член стоял так, что я ощущал боль от этого напряжения. Лана дразнила меня — прижималась бёдрами, медленно, намеренно, будто уже слишком хорошо понимала, что делает со мной.

От каждого её движения мне казалось, что я могу кончить прямо в штаны, в этом заброшенном коридоре, от одной только мысли, что она моя.

Я хотел её.

Мне хотелось сорвать с неё одежду.

Хотел взять её так, чтобы весь замок слышал её стоны, чтобы эти проклятые стены наконец узнали, кому она принадлежит, и чтобы ни один благородный ублюдок вроде Сильвариса даже не смел думать, что сможет забрать её у меня.

Но шаги в коридоре разорвали воздух.

Лана отстранилась, тяжело дыша. Щёки порозовели, губы припухли от поцелуев. Зрачки расширены — я видел, что она возбуждена не меньше моего. Она коснулась ладонью моей щеки. Обычно я терпеть не мог такие прикосновения, но её пальцы — мягкие, осторожные — могли делать со мной всё что угодно.

Я накрыл её руку своей и удержал, чувствуя, как её тепло пробивается под кожу.

Лана улыбнулась — немного смущённо, немного дерзко — и наконец выровняла дыхание.

— Что будем делать? — спросила она тихо. — Куда пойдём?

— Может, в Арканум? — предложил я.

— Опять хочешь накормить меня? — прищурилась она. — Или напоить?

Я усмехнулся в ответ так же хитро.

— Думаю, мне не нужно поить тебя, чтобы ты захотела стать моей.

Она не отвела взгляд.

— Я уже и так твоя, Неймор...

В её глазах сияла настоящая, чистая любовь.

Сердце сорвалось с места, ударило так сильно, что я на мгновение потерял дыхание. Это чувство к ней — огромное, приятное, почти болезненное — разрослось во мне так стремительно, что я не нашёл слов.

Я просто стоял и смотрел на неё.

— В Арканум мы не пойдём! — она опередила меня, едва я собирался ответить, и победно вскинула брови. — Сегодня туда идут Селина с Каилом, а вы друг друга... недолюбливаете.

Она выразительно покрутила пальцем в воздухе.

— Да и половина колледжа туда ломится. Узнают о нашей тайной любви за три секунды.

На словах «тайной любви» она картинно закатила глаза, будто это была великая трагедия, а не то, что раззадоривало нас обоих. Мне нравилось, как она это произносит: полушутя, но с той искрой, от которой внутри всё переворачивалось.

Никто не знал, что мы вместе. Никто не должен был знать.

И то, как легко она относилась к этой необходимости, делало меня спокойнее. Прятаться с ней было удовольствием, а не мучением. Конечно, хотелось когда-нибудь выйти с ней в главный зал, взять за руку при всех и посмотреть, как у половины этих идиотов вытянутся лица, но пока приходилось довольствоваться тенью.

Тень тоже подходила. Главное, что в ней была она.

О том, кто я такой, ей, разумеется, быстро попытались рассказать новые подружки. Надменный подлец. Хитрый ублюдок. Грубый псих. Если честно — ни капли лжи. Но Лана с каким-то упрямым спокойствием отказывалась воспринимать их слова всерьёз, а когда Селина начала в красках рассказывать о моей бесконечной войне с Томасом и слухах вокруг моего отца, было уже поздно.

Лана была влюблена в меня.

До кончиков пальцев. До глубины души.

Она слышала всех, но не слушала. И я был до черноты счастлив, что она не верит ни единому злему слову, хотя половина этих слов, чёрт побери, была вполне заслуженной.

Пока я сохранял мир в колледже, я мог позволить себе быть рядом с ней.

Хоть тайно. Хоть украдкой.

Хоть в этих проклятых коридорах, где любой лишний шаг мог всё испортить.

— Выбирай любое место, Лана, — произнёс я спокойно, чуть склонив голову. — У нас впереди два выходных. Можем отправиться подальше от колледжа... в город.

Я легко ухмыльнулся.

— Там больше возможностей. Рестораны, прогулки, спа... что захочешь.

Она рассмеялась — легко и искренне.

— Если честно, я почти не успела увидеть столицу, — призналась она. — Когда приехала из Годдарта, сразу отправилась в колледж... и за этот месяц так и не выбралась туда снова.

Она на мгновение задумалась, а потом посмотрела на меня чуть внимательнее.

— Поэтому я только за... — тихо добавила она. — Но у тебя не будет из-за этого проблем, если кто-то увидит нас вместе?

Она переживала, потому что знала главную причину, по которой наши отношения оставались тайной.

Моя семья.

В семьях хранителей не было принято связываться с «обычными» магами. Наша задача была простой и мерзкой до тошноты: продолжить род — сильный, чистый, безупречный. Нас, по сути, сводили, как породистых собак, подбирая пары из таких же древних семей, где каждая кровь была проверена поколениями и одобрена кучкой старых ублюдков, уверенных, что они лучше всех знают, кому с кем спать и от кого рожать детей.

И если бы отец узнал...

Я почти услышал его голос.

Неймор, ты можешь развлекаться как угодно. Спать с кем угодно. Хоть с половиной этого колледжа — мне всё равно. Но будь осторожен. Ни одна безродная девчонка не должна решить, что имеет на тебя право. Если это случится — она исчезнет из твоей жизни быстрее, чем ты успеешь об этом пожалеть.

Это воспоминание сжало грудь так резко, что я невольно выдохнул.

Мне хотелось быть с ней открыто. Но это было слишком дорого.

Осторожность оставалась единственным вариантом.

Я чуть улыбнулся и обнял её.

— Мы будем осторожны. Пойдём только в проверенные места... там, где нас никто не узнает, — ответил я тихо, почти вполголоса, глядя ей в глаза.

Она тут же подхватила мою интонацию, скопировала выражение лица и игриво прищурилась:

— И многих девушек ты водил в такие места?

Я едва заметно усмехнулся.

— Не согласишься... но ты будешь первой.

И это было правдой. Ни одна девушка, которая когда-либо привлекала моё внимание, не вызвала у меня желания проводить с ней время где-то помимо постели. С ними всё было просто и предсказуемо. Но с Ланой всё оказалось иначе. Мне хотелось быть рядом с ней постоянно, использовать каждую возможность увидеть её, услышать её голос, поймать улыбку и растянуть эти мгновения как можно дольше.

Я наклонился и коротко коснулся её губ, словно не позволяя ей развить эту мысль дальше.

Она улыбнулась шире, прикусила губу и провела ладонями по моим плечам, задержавшись чуть дольше, чем нужно.

— Неймор... — она чуть замялась, играя пальцами с моей рубашкой. — Хотела спросить. Селина зовёт меня в бар на неделе. С ней и её друзьями. Ты не будешь против?

Она сделала короткую паузу.

— Томас тоже пойдёт... — добавила тише, будто заранее готовилась к моему рычанию.

Я был против. Чудовищно против.

Настолько, что внутри тут же поднялось желание забрать её отсюда, спрятать где-нибудь подальше от Сильвариса, его честных глаз и всей этой шайки маленьких спасителей мира.

Но я не мог запретить ей жить.

Не мог запереть её в клетке, даже если где-то внутри меня эта клетка давно была построена, обставлена и, чёрт побери, почти казалась безопасной.

— Нет, Лана, я не против, — выдохнул я. — Ты можешь делать что хочешь. Но если он посмеет к тебе приставать — придётся его побить.

Я обнял её сильнее и склонился к её шее. Она хрипло рассмеялась:

— Я сама его побью, если он попробует. И, насколько я знаю, он встречается с кем-то. Так что не переживай.

Она слегка откинула голову назад, позволяя мне коснуться губами её шеи. Я сделал это — мягко, медленно, вдыхая аромат её кожи и лёгкую цветочную сладость духов.

И снова — это знакомое, быстрое, почти злое напряжение внизу живота.

Возбуждение вспыхнуло слишком сильно.

Я заставил себя отстраниться, хотя каждая клетка тела, конечно, была против и явно считала меня последним идиотом.

Лана тут же недовольно сжала губы и ударила меня взглядом, в котором было всё: желание, нетерпение, обида — и то самое чувство, ради которого я, кажется, был готов удерживать мир от войны голыми руками.

— Я хотел показать тебе одно место, — вспомнил я и не удержался от улыбки. — Уверен, тебе понравится. Но придётся потерпеть скачок.

Телепортация всегда кружила ей голову, но именно это часто спасало нас от чужих глаз — стоило студентам или преподавателям свернуть за угол, где мы целовались, я мгновенно переносил нас прочь. А если делал это прямо в момент поцелуя... Лану буквально накрывало — и это сводило меня с ума.

— Потерплю, если ты считаешь, что оно того стоит, — прошептала она и прижалась ко мне так, что я мгновенно забыл обо всём.

Я обнял её — и в следующее мгновение нас уже швырнуло в холодный ветер. Потом ещё один скачок. Лану качнуло сильнее обычного, и я удержал её, притягивая ближе, ладонью сглаживая дрожь на её спине.

Она чуть отстранилась и обернулась.

Я наблюдал за ней.

За тем, как медленно расширяются её глаза. Как в этом взгляде появляется чистый, неподдельный восторг.

Мы стояли на циферблате часовой башни.

Это была самая высокая точка замка колледжа, и отсюда открывалось всё: сам замок, окрестности, городок рядом, лес, горы и река. Попасть сюда обычным путём было нельзя — порталы снизу и сверху давно заблокировали, потому что студенты, конечно, быстро устроили бы здесь место для свиданий. Хорошая попытка, но против моей силы эти меры были бесполезны.

Правда, не сразу.

Я был только будущим хранителем, и у моей силы всё ещё имелись пределы. Раньше я не мог телепортироваться так высоко, как бы ни пытался. Но Лану тянуло к башням и высоте, а мне хотелось показать ей именно это место. Так что я тренировался неделю — упрямо, зло, пока эта проклятая башня наконец не перестала казаться такой недостижимой.

И теперь она была здесь.

Лана дышала часто, прижимаясь ко мне сильнее, и я чувствовал, как каждое движение её тела отдаётся где-то в груди.

Была середина декабря. Снег лежал шапками на деревьях, еловый лес недалеко от замка казался укрытым белым одеялом, а сам замок отсюда уже не выглядел таким огромным. Студенты внизу, на площади, казались совсем крошечными.

Я понимал, что ей холодно. Короткая юбка, тонкая рубашка, лёгкий плащ — ничто против декабрьского ветра. Я прижал её к себе, стараясь согреть собой, своей магией, но этого было недостаточно.

— Как ты смог сюда телепортироваться? — наконец выдохнула она. — Тренировался, — ответил я просто. — Хотел удивить тебя.

Она улыбнулась так искренне, что мне стало тепло, несмотря на мороз.

— Я в шоке, Неймор... тут так красиво. Я и не думала, что смогу сюда попасть.

Она смотрела то на меня, то на вид, и в её глазах было столько восторга, что я на мгновение даже забыл о ветре.

— Теперь я смогу переносить тебя сюда в любой момент, — сказал я, обнимая её сильнее. — Но сейчас лучше уйдём. Здесь слишком холодно, а я не хочу, чтобы ты замёрзла и заболела.

— Нет, подожди... подожди, — зашептала она, не отрывая взгляда от заснеженного замка. — Мне не холодно.

Это было не правдой. Я слышал, как дрожит её голос, чувствовал лёгкую дрожь в её теле. Да и мне самому было холодно — мы оба были одеты слишком легко для этой высоты и ветра, только свои неудобства меня волновали мало. Её — куда больше.

— Лана, давай ты переоденешься, и мы вернёмся...

Она повернулась ко мне и поцеловала, прижимаясь всем телом так настойчиво, что я на мгновение забыл и про холод, и про ветер, и про то, что вообще собирался увести ее отсюда. Я обхватил её крепче, притянул ближе и ответил на поцелуй уже без попытки сдержаться.

Её тело дрожало от холода, и я пытался согреть её как мог: проводил ладонями по спине, по талии, по бокам, удерживая рядом, не давая отстраниться ни на миг. Но очень быстро стало понятно, что дрожит она уже не только из-за ветра.

Она выгибалась ко мне, тяжело дышала, и мне окончательно срывало крышу. Я хотел её. Здесь, сейчас, на этой проклятой башне, где весь мир оставался где-то внизу, а она была так близко, что терпеть становилось почти невозможно.

Одних её губ мне быстро стало мало. Я скользнул поцелуями к шее, ниже — к плечу, легко прикусил кожу, и каждый её тихий стон отдавался во мне так резко, будто по нервам били током. Моя рука легла на её грудь, осторожно сжала через тонкую рубашку, и от того, как она отозвалась на это прикосновение, у меня только сильнее напрягся член.

И вдруг — её ладонь. Тонкая, робкая, неуверенная.

Но когда она коснулась меня через ткань брюк, меня будто ударило током. Я едва не выругался от неожиданности, от накатившей волной остроты. Она продолжила — медленно, осторожно, и от этого в сто раз сильнее, словно сама ещё не до конца понимала, что делает, а моё тело уже понимало всё за нас обоих.

Я отстранился лишь на секунду, чтобы посмотреть ей в глаза.

Лана смотрела на меня широко раскрытыми глазами — взъерошенная, разгорячённая, с таким откровенным желанием на лице, что последние остатки терпения посыпались к демонам.

Её пальцы снова скользнули ниже, уже смелее. И я понял — всё. Пора.

Я прижал её к себе — и за два быстрых скачка мы оказались в моей спальне.

Дерек и Фин замерли на месте, увидев Лану в моих руках. Но моего взгляда хватило: эти двое исчезли быстрее, чем успели выдохнуть. Редкий случай, когда мозги у них сработали вовремя.

Я тут же вернулся к Лане, снова коснулся губами её шеи и уже без прежней осторожности скользнул руками под рубашку. Её кожа была тёплой, мягкой, живой под моими холодными пальцами, и от каждого прикосновения по её телу бежали мурашки. Она выгибалась навстречу, тихо, нежно постанывая, и эти звуки подливали масла в огонь, который и без того сжигал меня изнутри.

Вдруг я почувствовал, как она напряглась. Её взгляд метнулся к двери, потом по углам комнаты.

— Ты в моей комнате, — прошептал я ей на ухо, чуть касаясь губами кожи. — Не переживай. Здесь ты в безопасности.

Она выдохнула и расслабилась в моих руках.

Я снова поцеловал её, мягко подталкивая к кровати, пока она не легла, всё ещё цепляясь за меня пальцами. Рубашка быстро соскользнула с её плеч, следом — бельё, и на миг я замер.

Я впервые видел её такой.

Красивая грудь, гладкая кожа, лёгкая дрожь в теле — всё это окончательно выбило из меня остатки терпения.

Я наклонился к ней, коснулся губами её груди — медленно, осторожно, — и тут же услышал, как она выгнулась подо мной и сорванно выдохнула. Её руки потянулись к моей рубашке, нетерпеливо скользнули по ткани. Всего пара секунд — и рубашка полетела куда-то в сторону.

Я вернулся к ней сразу, будто даже этого короткого расстояния между нами было слишком много. Её ладони легли мне на плечи, прошлись по предплечьям, потом ниже, к спине. Она касалась меня осторожно, почти изучающе, выводя ногтями лёгкие узоры на коже, и от этого простого движения меня вело сильнее, чем от любого поцелуя.

Лучше, чем когда-либо. Но я не спешил.

Хотел растянуть этот момент, запомнить каждый её вздох, каждое движение подо мной, каждую секунду, в которой Лана была так близко, что весь остальной мир провалился куда-то к демонам. Но потом её рука скользнула ниже, пальцы неуверенно потянулись к застёжке моих брюк, и я чуть отстранился, помогая ей.

Когда последняя преграда исчезла, её ладонь снова коснулась моего члена — ласково, робко, но уже уверенно.

Я резко втянул воздух и почти не сдержал рычание.

От её прикосновений меня накрыло так сильно, будто весь мир сузился до этой комнаты, до её дыхания, до её пальцев и до одного простого, безумного желания — наконец сделать её своей.

— Лана, если ты продолжишь в том же духе, я кончу быстрее, чем успею войти в тебя, — прошептал я ей на ухо, и собственный голос прозвучал ниже, чем обычно.

— Я хочу тебя, Неймор, прямо сейчас хочу... — её голос был хриплым от стонов и возбуждения. Я почувствовал, что не могу медлить. Я быстро стянул с неё трусы и юбку, расположился между её ногами и аккуратно провёл пальцами между её ног, нащупывая нужную точку. Начал ласкать, а другой рукой обхватил член, чтобы быстрее войти в неё.

И тут я заметил её взгляд — он был взволнованным.

Не просто полный желания — нет. Там было что-то ещё. Она прикусила губу, тело заметно напряглось, и это мгновенно выдернуло меня из собственного безумия.

Что-то было не так.

Догадка пришла резко, и сердце ударило в грудь так сильно, будто я на секунду потерял равновесие.

— Ты ещё ни с кем не была? — тихо спросил я, всматриваясь в её лицо.

— Нет, — чуть слышно ответила она.

Это короткое слово слетело с её губ почти виновато. Будто ей было стыдно. Будто она в чём-то провинилась.

Я смотрел на неё и не понимал, как ей вообще могло прийти в голову стыдиться этого.

Я взял её за подбородок, заставляя посмотреть на меня, и поцеловал — глубоко, жарко, но уже без той дикости, которая ещё секунду назад рвала мне голову на части. Потом чуть отстранился и прошептал прямо у её губ:

— Тебе понравится. Обещаю.

Я вошёл осторожно, медленно, чувствуя, как она напряглась подо мной и попыталась чуть отодвинуться. Но я удержал её за бедра — крепко, не позволяя сбежать от ощущения раньше времени.

— Тише, — выдохнул я, касаясь губами её щеки. — Расслабься.

Она вцепилась в мои плечи, когда я продвинулся глубже, и из её рта сорвался тихий, сбивый стон. Я двигался мучительно медленно, сдерживая себя так сильно, что в висках гудело.

Мне хотелось войти в неё полностью, трахнуть так сильно, чтобы она закричала от удовольствия, но я знал, что в первый раз такого не будет. И мне придётся подождать.

Но я был готов. Главное сейчас — не причинить ей боль. Не испугать.

И, кажется, у меня получалось.

Лана постепенно расслаблялась, дыхание становилось горячее, пальцы уже не просто сжимали мои плечи, а скользили по коже, будто она сама пыталась удержать меня ближе. А потом она вдруг подалась вперёд, и я вошёл полностью.

На секунду у меня потемнело перед глазами.

Она застонала громче, выгнулась подо мной, и я понял, что всё хорошо. Тогда начал двигаться увереннее, всё ещё осторожно, но уже без прежнего страха. Лана отвечала мне каждым движением, каждым сбившимся вдохом, каждым звуком, от которого меня вело сильнее, чем от любой магии.

Я целовал её шею, плечи, грудь, снова возвращался к губам, не давая ей спрятаться от меня даже взглядом. Мне хотелось видеть всё: как она краснеет, как теряется, как сжимает простыню, как постепенно перестаёт бояться и начинает тянуться навстречу сама.

Я чувствовал, что долго не продержусь.

Она была слишком близко, слишком горячая, слишком моя.

Но я не хотел заканчивать раньше неё. Только не в её первый раз. Я чувствовал, что она уже почти на грани, но ей будто чего-то не хватало, и тогда я опустил руку между нами, осторожно коснулся её клитора. Понадобилось всего несколько движений.

Её тело резко напряглось, потом по нему прошла волна, и Лана застонала так, что у меня окончательно сорвало остатки контроля. Внутри неё всё сжалось, пульсируя вокруг меня, и я уже не смог удержаться.

Меня накрыло следом. Сильно, почти до боли.

Я кончил, содрогаясь от оргазма, которого не испытывал никогда и ни с кем. Это было не похоже на всё, что было раньше. Не просто удовольствие. Не просто разрядка. Будто меня затащило в неё целиком и на несколько секунд оставило без мыслей, без силы, без привычного контроля.

Мой член оказался словно в ловушке, и у меня не было ни одного шанса выдержать, когда её тело так сжалось вокруг меня.

Я стонал вместе с ней, прижимаясь ближе, тяжело дыша ей в шею. Она гладила мои плечи, проводила ладонями по спине, а я почти навалился на неё, не в силах отстраниться.

Мы лежали так, пытаюсь прийти в себя после того, что только что случилось между нами. Это был не просто секс.

Это и было то самое занятие любовью, о котором обычно говорят слишком красиво, слишком глупо, слишком приторно — так, что меня раньше от одного выражения передёргивало. Но сейчас, чёрт побери, я впервые понял, что, возможно, они не врал.

Я чуть отстранился, встретил её взгляд и тихо произнёс:

— Я люблю тебя.

Лана улыбнулась мне так же открыто, как тогда на башне.

— И я люблю тебя, Неймор.

И всё.

Словно что-то внутри наконец встало на место.

Я наконец смог дать имя тому, что творилось со мной все эти недели. Не просто желание. Не просто привязанность. Не очередная слабость, которую можно высмеять, задушить и сделать вид, что ничего не было.

Это была любовь.

Впервые за долгие годы я чувствовал что-то настолько сильное, светлое и живое, что даже не знал, как это выдержать. Эта любовь к ней разрасталась внутри с каждой секундой, заполняла всё, текла по венам сладким ядом, и я понимал: я уже зависим от неё так сильно, что без её улыбки, без её голоса, без её взгляда просто не смогу.

Я не мог поверить, что такое вообще могло случиться со мной.

С тем, кого с детства учили не привязываться, не доверять, не просить и не ждать от людей ничего хорошего.

А она лежала рядом, такая настоящая, такая моя, что у меня внутри почти больно сжималось от одной мысли, что я могу её потерять.

Я смотрел на Лану и понимал только одно.

Если однажды мне придётся выбирать между ней и всем остальным миром — я выберу её.

Даже не задумываясь.

Глава 10 Приказ, который нельзя не исполнить

Лана

Tamer - Beautiful Crime

Время тянулось безумно медленно. Мне казалось, будто я застряла во временной петле, где каждый новый день почти не отличался от предыдущего.

После того случая в библиотеке Неймор снял с меня наказание одиночества. Теперь мне разрешалось выходить из комнаты в определённые часы и ходить в библиотеку, а также брать книги с собой. Это радовало меня больше всего, потому что только там я могла забыться, погружаясь в чужие истории. Наверное, именно книги и удерживали мой рассудок от того, чтобы окончательно не свихнуться.

Кроме того, я могла приходить на завтраки, обеды и ужины.

Точнее, у меня не было выбора — это было моей обязанностью.

Эти встречи не приносили мне никакого удовольствия, и каждый раз я мечтала только об одном: как можно скорее закончить трапезу и вернуться в библиотеку.

Неймор больше не прикасался ко мне. Но его взгляд... он всегда смотрел на меня странно, пристально, будто пытался что-то прочесть во мне, и от этого по коже каждый раз пробегали мурашки.

Иногда он рассказывал о новом мире, о том, что изменилось после войны, о том, что осталось прежним. Я слушала его внимательно, каждый раз надеясь, что он хоть вскользь упомянет моих друзей.

Но он говорил о ком угодно. Только не о них.

Сегодня мы сидели на привычном месте за завтраком. Неймор разглядывал голограмму, которую вызвал браслетом связи.

Я украдкой следила за ним. Как же сильно я хотела такой же браслет. То, что раньше казалось обычной вещью, сейчас ощущалось острой необходимостью. Это был единственный источник информации и хоть какого-то развлечения для меня в этом замке, помимо книг. Каждый раз, когда я видела, как он смотрит новости или с кем-то общается, меня охватывала зависть.

— Знаешь Моригана Свариуса? — вдруг спросил Неймор, поднимая на меня взгляд. — Помнится, этот мелкий засранец всё время крутился возле твоего парня. Любил Сильвариса не меньше чем ты.

Я вынырнула из тяжёлых мыслей и встретила его прямой взгляд. Я привыкла к тому, что он общается только язвительно, и давно перестала реагировать.

— Помню, — тихо ответила я.

— Так вот, он вступил в дружину Фодеса. Теперь разыскивает беглых преступников. Ловит таких, как ты, «хороших» светлых магов — и убивает на месте, если они не сдаются.

— А у него был выбор? — тихо спросила я, не отводя взгляда.

— Был, Лана. Принять смерть. Но он выбрал другое — забирать жизни у своих же.

В раздражении я сжала пальцы. Зачем он это рассказывает? Хочет самоутвердиться? Или доказать мне, что все люди одинаково гнилые?

— Мерзкий трус. И таких большинство, — продолжил он. — Все эти «хорошие мальчики» сразу склонили голову перед Фодесом, как только он победил. Потому что они слабые ублюдки. Я всегда это знал.

— Ты бы сделал так же, Неймор.

Он усмехнулся.

— Нет, Лана. Не сделал бы. Потому что я изначально был на стороне победителя. У меня есть мозги — в отличие от этих придурков. Я никогда не изображал из себя героя. Я знаю,

кто я, и не скрываю этого. А они всю жизнь притворялись благодетелями, но в глубине души всегда были убийцами.

От его слов мне стало не по себе. *Может, он прав? Нет... нет, этого не может быть. Это война делает людей монстрами — стирает доброту и сострадание, оставляя лишь инстинкт выжить, когда другого выбора нет: или ты убьёшь, или тебя.*

— И много таких, как он? — спросила я неожиданно даже для себя.

— Много, Лана. Почти все дружки Сильвариса...

— А Каил? Что с ним? — моё сердце замерло: я боялась услышать то, что не смогу пережить.

— Каил в бегах, — сухо ответил Неймор. — Но это временно. Уверен, его найдут и он встанет под знамя Фодеса, как и остальные.

Сердце забилося чаще. *Он жив.* Близкий друг Тома, любимый парень моей подруги Селины — жив. Пусть и скрывается.

Мы общались с ним не слишком тесно, но вчетвером — я, Томас, Селина и Каил — мы проводили много времени. Они с Селиной всегда были добрыми, светлыми, очень хотели свести меня с Томом, шутили, что однажды мы будем дружить семьями.

Я едва заметно улыбнулась этим тёплым воспоминаниям и опустила взгляд в чашку, чтобы Неймор не увидел.

— Кстати, Лана, — произнёс он властным тоном, требующим внимания.

Я сразу подняла глаза, мысленно готовясь к очередной «приятной новости».

— В рядах служанок пополнение. Ты будешь приятно удивлена, — он ухмыльнулся и поднялся с кресла. — Вечером будет приём, так что приготовься просидеть в комнате и не привлекать к себе внимания.

Он развернулся и вышел из гостиной, даже не оглянувшись.

Я осталась сидеть за столом, но недолго. Со стороны послышались шаги. Я повернула голову — и в тот же миг слёзы хлынули в глаза от неожиданной, оглушающей радости.

Ко мне шла Феодора. А рядом — моя подруга из колледжа, Милания.

Та же одежда, тот же фартук, что и на Феодоре — и я сразу поняла, кого Неймор имел в виду. Милания. Новая служанка дома Дракморн.

— Ми... Милания... — прошептала я, голос сорвался. — Милания...

Она смотрела на меня таким же взглядом — полным радости, облегчения и блеска от подступивших слёз. И как только они подошли ближе, я больше не могла сдерживаться: вскочила со стула и бросилась к ней.

Она обняла меня сразу. Мы обе разрыдались. Обнимались так крепко, что казалось, сейчас задохнёмся. Феодора стояла рядом, молча, давая нам время.

Не знаю, сколько прошло минут, но отпускать её не хотелось. Казалось, стоит мне разжать руки — она исчезнет, как мираж.

— Девушки... вам обеим нужно успокоиться и прийти в себя, — тихо сказала Феодора.

Я нехотя разжала объятия и посмотрела в заплаканное лицо подруги.

— Я так рада, что ты жива... — прошептала я дрожащим голосом.

— И я рада, что ты жива, Лана, — ответила она, мягко погладив меня по плечу.

— Что с тобой произошло? — спросила я, пытаюсь справиться с дыханием. — Я видела тебя в последний раз в замке, во время нападения. Что было потом?

— Нас всех схватили... меня, Селину, других... — её голос дрогнул. — Парней, которые сопротивлялись... казнили прямо у нас на глазах...

Она осеклась, не в силах продолжить.

— У нас не было выбора, — тихо продолжила Милания. — Мы сдались. Нас отвезли в тюрьму, и почти две недели мы пробыли там... Потом для каждого пришло распределение. Кого-то отдали в дома приближённых Фодеса как награду... как тебя. Кого-то отпустили и

выдали работу... вроде меня. В основном это коснулось слабых магов — от них мало вреда. Так я и стала служанкой в обмен на свободу.

Мне было больно это слышать. Какая же это свобода, если Милании приходилось прислуживать людям, которые разрушили её жизнь? Это была не свобода. Просто другая форма плена.

— Мне жаль, Милания... очень жаль, — я сжала её плечи; слёзы всё ещё катились по моим щекам.

— А что с Селиной? — выдохнула я.

— Она... она тоже была подарена кому-то как трофей. Но я не знаю кому, — шёпотом ответила Милания.

— А ты, Лана? — вдруг спросила она, всматриваясь в моё лицо. — Как ты здесь?

— Со мной всё хорошо, я почти на курорте, — я попыталась пошутить сквозь подрагивающую улыбку. — Если вообще можно назвать курортом заточение в замке Неймора. Думаю, моё положение — ещё не самое худшее.

— Девушки, у вас ещё будет время поговорить, — мягко, но строго прервала нас Феодора. Мы обе обернулись и послушно кивнули.

— Милания, прошу — к столу, за работу. А вы, мисс Лана, можете пройти в библиотеку до вечера. Перед ужином я провожу вас в комнату. Сегодня в замке приём, и господин приказал вам оставаться в своей комнате.

— А что за приём? Кто приедет? — спросила я, вытирая слёзы ладонями.

— Правитель. И отец господина Неймора, — тихо ответила она.

Холод сжал сердце. *Фодес*. Быть так близко к нему... даже через стены — слишком близко.

Меня передёрнуло. И вместе со страхом вспыхнула ярость.

— Мисс Лана, прошу вас, — повторила Феодора. Она осторожно подтолкнула Миланию к столу, и они занялись уборкой.

Я обернулась ещё раз, поймав взгляд Милании.

— Ещё увидимся, — шепнула я ей и поднялась по лестнице.

Я быстро добралась до библиотеки. Мне нужно было срочно отвлечься — мысли наваливались одна на другую, душили, царапали изнутри.

Я была счастлива, что увидела Миланию. Счастлива, что узнала — Селина жива, Каил жив.

Но их положение... такое же тяжёлое, как и моё.

А приезд Фодеса... От одной мысли о нём меня трясло. Я думала, что хочу убить его — но знала, что не смогу. И это бесило ещё больше.

Я взяла несколько книг и попыталась вытолкнуть всё это из головы. Нужно просто пережить этот день. А потом я смогу поговорить с Миланией ещё, узнать о других, о новостях... хоть что-то.

Я углубилась в чтение — и не заметила, как пролетело время.

Феодора тихо вошла в библиотеку и сообщила, что уже вечер и мне пора в комнату.

Я собрала пару книг, чтобы продолжить чтение там. Мне не хотелось просто сидеть без дела, зная, что внизу веселится кровожадный убийца, и нас разделяют лишь несколько стен.

— Приём уже начался? — спросила я служанку по пути в комнату.

— Нет, мисс Лана, — покачала головой Феодора. — Но правитель прибудет совсем скоро.

— А Неймор?

— Он внизу, ожидает гостей, — спокойно ответила она.

Ждёт хозяина, как преданный пёс. Я скривилась. Такой же мерзкий ублюдок, как и Фодес. Убийца и лицемер.

От собственных мыслей становилось только хуже. Я резко мотнула головой, пытаюсь вытолкнуть образ Неймора.

Войдя в комнату, я опустилась на кровать. Воспоминания нахлынули сразу: колледж, Томас, свободная жизнь... Но мысли о Нейморе не отставали, снова и снова проникали в водоворот воспоминаний.

Пары по истории, которые мы посещали вместе... Сначала они дарили мне искреннее удовольствие. А потом стали пыткой — каждый раз, когда я входила в кабинет, сердце словно сжимали тиски боли.

Я легла, раскрыла книгу, пытаюсь спрятаться в чужом мире. Но мысли не давали покоя, шевелились в голове, как змеи.

Я несколько часов безуспешно пыталась отвлечься.

Когда за окном почти стемнело, я подошла к окну — взглянуть, происходит ли что-нибудь снаружи. Осторожно раздвинув штору, увидела мужчин в тёмных костюмах. Они сгруппировались у входа — приём уже шёл, все гости, кажется, прибыли.

Мне стало не по себе. Комната казалась тесной, воздуха не хватало. Мысль пробраться и посмотреть, что происходит внизу, не отпускала. Она свербела в груди, толкала вперёд.

Я пару раз подходила к двери, почти касалась ручки... но каждый раз отступала.

Но новый порыв оказался сильнее. Рука сама легла на ручку. Я осторожно провернула её — дверь была не заперта.

Я медленно приоткрыла её.

Волна адреналина ударила в грудь. Было страшно до дрожи, но я всё же шагнула в коридор.

Двигалась тихо, как могла, — боялась даже дышать громко. Я оглядывалась по сторонам, но наверху никого не было — все были внизу, заняты приёмом. Значит, пока мне нечего опасаться.

Подойдя к лестнице, я прижалась к стене и осторожно выглянула вниз. Внизу почти ничего не было видно — лишь несколько смутных фигур вдалеке. Они держали стаканы, разговаривали, но слова я разобрать не могла.

Вдруг две тени быстро приблизились к лестнице. Это были Неймор и его отец, Эварион.

Даже издали было заметно их сходство. Такой же высокий рост, широкие плечи и холодные голубые глаза. Седые волосы Эвариона были зачёсаны назад, а тёмный строгий костюм лишь подчёркивал его суровый вид. Сейчас его лицо выглядело особенно напряжённым — челюсть была сжата, а губы превратились в тонкую линию.

Я отпрянула, прижалась к стене, стараясь не дышать. Страх стиснул меня так сильно, что я едва удерживалась от паники. Я вслушивалась — поднимаются ли они наверх? Но нет. Они остановились прямо у лестницы и о чём-то говорили. По тону было ясно — разговор тяжёлый.

— Неймор, ты скоро станешь хранителем и заменишь меня рядом с Фодесом. Тебе нужно быть серьёзнее. — Отец, я и так серьёзен. Куда больше? — Ты сам привлёк внимание Фодеса, когда выпросил девчонку в свой дом, вместо того чтобы позволить ему решать её судьбу. Чего ты ожидал? Что он забудет? Что ему не станет любопытно?

— Какое ему дело до неё? — раздражённо бросил Неймор. — Она никто. Слабая волшебница, таскалась рядом с Сильварисом. От неё никакой пользы. — Однако тебе она понравилась, Неймор. Скажи — зачем?

Он замолчал. Затем холодно произнёс:

— Хотел развлечься. Она встречалась с Сильварисом — я посчитал забавным поиграть с ней.

Эварион тяжело выдохнул.

— Вот об этом я и говорю. Тебе мало шлюх в борделе? Никто и слова не скажет, если ты переберёшь их всех. Но ты решил взять *определённую*. Личную. Фодес, между прочим,

остальных раздал почти всем своим подданным. Поверь, никто не горит желанием возиться с этими... остатками.

Неймор молчал.

— Советую тебе, сын. Избавься от неё. Тогда его интерес к тебе поубавится — хотя бы на время. Пока ещё можешь спокойно развлекаться в борделе.

Шаги — Эварион ушёл. Я робко выглянула. Внизу стоял только Неймор — опустив голову, как будто изучал ступени. Но ненадолго.

К нему подошёл седой мужчина, положил руку на плечо. Моё сердце ухнуло. *Фодес*.

Я мгновенно спряталась обратно, прижавшись к стене так сильно, что она будто вдавилась мне в спину. Уши заложило от страха.

— Неймор, дорогой, — протянул Фодес сладким, слащавым голосом, — отец снова грузит нравоучениями, не так ли?

— Господин... не стоит волноваться. Всё хорошо. Просто болтали, ничего, достойного вашего внимания.

Я почти физически ощущала, как он избегает взгляда Фодеса, как съёживается перед ним.

— Я понимаю, — мягко произнёс Фодес. — У меня тоже был отец. Пытался учить меня жизни. Жаль — советы оказались пустыми. Он недооценил меня. А я, как видишь, добился всего. Так что... не ко всем родительским словам стоит прислушиваться.

Он сделал паузу, и в этой короткой тишине вдруг стало слишком тяжело дышать, будто само пространство вокруг сжалось.

— Посмотри мне в глаза, сынок, — приказал он спокойно, но в этом спокойствии чувствовалась сила, от которой невозможно было уклониться.

Наступила тишина. Тягучая. Неприятная.

Несколько долгих секунд они молчали, и в этот момент я вдруг догадалась, что происходит на самом деле.

Фодес читал мысли Неймора.

От этого осознания мне стало не по себе, холод пробежал по коже, заставляя внутренне сжаться.

— Неймор... фантазии очень впечатляют... — протянул Фодес, и в его голосе прозвучало что-то насмешливое. — Но действия были бы куда убедительнее...

Я не понимала, о чём он говорит.

Совсем.

— Господин... я был занят работой... совсем было не до этого... — ответил Неймор, и его голос звучал ровно, но в нём чувствовалось напряжение.

— Ох, сынок... — мягко, почти ласково продолжил Фодес, и от этой интонации стало только хуже. — Ты так молод... и у тебя уже так много обязанностей... мне совсем не хочется, чтобы ты тратил свои лучшие годы на эту никчёмную работу...

Он сделал паузу, а затем добавил чуть громче, отчётливо, будто смакуя каждое слово:

— Я могу выделить тебе больше выходных... чтобы ты мог как следует отдохнуть...

— Благодарю, Господин... не нужно... — ответил Неймор, чуть тише, но всё так же сдержанно. — Я уже почти привык к новому ритму...

Фодес вдруг перешёл на шёпот, и я больше не могла разобрать слов, как ни старалась, как ни напрягала слух, до меня долетали лишь обрывки, разорванные, бессвязные:

...ты можешь... ..это реальность... ..передумать... ..отдать... ..я прослежу... ..громче...

Слова не складывались в смысл, ускользали, будто нарочно, и от этого становилось только тревожнее.

Потом наступила пауза.

Тишина повисла тяжёлой, давящей, и в следующую секунду снизу донёсся шум — глухой гул голосов, прерываемый чьими-то возбуждёнными возгласами.

— А вот и девушки... так что никто не будет скучать, — с довольной усмешкой закончил Фодес.

Я невольно сморщилась, чувствуя, как внутри поднимается глухое отвращение. *Они заказали проституток и теперь собираются развлекаться с ними* — неприятный вывод напрашивался сам собой. Я задержалась ещё на мгновение, прислушиваясь, но почти сразу поняла, что больше ничего важного здесь не услышу.

Тихо, стараясь не издать ни звука, я развернулась и осторожно двинулась обратно по коридору, почти на цыпочках, боясь, что даже самый тихий звук выдаст меня. Я всё время оглядывалась через плечо, будто кто-то мог появиться в любую секунду, и это напряжение заставляло сердце биться быстрее.

Добравшись до двери своей комнаты, я коснулась холодной ручки, и в ту же секунду, не давая себе времени на раздумья, быстро открыла её и проскользнула внутрь.

Дверь захлопнулась за моей спиной.

Я резко выдохнула, только сейчас осознав, что всё это время почти не дышала. Воздух обжёг лёгкие, а сердце всё ещё колотилось где-то в горле.

Я медленно опустилась на кровать, пытаясь прийти в себя.

Просто сидела, стараясь ни о чём не думать, удержать внутри хотя бы иллюзию тишины и покоя.

Мне казалось, что здесь я в безопасности. Что меня не заметили. Что всё позади.

Но вдруг за дверью раздались шаги.

Страх мгновенно сжал грудь. Холодная волна прокатилась по телу, заставляя замереть.

Я до последнего пыталась убедить себя, что тот, кто идёт сейчас по коридору, направляется куда угодно... только не ко мне.

Шаги затихли.

И в следующую секунду дверь в мою комнату резко распахнулась.

В комнату вошёл Неймор.

Он вошёл быстро, и его лицо застыло в напряжённом выражении. Губы были поджаты, а взгляд пронизывал меня насквозь, как холодный клинок. Мне стало страшно, и я приоткрыла рот, вытаращив глаза, наблюдая, как он медленно приближается.

— Встань! — рявкнул он, и в его голосе не было ни капли сомнения. Он резко схватил мою руку и потянул, заставляя встать.

Меня парализовал ужас. Он резко развернул меня и толкнул на кровать, так что я упала лицом прямо на неё. И я поняла, что он собирается делать со мной...

Я вскрикиваю, пытаюсь отползти, но Неймор оказывается слишком близко. Он хватается за бёдра и тянет к краю кровати, спуская меня с неё и ставя на колени. Сам он располагается сзади, хватается за шею и грубо придавливает лицом в матрас — так сильно, что я ощущаю боль. Слезы текут по щекам — от ужаса, от бессилия. Я пытаюсь подняться, вырваться, но его хватка не отпускает.

Нет... он видел меня у лестницы, он узнал, что я подслушивала...

Сердце бешено колотится, ладони дрожат, дыхание становится прерывистым. Каждое движение, каждый его вдох дают понять, что он может делать со мной всё, что захочет, и я полностью в его власти.

Что мне делать?... Он же говорил... Я не могу поверить...

Он держит меня крепко, другой рукой задирает мою юбку. Я слышу, как он расстёгивает ремень и ширинку на своих штанах, и понимаю, что ещё пара секунд — и он войдёт в меня.

— Нет... нет... нет, — шепчу я, голос дрожит. — Прошу, не надо... Ты же говорил, что не хочешь насиловать меня!

Я ёрзаю, всё происходит так быстро, что я даже не успеваю подумать, настроить себя на это.

Он вдруг хватает меня за волосы и тянет к себе. От боли я выгибаюсь, поддаваясь его движению. Он кладёт голову мне на плечо и сквозь зубы, с ледяным спокойствием, шепчет:

— Я солгал тебе.

И внутри меня, словно что-то... разрывается... на части...

И снова он прижимает меня лицом в матрас. Я не успеваю вдохнуть — воздух будто исчезает. Я чувствую, как он касается холодными влажными пальцами между моих ног — и этого достаточно, чтобы тело дёрнулось от резкого ощущения.

Почему... Почему это происходит?

Он медленно входит в меня.

Я вскрикиваю от боли и обиды, пытаюсь податься вперёд, вжаться в кровать. Но не могу — я зажата между кроватью и Неймором и не могу никуда деться. Он замирает на пару секунд, а затем начинает резко и грубо вбиваться в меня.

Я хватаюсь руками за одеяло, плачу и начинаю вскрикивать от каждого его движения внутри себя. Но ничего не могу изменить. Он держит меня за волосы одной рукой, второй — за бедро, больно впиваясь пальцами. От каждого толчка боль прокатывается по телу, смешиваясь с чем-то ещё — с унижением, с отчаянием, с чем-то, что я не хочу чувствовать.

Я не смогу... Не смогу это вынести...

Каждая секунда растягивается, становится бесконечной. Время будто замедляется, вязнет, перестаёт идти вперёд.

Я слышу его тяжёлое дыхание сзади, чувствую его, слишком близко, слишком реально — и в какой-то момент он снова притягивает меня к себе.

— Давай, Лана, кричи! — властным, хриплым голосом приказывает он.

Почему?.. Почему он такой?.. Зачем он это делает?..

Я плачу, не понимая, за что, почему именно так, почему именно со мной.

— Я сказал, кричи!

Он обхватывает меня за подбородок, задирая голову вверх и болезненно сжимая челюсть. Я начинаю стонать, уже не контролируя себя. Его темп ускоряется, становится быстрым, резким, не дающим передышки. Дыхание окончательно сбивается, воздуха не хватает. На крик уже не остаётся сил.

Он резко отпускает меня, и я падаю обратно на кровать, едва удерживаясь на локтях. В следующую секунду он хватает меня за обе руки, заводит их за спину и крепко сжимает запястья. Боль вспыхивает снова — сильнее прежнего.

Я всхлипываю, уже не понимая, что мучает сильнее — тело или то, что происходит внутри.

— Я сказал: кричи.

Он наклоняется к самому уху, и его голос становится тише, опаснее.

— Или я заберу кольцо твоего возлюбленного. То самое, последнее, что осталось от него. Эти слова быют сильнее любой боли. У меня перехватывает дыхание.

— Нет... нет... не надо! — вырывается у меня, и голос срывается на крик.

Его движения становятся ещё быстрее, ещё жёстче. Я плачу, молю, кричу — как он и хотел — и в какой-то момент остаётся только одно желание: пусть он быстрее закончит.

Ещё несколько движений — и я чувствую, как он замедляется, хватает меня за бедро, вжимаясь так сильно, что мне становится тяжело от его веса, которым он наваливается на меня.

Его тело на мгновение напрягается, а затем хватка постепенно слабеет.

Он ослабляет хватку, отпускает мои руки и медленно выходит из меня.

Я снова хватаюсь за одеяло, тяжело дыша от боли и слёз, и, оставаясь в том же положении, продолжаю плакать, не двигаясь.

Я ощущаю липкую влагу на бедре, и мне больно от этого, будто она прожигает мою кожу. Он быстро застёгивает штаны, опускает мою юбку и встаёт. Я выпрямляюсь, всё так же стоя на коленях, смотрю вперёд, не решаясь повернуться в его сторону.

Но он хватается за плечо и поднимает с колен на ноги. Я не сопротивляюсь.

Он резко разворачивает меня лицом к себе и с силой поднимает подбородок, заставляя встретиться взглядом. Его холодный, пронизывающий взгляд скользит по моим заплаканным глазам и пересохшим губам. Тон ледяной, почти шёпот:

— Теперь так будет всегда. Привыкай.

Его слова вонзаются в меня глубже любой боли.

Не дожидаясь реакции, он отпускает меня и, не оборачиваясь, уходит.

Ещё пару секунд я просто стояла и смотрела в одну точку, пытаюсь осознать, что только что произошло.

А потом опустилась на кровать, обхватив себя руками. Боль накатывала волнами — и телесная, и та, что обжигала изнутри сильнее любого удара. Казалось, воздух в комнате стал тяжелее, а мир — уже не мой.

Кольцо на пальце блеснуло в тусклом свете, и я уставилась на него, будто в нём могла найти ответ.

За что мне всё это, Том? Почему я? Если бы ты был жив, ты бы пришёл за мной. Ты бы нашёл меня. Ты бы спас. Но тебя нет в этом мире... и кто теперь защитит меня?

— Забери меня... — прошептала я дрожащими губами, зная, что это бессмысленно.

Слёзы всё ещё текли по лицу. Я машинально провела пальцами по запястьям — они саднили, а кожа под ними была синюшной от грубого хватания. На миг я горько усмехнулась.

Он опять солгал. Опять сыграл со мной, как с игрушкой. Говорил, что не хочет причинять мне вреда... что не хочет насиловать меня. А потом — просто сделал. В тот момент, когда я меньше всего ожидала.

Туман воспоминаний снова накрыл меня. Тот Неймор — из колледжа, внимательный, нежный — всплыл перед глазами так резко, что от контраста перехватило дыхание. И стало ещё хуже. Боль в голове прострелила виски, грудная клетка будто сжалась в кулак.

Я медленно легла, свернувшись на кровати, пытаюсь спрятаться от бури. Боль не отступала. Ни снаружи, ни внутри.

Как мне выбраться отсюда? Куда бежать? Кто поможет теперь?

Но я уже не могла думать. Просто закрыла глаза и продолжила лежать, не чувствуя ни времени, ни пространства. Казалось, что хуже уже быть не может — что я достигла какого-то предела.

Я даже не услышала, как открылась дверь. Чьито шаги стремительно приблизились, и только знакомый сорванный голос заставил меня приоткрыть глаза.

— Лана... Господи, Лана! — Милания почти упала рядом со мной, её лицо было бледным, а глаза полны паники. — Встань... Я помогу тебе, слышишь?

Она тянулась ко мне, но в последний момент отдёргивала руку — будто боялась причинить ещё больше боли. А я... я чувствовала дикий стыд от того, что она видит меня такой. Сломанной.

Я попыталась сесть. Тело не слушалось — казалось, будто меня избили, а не изнасиловали. Я стиснула зубы, собирая остатки сил, и всётаки выпрямилась, пусть и дрожащими руками.

Милания осторожно коснулась моего плеча, как касаются чьего-то хрупкого и раненого.

— Лана... я принесла тебе зелье. Оно должно помочь, — прошептала она, доставая из кармана маленький флакон с ярко-красной жидкостью. Она открыла его дрожащими пальцами и протянула мне.

— Что это?... — мой голос едва слышался.

— Обезболивающее. Оно... снимет боль. Любую. Хотя бы на время.

В её взгляде было столько настоящей заботы, что мне на мгновение стало легче. За всё время, что я здесь, — месяц, может, чуть больше, хотя казалось, будто прошла вечность, — я не видела ни от кого такого отношения.

— Откуда оно у тебя?.. — спросила я вдруг.

Милания опустила глаза. Она молчала всего секунду, но мне не нужно было ответа — я уже поняла.

— Неймор дал мне его, — тихо сказала она. — И приказал... прийти к тебе... помочь.

Ублюдок насилует, а потом подсовывает зелье от боли, какое же он чудовище. Ненавижу его.

Мне было так плохо, что стало совершенно всё равно. Я выхватила бутылёк из её рук и, не задумываясь, залпом выпила содержимое.

— Если бы это оказался яд и я умерла, это было бы прекрасным сюрпризом, — произнесла я с вымученной улыбкой.

Милания резко поджала губы, заглядывая мне в глаза:

— Лана... откуда у тебя силы ещё и шутить?

Я действительно не знала, что ответить. И она поняла это по моей тишине.

— ...Я бы не выдержала подобного, — прошептала она, опуская взгляд. — Я бы сошла с ума... или сердце бы просто не выдержало. Особенно если бы это сделал тот, кого я когда-то любила...

— Милания! — перебила я, слишком резко. — Не надо. Не хочу это слышать.

Она вскинула на меня глаза — большие, полные жалости и вины.

— Прости... прости меня. Пойдём. Я отведу тебя в ванную. Помогу смыть всё... всё это.

Я попыталась подняться — и вдруг поняла, что боль действительно уходит, будто кто-то вынимает её из меня тонкими иглами. Тело становилось легче, а внутри, там, где рвалась кровоточащая рана, медленно поднималось ровное, ледяное спокойствие.

Мне стало проще дышать. Слишком просто.

Я вспомнила о Томасе... и не почувствовала той жгучей удушающей боли потери. Лишь сердце едва заметно сжалось. Только мысль: *сейчас должно быть больно*. Но не было.

Это было странно, но это не напугало меня — страх тоже остался где-то далеко. За завесой. Я шла в ванную ровным, спокойным шагом. Ничего вокруг меня не задевало. Ничего не волновало.

Я разделась без единой тени стыда, залезла в горячую воду. Милания что-то говорила, суежилась, но её слова тонули в шуме воды.

Я просто сидела, чувствуя, как тепло скользит по коже. И думала: как странно — вдруг перестать чувствовать вообще всё. Ни боли. Ни страха. Ни жалости. Ни радости. Ни любви.

Пустота была мягкой. И пугающе лёгкой.

Когда мы наконец вышли из ванной, в комнате уже была аккуратно застелена постель. Милания обернулась ко мне и протянула ещё одну маленькую склянку.

— Лана... это противозачаточное. Тебе нужно выпить его. Неймор приказал.

Я молча взяла баночку и тут же проглотила всё содержимое. Затем легла на постель и натянула одеяло до подбородка. Милания опустилась рядом, бережно поправляя края одеяла, словно боялась дотронуться лишний раз.

— Всё обязательно будет хорошо, — прошептала она почти неслышно.

Но я знала — не будет. И, что самое странное, сейчас мне было всё равно.

Уснула я почти мгновенно. Провалилась в густую темноту, без снов, без мыслей. Пустота внутри не позволила мозгу создать хоть какие-то картины — словно у него не осталось ни сил, ни желания, ни причин что-то мне показывать.

И, как ни удивительно, эта ночь стала одной из самых спокойных с тех пор, как я оказалась в этом замке. Спокойной — потому что я не чувствовала ничего.

Перед тем как окончательно исчезнуть в тишине, я лишь успела подумать: *Как жаль, что утро всё равно придёт и действие зелья прекратится.*

Глава 11 Первая драка

Неймор 2,3 года назад

Мы были вместе с Ланой уже три месяца, и это были лучшие дни в моей жизни. Мы наслаждались друг другом во всех смыслах. Я трахнул её в каждом закоулке этого замка, на всех башнях, во всех каморках. А сколько раз я наслаждался её телом в своей постели — Я даже пытался считать, но быстро сбился со счёта.

Фин и Дерек уже практически жили в коридоре, но молчали и лишь недовольно вздыхали, когда я снова говорил им, во сколько им нужно освободить комнату.

Но мне было на них плевать, я думал лишь о ней и о том, как она извивается подо мной. Что я только не делал с ней: ласкал её членом, пальцами, языком. Я обожал облизывать её клитор и ощущать, как она растворяется от моего языка, а когда её губы впервые сомкнулись на моём члене, я кончил почти мгновенно.

Мне столько раз отсасывали разные женщины, элитные шлюхи, но такого я не испытывал никогда в жизни. Её губы и язык были самыми ласковыми в этом мире, и я не мог выносить это удовольствие. Ей же всё это так нравилось: она была такой сексуальной и всегда дразнила меня.

Она ни капли не стеснялась меня, лезла ко мне в штаны, хватала меня за член и вставала передо мной на колени, доставляя мне невероятные ощущения. А я потом платил ей тем же — опускался между её ног и ласкал её клитор своим языком до онемения, доводил её до тысячи оргазмов в своей кровати. Она была единственной девушкой, которая вызвала у меня это желание — желание ощутить её на вкус.

И вот сейчас, после долгого времени, проведённого вместе, я обнимал её, гладил плечи и вдыхал аромат её волос. Лана, растрёпанная и всё ещё переводящая дыхание, внезапно поднялась.

— Неймор, сколько времени? — спросила она, и глянула на браслет на руке. — Блин... мне пора на вечернюю пару! — добавила она, быстро собирая вещи.

Я наблюдал за ней, слегка прикрывшись одеялом, и каждый её жест, каждая мелочь вызвали во мне желание продлить этот момент ещё хоть немного.

— Лана, останься со мной! — протянул я руку. Она отпрянула, натягивая на себя чёрную короткую юбку и слегка ворча: — Неймор, если меня отчислят... ты будешь недоволен. Я уеду далеко, — продолжила она, — и туда ты точно не сможешь так просто телепортироваться.

— Хочешь, я дам декану денег, чтобы он поставил тебе зачёты? — я посмотрел ей в глаза. — Очень смешно, Неймор! — улыбнулась она, заканчивая с белой рубашкой.

Но я не шутил. Я был готов на многое, лишь бы она оставалась рядом. И уж устроить пару оценок у декана — было самым простым способом продлить наши минуты вместе.

Она пристально посмотрела на меня, уперев руки в бёдра: — Что ты лежишь? Вставай, кто по-твоему меня в кабинет перенесёт?

Она начала собирать мои вещи и слегка подшучивать надо мной. Я с неохотой встал и начал одеваться. Она поправляла волосы, следила за одеждой у зеркала, а я стоял позади, ожидая, пока она закончит.

Вдруг она повернулась, увидела, что я готов, слегка прищурилась и улыбнулась: — Везёт вам, мужчинам, вы красивые от природы и вам не нужно тратить время на сборы, как нам, женщинам.

Я шагнул ближе, заглянув ей в глаза, и тихо сказал: — Ты, Лана, самая красивая в мире. Даже растрёпана, даже после сна, всегда... и я люблю тебя любой.

Я коснулся её губ, она обняла меня в ответ, и мы разделили долгий, полный эмоций поцелуй. Но она вскоре отстранилась, улыбаясь, и направилась к сумке.

— Я тоже тебя люблю, Неймор, — сказала она, обнимая меня, — но мне нужно, чтобы ты срочно перенёс меня к кабинету четыреста шестьдесят, и тогда мы ещё долго сможем быть вместе.

Я обнял её и, аккуратно поддерживая, перенёс за угол к нужному кабинету. Когда она пришла в себя, я быстро чмокнул её в щёку, она ответила широкой улыбкой и поспешила к кабинету.

Я выглянул и стал следить за происходящим: возле кабинета толпились студенты, готовясь войти, но что-то их задерживало. Лана затерялась среди них, однако я всё равно видел её.

Я задержался дольше, чем ожидал, просто наблюдая за ней: за тем, как она поправляет волосы, как здоровается со знакомыми студентами, как легко улыбается. Мне нравилось смотреть на неё вот так — издалека — и спокойно наслаждаться её красотой.

Я заметил Томаса Сильвариса почти сразу: он вышел откуда-то из толпы и подошёл к ней со своей слишком широкой, правильной улыбкой, будто мир только и ждал, когда этот благодетель решит осчастливить его своим появлением.

Они, кажется, здоровались.

Лана стояла спиной ко мне, я не видел её лица, но физиономия этого ублюдка была хорошо видна, и она злила меня. Он смотрел на неё не так, как следовало бы, и я почувствовал, как кулаки непроизвольно сжимаются.

Что он вообще делает на вечерней паре? Сюда приходят студенты, у которых проблемы с учёбой, со всех факультетов. У этого придурка вряд ли есть хоть какая-то причина здесь быть — любой преподаватель боится его завалить, как и меня. А Лане приходится отдуваться за пропущенные пары.

Я наблюдал, не понимая, что он так воодушевлённо ей рассказывает. Она кивала, что-то отвечала, и вот студенты наконец заходят в кабинет — они вдвоём проходят внутрь, и я теряю их из виду.

Ревность ударила резко, без предупреждения, как нож под рёбра, и на секунду в голове стало пусто.

Что этому выродку нужно от моей Ланы?

Я был уверен: здесь что-то не так. И от этой мысли меня накрывало такой злостью, что хотелось вернуться, вытащить Сильвариса из кабинета и наконец проверить, насколько крепко держится его правильная морда.

Я телепортировался в комнату.

Фин и Дерек уже сидели там и что-то обсуждали, но, увидев моё лицо, тут же заткнулись. Подскочили, выпрямились и замерли, как два идиота на построении.

Я ходил по комнате, весь красный и напряжённый, сжимая кулаки. — С кем встречается Сильварис, знаете? — спросил я, останавливаясь напротив них.

Они переглянулись.

— С Селиной? — пробубнили почти хором.

— Нет, дебилы! — сорвался я, обхватив голову руками. — Не с Селиной. Чёрт... я что-то упустил.

Лана общалась с Томасом, я это знал. И, как бы сильно меня это ни бесило, я не запрещал ей.

Я говорил себе, что наша с Сильварисом вражда закончена, что мне плевать на него и его благодетельскую рожу, что дружба Ланы с Селиной всё равно тянет за собой Томаса, Каила и всю их правильную компанию. Я не хотел ставить её перед выбором. Ей нравились эти люди, и, как ни раздражающе это звучало, я даже понимал, почему.

Но она всё время повторяла, что Сильварис встречается с девушкой с того момента, как Лана пришла в колледж. Я был уверен, что всё хорошо, опасности нет, и даже не проверил эту информацию.

Вот это уже было моей ошибкой.

— Быстро приведите Миллисент сюда! — рявкнул я, и Фин с Дерекком выскочили из комнаты.

Я сел на кровать и начал вспоминать. За всё это время я не видел Сильвариса с девушкой. Вряд ли он, как мы с Ланой, скрывал свои отношения. Ему это было не нужно. Он не был сыном Эвариона Дракморна, за которым с детства таскалась тень Фодеса, как проклятый шлейф.

Все эти месяцы Сильварис крутился рядом с Селиной, Каилом, Ланой и Миланией. Других девушек возле него я не видел, и я был почти уверен, что с Миланией он не встречался.

Но с кем же он тогда встречался? Ответ уже зрительно маячил в моей голове.

Вдруг в комнату вернулись Дерек и Фин, а между ними стояла Миллисент, недовольно нахмутив нос. Они держали её за руки, словно куклу, видимо, притащили сюда силой.

Я резко поднялся и подошёл к Миллисент. — Скажи мне, Милли... — натянуто широко улыбнулся я. — Ты ведь точно знаешь: Сильварис с кем-то встречается?

Я заглянул ей прямо в глаза. Если кто и знал всю подноготную колледжа, так это она. Все сплетни, грязь, слухи и чужие секреты хранились в её голове так бережно, будто это было единственное, на что она вообще годилась.

Миллисент чуть поёжилась, когда я подошёл слишком близко, и посмотрела на меня снизу вверх, будто ждала, что я сейчас вцеплюсь ей в горло. Обычно меня бы это позабавило, но сейчас было не до этого. Мне нужна была правда.

Она задумалась на секунду и ответила: — Нет, Неймор. Насколько я знаю... он свободен. И уже давно. Ходят слухи, что ему кто-то нравится, но кто — никто не знает. Я знаю, что Кассандра бегала за ним и даже осмелилась предложить отношения. Он её отверг — сказал, что его сердце уже как три месяца занято другой.

Меня будто ударило током.

Три месяца.

Всё сложилось в одну картину.

Я сделал несколько шагов назад и не смог удержать выражение лица.

— Вон отсюда! — рявкнул я так громко, что, казалось, стены дрогнули.

Они выскочили из комнаты без оглядки.

Меня накрыло так резко, что в ушах зазвенело. Я отвернулся к окну. Сделал шаг. Ещё. И с каждой секундой понимал: этот ублюдок всё спланировал. Он пытался увести Лану прямо у меня из под носа.

Заселение Ланы в комнату к Селине. Его «выдуманная девушка». Его внезапные проблемы с учёбой, чтобы оказаться с Ланой на одних парах. Его нейтральность ко мне — ни единого колкого слова, ничего, что могло бы насторожить.

Всё это — части одного мерзкого плана подобраться к ней ближе.

Сука. Он хотел сбить меня с толку. И у него это получилось.

Я знал, что Лана любит меня. Знал, что он ей не интересен как мужчина. Но я не был уверен в нём — и в том, на что он способен.

Я понял одно: мне нужно сказать ему, что я всё знаю. Что его план раскрыт. Что он лучше сразу забудет обо всём, иначе...

Иначе я выбью ему все зубы.

Я затянул ремень на брюках потуже, закатал рукава своей белой рубашки. Меня переполняло желание испачкать её его кровью.

И телепортировался обратно в тот же тёмный угол, затаился и стал ждать окончания пары.

Звонков вечером не было — студенты сами знали, когда уходить. Я стоял, скрестив руки, не двигаясь ни на миллиметр, пока дверь не открылась.

Наконец студенты хлынули наружу — быстро, кучно, почти бегом.

Лана и Томас вышли одними из первых, идя рядом. Он снова что-то восторженно ей рассказывал, она улыбалась, прижимая учебники к груди. Они остановились в коридоре и начали о чём-то говорить.

Я наблюдал. И злость впивалась в меня всё глубже. Ревность будто застывала под кожей раскалённым металлом. Я с трудом удерживал себя от того, чтобы выскочить и увести её прочь.

А ещё — это мерзкое чувство зависти. Он мог стоять рядом с ней открыто. Спокойно. Ничего не скрывая.

А я? Я обязан прятаться в тени, потому что если мой отец узнает о наших отношениях — он сделает всё, чтобы нас разлучить и выбьет из меня всю любовь к ней. Они попрощались легко, будто ничего особенного не произошло. Улыбнулись друг другу и разошлись.

Я спрятался за угол, дождался, пока Лана пройдёт мимо и скроется из виду, а потом вышел из тени и направился за Сильварисом.

Далеко он не ушёл. Свернул в ближайшую дверь, ведущую в соседний корпус замка, закинул сумку на подоконник и уткнулся в браслет связи — явно листал что-то с таким видом, будто был здесь совершенно случайно.

Я собрал всё самообладание, медленно вошёл, нацепив на лицо маску надменного подонка.

Он даже не вздрогнул, увидев меня. Будто ждал.

— Неймор? Давно не виделись, — будто приветствуя, произнёс он.

— Проблемы с учёбой, Сильварис? — протянул я, проходя мимо него и сунув руки в карманы. — Ай-яй. Будущий хранитель, а отстаёшь так, что приходится таскаться на вечерние пары.

— Я, в отличие от тебя, не пользуюсь именем отца, чтобы мне ставили зачёты, — спокойно ответил он, глядя прямо на меня. — Так что да, как все обычные смертные, отработываю прогулы.

— Прогулы? — я остановился перед ним и чуть склонил голову. — Интересно, откуда они у тебя. Лежишь на своей койке и дрочишь на свою несуществующую девушку?

Я смотрел ему в глаза, ожидая того самого момента, когда он поймёт: *я всё знаю*.

Но Сильварис вдруг ухмыльнулся.

В его взгляде вспыхнул азарт — наглый, огненный, почти счастливый, будто он только этого и ждал.

— Почему же несуществующую? — сказал он спокойно. — На самую настоящую. Просто пока что... не мою.

Я мгновенно понял, что он имеет в виду Лану. Внутри всё взорвалось. Я рванул к нему, схватил за рубашку и занёс руку, готовый разбить эту правильную рожу к чёртовой матери.

Но он даже не дёрнулся.

Стоял спокойно, вызываяще, смотрел прямо на меня, будто ему было плевать.

Я замер всего на секунду, всё ещё сжимая его рубашку в кулаке, и сверлил его взглядом, в котором уже не осталось ничего, кроме ненависти.

— Давай, ударь меня, — тихо провоцировал он, но в голосе уже звенел вызов. — Завтра будешь объясняться перед Ланой.

Я резко отпустил его и сделал шаг назад.

— Сволочь... у тебя ничего не получится. Она любит меня, — прошипел я, с трудом удерживая себя в руках.

— Это пока, — холодно ответил он. — Пока любит. Но ненадолго. Ты сам всё испортишь, Дракморн. Она ещё не понимает, кто ты... и кто твой отец. А когда узнает, когда увидит, что ты просто прихвостень этого ублюдка Фодеса, она отвернётся от тебя. Мне нужно лишь подождать.

— Не смей, — я смотрел на него так, будто мог прожечь насквозь. — Слышишь? Не смей даже приближаться к ней.

— Это не тебе решать. А ей, — он криво усмехнулся, подло, почти довольнo. — И, кажется, ей нравится моя компания.

Эта его улыбка была настолько мерзкой, что внутри снова всё начало закипать.

— Сука... зачем она тебе? — выдохнул я, сжимая кулаки. — Тебе что, мало других?

Он подошёл почти вплотную, спокойно, без страха, и начал подворачивать рукава рубашки, будто мы не разговаривали, а просто дошли до той части, ради которой оба сюда и пришли.

— Она прекрасный человек, — тихо произнёс он. — И не заслуживает, чтобы такой подонок, как ты, касался её.

А потом ударил.

Первым.

Прямо в живот.

Я согнулся, на секунду потеряв воздух, но тут же выпрямился и врезал ему по лицу. Он отшатнулся, успел увернуться от второго удара и сразу ударил в ответ.

Мы сцепились. Хаотично. Зло. Не раздумывая.

Дрались почти на равных — адреналин, злость, ревность смешались в одно.

Но внезапно он словно замешкался. Чуть-чуть. На долю секунды.

И мне этого хватило.

Я схватил его за рубашку и начал бить по лицу, удерживая на месте, не давая вырваться. Удар. Ещё. Ещё один. Я видел кровь, чувствовал, как костяшки пальцев саднит от каждого попадания, и меня несло так сильно, что остановиться стало почти невозможно.

Он больше не бил в ответ. Просто закрывался, терпел. Ждал.

И только на пятом ударе в голове вспыхнула мысль:

Что-то тут не так...

Он будто тянул время.

Ждал чего-то. Или кого-то.

Но было поздно. Слишком поздно.

Дверь за нашей спиной распахнулась.

Раздались женские крики:

— Неймор! — голос Ланы. — Томас! — голос Селины.

Чьи-то руки резко схватили меня сзади и оттащили от него. Я не успел ни вырваться, ни сразу понять, что произошло, только дёрнулся по инерции, всё ещё злой, всё ещё готовый добить этого ублюдка, пока до меня не дошло, кто это был.

Селина уже бросилась к Сильварису. Он корчился от боли, тяжело дышал, держался за лицо и опирался на подоконник, отлично разыгрывая несчастную жертву.

А Лана встала прямо передо мной и подняла руки, будто пыталась остановить меня.

Вот он.

Момент, которого я боялся больше всего.

Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами.

И в них был страх.

Лана переводила взгляд с меня на Томаса, потом снова на меня, и я видел, как она пытается понять, что здесь произошло, только картина перед ней была слишком мерзкой и слишком простой: Сильварис в крови, Селина рядом с ним, а я — с разбитыми костяшками и злостью на лице.

— Неймор, зачем ты это сделал? — спросила она, и голос у неё дрожал.

Я открывал рот, но слов не находил. Сердце словно замерло. Её взгляд был полон боли, и я понимал: в этот момент она видит во мне чудовище.

Не того парня, который держал её за руку, целовал в тёмных нишах и шептал, что любит, а чёртового ублюдка, который только что избил человека у неё на глазах.

— Лана... Лана, я ничего не сделал... Он сам начал, он первый ударил, — вырвалось из меня, жалко, сбивчиво, совсем не так, как я хотел.

— Я видела своими глазами, как ты бил его! — её голос дрожал, и в глазах уже стояли слёзы.

Она снова обернулась к Томасу, потом ко мне, будто разрывалась между тем, что видела, и тем, во что ещё пыталась верить.

Я шагнул вперёд, глядя на этого подлеца, который стоял в объятиях своей подружки и корчился от боли так старательно, будто всю жизнь только к этой роли и готовился.

— Ублюдок! Скажи ей правду! — крикнул я.

Лана повернулась к Томасу, и он с лёгкой, почти невинной улыбкой выдохнул:

— Лана, ничего... мы просто чуть повздорили. Вспомнили былое. Неймор вспылит.

— Не лги, сука! — сорвалось у меня.

Лана тут же вытянула руки перед собой, не давая мне подойти, хотя я даже не собирался приближаться.

Её глаза блестели от слёз, и моё сердце сжималось от боли. Это был настоящий кошмар, того, чего я так боялся.

Я посмотрел на неё с сожалением, потянул руки, но она отпрянула.

— Неймор, не надо! — её взгляд был полон испуга. Я заметил, как её глаза скользнули по моей рубашке. Я понял: она в крови. *Не моей.*

Волна злости поднялась во мне, осознание, что всё это было спланировано.

— Они подставили меня, Лана, — произнёс я сквозь зубы, и улыбка сама дёрнулась на лице, кривая, злая, беспомощная.

— Что ты имеешь в виду? — она посмотрела на меня с недоумением.

— Он спровоцировал меня. Он ударил первым! — вырвалось у меня. — Первым всегда бил я...

Я осёкся. Слова уже были сказаны. Я сам выкопал себе яму. И снова её взгляд... Она смотрела на меня так, будто всё наконец сложилось в одну мерзкую картину.

— Так это правда? — тихо спросила она. — Правда то, что о тебе говорят?

— Нет, Лана, всё не так... — я почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота.

Мне хотелось упасть перед ней на колени. Схватить её за руки, молить не смотреть на меня так, просить поверить, выслушать, дать мне хоть один шанс объяснить.

Но она лишь покачала головой.

— Прошу, Неймор... я не могу сейчас говорить. Уходи.

Я поджал губы, а потом усмехнулся сквозь боль — мерзкая привычка, чёрт бы её побрал, — окинул всех ледяным взглядом, развернулся и ушёл.

Я не мог больше на это смотреть.

Не мог стоять там и видеть, как моя любовь разрывается между мной и этим ублюдком, который только что вытащил наружу всё самое худшее во мне и показал ей так, будто это и есть весь я.

Выйдя на улицу, я будто врезался в ледяной воздух.

Он ударил по лицу, пробрался под рубашку, но мне было плевать. Я телепортировался в часовую башню и просто застыл там, глядя вниз на замок.

Паршиво было так, что хотелось разбить что-нибудь. Или кого-нибудь. Лучше — Сильвариса.

Я чувствовал себя виноватым во всём. Не заметил, как этот сукин сын подбирается к моей единственной. Не понял, как он всё просчитал, как тихо строил свою подставу, чтобы

опозорить меня перед Ланой и вытащить наружу всю гниль, которую я пытался держать под замком.

И у него получилось.

Но большее всего было не это.

Большее всего было то, что Лана встала на его сторону. Поверила не мне — ему.

Какой же я идиот.

Я стоял на циферблате, смотрел на замок сверху и не знал, что делать дальше. Хотелось сорваться вниз, найти её, заставить выслушать, объяснить всё, но я понимал: сейчас любое слово только сделает хуже.

Но одно я знал точно.

Всё не закончилось. Эта война только началась, и теперь она набирала обороты. Победить должен был один из нас.

А призом была не власть, не гордость и не эта чёртова репутация, которой все так любят давиться.

Призом была она. Моя Лана. И я не собирался её отдавать.

Глава 12 Чего ты хочешь?

Лана

Когда я открыла глаза следующим утром, душевная боль ворвалась в меня так резко, будто только и ждала момента, чтобы снова разорвать изнутри. Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь щель между шторами, мягко освещали стены комнаты, но именно их свет напоминал о вчерашнем.

Сегодня она казалась особенно острой, такой живой, будто я чувствовала её кожей. Она поселилась в груди, расползалась по телу каждый раз, как в голове всплывали воспоминания. Но сейчас она сидела прямо на сердце. На том самом сердце, по которому Неймор вчера оставил новые, глубокие раны.

Я лежала, смотрела в потолок и не хотела вставать. Но знала — это бессмысленно. Если я не поднимусь сама, он найдёт способ заставить. В своей грубой, привычной манере.

Мне было так обидно, так стыдно за собственную наивность, за ту слепую веру, которую я сама позволила ему растоптать, будто отдала без сопротивления, не задумываясь о последствиях. Я жалела себя — ту, прежнюю, которая ещё верила, ещё надеялась, ещё позволяла себе доверять.

Я всегда думала, что умею чувствовать людей, что моя интуиция не подводит меня, что я вижу их настоящими, такими, какие они есть внутри, но теперь понимала, насколько ошибалась.

Я не увидела в Нейморе тьмы, когда встретила его, не заметила, что его душа черна, как ночь, и эта мысль неприятно царапала изнутри, оставляя после себя тяжёлое, глухое чувство.

Может быть, если бы я сразу это поняла, если бы увидела всё таким, каким оно было на самом деле, всё сложилось бы иначе... и сейчас не было бы так больно.

Я поднялась с кровати, села, оглядела комнату. Всё было таким же, как и вчера. Будто ничего не произошло.

Поднявшись, я пошла в ванную. Умываясь, подняла взгляд — и встретила с собой в зеркале.

На плечах были едва заметные синяки от его рук. На запястьях — такие же. Бледные, почти прозрачные, но стоило лишь коснуться — и боль отзывалась сразу, резко, будто ещё живая.

Я смотрела себе в глаза.

И в этом взгляде было что-то чужое.

Мне стало так жалко себя... так тихо и глубоко, что внутри щемило. Я машинально потянулась к зеркалу, будто могла дотронуться до той, что смотрела на меня оттуда — поддержать, утешить, сказать хоть что-то.

Но, конечно, не могла.

Пальцы коснулись холодного стекла, и это прикосновение только сильнее возвращало меня в реальность.

Я прикусила губу, пытаясь сдержать дрожь. Лицо дрогнуло от тяжёлых чувств, но слёз не было.

Я не могла плакать. Хотя так хотелось.

Дверь в комнату открылась. Я замерла, надеясь всем сердцем, что это не он.

Вышла из ванной — и увидела Миланию.

Она окинула меня быстрым, внимательным взглядом и, едва заметно нахмурившись, обеспокоенно спросила:

— Тебе лучше, Лана?

Я попыталась улыбнуться, но губы едва послушались:

— Лучше, чем вчера.

Она протянула мне одежду — новую, но почти ничем не отличавшуюся от прежней: корсет и юбка, только теперь без шлейфа сзади, всё того же ярко-красного цвета... да, видимо, это его любимый цвет.

Мой любимый цвет — синий, как твои глаза.

Эта фраза всплыла в памяти так ясно, что меня будто ударило изнутри. Я резко трянула головой, пытаясь вытолкнуть её, избавиться от этого воспоминания, как от чего-то чужого, лишнего.

Мне не нужны эти мысли. Я не хочу помнить. Как от них избавиться?..

На мгновение мне даже показалось, что я готова удариться головой о стену — лишь бы заглушить это, стереть из памяти его голос, его слова, всё, что он делал, называя это любовью.

Роль жестокого палача подходила ему куда больше.

И тут же всплыл вчерашний вечер. Меня передёрнуло.

Идти на завтрак? Сесть с ним за один стол? Смотреть ему в глаза?

Нет.

Я не хотела видеть его. Не хотела слышать его голос. Не хотела его вообще.

Я одевалась медленно, почти намеренно растягивая каждый вздох, каждое движение — лишь бы отсрочить то неизбежное. Лишь бы встретиться с моим мучителем как можно позже.

— Милания... — тихо позвала я, чтобы отвлечься от собственных мыслей. — Расскажи, пожалуйста, что происходит в мире?

Я уже примерно месяц находилась здесь, фактически в темнице. Неймор говорил кое-что, но его слова всегда были лишь половиной правды... или красивой ложью, завёрнутой в убедительную упаковку.

Милания вздохнула, словно собираясь с силами, и начала: — Я знаю, что Фодес объявил войну стране Илюминарис. Ему нужна какая-то новая сила... но какая именно, я не знаю, Лана. И ещё... Эварион Дракморн стал лидером страны.

— Разве не Фодес лидер страны? — удивлённо подняла я бровь.

— Фодес назвал себя лидером мира, — произнесла она с горечью. — И потребовал от всех стран признать его господство. А тем, кто отказался... пригрозил уничтожением. Большинство согласилось.

— Большой убудок... — выдохнула я почти беззвучно.

— То же самое касается и всех нас, — продолжала Милания. — Все, кто принял его господство, могут жить свободно... остальные уже мертвы. Многие министры остались на своих местах только потому, что приняли власть Фодеса. Для них почти ничего не изменилось. Сильные выживут всегда... даже в колледже остался тот же ректор.

— Колледж? — я резко повернулась к ней. — Но он же разрушил его!

— Да. Но приказал восстановить. Сказал, что все достойные маги имеют право на образование. Все, кто силён. Все, кто может быть полезен миру. Студенты из древних и магически сильных семей могут продолжать учиться. Остальным... таким как мы... у кого нет значительных сил... теперь запрещено.

Она тяжело сглотнула, и я почувствовала её напряжение, пока она продолжала: — Нам можно работать только там, где разрешат. Мы — обслуживающий персонал для сильных. И если откажешься... либо смерть, либо тюрьма, Лана.

— Это же... рабство, Милания. — слова сорвались сами, горячие и горькие. — Теперь слабые маги — рабы сильных. Всё возвращается... спустя триста лет.

— Да так и есть... но выбора у нас больше нет... это новый порядок в стране...

Я тяжело вздохнула и вспомнила то, что волновало меня больше всего за всё время, проведённое здесь.

— Милания, а что с нашими родителями? Ты что-нибудь знаешь?

От одной только надежды узнать хоть что-то о них невольно сжалось сердце. Мы жили в одном городе, дружили с детства, были соседями, а наши родители хорошо знали друг друга, поэтому я отчаянно надеялась, что Милания слышала хоть какие-то новости.

— Мои родители успели уехать из страны, но связаться с ними я сейчас не могу — это запрещено, — ответила она. — Возможно, твои тоже успели уехать.

— Ты можешь попробовать позвонить им? Если они ещё в стране, то, возможно, выйдут на связь... Я помню их номера наизусть, — с надеждой посмотрела я на подругу.

— Конечно. Только сделаю это после работы. Браслетами запрещено пользоваться в замке, и перед сменой мы их сдаём. Но если твои родители успели уехать за границу, позвониться до них всё равно не получится — международную связь давно заблокировали, — ответила Милания.

— Хорошо... Милания, спасибо.

Я слабо улыбнулась. Мысль о том, что мои родители могли уехать вместе с родителями Милании и покинуть страну, придала мне сил. Может быть, хоть в этом этот монстр меня не обманул?

Но, подумав о нём и о том, что через пару минут мне придётся встретиться с ним, ком подкатил к горлу, и я лишь продолжила застёгивать туфли, стараясь не расплакаться.

— Он уже ждёт меня? — спросила я едва слышно, слова едва вырывались из груди, сжимая сердце.

— Да... — Милания отвела взгляд.

— Я... не хочу его видеть. — голос сорвался, полный боли, и он отдавался эхом внутри меня, будто ударяя по самым тонким струнам души.

— Я понимаю тебя, Лана... мне так жаль... — прошептала Милания, и я услышала, как её голос предательски дрогнул.

Её всхлип будто резанул по мне. Её слёзы трогали меня до глубины души — в них было столько искренности, что тепло, исходящее от неё, почти ощутимо касалось моей кожи. И на мгновение тёмная, вязкая пустота внутри меня стала не такой густой... будто и правда в ней можно было различить что-то, кроме бесконечной боли.

— Не плачь, пожалуйста... — я коснулась её плеча, мягко, осторожно. — Я переживу. Я уже привыкла, — соврала я ей.

Я не хотела, чтобы она расстраивалась из-за меня. Не хотела причинять боль никому — даже нечаянно.

— Пойдём, Милания, — тихо сказала я.

Мы вышли в коридор, спускаясь вниз. Каждый мой шаг отдавался глухим ударом в висках, будто в череп стучали чьи-то тяжёлые пальцы. Сердце билось всё быстрее, громче, навязчивее, пока я не ступила на лестницу... и не застыла.

Он сидел на стуле, откинувшись на спинку, расслабленный до наглости, и смотрел на меня тем же ледяным, спокойным, непроницаемым взглядом.

Как будто ничего не произошло. Как будто вчера он не держал меня за волосы, не заставлял кричать, не делал мне больно.

Моя грудь сжалась — боль вспыхнула острее, и на мгновение мне показалось, что ноги подкашиваются, но я заставила себя идти дальше, к своему привычному месту напротив него, стараясь сохранять спокойствие.

Быстро отодвинула стул. Быстро села.

Я не могла смотреть на него — ни секунды. Губы пересохла, и я, чуть дёрнувшись, попыталась взять кружку с чаем, но почти коснувшись её, почувствовала, как дрожит рука. Невыносимо. Я спрятала руки под столом, словно это могло скрыть слабость, будто ткань могла удержать меня на поверхности, не дать рухнуть.

Я ощущала на себе его взгляд — тяжёлый, цепкий, хищный, пронизывающий насквозь, заставляющий сжиматься, растворяться внутри, быть меньше, чем я есть, исчезнуть под его холодными голубыми глазами.

Но давящая волна внутри поднималась всё выше, волной накатывая, трясла тело и разум.

К горлу подступали слёзы, и я вцепилась в ткань юбки под столом, стараясь дышать глубже и тише... хоть как-то удержаться, не дать себе утонуть в этом ощущении, словно каждая секунда могла стать последней.

— Посмотри на меня, — произнёс он спокойно.

Но его голос прошёлся по моим нервам, как удар грома.

Я не подняла голову.

— Я сказал... посмотри на меня, — его голос стал тверже, холоднее, в нём проступило недовольство.

Я не могла его злить. Не после вчерашнего.

Медленно, будто через боль, я подняла взгляд, и воздух в лёгких едва шевельнулся, оставляя ощущение пустоты.

Он смотрел на меня так пристально, словно пытался прочесть мои мысли, но кроме ужаса во мне не было ничего — только страх, глубокий и неподвижный.

Я была загнанной жертвой. Он — хищник, который знает, что добыча не убежит.

Ему, видимо, это не понравилось.

Его лицо слегка изменилось — еле заметно дрогнуло. Он сжал губы, побледнел, отвёл взгляд в сторону. Я не понимала его реакции, но не смела нарушить контакт раньше, чем он позволил.

— Боишься меня, Ланивеза? — вдруг ухмыльнулся он, снова впившись в меня глазами.

Я молчала. Этот вопрос не требовал ответа.

— Зря, — сказал он. — Поверь... то, что было вчера, в тысячу раз лучше того, что бы ты испытала, если бы Фодес отдал тебя своим шавкам. Они бы пытали тебя часами.

Слова ударили в грудь. Воздуха не стало.

Значит... он считает, что сделал мне одолжение?

— Потом они бы бросили тебя в темницу. А когда им стало бы скучно... снова вытащили и продолжили. По очереди. — Голос его был пропитан ядом, но мне казалось, что я слышу едва заметную дрожь.

Что он хочет от меня? Зачем он это говорит? Чего добивается?

— Так что перестань так смотреть на меня и в следующий раз просто расслабься, может тебе понравится — сказал он странно хрипло, будто сам не до конца верил в сказанное.

Он оправдывается? Пытается убедить меня — или себя? — что он не такой, как остальные.

Боль кольнула сердце, и вдруг внутри промелькнуло что-то чужое, тёплое, мягкое... Что это? Вина? Стыд? Сочувствие?

Но это же нелепо. Это не мои чувства.

Значит... Я просто схожу с ума.

Я сжала юбку так сильно, что костяшки побелели, и опустила взгляд, пытаясь хоть как-то собрать себя, удержать в руках хотя бы видимость спокойствия, но он следил за каждым моим движением, и то, что видел, явно ему не нравилось.

Он резко встал. Стул громко заскрипел и отъехал, и я вздрогнула, будто удар пришёлся прямо по коже. Неймор тут же телепортировался ко мне, схватив за предплечье и дернув так резко, что я мгновенно подпрыгнула, без единого звука протеста, едва удерживая дыхание.

Он рванул меня к себе ближе. Его лицо оказалось слишком близко — перекошенное внутренней яростью, и я почувствовала, как каждая клетка дрожит, словно готовясь к удару.

— Не смотри на меня так, — его пальцы впились в мою руку, заставляя кровь стучать в висках.

Но как не смотреть? Я не понимала ничего, ничего вокруг. Близость его тела, запах, его дыхание — всё это возвращало меня в прошлый вечер, в каждую секунду унижения, в каждый стон, в каждый шёпот боли.

— Я сказал — не смотри так! — рявкнул он, дернув меня сильнее, и я едва не вскрикнула, губы сжались в тонкую линию, но звук застрял где-то внутри.

— Я... я не понимаю... чего ты хочешь... — прошептала я, голос сорвался, слёзы жгли глаза, и если бы он продолжил, истерика бы накрыла меня.

— Ты должна перестать бояться меня! — взорвался он снова, сжимая руку до боли, и я почувствовала, как страх переполняет грудь.

— Я не знаю... я не знаю, как... — выдохнула я, пытаясь отвернуться, уйти хоть немного от его взгляда, но он резко схватил меня за подбородок, заставляя снова смотреть прямо в глаза, и в тот момент мир сорвался.

Рывок телепортации ударил в голову, пространство закрутилось, ноги предательски подкашивались, и только нащупав его руку, я ухватилась, не будучи уверенной, что он меня удержит.

Когда зрение прояснилось, я уже была прижата к стене своей комнаты. Он держал меня за предплечье одной рукой, другой всё ещё фиксировал подбородок. Я вжималась в стену, в его локти, как в единственную опору, хотя не могла поверить ни себе, ни ему, ни этому миру.

Его взгляд скользнул на мои руки, что вцепились в него, и я сразу же их убрала, вытянулась по струнке. Страх дрожал во мне, губы тряслись, будто я стояла на зимнем ветру, и каждая клетка тела жадно ловила дыхание, стараясь удержаться.

— Давай! Ненавидь меня! — взорвался он так резко, что я невольно зажмурилась.

Я моргнула несколько раз, и всё внутри сжалось, будто сердце сжали тиски.

— Прошу... хватит... — сорвалось с моих губ, тихо, почти беззвучно, но каждая буква отдавалась эхом в груди.

— Смотри на меня с ненавистью, Ланивея! — он перехватил меня за шею, не причиняя боли, но ограничивая движения, и подался так близко, что его дыхание горячими всполохами касалось моих губ.

Я застыла. Он был слишком близко. Слишком.

И тут что-то странное проскользнуло во мне — перекал эмоций, словно чужих или моих собственных, перемешанных в хаосе: желание, боль, злость, сожаление, и я не могла отличить одно от другого.

Но страх никуда не делся, просто смешался с чем-то новым, непонятным, почти чуждым.

— Неймор... прошу... делай, что должен... и оставь меня, — процедила я сквозь зубы, голос ещё дрожал, но в нём уже пробивалась острая нота сопротивления.

— Так лучше, Лана. Но мало. — Его губы едва коснулись моей щеки, и я отпрянула настолько, насколько позволяли стены.

Он резко схватил мою руку — ту, где было кольцо, — и поднёс к лицу, рассматривая украшение, будто хотел разглядеть каждую деталь, ощутить его ценность и моё отношение к нему.

— Его фамильное... За что он подарил тебе его, мм? — голос стал язвительным. — Что ты сделала ради него?

Он вертел мою руку медленно, разглядывая с почти мучительной внимательностью.

— Наверное, очень старался впечатлить тебя... или это ты старалась понравиться ему и запрыгнула к нему на член? — его слова обжигали, и внутри меня поднималась злость, пробивая страх.

Он заметил это и улыбнулся криво, хищно, будто это было самым естественным, что мог сделать хищник, видящий сопротивление добычи.

— Не осуждаю. Ты такая слабая, Лана... — почти шёпотом, но в каждом слове скользила угроза. — Или ты веришь, что это была любовь? Его «геройское сердце» и твоя наивность?

Я сжала кулаки, щёки вспыхнули, и каждая клетка готовилась взорваться.

— На что ты готова ради того, чтобы это кольцо сверкало у тебя на пальце?

В его взгляде мелькнуло удовлетворение.

— Встанешь передо мной на колени и покорно и долго будешь сосать мне?

— Долго не придётся, кончишь за три минуты, как вчера, — сорвалось у меня, горячо, сквозь дрожь и ярость, ведь мне хотелось ранить его словами хотя бы наполовину так, как он — меня.

Он внезапно расхохотался, отпуская меня и отступая на шаг, словно играл роль, которую сам придумал:

— Прости, перевозбудился. В этом замке давно не было никого... подходящего, а ты всё пыталась играть невинность.

— Ты сам говорил, что не хочешь насиловать меня... и что ты сделал? — прошипела я, чувствуя, как злость перекачивается волной, сжимает грудь, режет каждую мысль.

— Лана, — он говорил спокойно, почти холодно, — я не такой, как твой идеальный Томас. Не собираюсь ждать, молить и умолять. Я дал тебе время — ты сама им не воспользовалась. Теперь пощады не жди.

— Делай что хочешь. Мне всё равно, — бросила я, дыхание с трудом удерживая внутри, не желая показывать слабость.

Он приблизился снова, наклонился к самой моей щеке:

— Хотя... теперь в замке есть и твоя подружка. Может, развлечься с ней, пока ты будешь приходить в себя?

Я взвинчено подняла голову, кровь кипела в висках:

— Не смей тронуть Миланию. Если сделаешь ей хоть что-то — я найду способ и уничтожу тебя, — прошипела я, и каждый звук был острым, как удар кинжала.

Он театрально вскинул руки:

— Боюсь, боюсь...

И вдруг внутри словно что-то щёлкнуло, вырвав из памяти забытый тёплый момент — тот, где Неймор был другим, тем, кого я когда-то знала, и эта вспышка воспоминания полоснула по сердцу так резко, что дыхание перехватило, и я невольно опустила глаза.

Он тоже замолчал, и на мгновение мне показалось, что и его накрыло тем же самым, будто он тоже что-то вспомнил, или, может быть, просто смотрел на меня, впитывая каждую эмоцию, как будто именно ради них он и жил.

Он медленно, почти осторожно поднял мой подбородок, и я подняла на него взгляд, в котором уже не было страха — только глухая, бездонная грусть, от которой становилось тяжело даже дышать.

Мне показалось, что в его глазах на секунду мелькнула тень печали, едва уловимая, почти призрачная, словно он почувствовал то же самое, что сейчас разрывало меня изнутри... или, может быть, мне просто отчаянно хотелось в это верить.

Всё, что когда-то было между нами, окончательно умерло, и от этого осознания внутри стало пусто, потому что осталась только эта искалеченная реальность, в которой он — мой мучитель, а я — его пленница.

— Неймор... — тихо прошептала я, и голос предательски дрогнул.

— Если хочешь пользоваться мной — пользуйся, я не буду сопротивляться, я сделаю всё, что ты скажешь... — слова давались тяжело, будто каждое из них приходилось вытаскивать через боль.

Я на секунду замолчала, собираясь с остатками сил, и затем почти беззвучно добавила:
— Только... хватит издеваться... хватит... я больше не выдерживаю...

Слова рвались тяжело, будто из разорванной груди.

— Я ведь любила тебя. Понастоящему... — слеза упала на его пальцы. Я закрыла глаза, потому что не могла смотреть на его лицо — на то, что осталось от того Неймора.

Он наклонился ближе, так близко, что его дыхание коснулось моих губ. Носом он едва провёл у самой моей кожи — почти нежно.

— Не будь жалкой, Лана, — прошептал он прямо в мои губы. — Если хочешь выжить — никогда, слышишь? Никогда никого не люби.

Он резко отстранился. Я осталась стоять с закрытыми глазами, будто боясь открыть их и снова встретиться с его холодом.

— Подготовься. Я приду вечером... и не смей устраивать мне сцен. Это меня раздражает, — бросил он с ледяным раздражением, после чего развернулся и ушёл.

Я слышала, как закрылась дверь, но не могла сразу вдохнуть. Мысль о том, что вечером он снова придёт и будет делать со мной то, чему я не могу сопротивляться, заставляла меня сжиматься изнутри. Я обхватила себя руками за плечи и медленно опустилась на кровать — на то самое место, где прошлой ночью всё случилось.

Как мне выдержать это снова? Воспоминания были ещё живыми — словно свежие ожоги на душе.

Почему он так жесток? Почему он считает, что любовь делает человека слабым? Неужели он настолько несчастен и обижен жизнью, что пришёл к такому выводу?

Мне стало страшно от собственной мысли... мне вдруг стало жаль его. Это чувство вспыхнуло и тут же вызвало во мне панику.

Нет. Ты не можешь его жалеть. Он сделал слишком много. Он разрушил слишком многое.

— Не хочу его видеть... никогда, — прошептала я, утирая слёзы. — Ненавижу тебя, Неймор... — слова срывались вместе с горечью, но я понимала: желания в этом доме исполняются только у него, не у меня.

До вечера я не покидала комнату. Никто из прислуги не приходил — будто специально давали мне возможность оставаться наедине со страхами. Я лежала на кровати и пыталась натренировать себя: *выдержать, не дрогнуть, не плакать*. Представляла, что всё повторится так же, что он снова будет давить, контролировать, причинять боль — и мне останется только терпеть.

Когда наступил вечер, я услышала шаги за дверью и сразу поняла, что это он, и в ту же секунду внутри всё сжалось, потому что, как бы я ни пыталась успокоить себя весь день, у меня так и не получилось.

Дверь открылась, Неймор вошёл в комнату, и я тут же поднялась, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее, глухо отдаваясь в груди, но я не плакала, как он и сказал — я просто смотрела на него и ждала, стараясь удержать внутри хотя бы видимость спокойствия.

Он что-то держал в руках, но я не сразу поняла, что именно; он прошёл мимо меня к туалетному столику, поставил предмет на его поверхность и отступил в сторону, словно давая мне возможность рассмотреть.

И только тогда я поняла — это были небольшие старинные часы.

Я не осмелилась спросить, зачем он их принёс.

Он тоже не спешил объяснять.

Он выглядел напряжённым, собранным, и это сразу бросалось в глаза, он не смотрел на меня, избегал моего взгляда, хотя раньше, наоборот, всегда впивался в меня глазами, не давая ни на секунду отвернуться, будто пытался держать под полным контролем даже мои мысли.

— К стене, — коротко сказал он, указывая рукой на место возле узкого столика.

Я сразу подчинилась, подошла и облокотилась спиной о холодную стену, стараясь держаться ровно, хотя внутри уже начинала подниматься тревога.

Он снял пиджак резким движением, почти не глядя, бросил его в сторону и начал закатывать рукава рубашки, делая это быстро, чуть нервно, пальцы двигались резче, чем обычно, ткань сминалась под его руками.

Я почувствовала, как по телу проходит мелкая дрожь, и сильнее сжалась, наблюдая за каждым его движением.

Он потянулся к ремню, на мгновение замер, потом дернул его из шлёвок резким движением, и этот звук будто отозвался у меня внутри.

Я опустила взгляд в пол, не в силах больше смотреть на него, и сжала пальцы, пытаюсь хоть как-то удержать себя в руках.

— Я не сделаю тебе больно, если ты не будешь сопротивляться и дёргаться, — сказал он спокойно, но его голос прозвучал жестче, чем обычно.

Я глубоко вдыхаю и молча киваю.

Он подходит ближе. Слишком близко. Его руки ложатся мне на бёдра, и через секунду я уже сижу на краю столика, а он стоит между моих ног.

Я от неожиданности хватаюсь за его плечи, пальцы сами впиваются в ткань рубашки, будто это единственное, за что я могу удержаться, мой рот приоткрывается, дыхание сбивается, и я поднимаю на него глаза, встречаясь с его взглядом, который на мгновение задерживается на моих руках.

Он смотрит на них слишком внимательно, будто отмечает каждое движение, и это заставляет меня опомниться, я резко отпускаю его, словно обожглась, и хватаюсь за край столика, сжимая его так сильно, что пальцы начинают ныть.

Боль в груди вспыхивает с новой силой, слёзы подступают к глазам, но я сжимаю губы и держусь, упрямо не позволяя им пролиться.

Он удерживает меня одной рукой, прижимая к стене, его хватка твёрдая, но в ней нет грубости, вторая рука движется ниже, он быстро расстёгивает штаны и ширинку, словно хочет закончить с этим как можно скорее, и от этого становится только страшнее.

И вот я чувствую его член между своих ног, чувствую это давление, он прикасается к моим половым губам, я кусаю губу, сильнее, до металлического привкуса во рту, лишь бы не издать ни звука, лишь бы это быстрее закончилось.

Он делает короткую паузу, он подносит пальцы к губам и облизывает два пальца и опускает ниже, я непроизвольно подаюсь назад, пытаюсь уйти от прикосновения, но за спиной только холодная стена, и бежать некуда, я остаюсь в ловушке между ним и этим столом.

Он выдыхает — тихо, тяжело, и повторяет движение снова, и снова, его пальцы холодные, и от этого по коже пробегает неприятная дрожь.

Всё происходящее кажется нереальным, каким-то фальшивым, лишённым смысла. Я правда не могу понять, зачем он это делает и какое удовольствие может испытывать в этот момент.

Я замираю, когда чувствую, как он дотрагивается головкой до моего входа, дыхание застревает где-то в груди, я перестаю дышать, вжимаюсь пальцами в край стола так, что костяшки белеют, и жду.

Он не делает этого резко. Наоборот — слишком медленно.

И от этой медлительности становится только хуже, каждая секунда тянется, растягивается, превращается в мучительное ожидание, от которого внутри всё скручивается.

Когда он наконец входит, я сжимаюсь, всё тело напрягается, я чувствую, как он замирает на долю секунды, а потом начинает двигаться, удерживая меня руками за бёдра, фиксируя, не давая сдвинуться ни на миллиметр.

Мои губы дрожат, я пытаюсь закрыть глаза, спрятаться внутри себя, представить что угодно, лишь бы не чувствовать это, но не получается, воспоминания сами прорываются в сознание, слишком живые, слишком настоящие, и от этого становится только больнее.

Я судорожно вдыхаю, сглатываю ком, застрявший в горле, стараясь не расплакаться, стараясь удержаться, не сломаться прямо здесь, не дать ему этого увидеть.

Он наращивает темп, прижимается ко мне сильнее, и я чувствую, как меня почти вдавливают в стену, голова глухо ударяется о холодную поверхность, и от этого по телу проходит болезненная дрожь, а край столика впивается в бёдра так, что становится больно, и я уже не сдерживаюсь, тихо всхлипываю, срываясь на прерывистое дыхание.

Я слышу его дыхание совсем рядом, где-то у своего уха, чувствую, как он утыкается носом в мои волосы и делает глубокий вдох, слишком медленный, слишком тяжёлый, будто пытается за что-то ухватиться, и это ощущается странно, выбивается из всего происходящего.

Он делает ещё несколько движений, резких, почти грубых, и замирает, тело его напрягается, проходит дрожь, и сдержанный, глухой звук срывается с его губ прямо в мои волосы, приглушённый, словно он не позволяет себе звучать громче.

На секунду всё замирает.

Потом он отстраняется, медленно, почти осторожно, как будто это движение даётся ему тяжелее, чем должно, отпускает меня и делает шаг назад.

Я не удерживаюсь, ноги подкашиваются, и я соскальзываю со столика, падая на пол, не пытаясь даже смягчить падение.

Как же мне стыдно.

Я не смотрю на него, утыкаюсь взглядом в пол, в одну точку, будто если не подниму глаз, этого всего не существовало.

Он молча приводит себя в порядок, застёгивает штаны, поправляет одежду, и это молчание давит сильнее любых слов, потому что он не говорит ничего.

Ни слова.

Потом он подходит ближе и опускается передо мной на корточки.

— Посмотри на меня, — говорит он, и голос его звучит жёстко, холодно, без привычной насмешки.

Я поднимаю на него глаза.

Я ненавижу его.

И я почти уверена, что именно это он и хочет увидеть.

Он смотрит внимательно, слишком внимательно, будто ищет что-то, затем тянется ко мне, касается щеки, но я резко отвожу голову, не давая ему дотронуться.

Он не настаивает.

— Я буду приходить ровно в 19.00, — говорит он и указывает на часы.

Так вот зачем он их принёс — чтобы я готовилась к его приходу, отсчитывала каждую секунду, проживая её, как ожидание неизбежного.

— К этому времени ты должна быть готова и ждать меня возле этой стены, — тихо заканчивает он.

Я молчу.

Снова опускаю взгляд, будто так легче не чувствовать его присутствия.

— Ты меня поняла? — его голос становится жёстче, в нём проступает привычное давление.

Я молчу. Не хочу ему отвечать.

— Отвечай, — приказывает он.

— Поняла, — сквозь зубы вырывается у меня, едва слышно, почти неразличимо.

Он поднимается, разворачивается и направляется к двери.

— Тебе это нравится, Неймор?.. — тихо, почти неслышно спрашиваю я, глядя ему в спину.

Он останавливается.

— Быть таким?

Он медленно оборачивается и смотрит на меня.

Я не отвожу взгляд, хотя слёзы уже текут по щекам, горячие, неконтролируемые.

Он выдыхает.

И в этом выдохе впервые за всё время появляется что-то... неуловимое, почти человеческое, но слишком слабое, чтобы за него можно было ухватиться.

— В этом новом мире, Лана, ни у кого нет выбора, — говорит он уже не так резко, — либо мы играем по этим правилам... либо нас просто убьют.

Он на секунду замолкает, словно подбирает слова или, наоборот, отбрасывает лишние.

— Мне досталась роль монстра. А тебе — роль моей жертвы.

Его голос звучит ровно, слишком ровно, как будто за этим спокойствием скрывается что-то, чего он не позволяет себе показать.

— Но поверь... — добавляет он чуть тише, — я не самый страшный монстр в этом мире.

— Я ненавижу тебя, — шепчу я, и в этих словах нет ничего, кроме правды.

Он улыбается.

И эта улыбка уже не выглядит победной.

— Я знаю, — тихо отвечает он.

Он опускает взгляд, отворачивается и выходит, не сказав больше ни слова.

А я ещё долго сидела на полу и тихо плакала, пытаясь осознать новую реальность — ту, в которой стала жертвой того, кого когда-то любила больше собственной жизни.

Глава 13 Маскарад

Неймор 2,1 года назад

Наступила весна. Снег стремительно сходил, оголяя землю, и впервые за долгое время солнце по-настоящему грело. Мы сидели на берегу реки, и я наблюдал за Ланой — она то и дело ёжилась, поправляла пальто и натягивала шапку почти до самых бровей.

— Неймор, мне холодно... — пожаловалась она, снова поёжившись. — Это была плохая идея. Давай вернёмся?

В её голосе была не только жалоба. Лёгкая усталость. Едва заметное сомнение.

Я усмехнулся и притянул её ближе к себе.

— Ты же сама хотела почувствовать весну во всей красе, — с ухмылкой ответил я. — Потерпи немного.

Я знал, что будет так, поэтому подготовился.

Она недоверчиво посмотрела на меня, и я, не говоря больше ни слова, достал из кармана маленький кристалл оранжевого цвета и положил рядом с нами.

В ту же секунду вокруг сомкнулся едва заметный тёплый купол — мягкий, золотистый свет обволок нас, отрезая от сырости и ветра. Холод исчез мгновенно, будто его никогда и не было.

— Вот, — сказал я. — Теперь можешь наслаждаться рекой.

Она тихо выдохнула

Мы сидели, наблюдая, как по тёмной воде медленно плывут огромные ледяные глыбы — тяжёлые, массивные, но кажущиеся лёгкими, словно перья, уносимые течением. Река несла их прочь, не оставляя шанса вернуться.

Было ветрено, всё ещё по-весеннему сыро и холодно, но под защитой купола мы могли расслабиться. Лана прижалась ко мне ближе, сняла шапку и, положив голову мне на плечо, молча смотрела на ледоход. В моих объятиях она казалась спокойной и счастливой.

Я гладил её по плечу, ласково и привычно, но мысли мои были далеко отсюда.

После той драки с Сильварисом прошло полтора месяца. Лана простила меня почти сразу. Более того, сама пришла извиняться, говорила, что должна была быть на моей стороне, что бы я ни сделал. Только вот виноватой она никогда не была. Виноват был я. И меньше всего на свете мне хотелось, чтобы она носила на себе этот груз вместо меня.

Жизнь будто вернулась на привычные рельсы, и на какое-то время мне даже показалось, что Сильварис наконец то понял, что у него нет шансов и перестал лезть туда, где ему не рады.

Разумеется, я переоценил его сообразительность.

Он просто сменил тактику. Провоцировал меня при каждой встрече, всегда, когда Ланы не было рядом: в коридорах, на занятиях, в общих залах. Делал ровно то, что когда-то делал я с ним. Словно в какой-то идиотской сказке свет и тьма внезапно решили поменяться местами, а главный праведник колледжа обнаружил, что ради благой цели можно вести себя как последний ублюдок.

Его дружки постоянно пытались вывести из себя моих людей. Мои люди, к сожалению, обладали выдающимся талантом сначала бить морды, а потом думать. Дерек и Фин то и дело рвались в драку, но я их останавливал. Сильварису нужна была ошибка. Ещё одна драка. Ещё один повод показать Лане, какой я монстр.

Я не собирался давать ему такой подарок.

Но куда лучше, чем провокации, у него работало другое оружие.

Он постоянно крутился рядом с Ланой.

Разговаривал с ней, обсуждал войну, Фодеса, силы, судьбу мира и прочую чушь, без которой, по мнению таких людей, нельзя прожить ни дня. Потом он и вовсе организовал какой-

то клуб помощи пострадавшим от войны. И, конечно же, Лана сразу оказалась там одной из главных.

Я прекрасно понимал, ради кого всё это затевалось. И меня бесило это гораздо сильнее, чем хотелось признавать.

Каждый раз, замечая мой взгляд, Лана начинала оправдываться, будто сделала что-то плохое. Я ненавижу это. Поэтому ничего ей не запрещал. Пусть лучше всё происходит у меня на глазах, чем за спиной.

А ещё видел то, что бесило меня больше всего.

Сильварис мог быть рядом с ней открыто.

Мог разговаривать с ней посреди коридора, сидеть рядом за столом, улыбаться ей на глазах у всех и не думать о том, кто это увидит.

А мне приходилось довольствоваться пустыми аудиториями, тёмными коридорами и редкими минутами наедине.

Будто наши отношения были чем-то постыдным, что нужно прятать от всего мира. И чем сильнее я любил её, тем сильнее меня начинала душить эта проклятая тайна.

Я прижимал её к себе, чувствовал тепло её тела и одновременно понимал, что рядом с ней должен стоять кто угодно, только не я.

Взгляд скользнул к реке, уносящую куски льда, и думал только об одном: сколько ещё я смогу удерживать её рядом со мной?

— Неймор, вечером у нас встреча в клубе.

Она произнесла это почти шёпотом, уткнувшись губами мне в шею и прижавшись ещё ближе. Внутри купола и без того было тепло, но я сразу понял, что дело вовсе не в нём.

— Потом будет свободное время... — добавила она тише. — Может, проведём его у тебя? В спальне?

Уголок моих губ дрогнул.

— Конечно. Я никогда не упущу возможность остаться с тобой наедине.

Я сгрёб её в объятия и повалил на плед. Лана звонко рассмеялась, обнимая меня за шею, а я навис над ней, наслаждаясь этим звуком куда больше, чем следовало бы.

Наши губы встретились сначала мягко, почти осторожно, но уже через секунду я целовал её жаднее, сильнее, словно пытался забрать себе каждую лишнюю секунду этого дня.

Она отвечала так же. Я чуть отстранился и посмотрел на неё. На её глаза.

И почему-то впервые за долгое время внутри было тихо.

Мы молчали дольше, чем нужно, но это молчание не давило, наоборот — в нём было что-то правильное и хрупкое. Лана слегка прикусила губу, не отводя взгляда, будто тоже не хотела разрывать этот момент.

— Знаешь, какой мой любимый цвет? — тихо спросил я, сам не до конца понимая, зачем задаю этот вопрос.

— Чёрный, — сразу ответила она с лёгкой улыбкой, будто это было очевидно.

Я задержался взглядом на её глазах.

— Синий. Как твои глаза.

Она рассмеялась — легко и искренне, а я снова поймал себя на том, что смотрю на неё слишком долго.

— Тогда я подарю тебе синий шарф, — сказала она, чуть наклонив голову. — Чтобы он напоминал обо мне, когда меня нет рядом.

— О да. Буду обнимать его по ночам и делать вид, что это ты.

Я пытался пошутить, но почему-то именно эта мысль неожиданно царапнула внутри что-то неприятное.

— Я так хочу провести с тобой хотя бы одну ночь, — признался я уже тише. — Проснуться утром и увидеть тебя рядом.

— Я тоже хочу, — ответила она почти шёпотом. — Но ты же знаешь... Фин и Дерек.

— Плевать, — буркнул я. — Пусть спят в коридоре.

Она покачала головой.

— Нет, Неймор. Так нельзя. Совсем скоро лето. Мы проведём его вместе.

Улыбка сама собой померкла.

Лето значило совсем другое: отец, собрания, Фодес, бесконечная работа и ни минуты нормальной жизни. Но ей я этого сказать не мог. Не хотел рушить то светлое ожидание, за которое она так спокойно держалась, будто впереди нас правда ждало что-то хорошее.

— Если ты переживаешь за них, — сказал я мягче, — я найду им место. Поверь, эти двое не будут против.

Лана уже выскользнула из моих объятий и снова села, глядя на реку. Долго молчала, будто что-то взвешивала внутри себя.

— Сегодня в Луне вечеринка-маскарад, может, сходим? — вдруг спросила она, даже не оборачиваясь ко мне.

Я едва не закатил глаза.

Клубы, толпы людей, музыка, от которой через час хочется оглохнуть, — никогда не понимал, что в этом находят. Обычно я появлялся в таких местах либо за компанию, либо чтобы подцепить какую-нибудь девицу на одну ночь. Так что идея Ланы восторга во мне не вызвала.

— Лана... я не люблю такие места. Да и там наверняка будет половина колледжа. Даже маска не спасёт.

Она тут же повернулась ко мне и посмотрела так, будто уже заранее знала, что я начну спорить.

— А мы постараемся сделать так, чтобы нас никто не узнал. Наденем костюмы. И тогда сможем побыть вместе среди людей, не оглядываясь каждую секунду. И просто повеселиться...

— Мы можем прекрасно повеселиться вдвоём в моей комнате. Всю ночь. Или вообще все выходные.

Она взяла меня за руку и переплела наши пальцы.

— Неймор, в твоей комнате мы проведём ещё много ночей. А вот побыть среди людей как обычная влюблённая пара... возможно, не сможем никогда. Я люблю тебя и хочу хотя бы один вечер не прятаться. Хотя бы один, Неймор...

Я посмотрел на неё и невольно стиснул зубы.

Лана чуть наклонила голову.

— Пожалуйста... А потом после вечеринки мы вернёмся в твою комнату и останемся там до понедельника. Но только если Фин и Дерек скажут, что им есть где ночевать.

И конечно, после такого шанса у меня не осталось.

— Ах ты, чертовка... знаешь ведь, как меня уговорить.

Я притянул её к себе и начал щекотать. Лана тут же громко рассмеялась, пытаясь отбиться от моих рук.

— Я рада... очень рада. Осталось придумать костюмы, найти маски... ммм... тебе ещё, наверное, понадобится парик.

Мои брови тут же поползли вверх.

— Костюм, маска, парик... Чёрт. За такие издевательства тебе придётся очень дорого заплатить.

Я прижал её к себе так сильно, что она едва слышно пискнула от неожиданности. А потом сама поцеловала меня. Через секунду уже Лана надавила мне на плечи, заставляя лечь на плед, перекинула через меня ногу и устроилась сверху.

— Подготовка займёт много времени... так что твоей спальне придётся немного подождать.

— Может, ты лучше пропустишь собрание вашего клуба? Думаю, благодетели Сильвариса как-нибудь переживут один вечер без тебя.

Я обнял её за талию и подтянул ближе. Она упёрлась руками в землю, её лицо оказалось совсем рядом, но эта вредина явно наслаждалась тем, что держит дистанцию.

— Не могу, Неймор. Мне нужно обсудить костюм с девчонками и сказать им, что мы тоже идём.

— Ну конечно. И подружки идут. И друзья идут. Может, мне вообще не приходиться?

— Неймор... прекрати. Я буду с тобой весь вечер. Они нам даже мешать не будут.

Её рука скользнула ниже, и я почувствовал, как она легко провела ладонью по моему паху.

Маленькая провокаторша.

— Мы повеселимся, а потом остаток ночи я буду расплачиваться за парик и прочие издевательства над твоей тонкой душевной организацией.

Я прищурился.

— Если не прекратишь, расплачиваться начнёшь прямо здесь и сейчас, — хрипло предупредил её я.

Она лишь довольно улыбнулась.

Потом наклонилась и снова поцеловала меня — мягко, почти дразняще провела губами по моим губам, прекрасно понимая, что делает только хуже, а затем так же быстро отстранилась.

— Нам уже пора возвращаться. Я пойду обсуждать наряд с девчонками, а ты придумай, в чём появишься на вечеринке. Если не справишься — напиши мне.

Идея носить парик мне по-прежнему не нравилась. Так что я решил сам разобраться с костюмом, без помощи Ланы.

— Узнаю, кто ещё из наших идёт. Думаю, что-нибудь придумаем.

Мы уже поднялись на ноги, собираясь возвращаться в колледж.

— А ты занимайся своим нарядом. И да... лучше бы тебе меня удивить, — многозначительно протянул я.

Лана лукаво прищурилась.

— О, за меня можешь не переживать. Я тебя удивлю. Настолько, что ты весь вечер не сможешь отвести от меня взгляд. А вот сможешь ли удивить меня ты — это уже другой вопрос.

Я приподнял бровь.

— Это вызов?

— Видимо да.

Я смотрел на неё несколько секунд, а потом медленно улыбнулся.

— Тогда мне точно придётся постараться.

— Постарайся.

Она наклонилась чуть ближе, и в её глазах тут же появился тот самый лукавый блеск, который никогда не заканчивался ничем хорошим для моего самообладания.

— И тогда, возможно, нам не придётся ждать до твоей спальни.

— Ты сейчас очень опасно меня мотивируешь. Но мне это нравится.

Я обнял её и перенёс к кабинету, где собирался их клуб. Мы быстро попрощались, и я вернулся в комнату, где застал Фина и Дерека за их любимым занятием — оба валялись на кроватях и что-то оживлённо обсуждали, будто в этом мире существовали проблемы важнее, чем охрана моей личной жизни.

— Вы идёте на маскарад? — сразу спросил я.

Они синхронно подняли головы, переглянулись и так же синхронно сели на край кроватей.

— Нет, Неймор...

— Вы вообще куда-нибудь ходите? Или собираетесь провести всю молодость в этой комнате и возле дверей моей спальни, терпеливо дожидаясь, пока мы с Ланой закончим?

Я посмотрел на их вытянувшиеся физиономии.

Оба тут же отвели взгляды, будто я поймал их на чём-то действительно постыдном, хотя, если подумать, именно этим они и занимались последние месяцы.

— Сегодня идёте со мной. Там будет Сильварис со своей компанией, так что в случае чего вы мне понадобится. И кстати, кто-нибудь из наших ещё собирается туда?

Дерек сразу оживился.

— Миллисент говорила, что идёт с Филиппом... Они теперь вроде как вместе.

Он хохотнул и покосился на Фина, а тот тут же заржал в ответ, не менее радостно.

Я перевёл взгляд с одного на другого и так и не понял, что именно показалось им смешным. Хотя, если подумать...

Молодец, Филипп. Добился своего. Возможно, теперь Миллисент наконец перестанет таскаться за мной хвостом и смотреть глазами брошенного щенка. Хотя насчёт поумнеть я бы всё же не обольщался.

Но одно я знал точно: вкус в одежде у неё был, а значит, придумать для меня что-нибудь приличное она вполне способна.

Я быстро набрал ей сообщение на браслете.

Если честно, вся эта затея уже начинала меня раздражать. Мой гардероб состоял в основном из чёрных костюмов, чёрных и белых рубашек. Да и найти за несколько часов что-то действительно подходящее для маскарада было задачей не из простых.

Поэтому оставалось только надеяться на Миллисент.

Ждать пришлось недолго.

Не прошло и пятнадцати минут, как дверь распахнулась, и она буквально влетела в комнату, широко улыбаясь и едва не подпрыгивая на ходу. Светлые волосы разлетались при каждом шаге, в руках была огромная гора одежды, а следом за ней плёлся Филипп с точно такой же ношей и настолько несчастным выражением лица, что мне даже стало его немного жаль.

Совсем немного.

— У нашей банды будут лучшие костюмы, Неймор! Все сойдут с ума! — торжественно объявила Миллисент и свалила свою добычу прямо на мою кровать.

Филипп молча повторил её действия, после чего посмотрел на меня таким взглядом, будто просил прибить его и закончить эти страдания.

Остаток дня прошёл за подготовкой. Ближе к вечеру мы списались с Ланой, и я уверил её, что с костюмом всё отлично, хотя сам верил в это весьма условно. Впрочем, она доверилась мне, как доверялась всегда, и мы договорились встретиться уже в клубе. Она должна была приехать туда со своей компанией, а я — со своей.

Клуб находился в столице, довольно далеко от колледжа. Можно было сначала воспользоваться стационарным телепортом до ближайшего пригорода, потом пересест на другой, потом ещё на один, но заниматься подобной ерундой в пятницу вечером мне совершенно не хотелось, поэтому я просто вызвал порттакси.

В машину загрузились мы с Финном и Дерексом, следом устроились Миллисент и Филипп. Миллисент тут же прилипла к нему так, будто боялась потерять по дороге.

Порттакси были удобнее всего — без пересадок и лишней возни могли доставить практически куда угодно. Машина мягко тронулась с места, магический двигатель привычно загудел, и уже через несколько секунд за окнами всё превратилось в размазанную полосу света.

Спустя пять минут мы были на месте.

Клуб встретил нас грохотом музыки, вспышками света и привычным шумом сотен голосов.

Первыми внутрь вошли Миллисент и Филипп.

Миллисент тут же остановилась почти посреди зала и демонстративно прижалась к его руке, явно наслаждаясь вниманием окружающих. Впрочем, трудно было ожидать другого. Не зря же она втиснула себя в короткое чёрное кружевное платье и красные туфли на таком каблуке, что я до сих пор не понимал, как она вообще на них ходит. Филиппу тоже досталось. Миллисент нарядила его в какого-то мрачного аристократа из старых легенд, и, надо признать, выглядел он весьма неплохо.

Но стоило нам с Фином и Дерексом войти следом, как Миллисент тут же потянула Филиппа в сторону, уступая центр внимания нам.

И вот тогда я почувствовал десятки взглядов, обращённых в нашу сторону.

Чёрт. Миллисент действительно постаралась.

Фин и Дерек выглядели так, будто пришли не на маскарад, а сопровождать какого-нибудь тёмного владыку на казнь. Одинаковые чёрные костюмы сидели на них безупречно, а массивные маски с рогами полностью скрывали лица, оставляя видимыми лишь глаза. Чёрные перчатки довершали образ, и оба больше напоминали элитную охрану из старых страшилок, чем студентов колледжа.

Ну а я...

Длинное чёрное пальто почти до пола, высокий воротник, кожаные вставки на плечах и груди, серебристая отделка, перчатки и маска, скрывающая верхнюю часть лица. Волосы зачёсаны назад, а весь этот наряд делал меня похожим на одного из тех древних тёмных лордов, о которых рассказывают детям страшные сказки перед сном.

Если честно, мне это нравилось.

Я посмотрел в сторону, прямо на Миллисент. Она стояла рядом с Филиппом и смотрела в нашу сторону с таким довольным видом, будто лично выиграла какую-то важную битву.

Поймав мой взгляд, она самодовольно улыбнулась. Я лишь коротко кивнул ей в знак благодарности.

После этого мы постепенно разошлись в разные стороны, а я наконец занялся тем, ради чего вообще сюда приехал.

Сначала мне казалось, что найти её будет непросто.

Вокруг толпились сотни людей. Маски, парики, яркие костюмы, вспышки света. Любой другой на моём месте, наверное, потратил бы полвечера, пытаясь отыскать нужного человека в этом безумии.

Я пробирался сквозь толпу, скользя взглядом по лицам, маскам и чужим нарядам, уже начиная думать, что задача действительно окажется сложнее, чем выглядела сначала.

А потом увидел знакомые ярко-синие глаза.

И всё.

В этот момент я понял, что мог бы не узнать её причёску. Не узнать платье. Не услышать голос в шуме этого проклятого клуба.

Но её глаза я узнаю всегда.

Возле барной стойки, медленно покручивая в пальцах бокал с коктейлем, стояла Лана...

На ней было белое перламутровое платье на тонких бретелях, мерцающее в свете ламп мягким серебристым блеском. Белоснежные волосы спадали почти до пояса, кружевная белая маска скрывала часть лица, а за спиной виднелись белые крылья.

Ангел. Мой ангел.

Чёрт, это было даже слишком символично.

Когда между нами оставалось всего несколько шагов, она наконец заметила меня и замерла. Когда между нами оставалось всего несколько шагов, она наконец заметила меня и замерла. Её взгляд прошёлся по мне снизу вверх, задерживаясь на каждой детали наряда.

А потом на её лице появилась такая улыбка, что мне сразу захотелось послать к чёрту весь этот маскарад, закинуть её на плечо и утащить обратно в колледж, в мою спальню.

— Почему такой красивый ангел скучает в одиночестве? — спросил я, окидывая её взглядом с головы до ног.

Она лукаво улыбнулась.

— Жду, когда... — она сделала паузу, внимательно рассматривая меня. — Когда властный вампир похитит меня и раскрасит мой вечер яркими красками.

Я облокотился на барную стойку рядом с ней и приподнял бровь.

— Всего лишь вампир? — протянул я. — А я рассчитывал как минимум на древнего повелителя тьмы.

Тихий смех сорвался с её губ.

— Древние повелители тьмы обычно плохо заканчивают. А вот горячие романтические вампиры почему-то всегда остаются в живых.

— Возмутительная несправедливость.

— Зато скучать не приходится.

— Что ж... — я наклонился ближе. — На эту роль я хотя бы подхожу?

— Весьма... — ответила она и тоже подалась вперёд.

Я заглянул в её глаза.

— То есть удивить тебя всё-таки получилось?

Она быстро огляделась по сторонам, словно боялась, что кто-то услышит, затем придвинулась почти вплотную и прошептала мне на ухо:

— Настолько, что я возбудилась от одного твоего вида и готова отдаться тебе в ближайшем туалете, Неймор.

Уголок моих губ дрогнул.

— Какие грязные мысли у такого милого ангела... Хотя идея мне определённо нравится. Но, думаю, с её исполнением стоит немного повременить.

Потом огляделся по сторонам.

— Думаешь, нас не узнают?

— Тебя точно узнают, — фыркнула она. — А всё потому, что один очень умный вампир решил не надевать парик.

Она выразительно посмотрела на мои волосы.

— А вот я постаралась. Видишь?

Она коснулась белоснежных волос.

— Меня точно не узнают. Так что если завтра кто-то и будет шептаться о том, что Неймор Дракморн весь вечер провёл с какой-то девушкой, они не смогут понять с какой именно и очень быстро забудут об этом.

— Какая продуманная преступная схема.

— Я вообще очень хитрая и... опасная...

Я улыбнулся ей и взял её за руку.

— Тогда идём танцевать.

Она тут же рассмеялась и позволила утащить себя в толпу.

Лана сразу обвила руками мою шею, сцепив их в замок, а я обхватил её за талию, сокращая и без того крошечное расстояние между нами.

Вокруг грохотала музыка, люди танцевали, смеялись, перекрикивали друг друга, а разноцветные вспышки света скользили по залу, выхватывая из темноты то одни лица, то другие.

Но я почти ничего этого не замечал.

Я видел только её.

Наклонившись, я коснулся её губ — осторожно, почти невесомо. Лана тут же ответила на поцелуй и придвинулась ещё ближе, окончательно стирая границы между нами и всем остальным миром.

Медленно провёл ладонями по её талии и вдруг поймал себя на мысли, что именно так всё и должно было быть.

Без постоянных оглядок по сторонам.

Без страха, что кто-нибудь увидит нас вместе.

Без Фодеса. Без моего отца. Без этой проклятой войны и всех правил, которые пытались решать за нас, кого нам любить.

Только я и она.

На несколько часов мне почти удалось поверить, что этого достаточно.

Лана первой отстранилась и посмотрела на меня с таким счастливым выражением лица, что на секунду стало трудно дышать.

А потом начала танцевать.

Кружилась рядом, проводила пальцами по моим плечам, прижималась ближе и тут же ускользала, заставляя снова ловить её и возвращать обратно в свои объятия.

Я касался губами её шеи, её плеч, вдыхал её запах каждый раз, когда она оказывалась рядом, а она смеялась и лгнула ко мне ещё сильнее.

Как и обещала, весь вечер была рядом. Только со мной.

И в какой-то момент я настолько растворился во всём происходящем, что перестал замечать время.

Мы танцевали, пили коктейли, целовались, и спустя несколько часов я всё-таки не выдержал и утащил её в туалет.

Я прижал её к стене и накрыл её губы поцелуем — жадным, долгим, почти отчаянным, будто пытался наверстать всё время, которое мы были вынуждены прятаться, делать вид, что между нами ничего нет.

Лана отвечала так же — мягко, но с той страстью, от которой у меня внутри всё срывалось. Её руки сомкнулись у меня на шее, она прижалась ближе, и расстояние между нами исчезло окончательно.

Как же мне было мало. Всегда мало.

Я отстранился лишь на секунду, закрыл крышку унитаза и сел на него и тут же потянул её за собой, усаживая к себе на колени. Она подчинилась сразу — без слов, доверяя мне полностью — и прижалась к моему паху так тесно, что у меня перехватило дыхание.

Её взгляд был затуманен, такой опьяненный, и от этого хотелось кончить только от него.

Я провёл руками по её телу, медленно, не спеша, хотел насладиться каждым её изгибом, каждым вздохом. Она дрожала под моими пальцами, тянулась ко мне сама, и в этот момент я поймал себя на мысли, что больше не могу медлить.

Быстро расстегнул штаны и сдвинул её трусы в сторону и вошел в неё. Она застонала громче и вжалась в меня сильнее, подставляя свою шею и грудь, требуя ласки.

Я ласкал её и ловил каждую реакцию её тела, и чем больше она отдавалась, тем сильнее меня накрывало желанием — не просто взять, а удержать. Сделать её своей полностью. Навсегда.

Хватило всего пару толчков внутри неё, и она задрожала, прижимаясь ко мне сильнее. Я тут же прикусил губу, пряча ухмылку. Это был самый быстрый её оргазм за все время нашего секса с ней, и это меня возбудило только сильнее.

— Да... мой ангел... — прошептал я, наклоняясь к её уху. — Не останавливайся...

Я провёл губами по её коже, медленно, намеренно, чувствуя, как она снова начинает двигаться быстрее, как её дыхание сбивается.

— Ты моя... — тихо добавил я, почти касаясь её губ. — Скажи это...

— Я твоя... — выдохнула она, цепляясь за меня сильнее. — Всегда твоя, Неймор...

От её возбуждённого хриплого голоса внутри всё окончательно загорелось огнём.

Я притянул её ближе, не давая отстраниться ни на секунду, двигаясь уже жёстче, глубже, чувствуя, как она снова приближается к грани.

— Ещё раз... — прошептал я. — Скажи моё имя...

— Неймор... — сорвалось с её губ. — Неймор...

Я провёл языком по её шее, вверх, чувствуя, как по коже проходит дрожь, как оргазм снова настигает её — и в этот момент я уже не сдерживался.

Она прижалась ко мне изо всех сил, шепча моё имя, и я позволил себе закончить следом, раствориться в этом ощущении до конца.

На несколько секунд мир просто исчез.

Осталась только она. И ощущение, что этого всё равно будет недостаточно.

Когда мы наконец вышли обратно, возле двери уже собралась недовольная очередь. Но нам было все равно, мы лишь переглянулись и с улыбкой на лице поспешили скрыться от их недовольных глаз.

— Я пойду найду девчонок, узнаю, как дела, и вернусь, — сказала Лана, отпуская мою руку.

— Хорошо. А я пока выйду на улицу проветриться. Встретимся у барной стойки.

Она улыбнулась мне той самой улыбкой, от которой внутри всегда становилось теплее. А потом ушла.

Я ещё несколько секунд смотрел ей вслед, прежде чем направиться к выходу.

Когда я оказался на улице, сразу ощутил прохладный свежий воздух и вдохнул полной грудью. Возле клуба почти никого не было, лишь пара парней курила за углом, и мне вдруг тоже захотелось сигарету. Курил я редко — обычно либо, когда всё было совсем паршиво, либо наоборот, когда жизнь неожиданно становилась слишком хорошей. Сейчас был как раз второй случай.

Я стрельнул сигарету, подкурил её и облокотился на стену, подняв взгляд к ночному небу. Настроение было настолько хорошим, что даже немного раздражало. Обычно после таких вечеров судьба любила отвешивать хороший пинок под зад.

Я не сразу заметил, как кто-то подошёл сзади.

— Шикарный костюм... прямо в твоём стиле, Дракморн.

Я медленно повернулся.

Ну конечно. Кто же ещё мог испортить мне вечер?

Сильварис стоял в нескольких шагах от меня и смотрел своим привычным взглядом человека, который вот-вот спасёт мир, вытащит котёнка с дерева и получит за это благодарность половины королевства.

Сам же он выглядел до смешного обычно. Белая рубашка, чёрные брюки и белая маска.

Я окинул его взглядом с головы до ног.

— Не могу сказать тебе того же. И это всё?

Он вопросительно поднял бровь.

— Что именно?

— Твой костюм. Даже тут фантазии не хватило?

На его лице мелькнула лёгкая улыбка.

— Всё просто. Мне не нужно притворяться кем-то другим.

Я тихо хмыкнул и покачал головой.

— Надо же. А я-то думал, слово «маскарад» оказалось для тебя слишком сложным.

Он ничего не ответил. Только продолжал смотреть на меня этим своим раздражающе спокойным взглядом, будто видел больше, чем следовало.

Я отвернулся и выпустил в сторону клубящийся дым от очередной затяжки.

Продолжать этот разговор не хотелось. Сегодня был слишком хороший вечер, чтобы тратить его на Сильвариса, его бесконечные нравоучения и очередную попытку спасти Лану от страшного чудовища в моём лице.

Но, судя по всему, уходить он не собирался.

— Видел вас с Ланой...

Я застыл лишь на мгновение.

— Таскаешь её по грязным туалетам клуба. Хотя чего ещё можно ожидать от тебя? Плотно же ты вцепился в неё, Дракморн. Запустил свою тёмную паутину глубоко ей в сердце, притворяешься красивой бабочкой, а на деле обычный паук. Как жаль, что она этого не видит. Иначе давно бы сбежала от тебя на другой конец света.

Что-то неприятно царапнуло внутри.

Я медленно повернул голову в его сторону и презрительно улыбнулся.

— Лучше бы ты, как обычно, спасал мир, Сильварис, вместо того чтобы весь вечер следить за мной и МОЕЙ девушкой.

На его лице ничего не дрогнуло.

— Мне плевать на твоё мнение, — продолжил я. — Лана выбрала меня, а не тебя. И знаешь, что меня больше всего забавляет? Ты до сих пор не можешь с этим смириться.

Я стряхнул пепел с сигареты и сделал ещё одну затяжку.

— Всё ещё ходишь за ней хвостом. Всё ещё следишь за каждым её шагом. Всё ещё надеешься, что однажды она вдруг прозреет, увидит во мне великое зло и бросится тебе на шею.

Дым медленно растворился между нами.

— Не дождёшься.

Его взгляд стал тяжелее.

— Прекрати притворяться и отпусти её, — резко сказал он. — Я знаю, что ты используешь её. Играешь. И разобьёшь ей сердце.

Я почувствовал, как внутри начинает закипать раздражение.

Как же меня бесил этот праведник. Будто он один знает, что для неё лучше. Будто она вообще нуждается в его спасении. Будто Лана не способна сама решать, кого любить.

— Я люблю её, ты понимаешь это или нет? — произнёс я, наконец посмотрев ему прямо в глаза.

Он тихо злобно рассмеялся.

— Ты? Любишь? Я знаю тебя с детства, Неймор. Ты умеешь только ломать, давить, использовать. В этом весь ты. И вся твоя семья.

Я повернулся к нему и шагнул ближе, чувствуя, как злость сменяется чем-то более тяжёлым.

— Плохо же ты меня знаешь, Сильварис. Всю жизнь судишь меня по фамилии и ни разу даже не попытался посмотреть глубже. Даже в детстве ты отвернулся от меня сразу, как поползли слухи о моём отце. Хотя лично я ничего тебе не сделал.

Он молчал.

— Ты просто послушал своего папочку и решил держаться от меня подальше. Как хороший мальчик. Как всегда. А если бы это были не слухи? — тихо спросил я, не сводя с него взгляда.

— Если бы они подтвердились, что мой отец действительно соратник Фодеса? Что тогда, Сильварис? Ты бы первым всадил мне кол в сердце и даже не задумался бы, кто я такой на самом деле? Хотел ли я всего этого? Хотел ли оказаться на той стороне?

Последние слова сорвались с языка раньше, чем я успел их остановить. Я тут же пожалел об этом. Сказал лишнего.

Томас молчал. Просто смотрел на меня. И хуже всего было то, что в его взгляде не было ни ненависти, ни злорадства. Только жалость.

Меня передёрнуло.

— Запомни одну вещь, Сильварис, — процедил я. — Я люблю Лану. И я не играю с ней. Не использую её. Не собираюсь делать ей больно. Так что прекрати строить из себя спасителя и просто смирись с поражением.

Я выбросил окурок и отвернулся, не дожидаясь ответа. Намереваясь уйти.

— Неймор... — голос Томаса вдруг дрогнул. — Но если ты правда её любишь, она рядом с тобой в ещё большей опасности.

Ну конечно. Сейчас начнётся очередная проповедь.

Я закатил глаза, запрокинул голову и уставился в небо, словно там могло найтись хоть что-то интереснее этого разговора.

— Что её ждёт рядом с тобой? — продолжил он почти шёпотом.

Он выдержал короткую паузу.

— Когда мой отец победит Фодеса, что будет с твоей семьёй? Мы оба знаем ответ. Всех его соратников казнят. Тех, кого не казнят, посадят. На остальных навсегда останется клеймо.

В его голосе звучала какая-то усталая обречённость, и это раздражало ещё сильнее, потому что слишком напоминало правду. Я нехотя перевёл взгляд на него.

— А Лана? Как будет жить она? Всю жизнь слушать шёпот за спиной? Смотреть, как люди отворачиваются от неё только потому, что она была с тобой?

Я смотрел на него и не мог вымолвить ни слова. Ни одного. Потому что он говорил именно то, от чего я бежал последние месяцы, то, что загонял в самый тёмный угол сознания, делая вид, будто этого не существует.

— А если победит Фодес?

От этих слов внутри всё напряглось.

— Если он узнает о том, что ты её любишь? Её убьют, Неймор. Показательно. Так, чтобы остальные запомнили.

Каждое его слово било точно в цель.

— И тебя заставят смотреть.

У меня на мгновение сбилось дыхание. Я стиснул зубы и ничего не ответил.

— И даже если случится чудо, — продолжил Томас уже тише, — твоя семья всё равно никогда не позволит вам быть вместе. Ты хранитель. Ты должен жениться на волшебнице из древнего рода. Все это знают. Твой отец никогда не позволит тебе связать жизнь с Ланой.

Злость вспыхнула мгновенно. Я рванулся к нему и схватил за рубашку, дёрнув изо всех сил.

— А тебе, значит, позволил бы?! — рявкнул я. — Твой отец разрешил бы тебе быть с обычной волшебницей?

Но Томас даже не попытался вырваться.

— Да, Неймор, — тихо ответил он. — Мне бы позволили. С властью и деньгами легко найти суррогатную мать из древнего рода.

Он опустил взгляд на мои пальцы, сжимавшие его рубашку.

— Но ты так не сможешь. Я знаю твоего отца. Он скорее убьёт тебя, чем допустит это.

Я почувствовал, как внутри всё окончательно закипело. Этого оказалось достаточно. Я толкнул его в грудь. Он пошатнулся и ударился о стену, едва удержав равновесие.

— Ты ничего не знаешь, ублюдок! Ты, сука, вообще ничего не знаешь!

Я почти кричал на него, но сам отходил назад шаг за шагом, будто хотел оказаться как можно дальше от этого разговора. Меня разрывало изнутри от злости, от бессилия, от того, что он лез туда, куда не имел права лезть, и вытаскивал наружу всё то, что я так старательно прятал от самого себя.

Я ударил кулаком по стене. Потом ещё раз. Боль обожгла костяшки и немного отрезвила, вернув остатки самообладания. И замер, тяжело дыша и глядя в стену перед собой.

— Мне жаль, Неймор, — сказал он тихо, и в его голосе не было ни насмешки, ни злости. — Жаль, что ты живёшь в этом аду. Но прошу... не тяни её за собой. У неё есть шанс на другую жизнь. Не со мной — возможно, с кем-то другим. Но есть. Подумай об этом.

Он говорил так искренне, что мне снова захотелось врезать ему. Так сильно, чтобы он наконец заткнулся.

Но я промолчал.

Через несколько секунд он развернулся и пошёл обратно к клубу, оставляя меня одного посреди этой проклятой улицы.

Я опустил взгляд на разбитые костяшки. На синеву, уже проступившую под кожей. На тонкую полоску крови возле пальцев. Всё это казалось каким-то незначительным. То, что сидело внутри, давно заглушило любую физическую боль.

Я любил Лану. Слишком сильно.

Так сильно, что хотел видеть её счастливой даже тогда, когда сам уже не буду частью этой жизни. Хотел, чтобы она была в безопасности, улыбалась, жила спокойно, а рядом с ней оказался человек, способный дать ей всё то, чего никогда не смогу дать я.

Именно поэтому слова Сильвариса попадали так точно.

Потому что я и сам давно знал правду.

Рано или поздно придёт день, когда нам придётся расстаться.

От этой мысли внутри стало так мерзко, что я стиснул зубы и поднял взгляд к небу.

Долбанный Сильварис... Почему сейчас? Почему именно сегодня ты решил вывалить на меня всё это? Почему в единственный вечер, когда я наконец позволил себе забыть обо всём хотя бы на несколько часов? Нет. Я не буду думать об этом сейчас. Не сегодня. Я не позволю этому ублюдку испортить вечер мне и Лане.

Надел перчатки, спрятав разбитые костяшки и направился обратно в клуб.

Лана уже ждала меня возле барной стойки с очередным коктейлем в руках. На её щеках играл лёгкий румянец, ярко-синие глаза сияли, а сама она выглядела настолько счастливой и расслабленной, что я тут же натянул привычную улыбку, заталкивая подальше всё дерьмо, которое оставил после себя Сильварис.

Подойдя к ней, я без лишних слов прижал её к себе.

Она обняла меня в ответ, но стоило ей поднять голову, как её улыбка слегка померкла.

— Всё хорошо? Ты какой-то... взволнованный.

Лана внимательно всматривалась в моё лицо, словно пыталась найти ответы на вопросы, которые я никогда бы ей не дал.

Проклятье. Я не думал, что она что-то заметит.

— Всё хорошо, — улыбнулся я. — На самом деле я рад, что ты всё-таки заставила меня сюда пойти.

Ещё несколько секунд она продолжала изучать меня, а я пытался запомнить этот момент.

Её счастливое лицо. Её смех. То, как она смотрела на меня. Любовь, которую даже не пыталась скрывать.

— Я была уверена, что тебе понравится, — тихо рассмеялась она, обнимая меня за шею. — Если хочешь, можем уйти... Всё равно впереди у нас ещё много развлечений в твоей спальне, а на это тоже нужны силы.

Я прижал её к себе чуть крепче. Наверное, даже слишком.

Потом встретился с ней взглядом и вдруг поймал себя на мысли, что готов простоять так целую вечность, лишь бы она не замечала того, что происходило внутри меня.

— Давай уйдём, — сказал я, наклоняясь ближе. — Но только если ты правда уже достаточно повеселилась.

Она тут же просияла.

— Я готова остаться здесь навечно, Неймор... Но через два месяца будет ещё один маскарад. Так что мы обязательно вернёмся и повторим всё это снова.

Я усмехнулся. Если бы всё было так просто.

— Тогда идём.

Я взял её за руку и повёл к выходу.

— Подожди... а Фин и Дерек?

— Точно. Как я вообще умудрился про них забыть?

Я быстро отыскал их среди толпы. Эти двое оккупировали дальний край барной стойки, пили виски и с крайне серьёзным видом спорили о какой-то чепухе.

Я потянул Лану к ним.

Стоило нам подойти, как оба тут же выпрямились и расплылись в улыбках.

— Привет, парни! — весело сказала Лана. — Ну что, вы быстро меня узнали?

Они переглянулись.

— Лана это ты? — удивился Дерек. — Мы только сейчас поняли.

Я закатил глаза.

Ну конечно. С кем ещё, кроме Ланы, я мог провести весь вечер?

Лана лишь рассмеялась.

— Значит, маскировка удалась! Но вообще я хотела спросить другое... Неймор пригласил меня провести выходные в вашей комнате. А где будете жить вы?

Они снова переглянулись. Потом посмотрели на меня. Потом опять друг на друга.

Я молча наблюдал за этим представлением, надеясь, что хотя бы один из этих идиотов вспомнит легенду, которую мы обсуждали буквально несколько часов назад.

Останемся у друга. Он живёт в столице. Большой дом. Ничего сложного.

Судя по их лицам — задача оказалась непосильной.

Наконец Дерек оживился.

— Мы будем у наших... девушек, так что поедem к ним.

Господи. Идиоты. Каких ещё девушек? Прошло всего несколько часов. Неужели так сложно было запомнить пару фраз?

Я уже видел, как Лана подозрительно шурится и переводит взгляд с одного на другого.

Ну всё. Сейчас начнётся.

Но вместо этого она вдруг широко улыбнулась.

— У девушек? Парни, я так рада за вас! Обязательно потом расскажете мне о них.

Я едва заметно выдохнул. После разговора с Сильварисом мне только допроса от Ланы не хватало.

— Идём? — спросила Лана, снова переплетая свои пальцы с моими.

Я кивнул и повёл её сквозь толпу к выходу.

Проходя мимо зоны отдыха, я заметил Сильвариса. Он сидел среди своих благодетелей — рядом устроились Селина, Каил, Милания и ещё несколько знакомых лиц. Разговаривать они, похоже, перестали уже давно. Никто не смеялся, никто не спорил, никто даже не пытался делать вид, что занят чем-то другим. Все просто смотрели в нашу сторону.

Точнее, на Лану.

Я замедлил шаг и встретился взглядом с Томасом. Он сидел неподвижно, поджав губы, и смотрел так внимательно, будто всё ещё надеялся увидеть последствия нашего разговора. Будто искал хоть малейший признак того, что его слова достигли цели.

И ведь достигли. Да, он был прав. Прав почти во всём, как бы сильно мне ни хотелось это отрицать. Я и без него давно знал эту правду. Но сегодня она ничего не меняла.

Моя ладонь легла ей на талию. Лана оказалась ещё ближе. Она всё так же держала меня за руку, всё так же улыбалась, всё так же шла рядом.

Пусть смотрит. Пусть давится своими правильными мыслями и геройскими мечтами. Сегодня она уходила отсюда со мной. Не с ним.

Я заметил, как на мгновение напряглась его челюсть, и этого оказалось достаточно, чтобы настроение стало немного лучше.

Лана, проходя мимо, весело улыбнулась компании и помахала рукой. Селина и Милания тут же заулыбались в ответ, Каил коротко кивнул, а вот сам Сильварис даже не попытался натянуть улыбку. Он просто продолжал смотреть нам вслед.

И почему-то именно это доставило мне особенно много удовольствия.

Как бы ни сложилось будущее, какую бы правду он ни пытался мне открыть, сейчас Лана оставалась моей девушкой.

И сегодня победа была за мной.

Когда мы вышли на улицу, порттакси уже ждало нас у входа. Я открыл перед Ланой дверь, пропуская её вперёд, дождался, пока она устроится внутри, а затем сел рядом. Через несколько секунд клуб остался позади, растворяясь в огнях столицы, а мы отправились обратно в колледж. В мою спальню.

Глава 14 Лабиринт

Лана

Следующий месяц у нас было мало совместных приёмов пищи. Он часто уходил рано и возвращался очень поздно, и только по понедельникам и четвергам, ровно в семь вечера, приходил ко мне. К этому часу я уже стояла у стены, заранее занимая своё место, словно это было частью установленного порядка, который нельзя нарушать.

Каждый раз всё происходило практически одинаково.

Он снимал пиджак, но дальше не раздевался. Никогда не пытался раздеть и меня. Просто усаживал на столик и вставал между моих ног, делая всё быстро и молча, будто выполнял неприятную обязанность, от которой нельзя отказаться. Он не смотрел на меня. Не искал взгляда. Не задерживался рядом дольше необходимого.

Иногда на несколько секунд касался губами моего плеча или утыкался носом в волосы, но тут же отстранялся, точно сам не понимал, зачем это сделал.

Мне всё чаще казалось, что я ему противна.

Неужели его ненависть к Томасу настолько сильна, что он готов проходить через это снова и снова, даже не испытывая ко мне никакого желания?

От этой мысли становилось тяжело. Раньше я хотя бы могла убеждать себя, что привлекаю его — пусть только телом. Теперь же любое его прикосновение выглядело вынужденным, давалось через силу.

Но, как ни странно, так было легче.

Он больше не растягивал это, не играл со мной, не причинял боль намеренно.

Хотя боль всё равно оставалась.

Острый край столика впивался в кожу бёдер, оставляя полосы, которые потом ныли ещё несколько дней. И почему-то именно эта боль помогала мне держаться. Возвращала в реальность, не давала окончательно потеряться в происходящем.

Я просто терпела. Не сопротивлялась. Не трогала его. Не реагировала. Так, как он и требовал.

Всё заканчивалось быстро.

Иногда я вспоминала колледж. Вспоминала, как раньше он мог часами не отпускать меня, как наслаждался каждой лишней минутой рядом. Теперь же всё занимало считанные минуты.

И как бы страшно это ни звучало, меня это устраивало.

Я знала: скоро всё закончится. Он уйдёт. И я снова останусь одна — свободная от него хотя бы на несколько дней.

С появлением Милании в этом замке мои дни стали заметно легче.

Раньше со мной общалась только Феодора, но она была сдержанной и почти ничего не рассказывала. Остальные слуги и вовсе избегали меня — Неймор запугал их настолько, что они предпочитали обходить меня стороной.

Теперь же, когда Неймора не было в замке, мы с Миланией могли часами разговаривать. В это время я чувствовала себя свободной: могла делать что хотела, беседовать с подругой, беспрепятственно ходить по замку. Я давно перестала соблюдать его правила и, пользуясь отсутствием хозяина, бродила по коридорам, исследуя каждый уголок.

Замок был настолько огромным и древним, что мне бы не хватило и жизни, чтобы обойти его весь.

Вот и сейчас, сидя за очередным обедом, я уже предвкушала момент, когда он уйдёт и я отправлюсь исследовать пятый этаж. Туда я ещё не добралась. Лишь мельком видела его раньше и знала только одно — он заброшен. Этого оказалось достаточно, чтобы любопытство разгоралось всё сильнее.

Сидя на своём привычном месте, я медленно пила сок, перебирала пальцами клубнику и украдкой наблюдала за Неймором.

За последний месяц многое изменилось. Завтраки и ужины перестали казаться пыткой. Я научилась выдерживать его присутствие, встречать его взгляд без страха, с той холодной неприязнью, которую он, похоже, и хотел видеть. Но последние несколько дней что-то было не так.

Иногда мне казалось, что он стал бледнее. Иногда — что его тревожит нечто настолько серьёзное, что это отражается даже в его движениях. Порой от него будто исходила тяжёлая печаль — невидимая, но осязаемая, словно холод, проникающий под кожу. Обычно я тут же отмахивалась от подобных мыслей. Собственных переживаний хватало с избытком, они заполняли голову густым туманом и не оставляли места чужим.

Но сегодня прогнать их не получалось.

Исподтишка наблюдая за ним, я всё больше убеждалась, что не ошиблась. Обычно он не сводил с меня глаз, и не раз случалось, что под этим пристальным вниманием я давилась едой или ловила себя на том, что забываю дышать. Теперь всё было иначе.

Он смотрел в тарелку, в чашку, на собственные руки — куда угодно, только не в мою сторону. Между бровей залегла глубокая складка, и создавалось ощущение, что его мысли сейчас находятся очень далеко отсюда.

В какой-то момент его глаза резко поднялись.

Я едва успела отвернуться и сделать вид, что полностью занята своим обедом.

Стул скрипнул по полу.

— Мне пора, — спокойно произнёс он и направился к выходу.

Обычно он никогда не прощался. И это пробудило во мне странное, тревожное любопытство.

Я осталась за столом, ожидая Феодору. У Милании сегодня был выходной, и в замке её не было. Обычно Феодора появлялась сразу после ухода Неймора, чтобы убрать посуду и привести всё в порядок.

— Феодора, ты знаешь, что происходит с Неймором? — спросила я, едва она вошла в столовую.

Она тут же поджала губы, и этого оказалось достаточно, чтобы понять — ей что-то известно.

— Мне нельзя рассказывать вам об этом, мисс Лана, — тихо ответила она, невольно понизив голос, словно опасалась, что нас могут услышать.

Тяжело вздохнув, я опустила взгляд на стол.

— Ты же знаешь, я никому не скажу. С ним явно что-то происходит. Последние дни он сам на себя не похож. А его настроение... — я невесело усмехнулась. — Ты прекрасно понимаешь, что оно всегда отражается и на моей жизни.

Феодора молча собирала тарелки, избегая смотреть мне в глаза. Она двигалась медленно, тщательно и размеренно, будто давая себе время решить, стоит ли вообще продолжать этот разговор.

— Пожалуйста, — мягче попросила я. — Помнишь историю с библиотекой? Я сдержала слово. Не выдала тебя и не позволила ему узнать, что ты мне помогала. Сейчас будет так же.

Она замерла на несколько секунд, затем всё-таки посмотрела на меня и осторожно подошла ближе.

— Господин Эварион болен, — прошептала она. — Лучшие лекари делают всё возможное, но ему становится хуже. Поэтому он уже готовит господина Неймора к принятию силы Хранителя.

Она нервно сглотнула.

— После прихода Фодеса к власти именно Эварион стал его заместителем. Когда его не станет, это место займёт господин Неймор.

Феодора быстро оглянулась по сторонам и лишь после этого продолжила:

— Но мне кажется... ему самому этого не хочется. Несколько раз я слышала, как он спорил с отцом.

С каждым её словом по телу разливался холод.

Неймор станет правой рукой Фодеса.

Эта мысль болезненно отдавалась где-то под рёбрами.

Но на этом Феодора не закончила.

— И ещё кое-что... Повелитель ищет одну очень редкую силу. Телекинез.

Я вскинула голову.

— Что?.. Телекинез?

Феодора мгновенно прижала палец к губам.

Я осеклась и машинально огляделась по сторонам.

— Уже много лет ходят слухи, что во время прошлой войны эта сила не была уничтожена, — продолжила она шёпотом. — Её отобрали у одного тёмного мага. Кто именно это сделал и куда потом исчез телекинез — никто так и не узнал.

Она покачала головой.

— Я не уверена, мисс Лана... Но из разговора, который случайно услышала между господином Неймором и Эварионом, поняла одно: эта сила всё ещё существует.

По спине пробежал холод.

Сколько крови уже было пролито ради чужих способностей? Сколько людей погибло? И теперь Фодес собирался открыть новую охоту — за тем, что многие давно считали легендой.

Пальцы сами нашли кольцо Томаса.

Ты знаешь, когда всё это закончится? Когда он наконец насытится? Когда мир перестанет тонуть в его жестокости?

Но ответа, как всегда, не было.

Стоило мне посмотреть на Феодору, как я поняла: она без слов догадалась, о чём я думаю.

— Значит, Неймор помогает ему искать эту силу, — медленно произнесла я. — Служит своему господину так же преданно, как и всегда.

На губах появилась горькая усмешка.

Почему-то сама мысль об этом вызывала почти физическое отвращение. Впрочем, чему удивляться? Он ведь такой же.

— Мне всё же кажется, мисс Лана, что господину Неймору это не нравится, — осторожно возразила Феодора.

— Тебе кажется, — слишком резко ответила я. — Неймор такой же монстр, как и Фодес. Рядом с ним он будет чувствовать себя совершенно на своём месте.

Феодора больше спорить не стала. Лишь посмотрела на меня с какой-то тихой жалостью. От этого взгляда стало только хуже.

Я обхватила себя руками, пытаюсь справиться с поднявшейся внутри злостью. Хотелось уйти отсюда. Немедленно. Спрятаться от этих мыслей, занять голову чем угодно.

И тут я вспомнила о заброшенном пятом этаже.

— Пойду в библиотеку, — солгала я, поднимаясь из-за стола. — Нужно немного развеяться.

Не дожидаясь ответа, я направилась к выходу.

Я быстро забежала в комнату, чтобы сбросить эти проклятые туфли. Сегодня мне выдали красный корсет и юбку — такую же, как в первый день: короткую спереди и с длинным шлейфом сзади. Он постоянно мешал — стоило зацепить его каблуком, и я едва не падала. Освободившись от тяжёлых туфель, я сразу почувствовала облегчение.

И снова вышла в длинный коридор, направляясь к винтовой лестнице.

Когда я наконец добралась до винтовой лестницы, то ухватилась за холодный резной поручень и подняла взгляд вверх.

Она манила гипнотически.

Конца не было видно — казалось, ступени уходят прямо в небо, растворяясь где-то среди облаков.

Конечно, замок не мог быть настолько высоким. Значит, наверху находилась башня. А в башне наверняка был балкон. Свежий воздух, бескрайний вид с высоты, ощущение свободы, которой мне так не хватало. Одна только мысль об этом отзывалась жгучим желанием подняться выше.

Но сегодня рисковать не стоило.

Что, если я задержусь? Не успею вернуться до прихода Неймора? Страх перед ним давно уже не был таким острым, как в первые дни, однако правила оставались правилами. И пусть одна лишь перспектива новой боли больше не вызывала прежнего ужаса, воспоминание о подвале и его мохнатых обитателях по-прежнему заставляло внутренности неприятно сжиматься.

Я поморщилась, отгоняя эти образы, и двинулась вверх — на пятый этаж.

Это был самый высокий уровень замка. Дальше лестница уходила только вверх.

Стоило мне ступить в коридор, как факелы на стенах вспыхнули один за другим, точно подчиняясь невидимой команде. Я сразу поняла: здесь давно никого не было. Сырой воздух пах камнем и пылью. В углах серебрились тонкие нити паутины, а стены казались потемневшими от времени.

Несколько секунд я внимательно осматривала каждый угол, выискивая знакомые мохнатые силуэты, но не обнаружила ни одного. В конце концов пришлось признать, что, скорее всего, зря накручиваю себя. Вряд ли пауки смогли бы жить в таком холодном и заброшенном месте.

Осторожно двинувшись вперёд, я почти сразу пожалела, что оставила туфли в комнате.

Камень был не просто грязным и тёмным — он оказался ледяным и влажным, точно его совсем недавно заливал холодный дождь. Впрочем, любопытство оказалось сильнее. Поэтому я продолжала идти, разглядывая стены.

На них тянулись длинные царапины — следы клинков или когтей. Это настораживало. Но я одёргивала себя: здесь давно никого не было. Мне нечего бояться.

Когда я приблизилась к концу коридора, по обе стороны вспыхнули два больших факела. Передо мной открылся узкий проход.

Я остановилась. Кто знает, сколько ещё тайн скрывает этот замок?

Невольно оглянувшись через плечо, я снова ощутила на себе чужой взгляд. Будто за мной наблюдали из темноты. Но вокруг царила тишина. Только потрескивал огонь, а его эхо блуждало среди каменных стен. Сделав глубокий вдох, я шагнула вперёд. Уже через несколько шагов стало ясно — я оказалась в лабиринте.

Изогнутые стены уходили вдаль, высокие, но всё же не достигающие потолка — между ними и верхним сводом оставалось ещё несколько метров свободного пространства.

А сам потолок был настолько красивым, что я невольно замерла.

Витражный.

Синие, голубые и серебристые узоры переливались над головой, оживая в дрожащем свете. Тысячи крошечных стеклянных фрагментов складывались в единое полотно, через которое с трудом просачивался дневной свет. Из-за этого на стенах дрожали цветные тени, повторяя очертания рисунков и превращая лабиринт в нечто похожее на сон.

Свод тянулся далеко вперёд, теряясь где-то в глубине, и разглядеть его конец было невозможно. Он напоминал огромную картину, созданную безумно талантливым художником, который однажды решил расписать не холст, а целое небо.

Именно она и манила меня дальше. Любопытство оказалось сильнее осторожности.

Шаг за шагом я продвигалась вглубь лабиринта. Каждый раз, когда за очередным поворотом открывался новый проход, впереди вспыхивал факел, а оставшийся позади гас. Из-за этого возникало странное ощущение, словно я не двигаюсь с места, а бесконечно брожу по одному и тому же коридору.

И всё же путь продолжался. Взгляд снова и снова поднимался к витражному потолку, разглядывая рисунки, проступающие в разноцветном стекле. Сначала это были бутоны роз, затем лицо незнакомой девушки, а чуть дальше — рыцарь в доспехах. Я старалась запомнить их все. Так было проще ориентироваться и понимать, насколько далеко удалось зайти. Ведь рано или поздно предстояло возвращаться назад.

Тогда эта затея казалась совсем несложной. Поэтому я продолжала идти дальше.

Я не знала, сколько времени провела здесь, но свет по-прежнему пробивался сквозь стекло. Значит, был день. Значит, у меня ещё есть время.

И всё же чем дальше я уходила в глубь лабиринта, тем сильнее становилось ощущение чужого присутствия. Это было нелепо. Здесь никого не могло быть. Но мысль о том, что за мной наблюдают, никак не желала покидать голову. Всё чаще я останавливалась и прислушивалась к тишине, однако вокруг не было ничего, кроме потрескивания факелов и собственных шагов.

Повернув за очередной угол, я вскрикнула и отшатнулась — вспыхнувший факел вырвал из темноты огромное зеркало прямо передо мной.

Спина ударилась о каменную стену, а сердце заколотилось так сильно, что на мгновение стало трудно дышать. Несколько секунд ушло на то, чтобы понять очевидное. Передо мной было всего лишь зеркало.

Боже... если бы сердце остановилось прямо сейчас, посреди этого лабиринта, это была бы не самая страшная смерть.

Было что-то сказочное в том, чтобы навсегда остаться среди этих витражей, теней и бесконечных коридоров.

Впрочем, умирать я пока не собиралась.

Сделав глубокий вдох, я заставила себя успокоиться и пошла дальше, мысленно готовясь к тому, что подобных зеркал впереди может оказаться ещё немало. Однако больше они не встречались.

Зато появились звуки. Сначала едва различимые, похожие на далёкое эхо. Затем шорохи — настолько тихие, что их легко можно было принять за игру воображения. Но чем дальше я продвигалась, тем отчётливее становилось ощущение, что они реальны. Неожиданно захотелось развернуться и уйти. Любопытство, которое привело меня сюда, постепенно уступало место тревоге.

Что если Неймор уже вернулся? Что если обнаружил пустую комнату? Вряд ли ему сразу придёт в голову искать меня здесь. Тогда наказания точно не избежать. А если не найдёт вовсе? Если я просто заблужусь среди этих бесконечных переходов и останусь здесь навсегда?

От этой мысли стало не по себе.

Внезапный удар разорвал тишину так, что я вздрогнула всем телом. Звук был глухим и тяжёлым, словно кто-то со всей силы ударил по каменной стене.

Я тут же обернулась.

Ещё один удар. На этот раз гораздо ближе.

Замерев, я прислушалась, чувствуя, как сердце начинает колотиться всё быстрее.

Третий удар прозвучал уже совсем рядом, будто за ближайшим поворотом.

Этого оказалось достаточно. Не раздумывая больше ни секунды, я бросилась бежать. Не выбирая направления. Не пытаясь разобраться, где нахожусь. Просто подальше от этих звуков.

Коридоры сменяли друг друга, тупики заставляли разворачиваться обратно, дыхание сбивалось всё сильнее, а ноги постепенно наливались тяжестью. Я металась по лабиринту, как загнанный зверь, уже не пытаюсь понять, куда именно бегу, а лишь надеюсь оказаться как можно дальше от того, что скрывалось за моей спиной.

И вдруг витражный потолок закончился.

Я выскочила в длинный коридор, тянувшийся вдоль внешней стены замка, и только тогда позволила себе остановиться. Прислонившись к холодному камню, согнулась пополам, упираясь руками в колени, пытаюсь отдышаться и справиться с бешено колотящимся сердцем.

Страх постепенно отступал, оставляя после себя слабость и раздражение на саму себя.

Ну зачем я вообще сюда пошла? Сидела бы сейчас в библиотеке, читала книгу и не носилась по заброшенным этажам, спасаясь от неизвестно чего.

Некоторое время я просто стояла в тишине, слушая собственное дыхание, пытаюсь прийти в себя.

Когда сердцебиение наконец перестало грохотать в висках, я осторожно двинулась вперёд. Коридор казался слишком длинным и каким-то неправильным для части лабиринта. Чем дальше я шла, тем сильнее становилось чувство, что за следующим поворотом меня ждёт что-то ещё.

Я была уже почти у конца, когда из-за угла показались длинные тёмные тени. Навстречу мне выползал огромный чёрный паук — размером с нескольких людей.

Его тонкие лапы были покрыты густыми ворсинками, массивное тело — чёрное и мохнатое. Маленькие глаза уставились прямо на меня. Он остановился всего на мгновение, а затем, распознав добычу, угрожающе задвигал жвалами — или пастью, я даже не понимала, что именно это было — и медленно направился ко мне.

Это был кошмар. Кошмар наяву.

Мне уже снились такие сны. Снова и снова я видела, как гигантские пауки набрасываются на меня, разрывают тело, пожирают заживо, а потом просыпалась с криком и благодарила судьбу за то, что это был всего лишь сон. Но сейчас это происходило на самом деле.

Страх накрыл мгновенно. Тело перестало слушаться, мысли рассыпались, и несколько бесконечно долгих секунд я могла только стоять и смотреть на приближающееся чудовище.

Беги...

Мысль вспыхнула в сознании так резко, точно удар под дых.

А потом время словно замедлилось. Я будто во сне повернулась, закричала и побежала обратно по коридору. Сделала всего несколько шагов — и ноги, запутавшись в длинном подоле юбки, потеряли равновесие. Я со всей силы упала на каменный пол, ударившись боком о холодный камень так, что мне послышался треск костей.

Но я тут же повернула голову назад и увидела, как чёрное тело приближается, слишком быстро, слишком близко, и в этот же момент я снова пришла в себя.

Адреналин мгновенно заглушил боль. Я рванула юбку, освобождая ноги, вскочила и снова побежала. Страх пульсировал в висках. Сердце колотилось так отчаянно, что я уже почти чувствовала за спиной прикосновение чёрных мохнатых лап.

Шаг.

Ещё шаг.

И ещё.

И вдруг впереди появилась фигура, выходящая из-за поворота, знакомая до боли, до дрожи, до странного, отчаянного облегчения, которое вспыхнуло внутри.

Неймор.

Его имя едва слышно сорвалось с моих губ.

Надежда вспыхнула, как огонь, ослепляюще и внезапно, и я из последних сил побежала к нему, не думая, не сомневаясь, не останавливаясь.

Он уже поднимал руку. А в следующий миг я буквально влетела в него, вцепилась обеими руками и уткнулась лицом в плечо, зажмурившись и отчаянно цепляясь за это чувство спасения.

Я не видела его магии.

Лишь почувствовала, как где-то рядом дрогнул воздух, а вокруг нас будто сдвинулось само пространство.

Его руки сомкнулись на моей талии. Он молчал. Просто держал меня рядом — не отпуская, но и не пытаясь притянуть ближе.

Я прижималась к нему, чувствуя под щекой тепло его тела, слыша сбившееся и неровное дыхание, и с каждой секундой всё яснее понимала, что он не отстраняется.

Это было странно, непривычно и неправильно.

И всё же... слишком хорошо.

Пальцы сами сжали ткань его рубашки. Мне отчаянно не хотелось, чтобы этот момент исчез и рассыпался так же легко, как всё остальное вокруг.

И в тот момент в голове осталась только одна мысль — я спасена.

Пусть одним монстром от другого. Пусть тем, кого должна была ненавидеть.

Но сейчас его объятия казались единственным безопасным местом во всём этом проклятом замке.

Постепенно ощущения начали возвращаться. Каждый вдох и выдох отдавался болью где-то в груди. По колену текло что-то тёплое. Я чуть отстранилась и посмотрела вниз.

Тонкая струйка крови стекала от колена вниз, а выше расплзалась большая красная ссадина. И в тот же миг боль накрыла меня с новой силой. Вся правая сторона тела превратилась в одну сплошную рану.

Я схватилась за рёбра, и слёзы сами хлынули из глаз. Тело невольно согнулось от боли, но всхлипы только мешали — дыхание сбивалось, а каждый вдох отдавался резкой, невыносимой болью.

С трудом удержавшись на ногах, я отступила и прислонилась к стене, глядя на кровь и дрожащие пальцы, которые никак не могли успокоиться.

Неймор стоял напротив и смотрел на меня, но не подходил.

— Я же говорил: сиди в комнате — и не будет никаких проблем, — тихо произнёс он, и в его голосе уже слышались те самые холодные нотки, за которыми всегда следовал приказ или наказание.

И сейчас он был прав. Спорить не имело смысла.

Я только поморщилась от боли, пытаясь перевести дыхание.

Он подошёл ближе и взял меня за плечи. Мир тут же поплыл — ноги подкосились, и я потеряла почву под ногами. Но он удержал меня, не давая упасть.

В следующий миг мы оказались в другом месте. В его кабинете.

Я никогда раньше здесь не была, но узнала его сразу. Однажды я мельком заглянула сюда, проходя к библиотеке.

Кабинет был большим, но почти пустым. Тёмный резной стол с массивным креслом стоял у стены, напротив — несколько более простых кресел. В центре располагались мягкий диван и кресло глубокого синего цвета, между ними — небольшой столик. Пол покрывал ковёр с золотыми узорами. С другой стороны кабинета возвышался высокий закрытый шкаф.

А окна... Они занимали всю стену напротив входа. Без штор, без занавесок — свет свободно заливал кабинет, делая его непривычно ярким. Так ярко не было нигде в этом замке.

— Пойдём, — тихо сказал он, когда я наконец пришла в себя после телепортации.

Неймор направился к дивану. — Садись, — коротко скомандовал он, указав рукой.

Я, прихрамывая, подошла и опустилась на диван. Осмотрела ногу, продолжая всхлипывать. Боль не уходила, тело плохо слушалось, а пережитый ужас по-прежнему сковывал дыха-

ние. Меня трясло. Хотелось, чтобы меня просто обняли — без слов, без приказов. Я обхватила себя за плечи, пытаюсь унять дрожь, но собственных объятий оказалось недостаточно.

Неймор подошёл к большому шкафу, что-то взял и вернулся, садясь рядом.

— Выпей. Это поможет тебе успокоиться, боль уйдёт, — он протянул мне небольшой пузырёк. Его голос звучал спокойно и ровно, так, словно ничего не произошло.

— Что это? — я подняла на него глаза. — Снова то зелье? Оно убирает всю боль... совсем?

— Нет. Это проще, — ответил он. — Перестанут болеть только раны на теле.

Я взяла пузырёк, легко открыла его и выпила содержимое. Вкус оказался отвратительным — будто я проглотила густое масло с привкусом сырости и гнили. Я закашлялась, едва сдержав тошноту, скривилась — и тут же он сунул мне в руки стакан.

— Запей, — коротко сказал он.

Я, даже не взглянув, сделала большой глоток — и снова едва не поперхнулась. Резкий вкус спирта обжёг горло. Виски. Не самый любимый мой напиток.

— Ты издеваешься? — убрав стакан, я посмотрела на него, морщась. Горло жгло, добавляя телу ещё один источник дискомфорта.

Неймор промолчал. Он смотрел на меня — растрёпанную, грязную, испачканную кровью. Его взгляд был нечитаемым, и от этого мне стало не по себе.

— Знаешь, Лана, — вдруг сказал он с ехидной усмешкой, — сейчас бы бросить тебя в подвал к паукам в качестве наказания за твою вылазку. Ты, впрочем, и так выглядишь так, будто только оттуда.

— Если хочешь убить меня — можешь прямо сейчас отвести меня туда, — ответила я, глядя на него исподлобья.

— Нет, — спокойно сказал он. — С этим повременим.

Он открыл небольшую баночку с прозрачной жидкостью. Заметив моё замешательство, пояснил:

— Это заживляющая мазь. Лучшая из существующих. Все раны затянутся сразу. Потом сможешь спокойно смыть кровь.

Я потянулась, чтобы взять баночку и сделать всё самой, но он мягко отодвинул мою руку и посмотрел на меня так, как смотрят, когда объясняют очевидное.

— Лана, ты с трудом дышишь... я сделаю это сам.

Я не стала спорить.

Он зачерпнул немного прозрачного геля и осторожно нанёс его мне на колено. Боли я уже почти не чувствовала — зелье начало действовать, дышать стало легче. Лишь холод мази щипнул кожу... и рана исчезла.

Я уставилась на ногу с удивлением. Простым магам такие средства были недоступны. Скрыть изумление оказалось невозможно. Неймор заметил это — и лишь усмехнулся.

Он продолжил наносить мазь выше, вдоль всей ссадины на бедре. И чем выше поднималась его рука, тем страннее становились мои ощущения. Его прикосновения отзывались внутри короткими, резкими вспышками — словно слабые разряды тока. Я сжимала зубы, напрягалась всем телом.

Напряжение становилось невыносимым. И я нарушила молчание.

— Зачем ты держишь таких монстров в своём замке? — спросила я, всё ещё слегка подрагивающим голосом. Не то от воспоминаний о пауке, не то от его прикосновений.

— Что ты, Лана, — спокойно ответил он. — Я не держу в замке никаких зверей. Это была иллюзия.

— Что?.. — я уставилась на него во все глаза. — Иллюзия?

— Да. Тот этаж давно заколдован. Раньше в лабиринте хранились важные артефакты, — пояснил он. — Существо, которое ты увидела, было лишь отражением твоего страха. Иллюзия не способна причинить вред. Её задача — напугать и выгнать нарушителя из лабиринта.

Меня ударило осознание.

Он был ненастоящий. Он не мог тронуть меня. Стоило лишь закрыть глаза — и он бы исчез.

Какая же я дура...

Почему я сама не догадалась? Что там вообще мог делать живой паук — да ещё таких размеров?

Неймор закончил с моей ногой. Теперь оставались бедро выше и бок под корсетом. Но раздеваться перед ним я не спешила.

— Можно я схожу в душ, и сама посмотрю, насколько серьёзная рана под корсетом? — тихо спросила я, стараясь скрыть напряжение в голосе.

— Конечно, — ровно ответил он. — Вон та дверь. Я подожду тебя здесь.

Он откинулся на диван, взял стакан с виски и сделал глоток, всем своим видом показывая, что происходящее его совершенно не касается.

Я направилась к указанной двери, быстро вошла в ванную и, сняв с себя одежду, осмотрела тело. Ссадина алым пятном расплзалась под правой грудью, напоминая материк на карте: начиналась под самой грудью и змеей уходила вниз по боку, к бедру.

На рёбрах темнел крупный синяк — теперь я понимала, почему до зелья мне было так трудно дышать.

Я смотрела на себя в зеркало и почувствовала, как меня накрывает жалость к самой себе. Я снова попыталась обнять себя, согреться, но это не помогло. Тогда решила не мучиться и просто принять душ, смыть кровь и грязь.

Я торопливо отмылась и вышла из душевой. Моя одежда была грязной, порванной, и надевать её не хотелось. Я огляделась — других вещей не было. Зато на крючке рядом с дверью висел белый халат. Халат Неймора.

Я накинула его на плечи. Он был длинным и просторным — не настолько, чтобы утонуть в нём. Неймор был высоким. Даже при моих ста семидесяти сантиметрах он всегда смотрел на меня сверху вниз.

И вдруг воспоминания о колледже снова просочились в сознание. Нежные поцелуи в укромных уголках. Телепортации, когда он обнимал меня, переноса в часовню, куда невозможно было попасть обычным путём. Его руки, знавшие каждый сантиметр моего тела.

Я пристально посмотрела на своё отражение в зеркале.

— Нет, — резко сказала я вслух. — Это было ложью. Игрой. Хватит это вспоминать.

Я говорила грубо, зло, пытаясь перекричать собственные мысли. И всё же мне казалось, что в зеркале на меня смотрю не я.

Там стояла другая девушка — похожая на меня, но в её глазах читались обида и ярость на весь мир.

Она хранила в себе всю боль, которую когда-то причинил мне Неймор.

Я моргнула — и отражение изменилось. Снова была я. Обычная.

Плотнее укутавшись в халат, я вышла обратно в кабинет.

Я тут же встретилась с ним взглядом. В его одежде мне было не по себе. — Мои вещи... — начала я оправдываться. — Они порваны и все в крови... Надеть было больше нечего.

— Ты всё сделала правильно. Иди сюда, — спокойно сказал он и хлопнул ладонью по дивану рядом с собой.

Я села, чувствуя, как напряжение медленно возвращается.

— И что там у тебя? — кивнул он в сторону моего бока.

— Всё в порядке. Думаю, обойдусь без мази, — солгала я. Мне не хотелось обнажаться перед ним.

— Отлично, — ровно произнёс он. — Но, если у тебя трещина или перелом, когда зелье перестанет действовать, боль вернётся. Ты не сможешь нормально дышать, говорить. Любое движение будет отдавать болью.

Он говорил спокойно, но выражение его лица заставило меня насторожиться. Он видел моё колебание. А синяк был слишком большим, да и тот треск при падении... Мысль о сломанном ребре больше не казалась такой уж невозможной.

— Я видел тебя без одежды множество раз, — холодно сказал он. — Успокойся и раз-
давайся.

Щёки тут же вспыхнули. Я старалась не смотреть на него. Осторожно распахнула халат и спустила его до бёдер, обнажившись по пояс. Одну руку я вытащила из рукава, прикрывая грудь другой. Потом — вторую. Я подтянула халат, стараясь закрыться им хотя бы частично, но всё равно ощущала себя слишком открытой. Было неловко и холодно — я даже не понимала, от чего сильнее: от его взгляда или от температуры в кабинете.

Неймор сосредоточенно рассматривал синяк под грудью, не обращая внимания на моё смущение. Он коснулся его пальцами — я невольно дёрнулась. Это не было больно, но холод его прикосновения вызвал по коже мурашки.

— Не трясись, — коротко сказал он. — Я просто осматриваю.

Но напряжение не отпускало. Я не могла его скрыть.

— Думаю, ребро не сломано. Это хорошая новость, — продолжил он. — Но ушиб сильный. Может ещё несколько дней болеть даже после заживляющей мази. Так что надо будет принимать обезболивающие эти дни.

Он снова зачерпнул мазь и начал наносить её, двигаясь выше. Я сжалась. Его прикосновения были слишком осторожными и внимательными. Это было... странно. Он не касался меня так уже очень давно.

Внизу живота возникло тяжёлое, непрошеное ощущение. Я инстинктивно сжала ноги. Дышать стало трудно — воздух словно застревал где-то в груди и никак не хотел наполнить лёгкие. Я вцепилась в край халата и смотрела в сторону, думая только об одном: чтобы он поскорее закончил.

Но он замедлился. Его рука скользнула выше, и я резко посмотрела на него. Зрачки расширились. Чуть склонив голову, он внимательно разглядывал моё тело.

Грудь сдавило напряжением. Я начала готовиться к худшему — к приказам, к грубому тону, к тому, что всё снова пойдёт по знакомому сценарию. Но сейчас было иначе. Ему будто нравилось касаться меня.

Мысли заматались. Чтобы отвлечь его — или, может, выиграть немного времени — вопрос сорвался с моих губ прежде, чем я успела подумать:

— Как ты узнал, что я в лабиринте? Как ты меня нашёл? — выдыхая, спросила я.

Он всё же посмотрел мне в глаза, и теперь, сидя так близко, я особенно ясно увидела, насколько он бледен и уставший. Казалось, силы медленно покидают его, хотя ещё мгновение назад он выглядел таким уверенным.

— Я знал, что ты там, с самого начала... — начал он, и его голос звучал ровно, но в следующую секунду в нём появилась хрипота и его рука скользнула по моему телу, поднимаясь выше, дотрагиваясь до ключицы, и от этого прикосновения я замерла, не в силах пошевелиться.

— Я вернулся сразу после завтрака... проследил, как ты поднималась по лестнице... — продолжал он, уже тише. — Я следил за тобой с самого начала, я знаю этот лабиринт как свои пять пальцев, перемещаться по нему для меня не составляет труда...

Он придвинулся ближе, ещё ближе, и его вторая рука медленно скользнула по моей шее вниз, повторяя линию кожи, от чего по телу пробежала дрожь.

— Я хотел поймать тебя... — его голос дрогнул, — и отыметь прямо там, на холодном мокром полу...

Я не могла пошевелиться.

— Но ты зашла слишком далеко.

Его прикосновения, его дыхание, его близость — всё это смешивалось в одно странное, пугающее ощущение, от которого внутри поднималось напряжение.

Что это?.. Я... возбуждаюсь?

Эта мысль пронзила меня.

Это невозможно. Он делал мне больно, унижал, насиловал меня — а сейчас моё тело реагировало на его прикосновения, на его голос, на эту внезапную, мягкую близость, и я не могла этого принять.

Я сошла с ума.

Другого объяснения не было.

Он настолько искалечил меня, что я уже не понимала, где боль, а где что-то другое, не могла отличить одно от другого, не могла доверять даже самой себе.

Но зачем это ему? Он не был со мной таким.

Он избегал меня, не смотрел, не прикасался лишний раз. С каждым днём всё сильнее становилось ощущение, что я вызываю у него отвращение.

Пусть лучше он снова прижмёт меня к стене, будет грубым, холодным, безразличным, пусть всё будет просто и понятно, без этих странных, пугающих ощущений, от которых я терялась ещё больше.

— Неймор, ты...

Я не знала, что сказать, потому что от его прикосновений мои мысли хаотично клубились в голове, сталкивались друг с другом, не давая ухватиться ни за одну из них.

— Я... я...

Слова застряли в горле. На мгновение мне показалось, что я разучилась говорить.

— Зачем ты играешь со мной? Зачем эти нежные прикосновения, если я противна тебе?..

Он поднял голову и посмотрел на меня, а я не находила в себе сил взглянуть на него и упрямо смотрела куда-то в сторону.

— Что?.. — тихо произнёс он и чуть отстранился, не сразу понимая, о чём я говорю.

— Ты не противна мне, — ответил он, глядя на меня пристально и с явным недоумением.

— Я бы не смог спать с тобой, если бы это было так.

— Тогда что?.. Весь этот месяц ты едва прикасался ко мне. А сейчас...

— Всё не так, как тебе кажется.

Я нервно усмехнулась.

— А как это должно выглядеть, Неймор? — я наконец посмотрела ему в глаза. — На приёме ты наказываешь меня, потом спишь со мной через силу... а теперь ведёшь себя так, будто ничего этого никогда не было.

Он нахмурился.

— О чём ты? За что я тебя наказывал?

На мгновение мне даже показалось, что он издевается.

Я смотрела на него в упор, пытаюсь увидеть хоть намёк на ложь, хоть тень насмешки, хоть что-нибудь, что подтвердило бы: он просто притворяется.

Но не находила ничего.

— Зачем ты делаешь вид, что не понимаешь? — прошептала я. — На приёме... Ты разговаривал с Фодесом. А потом пришёл ко мне почти сразу после того, как я вернулась в комнату.

Его взгляд мгновенно изменился.

— Ты видела меня с Фодесом?

Я молчала, не отрываясь от него.

— Ты подслушивала нас?

Вопрос прозвучал жёстко, и я замерла, не найдя слов для ответа.

Всё это время я была уверена, что он заметил меня ещё тогда, возле лестницы. Что видел, как я наблюдаю за ними. Что именно поэтому пришёл ко мне сразу после разговора.

Но сейчас...

Сейчас он выглядел человеком, который действительно ничего не понимает. И чем дольше я смотрела на него, тем сильнее крепло неприятное чувство, что он вовсе не играет.

— Лана, — произнёс он уже требовательнее. — Что ты слышала?

— Почти ничего. Вы говорили о работе. Он читал твои мысли... потом я ушла. Слышала только какие-то обрывки фраз.

Несколько секунд он просто смотрел на меня. И чем дольше длилось это молчание, тем сильнее становилось чувство, что я ошибалась. Ошибалась всё это время.

— Так значит... ты даже не знал, что я там была?.. — тихо спросила я, не узнавая собственного голоса.

Он тяжело выдохнул.

И этого оказалось достаточно.

В сердце вспыхнула знакомая боль, резкая, обжигающая, а в висках глухо застучало. Мир исчез, распался на пустоту.

Столько времени я была уверена, что понимаю, почему он тогда пришёл в мою комнату. Уверена, что причиной была я сама. Что он увидел меня. Заметил.

Но если он не знал...

Тогда зачем, почему он сделал это так жестоко?

— Неймор... — мой голос дрогнул. — Тогда почему?

Его лицо вдруг изменилось. Тень печали скользнула в его глазах и тут же исчезла, уступив место привычной ледяной маске безразличия.

Он убрал руки, отвернулся и попытался встать, явно собираясь просто уйти, оставить этот разговор позади, но я, не думая, схватила его за руку, цепляясь за него, как за последнюю возможность.

— Неймор, не уходи... нет... скажи... почему именно так?.. — вскрикнула я, пытаюсь удержать его.

Но удержать его я не смогла.

Он рванулся, стряхивая мою руку с себя, точно она была чем-то неприятным и назойливым, и, взглянув на меня с яростью, прожигая взглядом, сквозь зубы прошептал:

— Не прикасайся ко мне без моего разрешения.

Я смотрела на него и всё ещё пыталась понять. Почему именно тогда? Почему сразу после разговора с Фодесом? Почему всё совпало именно так?

— Неймор, скажи правду... ты сделал это чтобы что-то доказать ему... это он повлиял на тебя? — я вскочила на ноги, всё ещё прижимая халат к себе, мне с трудом удавалось одновременно прикрыться и не дать ему уйти.

— Я сделал это потому, что захотел, — прошипел он, даже не оборачиваясь. — Сам. По своей воле. Насиловал тебя... Что ещё ты хочешь знать?

Он уже направлялся к двери, явно собираясь оборвать этот разговор раз и навсегда.

— Я не верю тебе... скажи, что это он заставил тебя! — голос сорвался, и я уже не сдерживала слёзы.

Я бросилась следом и почти у самой двери снова попыталась схватить его за руку, но он вывернулся и в следующую секунду прижал меня к стене так быстро и жёстко, что у меня перехватило дыхание.

Его лицо оказалось слишком близко, почти касалось моего, и я, несмотря ни на что, смотрела ему в глаза, пытаюсь найти там хоть какой-то ответ, хоть малейший намёк на правду.

— Лана... — тихо, но твёрдо произнёс он, — я скоро стану хранителем и лидером страны, я буду стоять рядом с Фодесом... как ты думаешь, кого он захочет видеть рядом с собой?

Я смотрела на него несколько секунд, прежде чем смысл его слов начал складываться в единое целое.

— Так ты сделал это, чтобы доказать, что достоин занять место рядом с ним? — прошептала я. — Чтобы показать, что способен стать таким же?

Мой голос дрогнул от боли и обиды, потому что до последнего я надеялась, что его заставили, что у него не было выбора, а теперь выходило, что он просто использовал меня, тренировался на мне, учился быть таким, каким должен стать.

— Только ради этого, Лана... только ради этого, — произнёс он, сильнее прижимая меня к стене.

И в этот момент я вспомнила лицо Фодеса там, возле лестницы. То, как он читал мысли Неймора. И то, как ему это нравилось. Значит, он увидел именно то, что хотел увидеть. Желание причинять боль. Желание сделать это со мной.

— Ты действительно идеально подходишь на эту должность, — выдохнула я, чувствуя, как злость начала подниматься во мне. — Потому что нормальный человек не смог бы так поступить. Не смог бы сделать всё это, если бы не был жестоким в глубине души.

— Ты безусловно права, Лана... — ответил он, не отводя глаз. — Я такой... я монстр... совсем не тот хороший рыцарь, каким был твой возлюбленный Томас Сильварис...

Он продолжал удерживать меня у стены, и это пристальное внимание давило сильнее любых слов. Хотелось отвернуться. Закрыть глаза. Перестать его видеть. Но я не могла.

— Я жалею, что встретила тебя, Неймор, — прошептала я, больше не пытаюсь остановить слёзы. — Жалею, что выбрала тебя, а не Томаса. Жалею, что не смогла полюбить его... Жалею, что не дала ему даже шанса...

— Что значит «не смогла»? — он нахмурился и посмотрел на меня с непониманием, чуть отстранившись, словно мои слова выбили его из привычного состояния.

— Вы были вместе, я знаю... так что не строй из себя жертву. Не так уж сильно ты и страдала. Достаточно быстро запрыгнула к нему на член и прекрасно проводила время, пока этот идиот не решил сыграть в героя, не пошёл воевать с Фодесом и не сдох. — его голос становился всё жёстче, злее, и под конец он будто выплюнул эти слова.

Он отпустил меня, перестал прижимать к стене, но не отступил, оставаясь слишком близко.

Мне хотелось ударить его. Так, чтобы хотя бы на мгновение заставить почувствовать ту боль, которую он причинял мне все эти годы. Я сжимала кулаки так сильно, что ногти впивались в ладони.

— Он хотя бы пытался!.. — выкрикнула я, почти срываясь. — Он хотел спасти всех и погиб в бою! Он был моим другом... и я жалею, что он был только другом... и это всё из-за тебя, ублюдок!

Я не выдержала и замахнулась, пытаюсь ударить его. Злость и ненависть захлестнули меня с такой силой, что в тот момент внутри не осталось ничего, кроме желания причинить ему такую же боль.

Но он перехватил мою руку и с силой прижал её к стене так резко, что я ахнула от боли, а второй рукой схватил меня за шею, сжимая так, что дыхание исчезло.

Я отпустила халат и схватилась свободной рукой за его запястье, пытаюсь вырваться, но он держал крепко, не давая мне даже пошевелиться, и медленно наклонил голову ко мне, приближаясь всё ближе.

— Не лги мне... — шёпотом сказал он, заглядывая мне прямо в глаза.

— Я знаю, что вы были вместе. Я знаю, что ты любила его.

Мне было трудно дышать, грудь сжимало, но я всё равно смотрела на него и вдруг усмехнулась, несмотря на боль.

— Что?... Теперь мечь не кажется такой сладкой? — выдохнула я. — Когда ты узнал правду?... Не так приятно насиловать меня, понимая, что между нами никогда не было того, что ты так старательно пытался разрушить?

Я увидела, как меняется его лицо, как что-то трескается за этой привычной маской, и впервые за всё время почувствовала удовлетворение — потому что наконец-то смогла сделать ему больно.

— Ты думал, что мы любили друг друга, думал, что встанешь между нами, что сможешь сделать больно нам обоим, растоптать нашу любовь, но ты ошибся.

Я смотрела прямо на Неймора, наслаждаясь тем, как постепенно исчезает уверенность из его глаз.

— Мы не были парой. Я не любила его, он знал это. Он просто был рядом, помогал мне, был другом, — голос дрожал, я уже не могла остановиться. — Так что ты не особенный, Неймор. Ты ничего не разрушил. Не уничтожил нашу любовь.

Я выдержала короткую паузу, глядя ему прямо в глаза.

— Потому что её никогда не было.

Он сжал губы, челюсть напряглась, и я почувствовала, как его пальцы сильнее сомкнулись на моей шее.

И в этот момент я поняла, что наконец попала точно в цель.

Мне стало страшно. По-настоящему страшно. Этот страх был холодным и тихим, словно кто-то медленно провёл лезвием по позвоночнику. Но вместе с ним пришло странное осознание — неожиданное и совершенно абсурдное.

А что, если он действительно убьёт меня? Что, если всё закончится прямо здесь?

Странно, но это не вызвало паники. Наоборот. Это показалось... правильным.

Я так устала. Устала бояться его, устала ненавидеть, устала просыпаться каждое утро и гадать, какую новую боль принесёт следующий день.

Я отпустила его запястье и прижала ладони к стене, больше не пытаясь вырваться.

Пусть. Если он хочет закончить всё сейчас — пусть заканчивает.

— Давай, — прошептала я. — Убей меня. Я больше не нужна тебе. Ты больше не сможешь мстить.

Мне казалось, что он действительно это сделает. Но его лицо изменилось, губы дрогнули, и я впервые увидела на нём растерянность. В следующую секунду пальцы исчезли с моей шеи, и я рухнула на пол, судорожно хватая ртом воздух и прижимая халат к груди, цепляясь за него так, словно он был единственным, что ещё могло меня защитить.

Несколько секунд в кабинете стояла тишина.

Потом он заговорил.

— Значит... ты не спала с ним?

Я ошеломлённо подняла голову.

Из всех вопросов, которые он мог задать, я ожидала услышать что угодно, кроме этого. Он смотрел куда-то в сторону, не решаясь встретиться со мной взглядом.

— Ты ни с кем больше не была? — глухо повторил он.

Я продолжала смотреть на него, всё ещё пытаюсь понять, почему именно это оказалось для него важнее всего остального, почему именно сейчас, после всего сказанного, его волнует только это.

— Нет... — тихо ответила я. — Ни с кем. Кроме тебя.

Он так резко закрыл глаза, что на мгновение мне показалось: мои слова причинили ему физическую боль.

Я не понимала, что отражается на его лице. Гнев. Облегчение. Отчаяние. Или всё сразу.

А в следующую секунду он ударил кулаком по стене с такой силой, что я вздрогнула и зажала уши. Грохот эхом прокатился по кабинету, а мне снова стало страшно.

Что происходит? Почему именно эта правда вывела его из себя сильнее, чем всё, что я сказала до этого?

Он опустился на колени рядом со мной, тяжело дыша, и посмотрел таким печальным взглядом, что мне невольно почудилось: передо мной совсем другой человек, не тот, к которому я привыкла.

Я замираю, не в силах пошевелиться, и в тот же момент его ладонь скользит к моему подбородку, мягко притягивая ближе. Поцелуй обрушивается внезапно, как летняя гроза после душного затишья, лишая возможности сделать вдох и разрушая хрупкое равновесие, за которое я цеплялась все последние недели.

Всё происходит слишком быстро — настолько, что я не успеваю осмыслить происходящее и лишь машинально отвечаю на его поцелуй, в тот же момент понимая, что не должна этого делать.

Его сильные руки обвивают мою талию и опускают на пол — так бережно, точно это что-то важное, а не очередное нарушение границы, которую я пыталась удержать, и от этого становится только хуже: тело откликается предательски, сразу, раньше, чем разум успевает вмешаться.

Губы скользят ниже, к шее, оставляя за собой горячий след, от которого по коже разбегаются мурашки, словно искры по сухой траве.

Ещё минуту назад между нами стояла стена из боли, злости и невысказанных слов, и она казалась непробиваемой, но теперь трещит по швам от одного прикосновения, от одного движения его рук.

Я дышу прерывисто, прикусываю губу, лишь бы скрыть стон, который так и рвётся наружу, и всё происходящее кажется настолько нереальным, что становится трудно понять, где заканчивается реальность и начинается этот странный, сладкий, опасный сон.

Неймор продолжает целовать мой живот, опускаясь ещё ниже, и останавливается на внутренней стороне бедра.

Осознание того, что он собирается делать, приходит не сразу, но, как только нужная мысль вспыхивает в голове, по телу тут же проходит волна паники, мышцы невольно напрягаются, а сердце начинает биться так быстро, словно пытается вырваться из груди.

Нет... это неправильно... так нельзя...

Я пытаюсь отстраниться, вернуть между нами хотя бы крошечное расстояние, и пальцы сами цепляются за его плечи, пытаюсь остановить происходящее, но выходит плохо, почти бессильно, потому что внутри меня разгорается борьба тела и разума, и ни один из них не готов уступить другому.

— Неймор... — выдыхаю едва слышно. — Зачем ты это делаешь?..

Он отстраняется лишь на секунду и смотрит на меня взглядом, полным такого открытого, животного желания, что я невольно замираю, потому что впервые за всё время, что нахожусь в этом замке, вижу его таким.

Он проводит ладонями по моим рукам медленно, нарочно растягивая каждое движение, а затем смыкает пальцы на моих запястьях, прижимая руки к полу вдоль тела и не оставляя мне ни малейшей возможности отстраниться.

На его губах появляется едва заметная ухмылка, и он опускается между моих ног, и в следующую секунду я ощущаю, как его губы, а затем язык касаются моего клитора.

Короткий выдох срывается с губ и давно забытые ощущения вдруг возвращают в сознание воспоминания — не просто обрывки, а целые осколки прошлого, которые, как мне казалось, давно умерли.

Счастливая девушка, которой я когда-то была. Его комната. Его руки. Мир, в котором между нами ещё не было этой пропасти.

Я всё ещё пытаюсь удержаться в реальности, прогнать эти образы, не позволить им снова ожить, но сознание ускользает всё дальше, а тело перестаёт слушаться доводов разума.

— Прошу... тебя... остановись... — выдыхаю хрипло, едва слышно, цепляясь за последние остатки контроля.

Он лишь сильнее сжимает мои запястья.

— Замолчи... я не останавлиюсь, пока ты не кончишь... — произносит он тихо и продолжает ласкать мой клитор, вырисовывая на нём влажные круги.

В этот момент я сдаюсь.

Сознание уходит на второй план, а тело берёт верх, реагируя на каждое движение, на каждое касание, и всё внутри сжимается в одну точку, которая становится центром всего.

Я хочу, чтобы это прекратилось. И одновременно — чтобы не заканчивалось.

И ждать долго не приходится.

Я сжимаю пальцами ковёр, и тело начинает дрожать, переставая подчиняться, дыхание сбивается, и звук срывается с губ сам, громче, чем я могла бы себе позволить.

Волна невероятного оргазма разливается внутри, прокатывается по всему телу, словно разбирая меня на части и собирая заново, и это ощущение настолько яркое, что кажется, будто я перестаю существовать здесь, будто

Меня вырывает из реальности и поднимает куда-то выше.

Я продолжаю ощущать его прикосновения — уже мягкие, невесомые. Он больше не торопится, и каждое движение становится медленнее, позволяя мне прожить это ощущение до конца.

Не знаю, сколько времени проходит — минута, две или больше, — но постепенно дрожь начинает стихать, дыхание выравнивается, и я медленно возвращаюсь обратно в реальность, которая теперь кажется слишком тяжёлой после этого состояния.

Хватка на запястьях ослабевает, и он поднимается выше, нависая надо мной, заставляя снова встретиться с его взглядом. Сквозь ещё не до конца рассеявшееся состояние я чувствую его напряжённый член даже через ткань его брюк, чувствую, как он едва трётся им о моё бедро.

Руки сами находят его плечи — осторожно и неуверенно. Я касаюсь его почти с опаской, не до конца веря, что всё это происходит на самом деле. Внутри ещё держится это странное, расплавленное состояние, где правильное и неправильное больше не различаются, где всё сводится к ощущениям.

Взгляд не отрывается от его лица. В его глазах читается напряжение, тяжёлое, сдержанное желание, в дыхании — сбившийся ритм, в губах — едва заметное движение. Он тоже находится на грани.

И продолжение кажется неизбежным.

Но этого не произошло.

Он отвёл глаза. Что-то изменилось в одно мгновение. Почти сразу он отстранился и поднялся на ноги. Отвернувшись, провёл ладонью по лицу, затем схватился за голову и устало потёр лоб. Его движения стали дёргаными, напряжёнными, словно он из последних сил удерживал внутри что-то, что рвалось наружу.

Я была в полном шоке. Не понимала, что происходит и почему он так внезапно изменился. Ещё секунду назад передо мной был один человек, а теперь — совсем другой.

Стало дико стыдно и неловко. Почему-то казалось, что виновата именно я, что это я переступила черту, которую не должна была переступать. Не думая, я схватилась за халат и начала торопливо натягивать его на себя, путаясь в ткани и не сразу справляясь с завязками.

Неймор стоял ко мне спиной и тяжело дышал. Он расстегнул верхние пуговицы рубашки так быстро, что становилось ясно — ему действительно не хватает воздуха. Что-то давило на него, не позволяя сделать нормальный вдох.

Затем быстро подошёл к столику, взял стакан с виски и выпил залпом, не морщась, явно пытаясь заглушить то, с чем не мог справиться.

Закончив с халатом, я поднялась, чувствуя нарастающую панику. Было непонятно, что делать — уйти или остаться. Всё оборвалось слишком внезапно, слишком неправильно.

Колебание стало мучительным.

— Уходи... — тихо сказал он, всё так же не поворачиваясь ко мне.

И до меня не сразу дошёл смысл его слов. Я всё пыталась понять, что произошло, почему он остановился, ведь я видела его желание, чувствовала его, и это не было игрой.

— Я сказал, пошла вон отсюда! — закричал он, и в его голосе было столько злости, что я вздрогнула, а в следующую секунду он с силой швырнул стакан в пол.

Стекло разбилось с громким треском, осколки разлетелись в стороны, и этот звук окончательно вернул меня в реальность.

Страх ударил резко, мгновенно, выбивая из головы все мысли.

Я развернулась и выбежала из комнаты, не разбирая дороги. Быстро. Почти бегом. Меня гнал вперёд страх, и я даже не думала останавливаться.

Ворвавшись в свою комнату, я захлопнула дверь и, не раздумывая, бросилась к кровати. Забралась под одеяло с головой, спряталась, пытаясь отгородиться от всего, что осталось за этой дверью. В тот момент мне отчаянно хотелось верить, что несколько слоёв ткани способны защитить меня от целого мира.

Мне было страшно. Я не понимала, что у Неймора на уме. Не понимала, чего ждать дальше.

Я лежала, затаив дыхание, всё ещё ожидая, что он вернётся, что откроет дверь, что доведёт всё до конца, возьмёт то, что начал, как делал всегда.

Но он не приходил. И в этой тишине было что-то ещё более тяжёлое, чем сам страх.

Я медленно выдохнула, пытаясь успокоиться, но дрожь никак не проходила, и, закрывая глаза, вдруг ясно почувствовала на коже его прикосновения, его губы, его дыхание, а внизу живота снова возникло тягучее напряжение.

Пальцы сами коснулись губ, будто проверяя, остались ли на них следы того, что уже нельзя было отменить, и в голове снова вспыхнули те же вопросы, без ответов: зачем он это сделал, зачем остановился, зачем ласкал меня.

Я обхватила себя за плечи, сжимая их, пытаясь удержаться, собрать себя обратно, но всё внутри было спутано, перемешано, словно кто-то взял мои чувства и перевернул их, разрушив всё, что было привычным.

Меня это пугало.

Настолько, что я ещё сильнее сжала руки, причиняя себе боль, лишь бы почувствовать что-то конкретное, реальное, способное вернуть меня обратно в тело, а не в этот хаос мыслей.

Он просто издевается надо мной! Тогда почему не сделал всё как обычно? Зачем было доводить меня до оргазма?

Я не могла найти ответа.

Голова начала тяжело пульсировать, а вместе с ней возвращалась и та самая внутренняя боль — значит, действие зелья постепенно заканчивалось. Я машинально коснулась места, где ещё недавно темнел синяк, провела пальцами по коже, но от него не осталось и следа — мазь сделала своё дело.

— Ничего... как-нибудь переживу... — прошептала я едва слышно.

Неймор говорил, что мне понадобятся обезболивающие, но, похоже, забыл об этом.

Впрочем, просить я всё равно не собиралась. Ни за что.

Я закрыла глаза, стараясь замедлить дыхание, сделать его ровнее, глубже, чтобы хоть немного облегчить боль в груди и голове, и постепенно начала чувствовать, как напряжение, пусть медленно, но отступает.

А потом, незаметно для себя, я провалилась в сон. Сил не осталось даже на мысли, и сознание просто отключилось, оставив после себя пустоту.

Глава 15 Решение

Неймор 2 года назад

После той ночи на маскараде Лана всё чаще оставалась у меня на выходные. Мы проводили эти дни вместе, и я ловил себя на мысли, что не хочу ничего другого. Мы гуляли, смеялись, теряли время, будто его у нас было бесконечно много, а ночью я мог просто быть с ней. Без спешки. Без необходимости куда-то бежать. Любить её так, как хотел сам, не оглядываясь на стены, чужие взгляды и весь этот проклятый мир, который всё время пытался влезть между нами.

Мы были счастливы. И именно поэтому это счастье начинало отдавать болью.

Я давно понимал: придёт момент, когда нам придётся расстаться. Эта мысль возвращалась снова и снова, цеплялась, не отпускала, как заноза под кожей. Она появилась ещё до того вечера на маскараде, когда Томас впервые заговорил о Лане так, будто уже видел её частью своего будущего.

Я отталкивал её, убеждая себя, что у нас ещё есть время. Хоть немного.

Но я менялся, и Лана это замечала. Я стал тише, чаще уходил в себя. Она спрашивала, всё ли со мной в порядке, и я видел тревогу в её глазах.

Поэтому я заставлял себя не думать. Просто быть рядом. Пользоваться тем, что у нас есть сейчас.

Как, например, в тот день на лекции.

Мы сидели рядом, как обычно. Лана неожиданно внимательно слушала преподавателя, подперев подбородок рукой. Я же смотрел на неё и не мог оторваться от её лица — сосредоточенного, чуть напряжённого, с тем самым выражением, которое появлялось, когда она действительно увлекалась чем-то.

Я не слышал ни слова из того, что говорил профессор.

Мир снова сжался до одного человека. До неё.

Поймав себя на этом, я всё же попытался прислушаться.

Профессор говорил о проводниках магии. О том, как раньше люди не могли колдовать свободно и использовали природные артефакты. Тема древняя, как его собственный голос. Я знал её слишком хорошо: в моём доме таких проводников было больше, чем в любом музее, и хранились они в замке как часть истории семьи, которой все так любили давиться на приёмах.

— Лана, тебе правда это интересно? — спросил я, выгнув бровь.

Она отвлеклась и быстро глянула на меня.

— Да. Мы проходили это в школе, но я не думала, что будем повторять в колледже.

— Мне кажется, профессор читает всё подряд, лишь бы создать видимость деятельности, — прошептал я. — Вряд ли ты услышишь что-то новое.

— Всё равно... — она вздохнула, глядя в сторону преподавателя. — Представь, если ты потерял проводник и больше не можешь пользоваться магией.

— А ещё их приходилось постоянно носить с собой, — усмехнулся я. — Представь, если бы сейчас мы все ходили с посохами. Выглядело бы глупо.

На её лице появилась улыбка.

— Посох — это совсем древность. Палочка или орб наверняка удобнее.

— Палочка — тот же посох, просто уменьшенный, — пожал плечами я. — А вот орб — да. Он удобен. Работает через браслет. В детстве я часто пользовался ими.

Она посмотрела на меня с удивлением.

— Ты правда пользовался проводниками? Я думала, их можно увидеть только в музеях.

— Всеми, — спокойно ответил я. — У нас в замке целый зал с ними. В детстве я считал это игрушками.

— Я бы тоже хотела попробовать... — задумчиво сказала она. — Ты что-нибудь чувствуешь, когда колдуешь через них?

— Нет. Почти ничего. Просто магия выходит не из тебя напрямую. В орбе она активируется рядом и подчиняется движению руки.

Я поднял ладонь, показывая жест.

Лана прищурилась и хитро улыбнулась.

— Раз их у тебя так много, никто не заметит пропажи. Принеси один в колледж после каникул.

Я рассмеялся громче, чем следовало.

Профессор бросил на нас взгляд, полный старческого осуждения, будто мы только что разрушили всю его великую лекцию своим существованием, но всё же продолжил бубнить дальше.

Лана тут же выпрямилась, делая вид, что внимательно слушает. Я повторил её жест, всё ещё улыбаясь.

Принести проводники в колледж было запрещено. Но мне нравилось, что она не боялась нарушать правила. То, что она не была идеально правильной, притягивало меня куда сильнее, чем должно было.

— Ты уверена? — наклонился я к ней ближе. — Если нас поймают, нас точно отчислят.

— Не поймают, — тихо ответила она. — Ты перенесёшь нас на часовую башню. Туда никто не доберётся.

Её рука скользнула по моему бедру под партой.

Я сразу напрягся.

Чёртова девчонка. Она прекрасно знает, что делает.

Она касалась меня медленно и осторожно, так, чтобы никто не заметил. И этого было достаточно, чтобы в голове осталась только одна мысль.

— Хорошо, — выдохнул я, перехватывая её руку. — Но продолжишь вечером. В моей комнате.

Я посмотрел ей в глаза.

Она ответила мне тем самым взглядом, от которого я каждый раз терял дар речи.

— Договорились, — прошептала она и убрала руку.

Лана снова повернулась к преподавателю, будто ничего не произошло. А ведь только что снесла мне половину самообладания одним движением пальцев под партой.

А я мысленно уже был с ней наедине.

Прокручивал в голове предстоящую ночь, представляя, как буду касаться её, как она будет реагировать, как снова посмотрит на меня дерзко и влюбленно.

Остаток пары прошёл мимо меня.

Когда прозвенел звонок, мы вышли из кабинета. Коротко попрощались. Лана ушла навстречу с Миланией — у них была следующая совместная пара. У меня же появилось свободное время, и я направился искать Дерека и Фина.

Война с Сильварисом стихла. Даже эти двое — чудо из чудес — перестали вестись на провокации его людей и, что ещё удивительнее, сами перестали лезть первыми. Казалось бы, в этом колледже наконец-то наступил мир.

Но я ошибался.

Оказалось, здесь есть особи, которые тупее моих двух гениев. И это при том, что они уже касались дна. Видимо, им нужны инструкции ещё проще. С картинками.

Как раз сейчас я собирался поговорить с одним из таких.

Я нашёл их быстро. Они ждали меня в условленном месте, держа за шкурку Марка Флетчера.

Когда он увидел меня, его сразу затрясло. Как побитую собаку. Я отметил это мельком, усмехнулся и, не говоря ни слова, подошёл ближе. Ударил его в живот — резко, но не в полную силу. Марк ахнул и согнулся пополам.

Фин и Дерек заржали.

Ну конечно. Два великих ценителя воспитательных бесед.

— Марк... — спокойно начал я. — Я думал, ты не настолько глуп. Видимо, ошибся.

Он молчал, хватаясь за живот и изображая боль. Будто я не видел таких спектаклей раньше. От такого удара не умирают, как бы ему ни хотелось сейчас выглядеть несчастной жертвой.

Жалкий слюнтяй.

— Скажи мне, — я наклонился к нему, — сколько раз тебе говорили не цепляться к подругам Сильвариса?

— Прости, Неймор... — заскулил он. — Я ничего плохого не делал. Просто пошутил пару раз.

— Пошутил? — мой голос остался спокойным, но стал холодным. — По-твоему, говорить девушке, что ты поймаешь её и отымеешь в коридоре — это смешно?

— Я не всерьёз... я бы так не сделал... — продолжал он жалобно.

Я подошёл ближе, схватил его за рубашку и рывком выпрямил, заставив посмотреть мне в глаза.

— Конечно бы не сделал, — ответил я. — Иначе я бы сбросил тебя с башни.

Пауза.

— Но ты допустил эти мысли.

Я отпустил его и сделал шаг назад. Фин и Дерек снова схватили его с двух сторон, не давая согнуться, но он всё равно пытался, будто хотел спрятаться от меня в этом жалком положении.

Это раздражало.

— Смотри на меня, ублюдок, когда я с тобой говорю, — рявкнул я. — И не изображай боль. Я ударил тебя вполсилы. Пока что — вполсилы.

Злость закипала.

Меня бесило не только то, что он ослушался. Меня бесило, что он вообще позволил себе думать так о девушках рядом с Ланой. О её подругах. О тех, кого она считала своими.

А значит, каким-то мерзким образом — и о ней самой.

Марк поднял на меня глаза. В них был страх.

— Неймор... — выдавил он. — Но почему ты их защищаешь? Они подружки Сильвариса, а с ним война. У них есть парни. Почему они их не защищают? Каил и глазом не моргнул... и Томас не спешит защищать свою девушку...

Я нахмурился.

— Какую девушку? — спросил я.

— Лану Фортвел... — пробормотал он. — Говорят, она его девушка. Что они пара.

Это окончательно вывело меня из себя.

Я шагнул вперёд и снова ударил его. На этот раз сильнее. Марк согнулся и рухнул на пол, а Фин и Дерек отпустили его.

Я опустился рядом с ним на корточки.

— Неважно, кто чья девушка, Марк, — протянул я. — Важно то, что ты осмелился ослушаться моего приказа.

Выпрямившись, продолжил:

— Запомни. Война с Сильварисом заморожена. Трогать его друзей и подруг запрещено. Точка.

Я развернулся и пошёл прочь. Фин и Дерек, посмеиваясь, перешагнули через Марка, намеренно задев его, и последовали за мной.

Я шёл, а внутри всё кипело.

Слухи о том, что Лана — девушка Томаса, появились недавно. Иногда мне казалось, что он сам их распускает. Специально. Чтобы задеть меня. Чтобы показать, как близко находится к моей Лане. Настолько близко, что окружающие уже считают их парой.

Прекрасно. Долбаный Сильварис, видимо, решил, что если не может забрать её сердце, то хотя бы заставит весь колледж поверить, будто оно уже у него в руках.

Меня выворачивало от этой мысли.

Я сжимал кулаки, стараясь держать себя в руках. Понял, что если останусь здесь ещё хоть на минуту, кто-нибудь точно пострадает, и коротко кивнул Фину с Дерексом.

В следующую секунду я телепортировался на улицу. А оттуда — в часовую башню.

Я прислонился к холодному камню и снова задумался. О Лане. О нас. О том, что будет дальше. И о том, что станет с ней, когда мы расстанемся.

Как сложится её жизнь без меня? Будет ли она с Томасом? Нравится ли он ей по-настоящему? Сможет ли она полюбить его так же, как меня?

Он подходил ей. Хороший. Правильный. Герой.

Праведник Сильварис, мать его, с честными глазами и правильной улыбкой. Ещё бы крылья за спиной расправил — и можно сразу отдавать ему Лану, как в какой-нибудь идиотской сказке, где чудовище само уходит в тень, чтобы принц забрал всё самое дорогое.

Ревность сдавила грудь.

Казалось, я уже вижу это: как они стоят рядом, как он обнимает её, как целует, как она отвечает ему, как смеётся рядом с ним легче, спокойнее, без этой проклятой тени, которую я неизбежно тянул за собой.

На секунду я закрыл глаза и сжал кулаки так сильно, что побелели костяшки.

Эти мысли причиняли почти физическую боль.

Я пытался отогнать их, но знал: скорее всего, так и будет. Как только я оставлю её, он сделает всё, чтобы быть рядом. И она сдастся и выберет его.

Как с этим жить?

Как смириться, если мне плохо уже от одних мыслей, а когда это случится на самом деле... если я увижу это своими глазами... моё сердце просто остановится.

Я усмехнулся.

Может, так даже лучше. Просто умру — и всё закончится.

Зато буду знать, что она счастлива. Что она в хороших руках. Что рядом с ней не тот, кто тащит за собой тьму, войну, Фодеса и кучу проклятых проблем, а светлый герой.

От этого хотелось разбить стену.

Но я только сидел. Сидел в башне до самого вечера, пока апрельский холод окончательно не пробрался под одежду, а раздумья не стали такими тяжёлыми, что даже злиться больше не осталось сил.

Когда до встречи с Ланой оставалось около получаса, я выпрямился, поправил одежду и заставил себя отбросить всё это.

Потом телепортировался в коридор рядом с местом, где мы должны были встретиться.

Студенты ещё ходили туда-сюда. Я встал в проёме у кабинета так, чтобы меня не было видно, и стал ждать.

И тогда я заметил Марка.

Он шёл по коридору взъерошенный, с развязной походкой, постоянно оглядываясь по сторонам, словно опасался, что за ним наблюдают. Но взгляд у него был совсем не испуганный. Наоборот — мерзко довольный, как у человека, которому только что пришла в голову очередная дрянная идея.

Мне это сразу не понравилось.

Навстречу ему шёл какой-то парень — первокурсник, судя по виду. И по тому, как Марк посмотрел на него, я понял: этот идиот снова ищет жертву. Не равного, конечно. Зачем? К равным такие слюнтяи обычно не лезут.

Марк тут же направился к нему и, поравнявшись, нарочно задел плечом. Парень пошатнулся, остановился и испуганно уставился на него.

Марк смерил его злобным взглядом и процедил сквозь зубы:

— Ослеп?

Я знал это выражение слишком хорошо.

Он хотел драки. Хотел унижить. Хотел почувствовать себя сильным за счёт того, кто слабее.

Я уже собирался выйти из тени и оттащить его от этого бедолаги, но в коридоре раздались женские голоса.

Я остался на месте.

В ту же секунду к ним подбежали Лана и Селина. Они начали кричать, отталкивая Марка от парня. У первокурсника был такой взгляд, словно его действительно собирались убить.

— Убери от него руки! — Лана встала между ними, злобно сверля Марка взглядом. — Как ты смеешь?!

Я замер, не ожидал такого от неё.

В тот вечер, когда мы дрались с Томасом, она была напугана. А сейчас стояла перед Марком так, будто сама готова вцепиться ему в горло.

И, чёрт, в этом было что-то до боли красивое.

— Вам какое дело? — огрызнулся Марк, делая шаг назад. — Мы сами разберёмся.

Селина быстро осмотрела парня, убедилась, что с ним всё в порядке, и отпустила. Затем встала рядом с Ланой, плечом к плечу.

— Нам как раз есть дело, — жёстко сказала она. — Ты уже всех достал. Вечно цепляешься к нам и к другим студентам. Тебе не надоело?

В её голосе прозвучал холод — отчётливый и резкий.

Надо же. У подружки Сильвариса тоже иногда появляются зубы.

— Что хочу, то и делаю, — ухмыльнулся Марк. — Вас я точно спрашивать не буду.

— Предупреждаю один раз, — Лана шагнула вперёд. — Прекрати цепляться к нам и ко всем остальным. А то мало не покажется.

— Ахах, — засмеялся он. — И что вы мне сделаете? Пожалуетесь своим парням?

— Я расскажу всё Неймору, — прошипела Лана сквозь зубы. — И он тебя проучит.

Я застыл, а мои брови сами собой поползли вверх от удивления.

Вот этого я точно не ожидал. И, чёрт возьми, мне это понравилось.

Она даже не задумалась, просто назвала моё имя так уверенно, будто для неё было совершенно очевидно, что я встану на её сторону, разберусь с её проблемой и не позволю никому её тронуть. От этого внутри стало неожиданно приятно. Мне льстило её доверие, то, что в такой момент она вспомнила именно обо мне и ни секунды не сомневалась, что я её защищу.

Но это приятное чувство быстро сменилось раздражением, потому что Марку совсем не обязательно было знать, что между нами есть хоть какая-то связь. Судя по тому, как вытянулась его рожа, этот придурок уже начал о чём-то догадываться, а лишние слухи сейчас были последним, что мне нужно.

— Что? Неймору? — Марк посмотрел на неё с удивлением. — Он закончил войну с Сильварисом. На остальных ему плевать. Да и кто ты такая, чтобы он тебя слушал?

Вдруг на его лице мелькнуло понимание.

Он ухмыльнулся.

— Подожди... — протянул он. — Так это ты натравила его на меня?

— Что? — Лана растерялась.

— Это ты пожаловалась ему, и он меня избил?! — Марк злился, но инстинктивно всё же отступил на шаг.

— Я ничего не делала, — ответила она, уже не так уверенно. — Что ты несёшь?

Я видел, как она отступает.

Как впервые за эту сцену теряет свою злость, свою смелость, ту самую искру, которая ещё секунду назад заставляла меня невольно улыбаться.

Марк стоял несколько секунд и переводил взгляд от Ланы к Селине.

— Да пошли вы, суки! — выругался он и, развернувшись, быстрым шагом ушёл в другую сторону коридора.

Лана и Селина остались стоять одни. Обе стояли напряжённые и растерянные.

— Лана... — тихо спросила Селина, нервно сжимая ремешок сумки. — Что он имел в виду? Ты правда просила Неймора разобраться с ним?

Та резко подняла голову.

— Нет. Я не просила, — быстро ответила она. — Я вообще не понимаю, о чём он говорит.

Селина смотрела внимательно, не отводя взгляда.

— Ты уверена? — осторожно спросила она. — Ты только что пугала его Неймором. Говорила, что расскажешь ему.

— Я просто хотела напугать его, — сказала она тише. — Он постоянно пристаёт к студентам... кто-то должен его остановить.

— Лана, — голос Селины стал жёстче. — Он делает это только потому, что Неймор позволяет.

Она указала рукой в сторону коридора, туда, где исчез Марк.

— Ты сама слышала. Неймор закончил войну с Томасом. На остальных ему плевать.

Я сжал челюсти.

Спасибо, Лайтвуд. Очень трогательно.

— При чём тут Неймор? — Лана нахмурилась. — Он не может отвечать за поступки всех остальных.

Её голос дрогнул. Она говорила быстрее, словно оправдывалась не перед Селиной, а перед самой собой.

— Может, и не должен, — спокойно ответила Селина. — Но он их лидер. Он даёт им понять, что можно, а что нельзя. И они слушают его не потому, что уважают. А потому что боятся. Ты это знаешь и знаешь почему.

Лана промолчала.

— Ты сама только что это сделала, — продолжила Селина. — Напугала Марка его именем.

Она сделала паузу.

— Ты сказала: «Неймор разберётся». А как он разберётся? Он изобьёт. Заставит. Сломает.

Лана открыла рот, будто хотела что-то сказать, но промолчала, лишь нахмурившись сильнее.

Она смотрела на Селину, но будто уже не видела её. Слова доходили медленно, тяжело, и я почти видел, как внутри неё что-то трескается.

— Лана... — голос Селины смягчился. Она сделала шаг ближе. — Я понимаю, что ты любишь его. И что принимаешь таким, какой он есть.

Она замолчала, подбирая слова.

— Но, пожалуйста... — выдохнула она. — Не становись такой же.

Она грустно улыбнулась и отвернулась.

— Мне нужно идти.

Селина ушла по коридору, не оглядываясь.

Лана осталась стоять на месте.

Я видел, как её дыхание сбилось. Как она опустила взгляд в пол, словно там можно было найти ответ. Потом подняла руки и обняла себя за плечи — так она делала всегда, когда ей было по-настоящему больно.

И тогда я наконец понял: она всё знает.

Знает, кто я такой. Знает про войну, про мою репутацию, про семью и всё то дерьмо, что тянется за мной годами, и всё равно принимает меня целиком, не только ту версию, которую я показывал ей, а всего — вместе со всеми моими недостатками, ошибками и той частью себя, которую я сам предпочёл бы никогда никому не показывать.

Отличная маскировка, Дракморн. Просто гениальная. Девчонка всё равно добралась глубже всех. Увидела то, что остальные замечать не хотели или боялись замечать, и не отвернулась.

Мне было невыносимо жаль, что всё это коснулось её. И одновременно это ломало меня изнутри, потому что впервые в жизни рядом оказался человек, который знал обо мне достаточно, чтобы уйти, но почему-то оставался.

Всё равно выбирал меня. От этого становилось тяжело.

Я не хотел, чтобы Лана принимала ту часть меня, которую я сам ненавидел. Не хотел, чтобы привыкала к ней, оправдывала её или, ещё хуже, начинала считать нормальной.

Потому что слишком хорошо знал, чем всё это заканчивается.

Тьма никогда не приходит одна. Она цепляется незаметно, пускает корни и медленно отравляет всё хорошее, до чего может дотянуться. И сейчас я слишком ясно видел, что она уже стоит слишком близко к краю.

Со мной её ждало слишком много страданий.

И в тот момент я понял, что должен отпустить её. Убрать от неё свои руки, своё влияние, всю эту проклятую привязанность и оттолкнуть к свету, даже если она возненавидит меня за это, даже если будет смотреть так, будто я действительно худший ублюдок в её жизни.

Пусть. Главное, чтобы она осталась собой.

Потому что смотреть, как она превращается в кого-то похожего на меня, я бы не смог.

Я выждал несколько минут и вышел из-за угла.

— Лана, — окликнул её я и медленно направился к ней.

Она тут же подняла голову и улыбнулась — легко, почти привычно, будто ничего не произошло.

Вот так. Спрятала боль и улыбнулась мне. Моя девочка. Моя сильная, упрямая, слишком добрая Лана, которая даже сейчас пыталась сделать вид, что всё нормально.

— Что-то случилось? — спросил я, делая вид, что ничего не слышал. — Ты выглядишь взволнованной.

Я подошёл ближе и положил руки ей на плечи.

— Немного поссорилась с Селиной, — ответила она, то опуская взгляд, то снова поднимая его.

— Из-за чего? — спросил я, обнимая её.

— Да так... — она пожала плечами. — Мелочь. Не обращай внимания.

Она прижалась ко мне, и я обнял её крепче, ласково проводя ладонью по волосам.

Лана не хотела говорить. И я понимал, почему.

Она стояла между двумя дорогами и отчаянно пыталась не выбирать ни одну из них. Но так не бывает. Рано или поздно выбор всё равно придёт за ней сам. Томас. Селина. Все эти правильные люди, которые однажды заметят, как сильно она изменилась рядом со мной.

И тогда её заставят выбирать. А она выберет меня.

Я не сомневался в этом. И именно поэтому должен был уйти первым.

Я прижимал её к себе и уже понимал, что эта ночь станет последней. Последней, когда я позволяю себе держать её рядом. Последней, когда делаю вид, что у нас есть будущее.

Мне хотелось остановить время.

Хотелось забыть обо всём и оставить её себе.

Но рядом со мной Лану ждала только боль.

Поэтому впервые в жизни я собирался поступить правильно.

И, чёрт возьми, как же я ненавижу это решение.

— Неймор... — тихо позвала она.

Я чуть отстранился и посмотрел на неё. В её глазах была печаль.

— Твоё сердце так быстро бьётся, — сказала она. — Тебя что-то беспокоит?

Я улыбнулся. Конечно, улыбнулся. Что ещё мне оставалось?

— Всё хорошо, Лана, — ответил я. — Я просто рад тебя видеть. И рад, что сегодня мы снова проведём ночь вместе.

— Тогда пойдём, — сказала она и прижалась ко мне.

Я обнял её крепче.

В последний раз позволяя себе поверить, что она всё ещё моя.

И мы исчезли из коридора.

Глава 16 Парни

Лана

Следующее утро после лабиринта началось с завтрака без Неймора.

Когда я спустилась вниз, то ожидала увидеть его. Если честно, я совершенно не знала, как вести себя с ним после всего, что произошло в его кабинете. И впервые поймала себя на том, что надеюсь встретить его привычные холодные, надменные глаза, к которым уже успела привыкнуть. Возможно, так было бы проще. Проще представить, что та неожиданно приятная близость между нами была всего лишь сном, наваждением, а не чем-то реальным.

Но его место оказалось пустым. Стол был накрыт только для меня одной.

Феодора лишь пожала плечами в ответ на мой вопросительный взгляд. Милания тоже ничего не могла сказать.

И всё же я решила, что так даже лучше. Без него было легче. Я могла спокойно поесть, не ощущая на себе его внимания и не вспоминая каждую секунду, как нежно он касался меня. Я понимала: стоит нам встретиться — и неловкость снова захлестнёт меня.

Поэтому я спокойно ела — медленно, без спешки, позволяя себе почувствовать вкус еды и не боясь, что он внимательно наблюдает за каждым моим движением.

Но Неймор не появился и на обеде и на ужине. И на следующий день тоже.

Это было странно и подозрительно.

Я быстро выяснила с помощью Милании, что Неймор всё это время находится в замке и никуда не уезжал. И при этом мы ни разу не столкнулись — ни случайно, ни намеренно.

Значит, он избегает меня.

Сначала эта мысль показалась нелепой, даже абсурдной.

Но чем дольше я об этом думала, тем меньше оставалось других объяснений.

И тем сильнее во мне росло желание понять — почему.

Я всё чаще возвращалась мыслями к тому, что произошло в его кабинете. Стоило лишь на секунду позволить себе вернуться туда, как по телу проходила предательская дрожь от одного только воспоминания о его губах, скользящих по моей коже, о той осторожности, с которой он касался меня, словно боялся причинить боль. А когда сознание подсовывало самый яркий, самый откровенный фрагмент — тот ослепительный всплеск внизу живота, от которого перехватывало дыхание, — внутри всё сжималось.

И я раз за разом задавала себе один и тот же вопрос.

Почему? Почему это произошло именно так?

Почему моё тело откликнулось на него так легко? Он унижал меня, ломал, подчинял, а стоило ему проявить хоть каплю нежности — и я сама потянулась к нему. Ответа не было. И именно это пугало сильнее всего.

И чем больше я об этом думала, тем сильнее во мне разрасталось чувство вины — густое, тяжёлое, как тёмное пятно, расплзающееся по душе. К нему примешивался стыд, такой острый, что временами хотелось спрятаться от самой себя.

Я ощущала себя предательницей. Не только самой себе — всем, кто погиб из-за Фодеса. Неймор был частью этого режима. Он принимал решения. Отдавал приказы. Возможно, убивал. И если я позволила себе откликнуться на него... разве это не означало, что часть этой тьмы уже добралась и до меня?

Иногда мне казалось, что кровь всех тех, кто погиб по вине Фодеса, лежит и на моих руках, проступая сквозь кожу — невидимая, но почти ощутимая.

Мне хотелось избавиться от этого ощущения — смыть его, стереть, вырвать из себя, как вырывают занозу.

Но я не представляла, как это сделать. Иногда хотелось рассказать обо всём Милании, но стыд каждый раз заставлял меня молчать.

Наступил вечер четверга, и я сидела на кровати, не сводя взгляда с часов, будто от движения стрелок зависело нечто гораздо большее, чем просто время. Я закусывала губу и машинально покачивала ногой, ощущая, как внутри всё напрягается. Он приходил всегда ровно в девятнадцать ноль-ноль. До этого момента оставались считанные минуты — большая стрелка медленно приближалась к двенадцати, маленькая почти касалась семи.

Я то и дело поглядывала на дверь и прислушивалась к каждому едва уловимому звуку. Неймор всегда входил через дверь — даже при том, что мог телепортироваться в любую точку замка. В этом было что-то намеренное и подчёркнутое: он приходил шагами, давал мне услышать своё приближение.

В комнате стояла тишина. Я снова посмотрела на часы.

Тридцать секунд.

Сердце билось слишком быстро, дыхание стало поверхностным. Я поспешно поднялась и встала у стены рядом со столиком — в том самом месте, где он обычно останавливался, где начинался ритуал, к которому я так и не смогла привыкнуть, но к которому тело уже научилось готовиться.

Мне казалось, что нервы натянуты до предела, как струны, готовые оборваться от малейшего прикосновения. Я начала кусать губу сильнее, стараясь унять эту дрожь, этот внутренний гул ожидания.

Стрелка коснулась двенадцати.

Я снова посмотрела на дверь.

Секунда.

Две.

Три.

Ничего.

Он не пришёл.

Я осталась стоять, не двигаясь. Казалось, любое движение нарушит эту тишину. Он никогда не опаздывал. Никогда. Он приходил всегда в одно и то же время, с точностью, от которой становилось жутко.

А сейчас — не пришёл.

И я знала, что это не случайность. Это намеренно.

Тяжесть медленно разлилась в груди, как густая тёмная жидкость, и я сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

Он издевается надо мной? Сначала он насилует меня. Потом доводит до оргазма. А теперь — исчезает, словно ничего не было. Что это всё, чёрт возьми, значит? Почему его отсутствие ранит сильнее, чем его присутствие? Может, я уже наскучила ему, и теперь он просто ищет способ избавиться от меня?

Эта мысль появилась внезапно и тут же сжала внутренности ледяной рукой. Я разжала кулаки, чувствуя, как дрожат пальцы, медленно подошла к кровати, села, опустила голову и обхватила её руками, пытаясь удержать мысли, не дать им разрастись.

Что он сделает со мной, когда наиграется? Отдаст кому-нибудь другому? Или просто устранил, как ненужную вещь? Что меня ждёт дальше, и будет ли вообще это «дальше»?

Если это так, если он правда задумал избавиться от меня, то лучше узнать об этом как можно быстрее, потому что жить в ожидании и гадать я не хотела, это будет куда большей пыткой, чем сама правда.

Нужно было всё прояснить. Найти его. Заставить наконец сказать правду.

— Сейчас или никогда... — прошептала я себе, и в этих тихих словах решимости было куда больше, чем страха.

Я резко поднялась и, не теряя ни секунды, направилась к двери. Выскочив в коридор, остановилась лишь на мгновение, торопливо оглядываясь по сторонам и пытаясь понять, где искать Неймора. Первой в голову пришла мысль о его кабинете.

Я быстрым шагом направилась к винтовой лестнице, поднялась на этаж выше и почти бегом добралась до нужной двери. Схватившись за ручку, с силой дёрнула её на себя.

Заперто.

Я раздражённо стиснула зубы, чувствуя, как внутри снова нарастает напряжение. Значит, придётся искать Феодору. Если кто и знал, где сейчас находится Неймор, так это она.

Я поспешила обратно к лестнице, спустилась на два этажа вниз, туда, где находились гостиная и кухня. Выбрав тёмный коридор, ведущий к служебным помещениям, я ускорила шаг, и чем ближе подходила, тем отчётливее до меня доносились чьи-то голоса.

В гостиной кто-то был. И не один.

По голосам я поняла, что их несколько.

Любопытство вспыхнуло так же сильно, как и страх. Не раздумывая, я начала осторожно красться вперёд, стараясь ступать как можно тише, чтобы случайно не выдать себя. С каждым шагом мягкий свет, льющийся из гостиной, становился ярче, а приглушённые голоса — отчётливее.

Мне отчаянно хотелось узнать, о чём они говорят.

Вдруг происходит что-то важное? Вдруг я услышу то, чего знать не должна? А что, если Неймор говорит с кем-то... обо мне?

От этой мысли по телу пробежала тревожная дрожь.

Подобравшись достаточно близко, я прижалась спиной к холодной каменной стене. Теперь мужские голоса звучали гораздо отчётливее, но слов всё ещё было не разобрать — значит, они находились чуть дальше, в глубине комнаты.

Я глубоко вдохнула, задержала дыхание, развернулась и медленно выглянула из-за стены, придерживая волосы рукой, чтобы ни одна прядь случайно не выдала моего присутствия.

В гостиной сидели молодые мужчины в дорогих костюмах. Они спокойно переговаривались между собой, уверенно расположившись так, словно находились здесь у себя дома.

Я сразу узнала их.

Все они были из колледжа. Трое расположились на диване и в кресле — их имён я не помнила, только лица. Ещё двое стояли чуть в стороне.

Фин и Дерек. Соседи Неймора по комнате. самого Неймора среди них не было.

Внезапно один из парней повернул голову в мою сторону, и я тут же отпрянула назад, вжавшись в холодную каменную кладку и боясь пошевелиться. Лишь спустя несколько секунд осторожно выдохнула, понимая, что меня, похоже, так и не заметили.

На губах сама собой появилась едва заметная улыбка. Почему — я и сама не понимала.

Сердце всё ещё бешено колотилось, колени предательски подрагивали, но, несмотря на страх, мне стало немного спокойнее. Фин и Дерек, хоть и были крупными, опасными парнями и выполняли роль телохранителей Неймора, всегда относились ко мне по-доброму. Они знали о наших отношениях, никогда не смотрели с осуждением, улыбались при встрече и без лишних вопросов помогали, если я о чём-то просила.

Через несколько секунд я рискнула снова посмотреть в гостиную. Парни всё так же сидели и разговаривали между собой, и я решила прислушаться, пытаясь разобрать, о чём идёт речь. Я замерла, превратившись в слух, даже слегка прищурилась, будто это могло помочь услышать лучше, но слова всё равно ускользали, рассыпаясь на отдельные обрывки, из которых никак не складывался смысл.

Вдруг трое мужчин, сидевших в креслах и на диване, начали подниматься. По очереди они пожали руки Фину и Дереку, после чего направились к выходу. Те остались вдвоём, перекинулись ещё несколькими фразами и, заметно расслабившись, снова опустились на диван.

Я выдохнула.

Похоже, узнать хоть что-то не получится. Интересно... о чём они говорили? И где Неймор?..

— Что выяснила?.. — раздался знакомый голос у меня за спиной.

Я вздрогнула так сильно, что вскрик сорвался сам собой. Всё внутри оборвалось. Я резко обернулась, но Неймор оказался быстрее.

В следующее мгновение его ладонь уже закрывала мне рот, а сама я оказалась прижатой к холодной каменной стене.

Я смотрела на него широко раскрытыми глазами, пытаюсь унять бешено колотящееся сердце, а он... выглядел довольным. Даже развеселённым. На губах играла лёгкая ухмылка, будто всё происходящее искренне его забавляло.

Он прижимал меня, вплотную, не оставляя ни малейшего пространства между нами, и от этой близости, знакомого аромата его духов и тепла, исходившего от его тела, по коже пробежала мелкая дрожь.

Я тяжело дышала, пытаюсь успокоиться.

— Тебя в детстве не учили, что подслушивать и подглядывать нехорошо? — произнёс он тем самым тоном, которым обычно отчитывают провинившегося ребёнка.

Я дёрнулась, пытаюсь высвободиться, и он сразу отпустил меня, словно ему было достаточно лишь напомнить, кто здесь контролирует ситуацию.

— Я ничего не слышала, — ответила я чуть хрипло, чувствуя, как от волнения пересохло в горле.

— Важно не то, что ты слышала, а то, что пыталась услышать, — спокойно ответил он, не сводя с меня глаз.

— Что, накажешь меня? Поведёшь в подвал к паукам? — сказала я, пристально глядя ему в глаза, почти с вызовом.

Он прищурился и медленно, внимательно изучал моё лицо, пытаюсь прочитать в нём нечто большее, чем просто слова.

— Отличная идея... Идём, — протянул он с лёгкой усмешкой, отступил на шаг и потянул меня в другую сторону.

Я тут же упёрлась ногами.

— Нет... нет... прости... прости... — торопливо прошептала я, испуганно глядя на него.

Похоже, провоцировать его действительно было плохой идеей.

Он сразу остановился. На губах играла довольная дьявольская улыбка.

— Прощаю... Считаю, только потому, что у меня сегодня хорошее настроение.

Мне очень хотелось съязвить в ответ, но я вовремя прикусила язык и промолчала.

— Пойдём, здороваемся, — вдруг сказал он и, не давая мне ни секунды на раздумья или сопротивление, крепко взял за предплечье и повёл в сторону гостиной.

Я слотнула подступивший к горлу ком и покорно пошла следом, изо всех сил стараясь сохранить спокойный вид.

На самом деле встретиться с ними я была совсем не против. Остальные уже ушли, а Фин и Дерек всегда вызывали у меня спокойствие. Их сложно было назвать хорошими или правильными людьми, но рядом с ними я никогда не чувствовала угрозы.

Стоило нам войти в гостиную, как они тут же поднялись на ноги. Переглянувшись, оба расплылись в улыбках, едва заметив меня.

Я нерешительно улыбнулась в ответ.

— Смотрите, кого я нашёл за тем проёмом, — небрежно произнёс Неймор, кивнув в сторону коридора, откуда мы только что вышли.

Потом его голос изменился.

— Вы, видимо, плохо учились в колледже, раз даже не заметили, что за вами следят, — холодно бросил он, поочерёдно переводя взгляд с одного на другого.

Фин и Дерек учились на факультете Магической безопасности, а значит, их магическое поле должно было быть натренировано улавливать присутствие людей, скрывающихся где-то рядом, но, судя по всему, Неймор был прав — учились они не так уж хорошо.

Оба растерянно переглянулись, явно не зная, что ответить.

— Мы не подумали, что в твоём замке за этим вообще нужно следить... — наконец пробормотал Дерек, виновато опуская голову.

— Здесь и так очень сильный защитный барьер... — поспешил добавить Фин, будто это хоть как-то могло их оправдать.

Неймор лишь устало закатил глаза и на мгновение посмотрел в потолок, словно мысленно досчитал до десяти, пытаясь справиться с раздражением.

Он по-прежнему держал меня за руку.

Я молчала, не шевелясь, и никак не могла избавиться от одной-единственной мысли: зачем ему вообще нужна охрана?

Неймор вновь перевёл на парней холодный, колющий взгляд.

— А если бы у неё был нож... — медленно произнёс он с ядовитой насмешкой. — И она решила бы воткнуть его мне в горло... Что тогда?

Он чуть склонил голову набок, не сводя с них глаз.

— По-вашему, защитный барьер меня бы спас?

Фин и Дерек опустили глаза, неловко переминаясь с ноги на ногу, и на этот раз не нашлись, что ответить.

— Я бы так не сделала, — неожиданно для самой себя произнесла я, пытаясь высвободить руку из его хватки.

От собственных слов стало не по себе.

Да, я ненавидела его. Да, где-то глубоко внутри желала ему смерти.

Но... не так. Я бы не смогла. Тем более так — хладнокровно, глядя человеку в глаза, чувствуя, как кровь течёт по рукам.

Хотя... Я не раз представляла, как убиваю Фодеса. Эти тёмные образы сами всплывали в голове.

Значит... смогла бы?

Но представить, что моими руками умрёт Неймор, всё равно казалось невозможным. Чем-то совершенно чуждым.

Неймор посмотрел на меня так, что слова оказались не нужны. Я сразу поняла: он хотел, чтобы я молчала. Чуть поморщившись, я сжала губы, отвернулась и уставилась в стену, будто в ней было что-то гораздо более важное, чем происходящее вокруг.

— Прости, Неймор, мы будем внимательнее, — одновременно ответили парни, не решаясь поднять глаз.

Он лишь цокнул языком и глубоко вздохнул, словно всё происходящее было для него утомительной, давно надоевшей обязанностью.

— Что ж... можете поздороваться и сразу попрощаться с ней, — сказал он, небрежно подтолкнув меня к ним. — Только быстро. У нас ещё есть дела.

Его взгляд скользнул по мне лишь на мгновение, после чего вновь остановился на Фине и Дерек.

Они переглянулись, улыбнулись и наконец посмотрели на меня.

Я посмотрела на них и тоже улыбнулась, хоть и чувствовала, как к горлу подступает ком.

— Привет, парни, — тихо сказала я.

— Привет, Лана, — ответили они почти одновременно.

— Рада вас видеть.

— Мы тоже. Как у тебя дела? — спросил Дерек, чуть наклонив голову.

— Отлично... тут хорошо кормят, — рассмеялась я, и этот смех прозвучал как-то слишком легко и неестественно.

К глазам подступили слёзы. В груди резко кольнуло, и показалось, что внутри что-то треснуло.

— Стейк очень вкусный...

Они заулыбались ещё шире, не замечая, как дрожит мой голос.

Неймор стоял чуть позади, тяжело вздыхая, всем своим видом показывая, что эта сцена его раздражает.

— Ты плачешь, Лана? — вдруг спросил Фин, внимательно посмотрев мне в глаза. — Тебя никто не обижает?

На их лицах отразилось искреннее непонимание.

Они не были глупыми... но и не были теми, кто способен увидеть глубже.

И я не собиралась объяснять им правду.

Я быстро смахнула слезу и снова улыбнулась, заставляя себя выглядеть спокойной.

— Нет, парни, всё хорошо. Меня никто не обижает. Девушки иногда плачут от радости... Это нормально. А я просто рада вас видеть.

Они снова переглянулись и тепло улыбнулись, безоговорочно принимая мои слова.

— Всё. Вам пора, — вмешался Неймор, коротко обрывая наш разговор.

— Пока, Лана, — одновременно попрощались они, кивнули Неймору и направились к выходу.

Я проводила их взглядом, чувствуя, как сердце всё сильнее сжимает тяжёлая тоска. В памяти один за другим вспыхивали моменты из колледжа: как легко мы общались, пока мы с Неймором были вместе, как часто пересекались, шутили, разговаривали. А потом всё изменилось. Они продолжали украдкой улыбаться мне и здороваться, когда Неймора не было рядом, но стоило ему появиться — сразу становились сдержанными и холодными, будто мы были совсем чужими.

Я знала, что Неймор запретил им общаться со мной, и не винила их за это.

Но сейчас, увидев их тёплые улыбки снова, я почувствовала, как грусть по прошлой жизни окутывает меня, как тяжесть разливается в груди.

Но долго оставаться в этом состоянии мне не позволил Неймор.

Он резко развернул меня к себе лицом и притянул ближе, заставляя смотреть на него, и его взгляд был прямым, требовательным.

— Итак... зачем подслушивала и что ты там вообще делала?

Я слотнула ком, вставший в горле, и наконец решила не уходить от ответа, не прятаться.

— Я искала тебя... хотела поговорить с тобой, — ответила я твёрдо, не отводя глаз.

— О чём? — на его лице мелькнуло искреннее недоумение, что сбilo меня на секунду.

Внезапная мысль пронзила меня.

А вдруг он вовсе не избегал меня? Вдруг всё это — только в моей голове?

— Почему ты больше не приходишь на завтраки... обеды... ужины? — выдохнула я, всё же решившись задать вопрос.

— Почему тебя это волнует? — его голос стал мягче, но в нём ясно слышались насмешливые нотки. — Тебе что... скучно без меня?

Я сжала кулаки, чувствуя, как внутри поднимается злость, смешанная с растерянностью. Его близость давила, заставляла тело напрягаться ещё сильнее.

Я глубоко вдохнула, пытаюсь собраться, удержать себя в руках, и наконец произнесла:

— После того раза... в твоём кабинете... мы ни разу не встретились.

Он моргнул чаще, чем обычно, и на мгновение опустил взгляд на мои губы, сжав челюсть так, что на скулах проступило напряжение. Казалось, он что-то обдумывает, взвешивает слова, словно решает, стоит ли вообще отвечать.

Но уже в следующую секунду он поднял глаза — и прежний холод вернулся.

Тот самый, знакомый. Отстранённый и ледяной.

— Ланивея... — произнёс он моё имя медленно, с нарочитой растяжкой, и в его голосе появилась ядовитая ласка, от которой я невольно съёжилась.

— Мир не крутится вокруг тебя, — продолжил он. — И если я не удостоил тебя своим присутствием, значит, у меня были дела поважнее.

Я почувствовала, как он притягивает меня ближе. Сердце забилося быстрее. Внутри смешалось слишком многое: страх, злость, напряжение, растерянность — всё переплелось, как языки пламени, в которых уже невозможно понять, что именно тебя сжигает.

— Или ты решила, — продолжил он, чуть склонив голову, — что если я довёл тебя до оргазма, это что-то меняет? Что это что-то значит?

— Я так не думала... — тихо ответила я, не отводя взгляда. — Я просто не понимаю... зачем ты это сделал.

Я смотрела ему в глаза пристально и упрямо, будто могла вытащить из него правду, если не отступлю. Почему-то мне казалось, что это не было случайностью, что за этим стояла важная причина.

Но он лишь усмехнулся.

— Кто знает... — протянул он, медленно проводя пальцем по моей шее. — Возможно, я расчувствовался, когда узнал, что ты, оказывается, хранила мне верность все эти годы.

Его голос был мягким, но в этой мягкости чувствовалась насмешка.

— Ведь я твой единственный мужчина. Во всех смыслах.

Он улыбнулся — коротко, самодовольно.

— Знаешь... мне это нравится. Томас был влюблён в тебя, бегал за тобой... а ты ему даже не дала.

Его слова резко ударили.

Во мне вспыхнула злость — острая и обжигающая. И вместе с ней пришло разочарование. Я уже понимала: он не скажет ничего настоящего. Он не даст мне ответа. Он снова играет — провоцирует, давит, пытается задеть.

Я попыталась отстраниться, сделать хотя бы шаг в сторону.

Но не смогла.

Он держал меня крепко, не позволяя увеличить дистанцию, прижимая к себе так, будто даже это движение — моё желание отдалиться — было для него чем-то недопустимым.

— Ведь ты знала, да? — он впился в меня взглядом, и в его лице появилось что-то довольное и хищное. — Что он влюблён в тебя... ты знала?

Я сжала губы, не желая отвечать.

Но он резко стиснул моё предплечье и дёрнул на себя.

— Отвечай, — приказал он тихо, но в этом голосе не было места отказу.

— Да. Я знала, — твёрдо сказала я.

Он ехидно улыбнулся.

— Знала... и пользовалась этим, — протянул он. — Его добротой, его преданностью. Тебе нравилось, да? Что он, как пёс, ходил за тобой?

Я посмотрела на него прямо, не моргая.

— Мы были друзьями. Я никогда ничего ему не обещала и не обманывала его. Он всё знал. Ему было достаточно быть рядом. Я не пользовалась им... — я говорила спокойно, несмотря на злость, которая поднималась внутри. — Я любила его. Но как друга.

Я уже понимала, к чему он ведёт.

Он хотел сломать это. Показать, что я ничем не лучше. Что я такая же. Но это было неправдой.

— Теперь твой друг, — медленно произнёс он, — будет смотреть с того света, как ты принадлежишь его врагу.

Я попыталась отвернуться, но он взял меня за подбородок, повернул лицо к себе, заставляя смотреть прямо в глаза.

— Или... — его голос стал тише, — может быть, ты до сих пор любишь меня?

На мгновение у меня перехватило дыхание.

Но следующая волна — чистой злости — мгновенно вытеснила всё остальное.

Я смотрела на него с ненавистью. И даже не пыталась это скрыть.

— Я не люблю тебя, — сказала я твёрдо. — Я ненавижу тебя.

Он ухмыльнулся. Именно этого он, похоже, и добивался.

— Отлично... — произнёс он удовлетворённо. — Ближе к делу.

Мир на мгновение шевельнулся, и мы оказались в моей комнате.

Он прижал меня к стене, лишая пространства, и наклонился к моей шее. Его губы, коснувшись кожи, тут же вызвали волну мурашек. Я на секунду замерла, потеряв способность двигаться и даже не успев понять, что происходит. Его прикосновения были настойчивыми, уверенными, и от этого контраста — между моими словами и его действиями — волнение захлестнуло меня с новой силой.

Я не сразу смогла пошевелиться.

— Зачем ты это делаешь, Неймор?.. — выдохнула я, едва сдерживая дрожь в голосе. — Будь таким, как раньше... прошу тебя. Просто возьми, что тебе нужно... и оставь меня.

Он замер. На секунду.

А затем резко отстранился и сделал шаг назад, будто мои слова неприятно его задели. Его выражение лица стало жёстче и недовольнее.

— Хорошо, — холодно бросил он. — Так уж и быть. Иди к стене.

Он коротко кивнул в сторону привычного места — того самого, где всё происходило раньше.

Я даже не стала думать. Опустила голову, быстро проскользнула мимо него, стараясь не задеть, не задержаться рядом ни на секунду. Остановилась у столика, как он и приказал.

Он снял с себя пиджак, расстегнул несколько пуговиц на рубашке и закатал рукава, выполняя каждое движение спокойно и привычно, как давно отработанный ритуал.

Я следила за его действиями, и внутри вдруг стало тише. Всё происходящее потеряло значение, а напряжение, ещё недавно сковывавшее меня изнутри, медленно выветривалось, оставляя после себя странную пустоту. Я просто стояла и ждала — неожиданно спокойно и отрешённо.

Он повернулся ко мне и шагнул ближе. Его лицо снова стало тем самым — напряжённым, замкнутым, а взгляд — отстранённым, лишённым всяких эмоций. Всё вернулось на привычные рельсы.

Он обхватил меня за талию одной рукой, второй уверенно взял за бедро и, как обычно, посадил на край столика. Я тут же вцепилась пальцами в столешницу, ощущая, как её острый край впивается в кожу. Я сжала челюсть и глубоко вдохнула через нос.

Эта боль была знакомой. И я даже была ей рада.

Я знала, что она поможет заглушить всё остальное.

Но в этот раз всё оказалось иначе.

Юбка была короче, чем обычно, и между кожей и жёстким краем столика больше не осталось того тонкого слоя ткани, который раньше хоть немного смягчал давление.

Теперь оно было острым. Почти невыносимым.

Я едва заметно качнула бёдрами, пытаюсь приподняться, найти положение, в котором станет хоть немного легче.

Не получилось.

Неймор уже стоял между моих ног, взялся с ремнём. Он не обращал на меня внимания и даже не придерживал, поэтому мне приходилось удерживать равновесие самой, чувствуя, что любое неловкое движение может закончиться падением.

Казалось, ещё немного — ещё одно неосторожное движение, и кожа просто не выдержит. Разойдётся, вспыхнув жгучей болью. Я стиснула зубы, изо всех сил сдерживая стон, который всё равно рвался наружу. Осторожно попыталась сместиться ещё раз, но стало только хуже.

Я машинально схватилась за Неймора, пытаюсь удержать равновесие.

Он тут же замер и недовольно посмотрел на меня.

Я встретила с его взглядом — и сразу отдернула руку, точно обожглась. Но стоило лишиться этой опоры, как я снова опёрлась о столешницу, и лицо исказила новая вспышка боли. Я не сдержалась — тихо ахнула.

— Что с тобой? — раздражённо спросил он. — Зачем ты хватаешься за меня?

— Прости... — выдохнула я шёпотом. Голос предательски дрожал. — Этот столик... у него такой острый край... кажется, будто он режет кожу...

Последние слова дались с трудом. Терпеть дальше я уже не могла.

Он ничего не сказал. Лишь молча отступил, позволяя мне спуститься.

Я сразу оказалась на ногах, и облегчение накрыло мгновенно — резкое, как первый глоток воздуха после долгого удушья.

Но уже в следующую секунду он опустился передо мной на корточки, взял меня за бёдра и слегка развернул, чтобы лучше рассмотреть следы.

Я замерла. Этот жест оказался настолько неожиданным, что я рефлекторно вскинула руки, стараясь не задеть его, и опустила глаза.

Его пальцы осторожно приподняли край юбки, и он провёл ими рядом с длинными красными полосами, оставшимися на коже. Потом посмотрел на меня.

В его глазах промелькнуло что-то, чего я не успела понять.

— Ты что... всё это время терпела? — спросил он, недовольно глядя на меня, как на человека, совершившего какую-то глупость.

Я растерялась.

— Обычно юбка была длиннее... — тихо произнесла я, невольно оправдываясь. — И было не так больно...

— Почему раньше не сказала? — Он поднялся на ноги, и в голосе отчётливо прозвучало раздражение.

Меня пробрал холод.

— Я... думала, тебе всё равно, — призналась я, невольно вжимаясь в стену.

Он слегка склонил голову и сжал губы, словно обдумывал мои слова.

Повисла тишина.

Потом он молча развернулся.

— На кровать, — коротко приказал он, указав рукой в её сторону.

Я сразу подчинилась.

Шагнула к кровати, чувствуя, как напряжение возвращается — уже другое, тихое, оседающее где-то глубоко внутри.

Я уже начала опускаться на колени, собираясь принять то же положение, что и в тот день, когда он впервые сделал это со мной в этом доме.

— Нет, — остановил он меня, внимательно наблюдая за каждым движением. — Ложись на спину.

Мне этого не хотелось.

Эта поза казалась слишком открытой и незащитной. Я не смогла бы спрятать лицо, скрыть ни одной эмоции, ни одного отклика. Хуже всего было другое: именно так моё тело предавало меня сильнее всего. В таком положении мне было проще потерять над собой контроль.

Этого я и боялась. Боялась собственных ощущений. Боялась, что он их увидит.

— Неймор... — начала я, сама не зная, что хочу сказать.

— Делай, что я говорю, — резко перебил он, глядя прямо в глаза, и в его голосе не осталось ничего, кроме приказа.

Его взгляд был тяжёлым и настойчивым. Я заметила, как стало глубже его дыхание, как медленно поднимается и опускается грудь.

И поняла — он не отступит.

Мои губы пересохла от волнения. Я машинально кусала их, стараясь успокоиться.

Я легла на кровать и уставилась в потолок, надеясь найти там спасение или хотя бы возможность ничего не чувствовать.

Он тут же оказался рядом.

Забрался на кровать, раздвинул мои ноги и уверенно расположился между ними. Стоя на коленях, он молча наблюдал за мной.

Я же упорно смотрела куда угодно — в сторону, вверх, в пустоту, — лишь бы не встречаться с ним глазами.

Его ладонь коснулась моего бедра, неторопливо скользнула к колену и так же неспешно вернулась обратно. От этого простого прикосновения по коже пробежала дрожь.

Я слышала его тёплое, тяжёлое дыхание — слишком близко.

Потом он опустил ниже, и горячие губы коснулись моей шеи.

Поцелуи были горячими и обжигающими, и от этого прикосновения тело снова предательски отозвалось — внизу живота сжалось, как от вспышки, которую невозможно было остановить.

Я сжала пальцы в простыне.

— Неймор... прошу... не надо... — не выдержала я, выдыхая почти беззвучно и чувствуя, как голос предательски дрожит.

— Мне нужно... возбудиться, — тихо ответил он, не отрываясь от моей шеи.

Но в его прикосновениях было что-то другое.

Слишком медленное. Слишком... мягкое.

Его губы медленно и бережно скользили по коже. Ладонь поднялась по талии к груди, коснувшись меня так осторожно, что по телу прокатилась приятная волна. Я тихо ахнула, сильнее сжимая простыню, пытаясь удержать себя в руках.

— Раньше у тебя не было с этим проблем... — выдохнула я, невольно шевельнувшись под ним. — Что сейчас не так?..

Он не прижимался ко мне, как обычно, и от этого всё происходящее казалось странным, почти нарочитым. Он явно тянул время.

— Раньше ты так много не говорила... — прошептал он мне на ухо. — Так что... молчи.

Его голос был тихим, но в нём звучало предупреждение.

Я стиснула зубы. И замолчала.

Он продолжил — губами, медленно, оставляя дорожку от шеи к ключице.

Я кусала губы до боли, цепляясь за это ощущение, пытаясь удержать ясность, не позволить себе окончательно раствориться в том, что происходило.

Он отстранился и выпрямился, глядя на меня с приоткрытыми губами, будто на секунду потерял нить происходящего. Провёл языком по верхней губе, затем медленно начал расстёгивать брюки. Я видела этот взгляд — затуманенный, с расширенными зрачками — и слышала, как сбивается его дыхание.

Как только он освободил свой член, он снова наклонился ко мне.

Его лоб коснулся моей груди, и в тот же момент я почувствовала прикосновение к моему клитору — слишком чувствительное и откровенное. По телу прошла короткая, резкая волна, словно тонкий разряд, и я невольно выгнулась.

Он не спешит.

Медленно проводит сверху вниз, почти испытываяще, а затем входит в меня.

Я вздрагиваю, сильнее выгибаясь, и в тот же миг с пугающей ясностью понимаю то, чего совсем не хочу осознавать: боли нет. Моё тело уже готово.

Эта мысль бьёт сильнее любого прикосновения.

Стыд вспыхивает мгновенно — горячий, удушающий.

Я впираюсь пальцами в простыню, отчаянно цепляясь за неё, пытаюсь исчезнуть, перестать чувствовать это.

Но он не останавливается.

Продолжает двигаться, не обращая внимания ни на мою скованность, ни на внутреннюю борьбу. Его ладонь ложится на моё бедро, пальцы сжимаются, а затем становятся мягче. Он утыкается лицом в мои волосы, глубоко вдыхает, будто хочет запомнить этот момент.

По телу пробегают мурашки. Я напрягаюсь ещё сильнее, до боли сжимая губы.

Мне не должно это нравиться. Не должно.

Я цепляюсь за эту мысль, повторяю её снова и снова, но она не помогает.

Тело не слушается.

Я чувствую, как он раз за разом попадает в ту самую точку — слишком точно, — и с каждым движением внутри всё сильнее разгорается предательское тепло. Оно нарастает медленно, как волна, которую невозможно остановить, можно лишь ненадолго отсрочить.

Я стискиваю зубы, стараясь не издать ни звука, не выдать себя ни дыханием, ни малейшим движением.

Пожалуйста... только не больше... только не сейчас...

Но он ничего не меняет. Не касается меня иначе. Не ускоряется.

Продолжает двигаться всё так же ровно и глухо, уткнувшись лицом в мои волосы, точно забыв обо всём остальном.

И от этого становится ещё хуже.

С каждым толчком ощущение усиливается, расплзается по телу, заполняет меня, и я с пугающей ясностью понимаю — ещё немного, и я уже не смогу это остановить.

Нужно что-то сделать.

Я пытаюсь едва заметно сместиться в сторону, надеясь изменить ощущения, сбить этот ритм.

Он позволяет.

Но ничего не меняется.

Я пробую снова.

Он тяжело выдыхает, недовольно, на мгновение меняет угол и темп, но этим лишь приближает то, что я отчаянно пытаюсь остановить.

Становится только сильнее.

Я чувствую, как волна поднимается всё выше, натягиваясь внутри почти до боли.

Паника накрывает меня, и я хватаюсь за его плечи, цепляясь за него, лишь бы удержаться на самой грани.

Он замечает это. Но ничего не говорит. Не останавливается.

Я зажмуриваюсь и начинаю двигаться сильнее. Дыхание сбивается, становится тяжёлым, рваным. Я бессознательно пытаюсь оттолкнуть его, вжимаюсь в кровать в отчаянной попытке спастись, исчезнуть, спрятаться, остановить всё происходящее.

Но он перехватывает мои руки, отводит их в стороны, не позволяя сопротивляться.

В следующее мгновение его губы жадно впиваются в мою шею. Уже не сдержанно, не холодно — так, словно всё это время он удерживал себя и наконец перестал.

Он притягивает меня ещё ближе.

И в этот момент я понимаю — больше не могу.

С губ срывается стон, и я тут же закрываю рот ладонью, пытаюсь заглушить звук, спрятать себя, скрыть то, что происходит. Но если стон ещё можно сдержать, то остановить собственное тело я уже не могу.

Я выгибаюсь под ним, невольно, в такт его движениям, и это ощущается как предательство, как будто моё собственное тело работает против меня.

Он начинает двигаться сильнее, резче, рывками, и я слышу, как он стонет, и в этот момент мой мозг окончательно отключается. Я больше ничего не понимаю. Я только чувствую.

Чувствую, как волна накрывает меня — ярко, ослепляюще. Я всё так же зажимаю рот рукой, жмурюсь, не в силах сдержать дрожь, которая проходит по всему телу. Меня трясёт, словно от холода, только это не холод — это слишком сильное, слишком переполняющее ощущение, от которого невозможно укрыться.

Кажется, оно даже ярче, чем в первый раз.

Неймор замедляется, делает ещё несколько движений и замирает, тяжело выдыхая. Его дыхание срывается, становится громче, чем обычно, и в этом звуке есть что-то надломленное. Он наваливается на меня, и я чувствую, как его губы снова касаются моей кожи — коротко, рассеянно, будто он сам до конца не осознаёт, что делает.

Я лежу, всё ещё прикрывая рот рукой, и пытаюсь прийти в себя. Дышу медленно, глубоко, ровно, цепляясь за остатки самообладания.

Осторожно открываю глаза и стараюсь вернуть контроль хотя бы над дыханием.

Он приподнимается на локтях.

Наши глаза встречаются.

И на секунду всё замирает.

Я вижу, как он смотрит на меня — прищурившись, чуть чаще моргая, явно пытаюсь что-то понять или решить. В этом взгляде есть что-то странное... не такое, как обычно. Не только холод.

В его глазах мелькает вопрос. И... что-то ещё. Что-то до боли похожее на сожаление.

Он поджимает губы, чуть склоняет голову набок и продолжает смотреть на меня.

Я медленно убираю руку от губ, не решаясь первой разорвать этот безмолвный контакт.

«Пожалуйста... ничего не говори», — мысленно прошу я, почти умоляя.

И он, будто услышав эту безмолвную просьбу, отворачивается. Затем молча поднимается, отстраняется и начинает застёгивать брюки. Поправляет одежду, приводя себя в порядок с той же холодной сдержанностью, как если бы ничего не произошло.

Я замечаю, как напрягается его челюсть, как губы сжимаются в тонкую линию. Дыхание остаётся тяжёлым, неровным. Он проводит рукой по лбу, стирая выступившие капли пота, и на мгновение прикрывает глаза, явно пытаюсь собраться с мыслями.

И в этот короткий миг что-то внутри меня дрогнуло.

Я не понимаю, что чувствую. Не понимаю, что со мной происходит.

Это слишком странно... слишком не похоже на него.

Но всё исчезает так же быстро, как появляется.

Он резко оборачивается ко мне — и маска возвращается. Та самая. Холодная, безупречная, с едва заметной насмешкой.

На его губах появляется знакомая ухмылка, а взгляд вновь становится ледяным и отстранённым. Всё выглядит так, точно ничего не произошло, точно между нами всего несколько секунд назад не было этой странной близости.

У меня перехватывает дыхание.

Я невольно напрягаюсь, уже ожидая привычного удара словами, очередной колкости или унижения, к которым он так часто прибегает.

Но он лишь едва заметно улыбается.

— Ещё повторим, — произносит он так легко, будто речь идёт о чём-то совершенно обыденном, не стоящем внимания.

Для него всё произошедшее не имеет никакого значения. Так и должно быть.

И прежде чем я успеваю хоть что-то сказать, он исчезает.

Просто растворяется в воздухе, оставляя после себя лишь тишину и тяжёлое, вязкое ощущение, что всё произошедшее не просто неправильно... а гораздо сложнее, чем я готова признать.

Нет. Я не могу позволить этому повториться. Я должна сбежать отсюда. Чего бы мне это ни стоило.

Глава 17 Спасение

Неймор 2 года назад.

The Beast - Old Caltone

Утро медленно проникало в комнату, размывая последние остатки ночи, а мне отчаянно не хотелось его впускать. Хотелось задержать это мгновение ещё хоть ненадолго.

Лана лежала ко мне спиной — тихая, тёплая. Волосы рассыпались по подушке, дыхание оставалось ровным и спокойным.

Я обнимал её, притягивал ближе, вдыхал знакомый запах. Тёплый, с едва уловимой сладостью. Чёрт... я подсел на него так же быстро, как на её голос, улыбку и эти синие глаза, из-за которых во мне каждый раз что-то ломалось.

Под моей ладонью размеренно поднималась и опускалась её грудь, и в какой-то момент я поймал себя на мысли, что готов остаться так навсегда.

Стоило мне притянуть её чуть ближе, как она едва заметно пошевелилась и накрыла мою руку своей ладонью.

Не спит.

Я наклонился и коснулся губами её шеи. Медленно провёл ниже, к плечу, задержался на мгновение и вернулся обратно. Она тихо вдохнула и едва заметно подалась ко мне.

Её тело ответило без слов. Она выгнулась навстречу, прижимаясь плотнее, и между нами исчезло последнее расстояние.

Дыхание стало неровным.

Я провёл ладонью по её талии, медленно поднялся выше и коснулся груди. Под моими пальцами она едва заметно вздрогнула.

С её губ сорвался тихий, сдержанный вздох.

Я скользнул рукой ниже, между её бёдер, нашёл её клитор, и Лана тут же напряглась, хватаясь за мою руку, будто уже знала, что я собираюсь сделать. Мне хотелось растянуть этот момент — довести её до дрожи, слышать её голос, чувствовать, как она уступает мне всё больше.

Она была горячая, готовая, и я начал ласкать её сильнее, как уже успел выучить: не торопясь, следя за каждым вдохом, за тем, как её тело то напрягалось, то плавно расслаблялось под моей рукой. Первый оргазм накрыл её быстро — Лана выдохнула моё имя, выгнулась и крепко сжала мои пальцы.

Я не торопился. Давал ей прийти в себя. Продолжал целовать её шею, ясно давая понять, что ночь ещё не закончилась.

Когда она снова потянулась ко мне, я развернул её лицом к себе. Её глаза были влажными от удовольствия, дыхание сбивалось. Разместившись между её бёдер, вошёл в неё медленно, мучительно аккуратно. Лана обхватила меня руками за плечи, притянула ближе, словно боялась, что я исчезну. Я целовал её грудь, проводил губами по коже, ловил каждый её звук и сдерживался изо всех сил, потому что хотел дать ей больше.

Хотел, чтобы она сорвалась и испытала ещё один оргазм. Чтобы я почувствовал это. Чтобы она поняла, что принадлежит мне не потому, что я так решил, а потому что сама раз за разом тянется ко мне. — Лана... тебе придётся... — прошептал я ей на ухо, прижимаясь лбом к её щеке, — кончить ещё раз.

— Я не смогу... — выдохнула она, но голос дрожал так, что врать у неё получалось паршиво.

Я взял её за горло, не причиняя боли, только заставляя смотреть мне прямо в глаза.

— Тогда я не останавлиюсь, — сказал я, чувствуя, как внутри поднимается желание, такое сильное, что стало трудно дышать.

Её взгляд изменился.

В нём смешались смущение, вызов, покорность и такое откровенное желание, что меня повело.

Ну конечно. Моя тихая, добрая Лана, которая умеет смотреть так, словно сама не понимает, какой пожар устраивает внутри меня.

Я ускорился, двигаясь глубже, жёстче, но всё ещё удерживая себя на той грани, где ей было хорошо. Моя ладонь оставалась на её горле — не давила, только держала, заставляя её не прятаться от меня.

— Смотри на меня, — приказал я тихо.

И она смотрела.

Её тело выгибалось подо мной, пальцы впивались мне в плечи, и я видел, как она снова приближается к грани.

— Давай, — прошептал я. — Делай, что я говорю. Я хочу почувствовать это.

Лана вскрикнула и прильнула ко мне, крепко обхватывая руками. Внутри неё всё сжалось так сильно, что я сам сразу потерял остатки контроля. Волна её удовольствия накрыла нас обоих, и я больше не смог сдерживаться — позволил себе сорваться следом, раствориться в этом до конца, пока её тело всё ещё дрожало подо мной, а мои мысли исчезали одна за другой.

Некоторое время мы просто лежали, тяжело дыша.

Я целовал её плечо, шею, висок, не сразу находя в себе силы отстраниться.

— Умница, — прошептал я.

Потом осторожно вышел из неё и лёг рядом, всё ещё чувствуя, как внутри медленно оседает это жаркое, пьяное безумие.

— Почему... ты раньше так не делал? — спросила она, глядя в потолок.

Я повернулся к ней, провёл пальцами по её щеке и чуть прищурился.

— Понравилось подчиняться мне, Ланивея? — спросил я низко, с мягкой усмешкой. Отпускать её совсем не хотелось.

И по выражению её лица я понял — понравилось. Ещё как.

Она неожиданно поднялась, потянула меня за руку, приглашая сесть, потом подошла ко мне и опустилась на колени. Её взгляд — возбужденный, решительный, слишком откровенно говорящий о том, чего она хочет — моментально зажёг во мне новую волну желания.

Она касалась моего члена рукой, медленно гладила его, ласкала, будто проверяла мою реакцию, и эта её уверенная, хищная мягкость выдала всё: Лана решила играть по моим же правилам.

— Значит, хочешь возбудить меня? — усмехнулся я и легко провёл пальцами по её губам. — Чтобы я снова трахнул тебя как следует?

Она не ответила — только глубоко вдохнула, чуть прикусила губу, и этого было достаточно. В её дыхании я слышал желание, в движениях — скрытую покорность, которая заставляла меня улыбаться.

— Хорошо, — произнёс я, не сводя с неё глаз. — Тогда начинай.

Она подчинилась сразу — без единого слова, без колебаний. Опустилась к моему члену и начала облизывать головку, я чуть не задохнулся от этих ощущений. Потом обхватила его губами и начала сосать, сначала аккуратно и нежно, затем усилила напор. Сосала быстрее. Сильнее. Она делала это... слишком преданно, сосредоточенно, словно выполняла приказ, от которого зависела её жизнь. Я наслаждался процессом, но понимал, что хочу, чтобы она взяла его ещё глубже. Тогда я взял её за волосы, насадил на него сильнее и сам начал двигаться вперёд.

Она хваталась за мои ноги, гладила и ласкала ладонями мой живот. Я был готов снова взять её.

Прервав её, взял за подбородок и заставил подняться.

— Встань, — приказал я.

Она послушно поднялась, слегка дрожа — от предстоящего секса.

— Молодец, — произнёс я и жестом указал, что хочу от неё дальше. Пригласил оседлать мой член.

Она тут же села, оказалась сверху, обхватила меня за плечи. Я не стал мучить её и сразу вошёл в неё, она была ещё мокрой от предыдущего секса. Но мне было плевать — я хотел её снова и хотел ощутить это быстрее. Ласкал её талию, облизывал соски и нежно сжимал грудь.

Я чувствовал её горячее дыхание у своей шеи. Она двигалась осторожно, будто боялась ошибиться, но её нежность так возбуждала меня, что пришлось взять ситуацию в свои руки. Обхватив её за талию, сам задал быстрый темп.

Её стоны стали резче, отчаяннее; она вжималась в меня всё сильнее.

Она кончила быстро — слишком быстро — и я почувствовал, как её тело дрожит в моих руках. Её стон сорвался почти как крик — и я тоже не выдержал, застонал сильнее, чем когда-либо, и кончил.

Мы оба рухнули на кровать — вымотанные, но абсолютно счастливые.

Она смотрела на меня и улыбалась так мягко, что на мгновение мне показалось: ничего плохого никогда не случится. Осторожно провела ладонью по моей щеке — медленно, нежно, как умеет только человек, любящий всем сердцем.

— Я люблю тебя.

Когда-то эти слова были для меня самым светлым, что существовало. Теперь они причиняли почти физическую боль. Потому что я знал: это последнее мгновение нашей близости. Последний раз, когда она смотрит на меня так.

— И я люблю тебя, Лана.

Я попытался улыбнуться, но улыбка вышла натянутой. Казалось, ещё немного — и она заметит, как всё рушится внутри меня. Но Лана лишь крепче прижалась ко мне, не желая отпускать.

Мы провели вместе полдня — обнимались, целовались, говорили о мелочах, ходили в душ, занимались любовью. Всё это время меня не отпускала одна мысль: как сильно я её люблю и как скоро должен разбить ей сердце.

Когда вечер уже подступал, я телепортировал нас к двери её комнаты. Лана счастливо улыбалась. Провела рукой по моим волосам — легко, привычно, и от этого простого жеста внутри всё переворачивалось.

— До понедельника, Неймор? На истории?

Она смотрела на меня с той спокойной уверенностью, какая бывает только у человека, не сомневающегося, что совсем скоро снова увидит любимого.

— Да. Конечно.

Я солгал. Самому себе тоже.

Она ушла, улыбнувшись напоследок. Дверь закрылась — и на мгновение мне показалось, что вместе с ней из коридора исчез весь воздух.

Я быстро выследил Сильвариса в мужском корпусе и дождался, когда он останется один. Телепортировался прямо перед ним так внезапно, что он даже не успел понять, что происходит.

Не сказав ни слова, ударил его в живот. Затем ещё раз — туда же. Он согнулся пополам, стиснув зубы и жадно хватая воздух.

Я остановился только для того, чтобы он слышал каждое моё слово.

— Ты был прав, Сильварис, — сказал я, чувствуя, как голос дрожит от ярости, боли и той мерзкой пустоты, что выжигала меня изнутри. — Лана слишком хороша для меня. Без меня ей будет лучше.

Он поднял на меня взгляд — измученный, ошеломлённый.

— Я брошу её. Сделаю ей так больно, что она не сможет думать обо мне без отвращения. — Я приблизился почти вплотную, прижимая его к холодной стене. — Но ты... позаботься о ней. Защити.

Он тяжело дышал, согнувшись и прижимая ладонь к животу. Не сопротивлялся. Даже не пытался.

— Если ты её не защитишь... — я схватил его за шкурку и дёрнул на себя так резко, что он застонал, — я убью тебя. По-настоящему убью. Мне уже всё равно. Без Ланы моя жизнь ничего не стоит.

Он посмотрел на меня снизу вверх. В его глазах была боль. Но не из-за ударов.

— Обещаю... — прошептал он.

Я отпустил его так резко, словно обжёгся. Развернулся и уже на выходе бросил последние слова:

— Теперь наша война станет другой. Без правил. Я буду бить тебя так, как ещё никогда не бил.

— Я переживу... — прохрипел он.

В его глазах мелькнула странная жалость.

И я исчез. Просто растворился в воздухе.

Следующий день прошёл как в тумане. Я не вставал с кровати, часами смотрел в потолок и не заметил, как наступила ночь.

В понедельник утром я не пошёл ни на завтрак, ни на пары. Не мог видеть Лану. Не мог слышать её голос. Впервые в жизни я лежал и молил о смерти, потому что жить с тем, что мне предстояло сделать, было страшнее любой боли.

Перед ужином ко мне заглянули Дерек и Фин. Сказали, что Лана искала меня. Спрашивала, что случилось, думала, что я заболел, просила ответить на её сообщения на браслете.

Но я не мог. Мысль о том, что придётся причинить ей эту боль, сдавливала грудь. Хотелось спрятаться, исчезнуть, лишь бы не смотреть ей в глаза. Но я понимал: избежать этой встречи не получится. Рано или поздно мне всё равно придётся сделать то, что разрушит нас обоих.

Я поднялся. На автомате натянул ту самую маску высокомерного подонка, которую носил всю жизнь. Собрался и, окружённый своей свитой, направился на ужин.

Мы вошли так же, как всегда входили до появления Ланы.

Я — в центре.

Дерек и Фин — по бокам.

Миллисент с подругой и остальные — чуть позади.

На лицах одно и то же выражение: холодное, надменное, готовое вцепиться в любого.

Это было представление. Продуманное до мелочей. И первый удар предстояло нанести именно сейчас.

Я прекрасно знал, за каким столом сидит Сильварис со своей компанией. Знал и то, что рядом с ним будет Лана. Поэтому, едва переступив порог столовой, сразу направился туда.

На Лану принципиально не смотрел. Только на Томаса. И он понял. Видел, как его улыбка исчезает, как напряжение проступает в каждом движении. Он чуть выдвинул стул, скрестил руки на груди, готовясь играть свою роль в данном спектакле.

Я усмехнулся — самодовольно, мерзко. Маска Дракморна снова была на мне.

Когда мы проходили мимо, я бросил в его сторону взгляд, полный отвращения, и громко, так, чтобы слышали все, сказал своим людям:

— Всё те же лица. Неудачники и их предводитель.

Моя свита расхохоталась. Он, конечно, не мог промолчать.

— Что ты сказал, Дракморн? — спокойно, не поднимаясь со стула, повернулся он ко мне.

Я остановился, развернулся к нему лицом. Мои люди обошли меня, выстраиваясь так, будто сцена уже была готова и оставалось лишь начать. Я смотрел только на него. На Лану — ни секунды.

— Что слышал. Если оглох — сходи в лазарет, прочистят уши, — протянул я с ядовитой ухмылкой.

— Почему ты такой мерзкий? — спросил он.

Я фыркнул, закатил глаза.

— Мерзкие тут только ты и твои шавки.

Томас вскочил. Сделал шаг ко мне. Его кулаки сжались, взгляд стал острым и горящим. Его друзья встали одновременно. Каил шагнул вперед, готовясь к драке. Столы вокруг зашумели. Я видел всё боковым зрением... и Лану тоже. Она была где-то позади, но я не позволял себе обернуться.

Я театрально вскинул руки:

— Эй! Не подходи так близко, Томас. Я по девушкам. Парни меня не интересуют.

Мой «отряд» загготал.

— То, как часто ты ко мне цепляешься, говорит об обратном, — бросил он. — Ты уверен, что тебе нравятся девушки?

Он ухмыльнулся, и в его глазах был вызов — прямой, острый, без единой тени сомнения.

Я отвёл взгляд, довольно ухмыльнулся и, не дав себе ни секунды на раздумья, шагнул вперёд и ударил.

Он инстинктивно увернулся и тут же ответил, и в следующую секунду всё вокруг сорвалось — шум, крики, грохот переворачивающихся стульев, чьи-то голоса, кто-то кого-то отгаскивает, кто-то, наоборот, лезет вперёд, и столовая превращается в хаос, почти в настоящую битву.

Но я не слышал ничего. Ничего, кроме собственного пульса.

Глухого, тяжёлого, бьющего в висках так, будто он заглушал весь мир.

Я бил его. Бил снова и снова, не чувствуя границ, не различая, где заканчивается злость и начинается боль, где ненависть, а где отчаяние, потому что всё это внутри меня смешалось в одно и больше не разделялось.

Я слышал, как Лана кричит моё имя.

Слышал отчётливо, чётко. Каждый раз. И каждый раз игнорировал.

Потому что не имел права. Не имел права даже повернуться к ней.

Томас пропустил пару ударов — почти намеренно, проверяя, насколько далеко я зайду. В какой-то момент я прижал его к стене, жёстко, до хруста, поднял руку, собираясь ударить ещё раз, вложить в этот удар всё, что копилось внутри...

...и в этот момент чьи-то тонкие пальцы сомкнулись на моей руке.

Слишком знакомые. Слишком чужие сейчас.

— Неймор... пожалуйста... — её голос дрожал, и в этом дрожании было больше, чем я мог выдержать.

И внутри меня всё разорвалось. Разом. Без остатка.

В эту секунду я хотел только одного — отпустить Томаса, развернуться к ней, притянуть её к себе, закрыть собой от всего этого и сказать, что люблю её так сильно, что это уже не чувство, а боль, с которой невозможно жить.

— Зачем ты так... прошу... не надо... — шептала она, цепляясь за меня, как за последний шанс.

Я продолжал смотреть Томасу в глаза, в эту холодную, ровную ненависть, и на короткий миг открыл сознание, впуская его внутрь, давая понять без слов.

Что я готов. Что я доведу это до конца. Что отступать я не собираюсь.

Я медленно опустил взгляд на её руки. Задержал на секунду. Перевел его на её испуганные, полные слёз глаза.

И тогда я сорвал последнюю ниточку, которая держала меня.

— Убери от меня свои руки! — рявкнул я.

Она вздрогнула как от удара и отскочила. Слёзы медленно стекали по её щеке. Она смотрела так... словно впервые видела меня.

И тогда Томас ударил. Сильно. Точно.

Я ответил сразу. Без раздумий.

Драка продолжилась, а Лану уже уводили — я видел только, как Милания и Селина схватили её и увели прочь.

Когда прибежали преподаватели и разняли нас заклиниванием, её уже не было. И, наверное, это было к лучшему — видеть наши окровавленные лица ей точно не стоило.

Дальше всё происходило по привычному сценарию: нас отчитали, как маленьких детей, заставили пожать руки — будто мы в детском саду, а не в колледже. После этого отправили в лазарет.

Но я туда даже не пошёл. Вернулся в свою комнату — раны не ощущались. И странно, я не хотел, чтобы их залечивать. Физическая боль хотя бы заглушала ту, другую, что тяжёлым комом расплзлась внутри груди.

Я подошёл к зеркалу. Стоял, смотрел на своё отражение и думал только об одном: *как мне теперь жить дальше? что я должен делать?* На моём лице почти не было ран — только красные следы на подбородке да рассечённая опухшая губа. Рубашка была в крови, волосы растрёпаны, взгляд — пустой.

В этот момент на браслете вспыхнуло уведомление. Я поморщился и сжал губы. Хотел сорвать браслет и швырнуть в стену — выкинуть всё, что связано с ней и этой болью. Но понимал: никогда всё не бывает так просто.

Сообщение было от Ланы.

«Неймор, прошу, приходи. Я стою у двухсот двадцатого кабинета... Я не уйду, пока ты не придёшь. Даже если придётся стоять здесь всю ночь. Я буду ждать».

Я тяжело выдохнул. Сил почти не осталось. Ещё раз посмотрел в зеркало.

И впервые за долгое время увидел самого себя. И мне стало мерзко.

Губы дрожали. В груди всё горело так сильно, что хотелось либо кричать, либо разрыдаться — и то, и другое сразу. Но я не мог. *Мне нельзя.*

— Чёрт... — выдохнул я тихо, а потом сорвался: — ЧЁРТ! НЕНАВИЖУ!

Я ударил прямо в центр зеркала. Острая боль проколола руку — такая яркая, что на секунду стало легче. Я отдёргнул пальцы, посмотрел на кровь, медленно стекающую по кисти, и снова поднял глаза.

Зеркало всё пошло трещинами, и моё отражение разбилось на сотни искривлённых осколков. В самой середине — кровавое пятно от моего удара.

Вот он я. Настоящий. Поломанный. Ненавидящий себя больше, чем кого-либо.

Я набрал ответ Лане:

«Буду через 10 минут».

Снял рубашку, разорвал её на полосы и перетянул рану — ткань сразу пропиталась красным. Боль была резкой, и почему-то мне хотелось её чувствовать. Хотя что-то настоящее среди всего этого хаоса.

Я натянул новую рубашку, поверх — широкую мантию, скрывающую повязку на руке. И телепортировался.

Проход к кабинету был узким и забытым, как кусок коридора, который вычеркнули из памяти замка, и именно поэтому мы часто прятались здесь — место без чужих глаз, место, где она смеялась, где её голос звучал легко и свободно, где всё было... настоящим.

Теперь оно было чужим и холодным.

Она стояла, опершись спиной о стену, смотрела в пол и обнимала себя за плечи, пытаясь удержаться в целости. Казалось, внутри неё уже всё рассыпалось.

Я встал напротив — всего в метре от неё. И не мог поднять глаза. Потому что знал — если посмотрю, всё закончится.

— Неймор... что произошло?... — её голос дрожал так, будто она сдерживала слёзы уже давно. — Ты ранен?

Её ладонь потянулась к моему лицу. Я резко отшатнулся. Резче, чем хотел. Резче, чем должен был.

Её рука зависла в воздухе. Глаза расширились, наполнились слезами. Она быстро заморгала, пытаясь удержать остатки спокойствия.

— Неймор... — прошептала почти беззвучно. — Не молчи...

Я сжал внутри себя всё оставшееся самообладание, натянул на лицо холодную ухмылку — такую же фальшивую, как слова, что собирался сказать.

— Давай без сцен, Лана, — произнёс я, и собственный голос показался мне чужим. — Мне... больше неинтересно с тобой общаться.

Её лицо побелело. Брови дрогнули. Она словно забыла, как дышать.

— Секс был хороший, да... — добавил я, и каждое слово резало меня изнутри сильнее, чем её. — Но мне надоело. Забудь меня и не приближайся больше.

Она судорожно вдохнула, губы задрожали, будто она пыталась что-то сказать, но слова не складывались.

— Нет... нет, Неймор... что ты говоришь?... п-прекрати... — её голос словно рассыпался.

— Тебе непонятно? — я отвернулся, потому что больше не мог смотреть, не мог видеть, как в её глазах рушится всё, что было. — Ты мне больше не нужна.

— Это из-за Томаса?... — она шагнула ко мне, спотыкаясь, будто ноги её больше не держали. — Скажи, что из-за него... я прекращу с ним общаться... прошу... только скажи...

Я поймал её за плечи, не давая прижаться, не давая приблизиться, потому что знал — если позволю, я сломаюсь.

Она дрожала. Вся. Как в лихорадке.

— Умоляю... Неймор... — её голос сорвался. — Я же люблю тебя...

Эти слова прошли сквозь меня, как нож.

Но я не имел права дрогнуть.

— А я тебя — нет, — выдохнул я. — И никогда не любил. Твои чувства... мне были нужны лишь для постели. Ты правда думала, что особенная?

Она сделала шаг назад к стене, прижимая руку к груди, словно старалась удержать сердце, чтобы оно не распалось пополам. Слёзы без остановки катились по щекам.

И в тот момент я понял — я больше не мог дышать. Это была пытка. Для неё. Для меня.

Но я продолжил:

— Запомни, — сказал я, и голос стал глухим. — Ты мне неинтересна. Я наигрался с тобой...

Я развернулся и вышел за угол. И только тогда перестал держать лицо.

Боль в груди обрушилась так, что я схватился за стену. Слёзы сами хлынули из глаз — горячие и обжигающие. Я не помнил, когда плакал в последний раз... но сейчас я рыдал так тихо, что казалось — от каждого вдоха рвётся что-то внутри.

И я слышал её.

Слышал, как она соскальзывает по стене на пол. Как её дыхание сбивается. Как она кричит — громко, отчаянно, будто в неё вонзают раскалённые клинки.

Каждый её крик бил по мне, как удар. И всё, что я хотел — вернуться, обнять, попросить прощения.

Но я не имел права.

Я телепортировался в мужские комнаты и нашёл Томаса. Он сразу понял, что что-то случилось — поднялся, встревоженный, и даже не успел задать вопрос.

Я схватил его за ворот и прошептал:

— Она... сейчас нуждается в тебе.

И перенёс нас обратно.

Когда он увидел Лану, он рухнул рядом с ней на колени. Обхватил её, прижимая к себе, гладил по волосам, шептал, что всё будет хорошо.

А я стоял за углом. Опершись о холодную стену. И тихо прощался с ней.

Прощался со своей любовью. Со своим счастьем. С единственным человеком, ради которого я бы разорвал мир.

И я просил только об одном:

Пусть она будет счастлива. Без меня. Лишь бы смеялась. Лишь бы плакала только от радости. Лишь бы глаза её больше никогда не блестели от боли.

А я... я готов страдать всю жизнь, если это цена за её улыбку.

Глава 18 Бордель

Лана

Ночь с четверга на пятницу оказалась бессонной.

За окном без остановки лил проливной дождь. Тяжёлые капли мерно стучали по стеклу, а я лежала, кутаясь в одеяло, и невольно прислушивалась к этому однообразному шуму.

Уснуть не получалось.

Каждый раз, переворачиваясь, я смотрела на кольцо Томаса. Яркий голубой камень мерцал в полумраке, словно напоминая о нём. Мне отчаянно хотелось поговорить с Томасом, но я не решалась.

Не после того, что произошло.

Не после того, как я снова испытала удовольствие рядом с человеком, которого должна была ненавидеть.

Я тяжело вздохнула и уставилась в потолок.

А вдруг я действительно что-то чувствую к Неймору?

От этой мысли по спине пробежал холод.

Нет. Этого не может быть. Он психопат. Насильник. Монстр, который ломал меня день за днём. После всего, что он сделал, я не имею права чувствовать к нему ничего, кроме ненависти.

И всё же тело, кажется, было со мной не согласно.

Боже... как мне выбраться отсюда? Как сбежать из замка Неймора Дракморна? Есть ли у меня вообще хоть какой-то шанс?

Милания так и не смогла дозвониться до моих родителей. Их номера были недоступны. Наверное, Неймор сказал правду — они уже в Эливуде. Именно туда мы собирались переехать после окончания колледжа.

Но как добраться туда?

Я сильнее натянула одеяло до самой шеи.

Это неважно. Если мне удастся выбраться отсюда, способ найдётся. Главное — больше никогда не оставаться рядом с Неймором.

К утру дождь стих, но мысли стали только тяжелее.

Я поднялась раньше обычного, быстро собралась и подошла к окну. После ночного ливня сад казался удивительно красивым: мокрые дорожки блестели в утреннем свете, листья переливались каплями воды. Но вместо восхищения я чувствовала лишь тяжесть и жгучий стыд перед самой собой.

И тогда я отчётливо поняла: если не расскажу обо всём Милании, просто сойду с ума. Мне нужно было выговориться. Услышать хоть чей-то голос, кроме собственного. Даже если она не поймёт. Даже если отвернётся после моего признания. Я всё равно расскажу. Потому что больше не могу носить это в себе.

В дверь постучали. Я сразу обернулась.

Через мгновение в комнату вошла Милания и, как всегда, с широкой, искренней улыбкой сказала:

— Привет, Лана! Как дела? Пойдёшь на завтрак?

Я с трудом улыбнулась в ответ.

— Да... конечно. У меня всё равно нет выбора.

— Неймора нет в замке, так что можешь спокойно насладиться его отсутствием, — весело сказала она, словно сообщала хорошую новость.

Я слотнула ком, застрявший в горле.

Снова избегает меня?.. Или всё-таки уехал по делам?

Я поспешно оборвала эти мысли.

Не думай о нём. Пусть делает что хочет... Лишь бы больше не...

Я крепко сжала губы, не позволив себе закончить эту мысль.

Наверное, что-то всё-таки отразилось у меня на лице, потому что Милания вдруг посе-
рьезнела. Улыбка медленно исчезла, а в её глазах появилась тревога.

— Лана... всё хорошо? Что-то случилось? Неймор снова обидел тебя? — тихо спросила
она.

Я тут же вынырнула из своих мыслей, словно меня резко выдернули на поверхность, и
посмотрела на неё, чуть вздёрнув брови, стараясь выглядеть как можно спокойнее.

— Нет... всё хорошо, я просто задумалась... — ответила я, делая короткую паузу, подби-
рая слова, которые не выдадут меня.

Я на мгновение замаялась, но всё же решилась:

— Мы можем встретиться в библиотеке после завтрака?.. Я бы хотела поговорить с тобой...

Её лицо всё ещё оставалось обеспокоенным, но она сразу кивнула:

— Да, конечно. Я приду обязательно.

Она едва заметно улыбнулась, но в этой улыбке уже не было той лёгкости, что раньше.

— Пошли, подруга... Феодора уже накрыла на стол и точно будет ругаться за задержку,
она очень строгая женщина... прямо как моя мама, — добавила она, театрально закатывая
глаза, и тихо засмеялась.

Я ответила ей улыбкой, сделала шаг ближе. Милания тут же ухватила за моё предпле-
чье:

— Представляешь, Лана... она всё время говорит мне, что я неправильно ставлю чашки...
ну разве это вообще важно? — продолжала она, легко, живо, как всегда.

Мы направились к выходу. Милания, как всегда, болтала без умолку, перескакивая с
одной истории на другую, а я молча слушала её и невольно улыбалась. На несколько минут
действительно показалось, что мы снова идём по коридорам колледжа, где ещё не было ни
войны, ни плена, ни Неймора.

Но это ощущение оказалось слишком хрупким.

Стоило вспомнить, о чём мне предстояло ей рассказать, как на сердце снова стало тяжело.

*А вдруг после моего признания Милания больше не захочет со мной общаться? Решит,
что я сошла с ума... Что я настолько жалкая, что не могу справиться даже с собственным
телом.*

После завтрака я сразу поднялась в библиотеку.

Ждать пришлось долго. По ощущениям прошёл уже час или больше, но Милания всё не
приходила. Видимо, Феодора загрузила её работой.

Чтобы хоть как-то отвлечься, я бродила вдоль книжных шкафов, скользя взглядом по
корешкам. Мысли снова возвращались к побегу, но ни одной стоящей идеи так и не появилось.
Замок охранялся со всех сторон, моя магия была заблокирована, и чем больше я думала о
побеге, тем яснее понимала: выбраться отсюда почти невозможно.

Взгляд неожиданно зацепился за книгу.

«Трактат о пространственных вратах».

Я задумалась.

*А что, если именно здесь скрывается ответ? Наверняка в замке есть хотя бы один
портал. Если мне удастся найти его и каким-то образом активировать... Возможно, это мой
шанс.*

Я сняла книгу с полки и направилась к дивану, собираясь начать читать, но в этот момент
дверь библиотеки распахнулась.

Послышались быстрые шаги. Я сразу узнала Миланию.

— Прости, Лана, что так долго. Сегодня просто ужасно много работы, — торопливо сказала она, держа в руках поднос с едой. — Еле удалось выбраться. Сказала Феодоре, что тебе давно пора принести обед.

— Не извиняйся... Это не твоя вина. Я даже не заметила, как пролетело время и уже наступил обед, — тихо ответила я.

Она поставила поднос на ближайший письменный стол, подошла ко мне и села рядом.

— Рассказывай, что случилось... Я вижу, на тебе нет лица... Ты бледная... И глаза у тебя грустнее, чем обычно...

От её слов у меня внутри что-то дрогнуло.

Слёзы подступили к глазам, ком сжал горло. Я поспешно отвернулась, пытаюсь взять себя в руки, но это было гораздо труднее, чем я ожидала.

Милания осторожно накрыла мою руку своей ладонью.

— Лана... ты можешь мне доверять... Я пойму тебя. Я обещаю...

И этого оказалось достаточно. Я не выдержала.

Слёзы покатились по щекам, и я бросилась к ней, крепко обнимая за шею, будто боялась, что она исчезнет. Сбиваясь, захлёбываясь словами, я рассказала ей обо всём.

Начиная с лабиринта. И заканчивая тем, что случилось вчера. Какой я оказалась. Она не перебивала. Только тяжело вздыхала, всё крепче прижимая меня к себе.

Когда я наконец замолчала, Милания медленно отстранилась, взяла меня за плечи и посмотрела прямо в глаза.

— Лана, ты не виновата в том, что твоё тело так реагирует. Ты когда-то любила его... А он слишком хорошо тебя знает. Знает, на какие струны нажать, чтобы ты снова что-то почувствовала. Ты просто не можешь этому сопротивляться. И в этом нет твоей вины.

— Я обещала себе, что больше такого не произойдёт... Обещала Томасу, что никогда не позволю Неймору снова пользоваться мной... — мой голос становился всё тише. Я не смогла удержать её взгляд и опустила глаза.

Милания ненадолго замолчала.

— Он бы не злился на тебя. И точно не решил бы, что ты предала его или вашу дружбу. Он всегда знал, что когда-то ты любила Неймора.

От её слов мне действительно стало немного легче. Будто тяжёлый груз на мгновение ослабил хватку. Но ненадолго.

— Я не понимаю, Милания... зачем мне так жить? Что меня ждёт?.. Быть его игрушкой?.. Его... рабыней?..

Слова застревали в горле.

— Пока я ему не надоем... А потом он либо убьёт меня... либо отдаст кому-нибудь ещё... И какой в этом вообще смысл?.. Я хочу сбежать отсюда... выбраться из этого замка... Только бы больше никогда его не видеть...

Милания сразу покачала головой.

— Лана... не думай так. Сейчас просто тяжёлые времена. Но они не будут длиться вечно.

Она говорила быстро, словно боялась, что я не успею услышать или поверить.

— Ты даже не представляешь, что происходит за пределами этого замка. После войны всё изменилось. Главы департаментов, суды, тюрьмы — всё стало другим. Сейчас там настоящий хаос. Приспешники Фодеса творят вещи куда страшнее. Они могут ограбить, избить... или даже убить случайного прохожего. На меня уже несколько раз нападали.

Она на мгновение отвела взгляд.

— Меня спасало только то, что я работаю в доме семьи Дракморн. Их боятся. Никто не посмеет тронуть даже служанку этого дома.

Я смотрела на неё, не моргая, я впервые слышала всё это.

— Ты... не говорила... почему ты не говорила?.. — Я крепко сжала её руку.

В её глазах появилась грусть.

— Я надеялась, что всё изменится. Фодес каждый день выступает с речами, обещает мир, говорит, что скоро всё наладится... Но ему всё равно. Он ищет новую силу, а его люди делают всё, что захотят.

Она ненадолго замолчала.

— Эварион, как лидер страны, объявил, что законы остаются прежними и за убийства или насилие будут наказывать всех, независимо от положения. Но сейчас просто некому этим заниматься. Некому ловить преступников...

Она сглотнула и чуть наклонилась ко мне ближе.

— Поэтому пойми... здесь ты в безопасности... пока что...

Последние слова она произнесла почти шёпотом, после чего нервно огляделась по сторонам, будто даже стены могли нас услышать.

— Но сбежать в другую страну возможно... Но нужно время... нужно, чтобы всё хоть немного утихло... и тогда появится шанс выбраться отсюда...

Во мне вдруг вспыхнула надежда. Как огонь. Я приоткрыла рот и посмотрела на неё, широко распахнув глаза.

— Но как? Я не смогу выбраться из замка.

Она задумалась.

— Здесь слишком сильные защитные чары. Даже я чувствую, как они подавляют магию... словно медленно гасят её. Магического способа сбежать отсюда, скорее всего, нет...

Я горько усмехнулась.

— Вот именно... И через забор я тоже не перепрыгну.

Между нами, на секунду повисла тишина.

Милания на секунду задумалась, а потом оживлённо произнесла:

— Замок очень старый... Раньше в таких местах всегда строили подземные ходы. Возможно, они сохранились. Если найти хотя бы один... Тогда можно будет выбраться незаметно. Я постараюсь узнать.

Я прищурилась и пристально посмотрела на нее.

— Милания... кто помогает тебе?

Она прикусила губу, замялась, будто решала, стоит ли говорить. Потом осторожно оглянулась по сторонам. И только после этого, почти не двигая губами, прошептала:

— Каил.

Мои глаза тут же округлились, брови взлетели вверх.

— Он... до сих пор жив?.. — выдохнула я, не веря своим ушам. — Я думала, он в бегах... что его уже поймали...

— Нет... он жив, — так же тихо ответила Милания. — И хочет спасти Селину. Она теперь тоже трофей, как и ты. Живёт в доме Ардэна Фолла — дяди Неймора и нового министра здравоохранения.

Я смотрела на Миланию, не моргая, пытаясь осознать услышанное... и меня медленно охватывал холодный ужас.

— У них что... вся семейка насильники?.. — это всё, что я смогла выдавить из себя, и голос предательски дрожал, словно слова сами не хотели выходить наружу.

Милания тут же покачала головой.

— Лана... не все трофеи живут так, как ты.

Она внимательно посмотрела мне в глаза.

— Я видела Селину. Насколько знаю, Ардэн не делает с ней ничего подобного.

Я медленно выдохнула. На душе стало немного легче. Я была искренне рада за Селину. Рада, что ей повезло больше, что её не заставляют и не унижают так, как меня.

— Каил состоит в дружине, — продолжила Милания. — Её организовали люди Теодора Сильвариса. Они помогают сопротивлению. Я точно знаю, что многим удалось выбраться только благодаря им.

Она ненадолго замолчала.

— И Каил пообещал, что поможет нам. Нужно только немного подождать.

К глазам снова подступили слёзы. Я кивнула. Почему-то вдруг стало невыносимо тоскливо.

Если бы Томас был жив... Он тоже пытался бы меня спасти.

Эта мысль больно кольнула сердце. Я машинально посмотрела на кольцо, всё ещё сиявшее на моём пальце, затем опустила взгляд и сильно сжала пальцы, словно это могло удержать меня от нового срыва.

— Милания... прошу тебя... Если однажды окажешься в опасности и у тебя будет шанс уйти — не думай обо мне. Просто беги. Слышишь? Не оглядывайся.

Она едва заметно улыбнулась.

— Всё будет хорошо. Пока я работаю здесь, меня никто не тронет. Мне... повезло. Я даже не надеялась, что окажусь именно в этом доме.

На мгновение она задумалась.

— Когда я увидела Неймора в тюрьме, даже представить не могла, что он выберет меня. Сделает служанкой в своём доме. Особенно после того, как он относился к тебе... и ко всем нам... после вашего расставания.

— Подожди... — нахмурилась я, чувствуя, как внутри что-то холодеет. — То есть... он выбрал тебя сам? Я думала, это просто случайность...

Я смотрела на неё с изумлением, не веря услышанному.

— Да, — повторила Милания тише, будто сама до конца не верила в произошедшее. — Он подошёл ко мне в тюрьме во время распределения. Просто посмотрел... и приказал. Сказал, что в его доме не хватает служанки. Меня освободили и направили сюда.

Я слушала её, и в голове постепенно складывалась холодная, жёсткая картина происходящего.

Служанка ему была не нужна. Я была в этом уверена. Он сделал это не случайно. И уж точно не из милосердия.

Помочь Милани? Нет. Его чёрная душа не способна на бескорыстные поступки. Значит, он хотел, чтобы она была здесь. Рядом со мной. Под его контролем. Чтобы у меня всегда была слабость, за которую можно ухватиться.

Это было самое логичное объяснение.

— Милания, не верь ему, — тихо сказала я. — Даже если он и помог тебе, то только ради собственной выгоды. А когда добьётся своего, избавится от нас обоих. От тебя. От меня. От любого, кто станет ему не нужен.

Она не стала спорить.

— Я понимаю. Правда понимаю.

Она устало вздохнула.

— Но сейчас так лучше. Его фамилия и работа в этом доме защищают меня от вещей куда страшнее. И с тобой происходит то же самое. Пока ты здесь, ты в безопасности. Неизвестно, куда бы ты попала, если бы не он.

Она смотрела на меня внимательно, слишком внимательно, и от этого взгляда по спине пробежал холодок.

Я невольно представила мир за стенами замка. Пустые улицы, хаос, о котором говорила Милания, людей без защиты, без имени, без права рассчитывать хоть на чью-то помощь.

На мгновение стало трудно дышать.

Мысль о том, куда я могла попасть, если бы не этот дом... если бы не власть Неймора... оказалась слишком тяжёлой.

Я отвела взгляд.

Не хотела, чтобы Милания увидела, как внутри меня сталкиваются страх, ненависть... и что-то ещё.

А вдруг она права? А если эта золотая клетка действительно защищает меня от мира, который за её пределами стал ещё страшнее?

Может быть, безопасность иногда выглядит именно так — как тюрьма с мягкой постелью и закрытыми дверями.

— Мне пора работать, Лана... Но, как только появится время, мы обязательно ещё поговорим, — сказала Милания, поднимаясь с дивана.

Я посмотрела на книгу, всё это время лежавшую рядом.

— Хорошо... А я прочитаю о порталах. Может, найду что-нибудь полезное.

Милания тепло улыбнулась, развернулась и вышла.

Я осталась одна. Наедине с книгой. И со своими мыслями.

Я была рада. Тому что есть шанс сбежать. Рада тому, что мои друзья живы, что они всё ещё существуют где-то там, за пределами этих стен. Но эта радость не смогла заполнить ту пустоту, которая давно поселилась внутри меня. Она лишь на мгновение коснулась её... и исчезла. А печаль осталась.

Глубокая, тяжёлая, вязкая, словно туман, который не рассеивался ни днём, ни ночью.

Селина и Каил любят друг друга... и даже несмотря на то, что они сейчас не рядом, они всё равно есть друг у друга, связаны этой невидимой нитью, которая даёт им силы, держит их, не позволяет окончательно сломаться.

Он пытается спасти её. А она... наверняка живёт с этой надеждой в сердце, с любовью, которая не даёт ей опустить руки, и ждёт его, верит, что он придёт за ней.

А я? Кому нужна я в этом мире?

Я не уверена, живы ли мои родители, не знаю, где точно где они, не знаю, думают ли обо мне, ищут ли, помнят ли вообще.

Я никому не нужна.

Эта мысль прозвучала так чётко, так холодно и безжалостно, что на мгновение у меня перехватило дыхание, словно чья-то рука стиснула горло.

Если бы не Милания, я бы вообще ничего не знала, ни о них, ни о мире, ни о том, что происходит за пределами этого замка, который стал моей клеткой. И если быть честной... вряд ли кто-то действительно попытался бы меня спасти. Это слишком сложно и опасно.

Стоит ли вообще надеяться? Ждать? Просить помощи?

Ведь любой, кто попытается вытащить меня отсюда, рискует собственной жизнью.

Что если Неймор узнает?..

Эта мысль пронзила меня мгновенно, как удар.

Он убьёт Миланию. Убьёт Каила. Просто...убьёт.

А я не хотела подставлять их, не хотела причинить им вред, не хотела, чтобы из-за меня кто-то пострадал или погиб.

Взгляд сам собой опустился на кольцо Томаса. Вместе с болью пришло привычное чувство вины. Будто он погиб из-за меня. Будто я должна была что-то сделать... но не смогла.

И теперь он мёртв. А я — жива.

Мне стало так больно, что я согнулась пополам, не в силах справиться с нахлынувшими мыслями. Слезы сами покатились по щекам, и я уже не пыталась их остановить.

— Нельзя расклеиваться... нельзя терять надежду, — прошептала я себе и глубоко вдохнула.

Потом с силой начала вытирать лицо ладонями, надеясь вместе со слезами стереть страх, отчаяние и всё то, что сейчас разрывало меня изнутри.

Нет. Я должна держаться. Не имею права сдаться.

Я медленно легла на диван, на бок, подперев голову рукой, и открыла книгу, пытаюсь заставить себя переключиться, зацепиться за текст, за слова, за смысл, за что угодно, лишь бы не оставаться в этих мыслях.

Мне нужно отвлечься. Перестать думать. Перестать чувствовать.

Я вчитывалась в строчки, возвращалась к ним снова и снова, пыталась уловить смысл, но мысли всё равно не отпускали, пробирались внутрь, перебивали, тянули обратно.

О мире. О том, как сейчас живут люди. О том...как мне отсюда сбежать.

Я представила, как выбираюсь из замка и бегу по лесу, бегу босиком между деревьев, не разбирая дороги, цепляясь ногами за корни, иногда наступая на острые ветки, но не чувствуя боли, потому что всё остальное заглушал страх.

Бегу изо всех сил. Дыхание сбивается, сердце колотится так сильно, будто вот-вот вырвется из груди. Не покидает ощущение, что за мной гонятся. Что стоит лишь остановиться — и меня схватят.

Резко оборачиваюсь. Но сзади никого. Никто не бежит за мной. Лес пустой.

И от этого становится ещё страшнее.

Шаг замедляется. Я останавливаюсь, пытаюсь перевести дух, и оглядываюсь по сторонам. Вокруг только густой тёмный лес. Ни одной живой души.

Животный страх сжимает всё внутри. Такой сильный, что на мгновение хочется развернуться и бежать обратно. В замок. В клетку. В знакомый ужас.

Но я всё равно смотрю вперёд. Заставляю себя.

И вдруг...треск. Где-то за деревом.

Я замираю, не дышу, боюсь пошевелиться.

И из-за деревьев начинают выходить мужчины в чёрных одеяниях.

Их лица перекошены, искажены, в них давно не осталось ничего человеческого, они смотрят на меня, переглядываются, смеются. На руках — свежая кровь.

Я сразу понимаю. Они пришли за мной.

Они медленно идут ко мне. Как к добыче, которая уже никуда не денется.

Меня накрывает ужас. Я пытаюсь бежать назад, но не могу. Тело не слушается. Ноги приросли к земле.

Я в отчаянии поворачиваюсь к замку, снова пытаюсь сдвинуться с места, но ничего не выходит.

И тогда...

Между деревьев появляется фигура.

Сначала расплывчатая. Потом всё отчётливее.

Это Неймор.

Он идёт ко мне. Но слишком медленно. Словно не спешит. Нет... не хочет успеть.

— Неймор... помоги мне!.. — кричу я.

Но звука нет. Из моего рта выходит только хриплый, беспомощный шёпот.

— Неймор, прошу... спаси меня!..

Я кричу изо всех сил, но ничего не меняется, голос исчез, растворился, предал меня.

И в этот момент меня хватают грубые руки.

Жёсткие пальцы впиваются в кожу и тянут назад, вглубь леса. Земля уходит из-под ног, деревья сливаются в одно тёмное пятно, а мир вокруг начинает медленно расплываться.

И я проснулась.

Резко вскочив, села на диване. Книга тут же соскользнула на пол, а я схватилась за грудь, чувствуя, как сердце бешено колотится, и попыталась выровнять дыхание, но ужас всё ещё не отпускал.

И вдруг я поняла, что в комнате есть кто-то ещё.

Боковым зрением заметила тень, замерла и медленно, очень медленно повернула голову. Неймор.

Он спокойно сидел в кресле и смотрел прямо на меня, не отрывая взгляда.

Я вскрикнула, вжавшись в спинку дивана, и закрыла лицо руками, пытаясь хоть как-то защититься или спрятаться от него.

— Боже... за что мне это... — выдавила я дрожащим голосом сквозь стиснутые зубы, так и не решаясь убрать ладони от лица.

— Ты что, не рада меня видеть? — с усмешкой протянул он, словно ему вовсе не приходилось стараться, чтобы вывести меня из себя.

Я медленно опустила руки, всё ещё тяжело дыша, и посмотрела на него.

— По твоим стонам во сне мне показалось, что тебе снилось что-то весьма... пугающее, — произнёс он, чуть склонив голову набок.

— Может... ты мне и снился, — бросила я, вскинув на него сердитый взгляд.

Он тихо усмехнулся.

— Не думаю, — протянул он. — Ты кричала: «Неймор, спаси меня».

На его губах появилась самодовольная улыбка.

И в ту же секунду меня бросило в жар.

Щёки вспыхнули, а взгляд сам собой метнулся вниз, к собственным рукам, в отчаянной попытке укрыться от этого унижительного воспоминания.

— Ну вот... значит, я не ошибся, — продолжил он, не сводя с меня глаз. — Так от чего же ты просила меня спасти тебя во сне?

В его голосе звучала откровенная насмешка. Он наслаждался каждым моим смущением.

Я молчала. Любой ответ только дал бы ему новый повод для издёвок.

— Если ты хотела, чтобы я спас тебя от сексуального голода... — он сделал многозначительную паузу, явно смакуя собственные слова, — то я готов сделать это прямо сейчас.

Он самодовольно рассмеялся, и мне до боли захотелось стереть эту ухмылку с его лица.

Подонки.

Я подняла на него взгляд, полный злости.

— Да пошёл ты... — тихо, но отчётливо процедила я сквозь зубы и отвернулась, не желая больше на него смотреть.

Он ничего не ответил.

Лишь подошёл к дивану, поднял книгу, которую я уронила, и, не торопясь, прочитал название на обложке.

— Изучаешь порталы?... — произнёс он уже совсем другим тоном — спокойным и серьёзным. — Хочешь сбежать отсюда?

— Просто читаю, — ответила я, стараясь говорить как можно равнодушнее.

Но сердце всё равно предательски пропустило удар.

— Не лги мне, — спокойно сказал он. — Я знаю, что ты читаешь только сказочные романы... ты бы никогда не стала читать эту занудную дребень просто так.

Он стоял рядом, возвышаясь надо мной, смотрел сверху вниз, всё ещё держа книгу в руках, и его взгляд прожигал меня насквозь. А я сидела на диване, обнимая себя за плечи, пытаясь удержать себя в одном месте, не рассыпаться, не выдать себя, и не знала, что сказать, потому что он был прав.

Я действительно не любила такие книги.

Ещё в колледже учебники по юриспруденции казались мне тяжёлыми, скучными и бесконечно сложными. Этот древний трактат ничем от них не отличался.

Меня накрыла резкая злость.

А что такого удивительного в том, что я хотела сбежать, ведь это было настолько очевидно, что даже ему не нужно было задавать лишних вопросов, чтобы понять это, потому что любой человек на моём месте мечтал бы только об одном — выбраться отсюда и больше никогда не возвращаться.

Он и сам должен был это понимать и, скорее всего, понимал, просто был уверен, что это невозможно, а я не собиралась говорить ему ничего лишнего, кроме того, что это желание у меня есть и оно никуда не исчезнет.

— Да, я хочу отсюда сбежать, — ответила я, заставив себя посмотреть ему прямо в глаза. — Это очевидно. Я не хочу быть твоей пленницей.

Он неожиданно наклонился так близко, что я невольно замерла. Его взгляд словно пытался проникнуть глубже, добраться до того, что я сама прятала даже от себя.

— Лана, тебе некуда бежать. Ты до сих пор этого не поняла? — тихо произнёс он, и от этого спокойствия по спине пробежал холод. — Там, за пределами замка, тебя никто не ждёт. И никто не поможет.

Он выпрямился и небрежно отбросил книгу в сторону, давая понять, что она, как и мои попытки что-либо изменить, уже ничего не значила.

Меня охватила ярость. Он озвучил именно те мысли, которые совсем недавно крутились у меня в голове.

— И что?! — сорвалось у меня прежде, чем я успела остановиться. — Я здесь игрушка в руках избалованного извращенца и психопата! И хуже, чем здесь, мне уже нигде не будет!

Лишь договорив, я поняла, что натворила.

Страх мгновенно сковал всё тело. Я замерла, не сводя с него широко раскрытых глаз, ожидая, что сейчас он сорвётся, начнёт кричать... или сделает что-нибудь ещё хуже. Например, снова потащит меня в подвал. Или накажет за то, что я осмелилась разговаривать с ним таким тоном.

Но он... просто смотрел.

Спокойно. Холодно. Так же, как всегда. Без единой лишней эмоции на лице, будто мои слова вообще не задели его.

Потом он медленно засунул руки в карманы, глубоко вздохнул, явно приняв какое-то решение, и ответил:

— Хорошо, я покажу тебе, что происходит за пределами замка.

В следующую секунду он исчез. Я даже не успела задуматься, что он имел в виду, как спустя несколько секунд Неймор появился снова. В руках он держал тёмную ткань. По его спокойствию казалось, всё происходящее было для него обычным делом.

— Нас ждёт прогулка, — сказал он, протягивая её мне.

От его невозмутимости становилось только тревожнее.

— Какая ещё прогулка?.. — настороженно спросила я и осторожно развернула ткань.

Это оказалась чёрная шёлковая мантия с глубоким капюшоном и завязками на груди.

Он лишь коротко взглянул на меня.

— Надевай — и узнаешь.

Не дожидаясь ответа, он накинул свою мантию на плечи.

Мне стало по-настоящему страшно. Я понятия не имела, куда он собирается меня вести и что хочет показать. И всё же вместе со страхом во мне проснулась надежда.

Я выйду за пределы замка. Впервые за долгое время. И, возможно... Возможно, это мой шанс. Шанс сбежать. Или хотя бы увидеть что-то, что поможет сделать это позже. выйду за пределы замка.

Я встала и надела мантию, повторяя его движения, и лёгкая мягкая ткань тут же укутала всё моё тело, скрывая меня полностью, она была достаточно длинной, спускалась чуть ниже колен, а когда я завязала шнурок на шее и натянула капюшон, мне стало немного легче, будто эта ткань могла защитить меня от внешнего мира.

Я подняла взгляд на Неймора.

— Приготовься, — сказал он, обнимая меня за плечи — Сейчас будет несколько прыжков.

И в следующую секунду всё исчезло.

Вспышка.

Меня качнуло.

Ещё одна вспышка — и мир растворился. Перед глазами расплывались белые круги, будто всё вокруг теряло форму.

Ещё толчок.

— Шаг вперёд! — донёсся до меня голос Неймора сквозь пелену.

Я сделала шаг почти наугад. Одной рукой Неймор удерживал меня, не давая упасть, другой что-то делал, и через несколько секунд нас снова резко качнуло. Мир закружился ещё сильнее.

Я схватилась за его плечи, не удержавшись, потому что ноги подкашивались, а тело переставало слушаться, и он прижал меня к себе за талию, удерживая и не давая упасть.

Мне казалось, что ещё секунда — и я просто рухну на землю.

Меня начало подташнивать, желудок неприятно скрутило, дыхание сбивалось, но я изо всех сил старалась держаться, не показывать слабость и не позволить себе рухнуть прямо у него на руках.

Лишь спустя несколько долгих минут это состояние начало отпускать. Мир постепенно обретал чёткость, расплывшиеся линии вновь становились ясными, а земля под ногами — устойчивой.

Я глубоко вдохнула.

За месяцы заточения я выходила в сад всего несколько раз, поэтому сейчас жадно вдыхала прохладный воздух. Он казался совсем другим — более плотным, тяжёлым, наполненным запахами города. В замке, стоявшем далеко от него, воздух всегда был свежим и чистым. А здесь он жил своей жизнью. Он наполнил лёгкие, слегка обжёг прохладой, и на мгновение голова даже закружилась.

Прохладный ветер коснулся моего лица, скользнул по коже, и от этого простого ощущения внутри что-то отозвалось, что-то почти забытое.

Свобода.

Пусть ненадолго. Пусть обманчивая. Но сейчас она ощущалась именно так.

И только потом я поняла, что всё ещё держусь за плечи Неймора. Я быстро убрала руки и отодвинулась от него, сделав шаг назад, и начала оглядываться по сторонам.

Мы стояли посреди тёмной улицы.

Лишь один фонарь освещал часть дороги, бросая тусклый жёлтый свет, а где-то позади слышался шум воды — тихий, но отчётливый. Похоже, там находился фонтан.

За спиной Неймора возвышалось старое тёмное здание с высокой конусной крышей.

Окон не было вовсе. Лишь узкие щели, из которых пробивался тусклый свет. Слишком маленькие, чтобы их можно было назвать окнами. В них едва ли пролезла бы даже рука.

Возле массивной серой двери неподвижно стоял мужчина в такой же чёрной мантии. Он не двигался, словно был частью этого мрачного здания, и одного взгляда на него хватило, чтобы стало по-настоящему не по себе.

Нам сюда.

— Пошли, — приказал Неймор и, ухватив меня за запястье, повёл к двери.

Этот жест был мне неприятен. Я не собиралась убежать... точнее, собиралась, но не сейчас. Да и шансов сделать это у меня не было — он бы поймал меня за секунду с помощью телепортации. Я попыталась выдернуть руку, но он лишь сильнее сжал пальцы, не давая мне ни малейшего шанса освободиться, и мне не оставалось ничего, кроме как подчиниться и идти за ним.

Не обращая на меня никакого внимания, он уверенно направился к двери, поднимаясь по короткой лестнице из чёрных ступеней. Их было всего несколько, и уже через мгновение мы оказались перед входом, рядом с мужчиной, который стоял у самой двери.

Только теперь я заметила золотую маску, скрывавшую его лицо.

Мужчина почтительно склонил голову перед Неймором и протянул ему две такие же маски.

— Приветствую вас, господин Дракморн, — учтиво произнёс он.

Неймор не удостоил его даже кивком.

Он отпустил моё запястье лишь для того, чтобы взять маски, а затем сразу повернулся ко мне.

Я невольно усмехнулась.

— Маскарад?

На его лице ничего не изменилось.

— Можно сказать и так, — спокойно ответил он.

Его холодный взгляд на мгновение задержался на моём лице, после чего он поднял вторую маску и осторожно поднёс её к моим глазам. Она сама притянулась. Легла точно на лицо, зафиксировалась, удерживаясь магией, плотно, без возможности сдвинуть её или снять.

Он сделал то же самое со своей, затем натянул капюшон и поправил мой, будто я была ребёнком, за которым нужно следить. Этот жест совершенно не вязался с тем человеком, которого я привыкла видеть перед собой, и именно поэтому смутил меня сильнее всего.

Но любопытство всё равно оказалось сильнее. Мне хотелось увидеть, что скрывается внутри, хотя предчувствие подсказывало — ничего хорошего меня там не ждёт.

Двери распахнулись. Неймор жестом указал вперёд и коротко приказал:

— Проходи.

Что это за место?.. Вечеринка? Или что-то ещё?..

Страх медленно расползлся, стягивая грудь. Я совершенно не понимала, зачем он привёл меня сюда и что собирался показать.

Но, несмотря на это, я всё же шагнула вперёд — медленно и осторожно, едва переставляя ноги, и время от времени оборачивалась, чтобы убедиться, что он идёт за мной, что я не остаюсь здесь одна, что он всё ещё рядом.

Коридор оказался неожиданно светлым. После тёмной улицы яркий свет больших люстр резал глаза. Вдоль стен висели старинные портреты незнакомых людей.

Их лица казались пугающе живыми.

Они смотрели на меня своими тяжёлыми, неподвижными взглядами, и от этого по коже пробегали мурашки, будто я находилась не просто в коридоре, а под пристальным наблюдением.

Впереди показался проход, закрытый тяжёлой чёрной шторой, такой же плотной, как наши мантии. Другого пути не было.

Я остановилась. Из-за шторы доносилась тихая мелодия пианино, а где-то за ней звучали приглушённые голоса, сливавшиеся в едва различимый гул. Вопросительно посмотрев на Неймора, я надеялась увидеть хотя бы намёк на объяснение.

Мне показалось, он заметил мой страх.

Но в его взгляде по-прежнему не было ничего, кроме привычного холодного спокойствия.

Он молча кивнул в сторону шторы и, слегка отодвинув её, пропустил меня вперёд.
Я шагнула внутрь и не сразу поняла, где оказалась.

В зале царил полумрак.

В нос сразу ударил тяжёлый, удушающий запах духов. Я не могла различить ни одного отдельного аромата — казалось, десятки разных парфюмов смешались в один густой, приторный запах, от которого становилось не по себе.

Редкие свечи, расставленные вдоль стен, лишь слегка разгоняли темноту.

Неподалёку от входа стоял рояль. За ним сидел мужчина в строгом костюме и такой же золотой маске, как у остальных гостей. Его пальцы неторопливо скользили по клавишам, рождая тягучую, монотонную мелодию, от которой по коже пробегал холодок.

Чуть дальше располагалась длинная барная стойка. За ней сидели люди, потягивая напитки, а бармен, даже не касаясь бутылок, левитировал их с полок, смешивая содержимое прямо в бокалах.

Все вокруг были одеты одинаково — чёрные мантии, золотые маски.

Похоже, именно так здесь пытались сохранить анонимность. Но маски закрывали слишком мало. Они не скрывали лица по-настоящему — лишь создавали иллюзию, что никто никого не узнаёт.

Сделав ещё несколько шагов, я наконец увидела остальной зал.

Слева пространство неожиданно расширялось. Высокие белые колонны отделяли основную часть помещения от прохода и барной стойки, теряясь где-то в темноте под потолком.

Пол покрывали бордовые ковры с замысловатыми узорами. Между колоннами стояли тяжёлые диваны и глубокие кресла, расставленные небольшими группами вокруг низких столиков. На стенах висели старинные картины, а у дальней стены потрескивал большой камин.

Всё вокруг тонуло в густом красном неоновом свете, из-за которого зал казался одновременно роскошным и удушающе тесным.

На диванах и в креслах сидели мужчины, а вокруг них находились полуобнажённые и совсем голые девушки.

Некоторые стояли перед ними на коленях, стараясь угодить своим клиентам. Других мужчины без стеснения прижимали к диванам прямо посреди зала, не пытаясь скрыться от чужих взглядов. Где-то слышались стоны, где-то тяжёлое дыхание, где-то приглушённый смех.

Всё происходило открыто. словно никто здесь давно не видел в этом ничего постыдного.

Девушки стонали, извивались, улыбались мужчинам, но чем дольше я смотрела на них, тем сильнее убеждалась: всё это лишь часть представления. Улыбки, взгляды, даже стоны — всё выглядело ненастоящим.

Отвращение накрыло меня тяжёлой волной. Я вся съёжилась, инстинктивно пытаюсь стать меньше, незаметнее, пытаюсь хоть так отгородиться от происходящего вокруг.

Это бордель. Он привёл меня в настоящий бордель.

Я сильнее закуталась в мантию, надеясь ещё хоть немного спрятаться за этой тонкой тканью. Захотелось развернуться и уйти, но Неймор вплотную приблизился ко мне и молча подтолкнул вперёд, не позволяя остановиться.

В тот момент я впервые пожалела, что не попыталась сбежать ещё на улице. Лучше было броситься в темноту, куда угодно, лишь бы не оказаться здесь.

Опустив взгляд, я продолжила идти, стараясь ничего не замечать. Но это место всё равно проникало внутрь — запахами, музыкой, чужими голосами, самым ощущением грязи, пропитавшим воздух.

Добравшись до узкой лестницы, я остановилась. Что-то не позволяло сделать следующий шаг.

— Поднимайся, — коротко приказал Неймор.

— Что это за место? — вырвалось у меня. Хотелось получить хотя бы крошечное объяснение.

— Вперёд. И молча.

Я подчинилась.

С каждым шагом тревога становилась сильнее. Я сдавливала ладони так сильно, что костяшки побелели, а боль от ногтей становилась невыносимой.

На втором этаже тянулись коридоры с множеством дверей. Комнаты для уединения. Заняты были лишь немногие — я поняла это по приглушённым стонам, доносившимся из-за дверей. Видимо, этим мужчинам нравилось происходящее внизу — на виду, перед всеми.

Меня передёрнуло.

Я поспешила идти дальше, не задавая больше вопросов. Неймор всё время держался за спиной, направляя меня короткими приказами, словно я была не человеком, а вещью, которую нужно довести до нужного места.

Когда впереди показалась ещё одна лестница, сердце ухнуло вниз.

Каждый следующий шаг давался всё тяжелее. Ноги будто налились свинцом, а уверенность в том, что наверху меня ждёт нечто по-настоящему страшное, становилась всё сильнее.

— Неймор... прошу... — не выдержала я, пытаюсь обернуться.

Он тут же жёстко схватил меня за плечи.

— Не говори со мной, — резко бросил он. — Иди вперёд.

Он злился. Это чувствовалось в каждом слове, в холодной, жалающей интонации. Страх окончательно заполнил меня изнутри. Тело задрожало. Я глубоко, судорожно вдохнула и шагнула на узкую лестницу, ведущую наверх.

Сверху доносились смешки и грубый гогот мужчин.

Преодолев последние ступени, я оказалась в зале — похожем на тот, что был внизу. Передо мной стояла толпа мужчин. Разного возраста, роста, телосложения. Все — в одинаковых мантиях и одинаковых масках.

Лиц я не видела, но некоторые силуэты казались до боли знакомыми, отчего тревога лишь усиливалась.

Они стояли спокойно и сдержанно, в дорогих костюмах, с бокалами в руках. Тихо переговариваясь, смеясь, комментируя что-то — точно зрители, пришедшие посмотреть спектакль... или какое-то развлечение.

Я попыталась оглядеться, понять, на что они смотрят, но Неймор снова подтолкнул меня вперёд — прямо вглубь этой толпы. Я осторожно прошла между людьми.

И тогда я увидела, за чем они наблюдают.

Я застыла на месте. Больше не могла сделать ни шага. Не могла даже вдохнуть.

Передо мной были три большие комнаты с прозрачными стенами — словно аквариумы.

В первой, на низком столе, лежала обнажённая девушка. Её тело было неподвижным, почти безжизненным. Над ней склонился мужчина, двигаясь резко и грубо, будто вбивая в неё собственное превосходство. Другой стоял у её лица, сдавливал пальцами губы, что-то шептал, приказывал, вынуждая подчиняться.

Её взгляд был пустым. Она смотрела в стену, не моргая, как кукла, у которой давно отняли право сопротивляться. Когда он добился своего, схватил её за волосы, движения стали ещё жёстче — её сдавленные всхлипы доносились даже до меня.

Один ушёл. Его место сразу занял другой — из толпы наблюдающих. Всё происходило без паузы, без жалости. Для них она была всего лишь вещью, которую передавали из рук в руки.

Толпа за стеклом смотрела. Обсуждала. Оценивала.

Во второй комнате всё было иначе — там была борьба.

Девушка отчаянно сопротивлялась. За это её били. Каждый удар отбрасывал её назад, на кровать. Она пыталась отползти, спастись, но её снова хватали за волосы, разворачивали,

наваливались всем телом. Мужчина смеялся, что-то говорил ей на ухо, проводил языком по щеке — и от этого она билась ещё сильнее, кричала, умоляла, задыхалась.

Это только злило его. И, казалось, возбуждало.

Он отстранялся лишь затем, чтобы снова ударить — резко, по лицу, заставляя замолчать. Её щеки были красными, глаза — полными слёз. Она плакала и дёргалась, но помощи не было.

Толпа смеялась. Кто-то выкрикивал советы. Кто-то подбадривал.

В третьей комнате было пусто.

Только смятая кровать, хранившая следы той, кто совсем недавно прошла через то же самое.

И только богу было известно, где она теперь. И жива ли.

У меня онемели губы и руки. Я перестала чувствовать их, словно они больше не принадлежали мне. Ощущение было настолько нереальным, что на мгновение я перестала ощущать даже саму себя.

В груди мгновенно закрутилась мерзкая, оглушающая буря ужаса. Она ударила по сердцу с такой силой, что я не смогла вдохнуть. Грудь сдавило, воздух застрял где-то внутри, и тогда я поняла: я чувствую не только собственный страх.

Я чувствовала их боль. Боль тех девушек.

Словно это я лежала там, на их месте. Каждый удар отзывался в моей щеке, и я вздрагивала, не в силах остановиться.

Пространство вокруг вдруг сузилось. И в какой-то момент мне показалось, что все эти люди вокруг — нет, не люди, а демоны — начинают поворачиваться ко мне, один за другим, медленно, синхронно, и их взгляды направлены только на меня. Мне стало так страшно и так отвратительно, что тело затрясло, словно я стояла не в тёплом зале, а на морозе посреди зимы.

Мне не хватало воздуха. Я чувствовала это отчётливо. Тело хотело бежать — куда угодно, лишь бы не видеть этого.

Я начала пятиться назад, не осознавая своих движений, в голове вспыхнула мысль, настолько яркая и страшная, что я не смогла её остановить.

Третья пустая комната. Она для меня.

Фантазия тут же дорисовала, как эти ублюдки хватают меня и рвут, как гиены добычу.

Шаг назад. Ещё шаг.

Я упёрлась в того, кто привёл меня сюда.

Он стоял неподвижно. А я инстинктивно вжалась в него.

Паника окончательно захватила меня.

Я начала хватать воздух, судорожно, как рыба, выброшенная на берег, которая уже не может дышать, и каждая попытка вдохнуть становилась всё более бесполезной.

Я схватилась за грудь, не понимая, что со мной происходит, пытаюсь хоть как-то удержаться в сознании, и другой рукой прикрыла рот, в отчаянной попытке заглушить звук, скрыть себя, сделать вид, что меня здесь нет.

Умереть сейчас. Задохнуться. Это было бы спасением.

Сильные руки схватили меня за плечи и развернули. Это был Неймор. Он быстро взглянул на моё лицо — и, сжав плечо до боли, потащил меня в сторону лестницы.

В глазах темнело, всё расплывалось, звуки искажались, превращаясь в глухой гул, и только паника, дикая, оглушающая, билась в ушах, заглушая всё остальное.

Я даже не поняла, как мы спустились на второй этаж. Я не почувствовала, как он прижал меня к стене в тёмном углу. Как сорвал маски с наших лиц.

— Успокойся, — приказал он.

Но я не могла. Я больше не контролировала своё тело. Короткие, судорожные попытки вдохнуть так и оставались попытками. Горло словно стиснула огромная рука, беспощадно перекрывая воздух.

— Лана, смотри на меня, — доносился его голос. — Лана, дыши. Дыши!

Он держал меня крепко, дёргал каждый раз, когда отдавал приказ. Его голос был напряжённым. Ничего не менялось. Я всё так же вжималась в стену, прижимая ладони к холодному камню, но не ощущала его — только дикий ужас и неконтролируемую панику.

— Лана, посмотри мне в глаза!

Его горячие ладони обхватили моё лицо, пытаюсь поймать хаотичный взгляд, который метался из стороны в сторону.

— Давай. Постарайся. Ну же! — сдавленно выкрикнул он, сжимая губы.

Этот крик прорвался сквозь пелену ужаса. Я отчаянно, из последних сил попыталась сфокусироваться — и нашла его глаза.

Он смотрел прямо на меня. Ловил взгляд.

И я смогла. Я задержала взгляд на его глазах — холодных, голубых, пронзительных. Сейчас в них было что-то другое. Тревога. Сосредоточенность. Беспокойство. Я не помнила, видела ли когда-нибудь такое выражение на его лице.

Голубой цвет стал вдруг пугающе отчётливым в этой полутьме, и я словно утонула в нём.

Дыхание начало замедляться. Я перестала хватать воздух. Медленно, шаг за шагом, возвращалась в тело.

Он резко выдохнул — будто всё это время не дышал вместе со мной.

— Вот так... — тихо прошептал он, отпуская моё лицо и перехватывая за плечи. — Смотри на меня. И дыши.

Я очень медленно возвращала контроль. Дыхание выравнивалось. Паника отступала, оставляя после себя липкий, дрожащий страх.

Я схватила Неймора за предплечья, удерживаясь за него, как за единственную точку опоры.

— Зачем ты привёл меня сюда? — спросила я, всё ещё дрожащим голосом.

Я не дала ему ответить.

— Ты хочешь оставить меня здесь, Неймор? — слова вырвались сами. — Хочешь отдать меня на растерзание этим садистам?

Мой голос снова сорвался, и я зажмурилась. На мгновение новая волна паники едва не накрыла меня с головой. Я не хотела этого. Проморгавшись, я снова поймала его взгляд и вцепилась в его голубые глаза, ища в них ответ. Я держала его так крепко, словно, даже если бы он захотел высвободиться, у него бы ничего не вышло. Но он и не пытался.

Он стоял напротив, по-прежнему удерживая меня за плечи, и скользил обеспокоенным взглядом по моему лицу.

Потом тихо произнёс:

— Это всего лишь прогулка, Лана. Это место не станет твоим домом...

На секунду его взгляд изменился — беспокойство исчезло, уступив холодному пренебрежению.

— По крайней мере, пока.

Одним резким движением он освободился от моей мёртвой хватки и сделал шаг назад.

— Неймор... — вырвалось у меня. — Прошу тебя... давай уйдём. Я не хочу здесь быть.

Я смотрела на него и была готова опуститься на колени — лишь бы он увёл меня отсюда. В сознании снова и снова вспыхивали образы тех девушек.

— Неймор... умоляю...

Я попыталась дотронуться до него, но он отпрянул и отвернулся.

Мне стало ещё страшнее. Я не знала, что у него в голове. И даже его слова о «прогулке» не приносили облегчения — я не могла ему верить. Ни на мгновение.

— Лана, — сказал он, не оборачиваясь. — Я говорил тебе, что покажу место, в котором ты бы не хотела оказаться.

Он стоял ко мне спиной.

— Именно здесь ты бы существовала. Добровольно — на первом этаже, работая телом. А если бы начала сопротивляться — оказалась бы в одной из прозрачных комнат. Там, где тебя брали бы все, кто захочет.

Он обернулся. На губах мелькнула усмешка.

— Ну что... ты всё ещё хочешь сбежать из моего замка?

Я не знала, что ответить.

Теперь его замок и его общество действительно не казались мне самым ужасным, что могло со мной случиться. От одной мысли, что до моего тела прикоснётся кто-то из тех мужчин, меня бросало в дрожь.

— Ты должна быть мне благодарна, Лана, — продолжил он. — Считаю, что я спас тебя от чего-то более страшного, чем смерть.

Спас. Как громко сказано.

— Ты сделал это только ради мести Томасу, — тихо сказала я. — Тебе плевать на меня. Если бы он был влюблён в другую, на моём месте была бы она. А меня насиловали бы в той комнате — и ты бы даже не посмотрел в мою сторону. Так что мне не за что тебя благодарить.

От этих слов стало больно. От осознания того, какой этот мир. От понимания, что со мной могло бы быть. От мысли, что мне просто повезло чуть больше, чем тем девушкам.

— Да, именно так, — спокойно ответил Неймор, глядя на меня ледяным взглядом. — Так что считай, тебе повезло, что Сильварис влюбился в тебя.

Мне стало так больно и обидно. Что слезы моментально подступили к глазам. *Почему всё это происходит? Почему тот, кого я когда-то искренне любила, так жесток со мной?*

— Что будет потом? — тихо спросила я, заглядывая ему в глаза. — Когда ты наиграешься в месь? Когда я снова надоем тебе?

Я боялась увидеть в них ответ. Тот самый, который уже крутился у меня в голове.

Он смотрел слишком спокойно. И я поняла. Я *знала*: когда я ему надоем, я окажусь здесь. Он снова бросит меня. Снова откажется. Потому что я для него — никто. Просто игрушка.

— Я не отдам тебя сюда, — твёрдо сказал он. — Если ты успокоишься и примешь свою судьбу. Поймёшь, что ничего уже не изменить.

Я не верила.

— Ты лжёшь... — всхлиывая, прошептала я. — Я знаю...

— Я обещаю, — сказал он, глядя мне в глаза.

Но я лишь мотала головой.

— Нет. Ты всегда мне лжёшь. И сейчас лжёшь. Тебе плевать на меня.

— Я привёл тебя сюда не для того, чтобы запугать, — ответил он. — А чтобы ты поняла, что происходит в мире. Чтобы ты увидела: то, что я делаю с тобой, — лучше, чем то, что происходит с этими несчастными.

Он опёрся рукой о стену рядом с моим лицом. Другой рукой взял меня за подбородок, заставляя смотреть ему в глаза.

— Ты хочешь, чтобы я приняла то, что ты насилуешь меня? — мой голос дрожал. — Я и так не сопротивляюсь. Что ты ещё хочешь?

Я не понимала. Пыталась дышать ровнее. Была готова согласиться на всё. Он уже забрал у меня тело. Забрал сердце. Что ему нужно ещё?

— Если бы у тебя был выбор, Лана, — медленно сказал он. — Добровольно жить в моём замке или быть изнасилованной кучей ублюдков... что бы ты выбрала?

Он смотрел прямо в глаза, не отводя взгляда.

— Я бы предпочла смерть, — тихо ответила я сквозь слёзы.

— Такого варианта нет, — так же тихо сказал он и стёр слёзы с моих щёк.

— Неймор... у меня нет выбора. И никогда не будет, — сказала я тихо. — Всё решаешь ты. И я знаю: придёт время — ты наиграешься. Я снова стану тебе не нужна. И ты поступишь так же, как тогда, в колледже. Я окажусь здесь.

— Я сказал — этого не будет, — жёстко ответил он. — Ты хотела знать, что происходит с такими, как ты? Ты увидела. Теперь скажи мне спасибо за то, что тебя насилую только я — и мы уйдём отсюда.

Он поставил точку. Я глубоко вдохнула, собирая последние остатки самообладания.

— Хорошо, Неймор, — сказала я ровно. — Я буду благодарна. Буду делать всё, что ты скажешь. Но прошу... пообещай: когда я надоем тебе и мечь Томасу будет исполнена — ты убьёшь меня.

Я смотрела на него прямо. Твёрдо. Решительно.

Он не моргал. Не отвечал.

— Прошу... пообещай мне. И выполни это обещание, — умоляла я.

Он отвёл взгляд, словно хотел отвернуться. Я схватила его и прижалась к груди.

Он не сопротивлялся.

Я слышала, как его сердце бьётся — быстрее, сильнее.

— Пожалуйста... — прошептала я. — Просто позволь мне сделать это самой. Но прошу — не отдавай меня сюда. Не отдавай никому другому. Просто позволь мне умереть. Пообещай.

Я вцепилась в него с такой силой, что могла бы сломать ему кости. Но он не двигался.

— Ты же знаешь... — тихо сказал он. — Я могу солгать тебе.

— Пусть это будет последний раз, когда я поверю тебе, Неймор, — прошептала я. — Умоляю... пообещай.

Он слегка отстранился, ровно настолько, чтобы видеть мои глаза. Смотрел пристально. Глубоко.

— Я обещаю, Лана, — сказал он спокойно. — Я убью тебя, когда ты надоешь мне.

Я смотрела на него, пытаюсь понять, лжёт он или нет. Но в его глазах не было ни игры, ни притворства. Я невольно улыбнулась. Почему-то именно сейчас я безоговорочно ему поверила. Кивнула и снова прижалась к нему. На душе сразу стало спокойнее.

Он отстранился, возвращая ледяной, командный тон и взгляд.

— Вытирай слёзы. Идём, — приказал он.

Он развернулся и пошёл по коридору к лестнице вниз.

Я, вытирая лицо и окончательно приходя в себя, пошла за ним. Теперь он шёл впереди, а я покорно следовала следом.

Я была рада, что мы уходим отсюда. И надеялась, что однажды это место сгорит — вместе со всеми ублюдками, которые развлекаются здесь, пытая этих девушек.

Глава 19 Жизнь без Ланы

Неймор около 2-ух лет назад.

Последние полтора месяца до каникул превратились в какую-то изощрённую пытку.

Конечно, всё не могло закончиться спокойно. Это было бы слишком просто, а мир, как выяснилось, не отличался подобной щедростью.

Лана не собиралась принимать наше расставание. Писала мне, пыталась заговорить при встрече, несколько раз останавливала в коридорах.

Каждый раз хотелось остановиться. Каждый раз приходилось проходить мимо, делая вид, что её больше не существует.

Историю я бросил сразу. Сидеть с ней в одной аудитории и делать вид, что между нами ничего не произошло, оказалось выше моих сил.

Маска надменного подонка снова заняла своё место. Я вновь начал играть эту роль. Как умел. Лишь бы Лана перестала надеяться.

Я намеренно доставал Томаса. Цеплялся при любой возможности, выводил из себя, провоцировал. Его дружков — тоже. Нёс такую дрянь, что временами самому становилось противно. Но останавливаться было уже поздно. Чем невыносимее я становился, тем лучше.

Для всех. Кроме неё.

С Ланой это не работало.

Стоило ей оказаться рядом, и весь мой талант изображать ублюдка моментально переставал работать. Я не мог смотреть ей в глаза и бросать ей в лицо ту же грязь, которой щедро поливал остальных.

Тогда в ход пошла Миллисент.

Стоило ей узнать, что мы с Ланой расстались, как бедняга Филип внезапно перестал существовать.

Поразительная женская преданность.

Зато язык у Миллисент был длиннее городской площади, а именно этого мне и было нужно.

Очень скоро весь колледж уже обсуждал наши «отношения». Я демонстративно появлялся с ней на людях, обнимал её, держал рядом, позволяя каждому сделать единственно правильный вывод. Особенно Лане.

Пусть видит. Пусть наконец перестанет ждать. Но это не помогало, потому что стоило мне хоть на мгновение встретиться с Ланой взглядом, в её глазах оставались только боль и пустота.

Она таяла буквально на глазах. Щёки впали, под глазами залегли тени, а красные от слёз глаза словно совсем перестали знать, что такое сон.

И хуже всего было то, что Лана продолжала возвращаться туда, где мы когда-то были счастливы. Она всё ещё надеялась найти там то, чего давно уже не существовало.

Я видел её возле заброшенных кабинетов, где мы целовались. Возле старых каморок, где прятались между занятиями. Возле каждого проклятого места, которое теперь напоминало мне одно — разрушить что-то оказалось гораздо проще, чем потом смотреть на последствия.

Она приходила одна, садилась прямо на пол и плакала, больше не пытаясь скрываться или делать вид, что справляется.

А я стоял за стеной, как последний трус, и слушал. Слушал её всхлипы, слышал, как она пытается успокоиться и не может.

Иногда хотелось послать к чёрту Фодеса, отца, войну — вообще всё. Подойти к ней. Обнять. Забрать отсюда. Но тогда всё, что я сделал, потеряло бы смысл.

Лишь изредка на её лице появлялась слабая, неуверенная улыбка, и происходило это тогда, когда рядом оказывался Томас.

Он не отходил от неё. Постоянно крутился рядом, следил за каждым её шагом, держался так близко, что больше походил на цепного пса, чем на человека. Лане это нравилось. С ним ей было спокойно. Именно тогда в её глазах вспыхивала та самая искра, которую я уже считал погасшей.

Именно это и сводило меня с ума. Каждый раз, когда я видел их вместе, хотелось подойти к этому правильному до тошноты Сильварису и наконец выбить из него всю его безупречность вместе с этой идиотской улыбкой, от которой почему-то все были в восторге. Хотя кого я пытался обмануть? На его месте должен был быть я.

Но разум быстро ставил всё на свои места. Это был мой выбор. Я сам её оставил. Сам сделал всё, чтобы она возненавидела меня. И если рядом с Сильварисом ей действительно становилось легче, значит, оставалось заткнуться и принять последствия собственного решения, как бы сильно от этого ни выворачивало.

Но сердце, как назло, не собиралось соглашаться с разумом. Они сталкивались раз за разом, как два упрямых идиота, не желавших уступать друг другу ни шага, и с каждым днём становилось всё очевиднее, что победителя в этой войне не будет.

На лето у меня были свои планы. Я рассчитывал, что расстояние наконец вправит мне мозги. Перестану видеть её каждый день — и эта война внутри закончится.

Какой же я был идиот.

Стало только хуже. Работал до изнеможения, пропадал на тренировках, возвращался домой без сил — и всё равно думал о Лане. Засыпал и просыпался с мыслями о ней. Пытался убедить себя, что ей уже легче, а через минуту ловил себя на мысли: нормально ли она спит, ест ли вообще или по-прежнему плачет по ночам.

Я хотел, чтобы каникулы быстрее закончились. Впервые за все годы учёбы возвращение в колледж казалось не очередным началом семестра, а единственным способом убедиться, что она жива, что с ней всё в порядке и что моё решение не сломало её окончательно.

Поэтому сейчас я шёл быстрее обычного, направляясь на первый обед нового учебного года. За это лето я сотни раз представлял нашу встречу, пока в какой-то момент сам перестал понимать, чего боюсь сильнее: увидеть Лану... или увидеть, что без меня ей действительно стало легче.

Я вошёл в зал и сразу начал искать её взглядом среди десятков лиц.

Нашёл почти мгновенно.

Вот она.

Лана сидела за столом рядом с Сильварисом. Напротив были Селина, Милания, Каил и остальные. Они о чём-то разговаривали, смеялись, и впервые за долгое время она выглядела такой же, какой была раньше — живой.

На её лице опять появилась улыбка, и, глядя на неё, я неожиданно почувствовал облегчение.

Наверное, именно ради этого всё и было. Ради того, чтобы она могла улыбаться, чувствовала себя счастливой и больше не страдала из-за меня.

Я едва заметно улыбнулся, чувствуя, как внутри что-то отпускает. Но в следующую секунду она повернулась. И наши взгляды встретились. Её улыбка исчезла сразу. Так быстро, словно её никогда и не было.

Я увидел, как потухли её глаза, как напряглись плечи, как она отвела взгляд в сторону.

И всё то облегчение, которое я только что почувствовал, рассыпалось к чёрту. Меня будто ударили под рёбра.

Я стоял и смотрел, как её друзья переглядываются, что-то говорят ей, а Сильварис переводит взгляд на меня. Как всегда, смотрел так, что при случае без колебаний свернул бы мне шею. Потом положил руку ей на плечо и полностью переключился на неё. Закрывал от меня. Показывал, что теперь именно он рядом.

Я наконец отвёл взгляд, сжал челюсть так сильно, что стало больно, пытаюсь взять себя в руки, и шагнул к своему столу, где обычно сидел.

Так больше не может продолжаться. Она не выдержит ещё один год. Я больше не могу смотреть на её страдания, да и сам устал страдать. Может быть, я был не прав? Может быть, мне не нужно было оставлять её? Принимать это решение за нас обоих? Может быть, нужно было идти до конца и сражаться за нашу любовь, даже если ценой были бы наши жизни? Может быть, мне нужно вернуть её и всё исправить?

Впервые со дня нашего расставания эти мысли не показались мне неправильными.

Я сел за стол и перевёл взгляд в их сторону. Сильварис придвинулся к ней и что-то тихо говорил, не сводя с неё своего вечного жалостливого взгляда, от которого меня уже начинало тошнить.

Ублюдок. Обещал, что поможет ей. И что в итоге? Она всё так же выглядит так, будто разваливается на части, всё так же плачет, а он сидит рядом и смотрит на неё, словно одной жалостью можно что-то исправить.

Я почувствовал, как злость медленно растекается по телу тяжёлым, обжигающим жаром.

Вот и отлично. Похоже, сегодня я снова выбью из тебя всю эту правильность, Сильварис.

И именно с этим дерьмом в голове я оказался здесь сейчас.

После очередной драки с Сильварисом.

Мы оба были избиты, вымотаны и злы друг на друга не меньше обычного, но даже драка больше не приносила облегчения. Она оставляла после себя усталость, боль и несколько новых синяков.

Я стоял, облокотившись на стену, тяжело дышал, чувствуя, как кровь из разбитой губы стекает по подбородку, и машинально стирал её, пытаюсь собраться с мыслями, потому что сейчас, как ни странно, я был максимально собран — физическая боль глушила внутреннюю, и именно поэтому я мог наконец думать ясно.

— Скажи-ка мне, Сильварис, — хрипло начал я. — Почему Лана до сих пор не твоя?

Я сплюнул кровь, накопившуюся во рту, прямо на пол и выпрямился, посмотрев ему в глаза.

— Ты ведь обещал, что позаботишься о ней.

Он выглядел куда лучше меня. Стоял ровно, спокойно, лишь опираясь плечом о стену. Серьёзных ран на нём не было. Он посмотрел на меня, приподняв бровь.

— По-твоему, это так просто? Ты слишком далеко зашёл. Ей не так легко выкинуть тебя из головы.

— Значит, ты плохо стараешься, — процедил я, сжимая кулаки. Сил продолжать драку не было, но злость всё ещё кипела. — Будь я на твоём месте, она бы уже давно была в моей постели.

Он резко напрягся.

— Вот именно! — сорвался он. — Ты думаешь только о постели! А я не хочу тащить её туда! Я хочу, чтобы она полюбила меня... — он запнулся. — Полюбила так же, как любила тебя.

Я поднял на него глаза и ухмыльнулся, криво, с привкусом крови на губах.

— Сильварис... какой же ты жалкий. Давай, может, ещё заплачешь?

Он вспыхнул, сжал кулаки, сделал шаг ко мне.

— Не провоцируй меня. Тебе и так досталось. Или хочешь ещё?

Я тихо рассмеялся, не отрывая от него взгляда.

— Знаешь, Томас... а может я зря её бросил. Я ведь, по сути, послушал тебя. Думал, ты справишься. Думал, ты ей правда нужен... что сможешь быть рядом, когда меня не будет... что вытянешь её.

Я чуть наклонил голову, всматриваясь в его лицо.

— А в итоге я просто сломал её... и сам развалился к чёрту.

От этих слов мне стало так больно и стыдно за то, что я всё решил сам и не дал Лане права сделать собственный выбор.

Он недовольно скривился, но сразу ответил:

— Я не просил тебя делать это так. Ты мог поступить иначе. Но ты, как всегда, выбрал самый жёсткий способ.

Меня переклинило. Я оттолкнулся от стены и шагнул к нему, уставившись прямо в глаза.

— А как, по-твоему, я должен был это сделать? — голос сорвался, но я даже не пытался его сдерживать. — У меня не было выбора. Я должен был её оттолкнуть.

Я ткнул рукой в его сторону, чувствуя, как злость снова поднимается.

— А ты должен был быть рядом. Должен был помочь ей. Но ты не справился. Ни хрена ты не сделал.

Слова сами вылетали, жёстко, зло.

— Ублюдок.

Мне хотелось вцепиться в него, но я стоял на месте, сжимая челюсть.

Он не двинулся. Смотрел на меня внимательно и спокойно.

— Тебе вообще не нужно было к ней лезть, — сказал он ровно. — Не нужно было играть с ней в любовь. Ты с самого начала знал, что у вас ничего не выйдет.

И он был прав, как обычно. От этого становилось ещё хуже. В этот раз я не мог даже попытаться возразить, не мог оправдаться перед собой, не мог ни за что зацепиться. Это действительно была моя вина. Я всё знал с самого начала. Видел, чем всё закончится. И всё равно пошёл до конца, решив за нас обоих. А теперь Лана страдала из-за моего выбора.

Но я больше так не мог. Не мог продолжать это. Не хотел больше причинять ей боль.

Я хотел дать ей выбор. Настоящий.

— Я всё верну... — сказал я вдруг, сам не до конца понимая, в какой момент принял это решение, но чувствуя, что оно уже не изменится. — Я верну её обратно. И плевать, что будет потом.

Я поднял на него взгляд, твёрдый, решительный, без колебаний.

— Не смей... — тихо, сквозь зубы сказал Томас, и в этом тихом голосе было больше угрозы, чем в любом крике. — Даже не думай об этом.

— Я сделаю это. И ты не помешаешь мне, — ответил я, ухмыльнувшись, хотя внутри всё уже горело.

Он сорвался сразу. Подлетел ко мне, схватил за рубашку и дёрнул на себя.

Я даже не сопротивлялся. Я был готов принять удары.

— Нет! — прорычал он, глядя мне прямо в глаза. — Даже не приближайся к ней!

Он тряс меня, как тряпичную куклу, но у меня не было ни сил, ни желания сопротивляться.

— Ты даже не представляешь, что с ней было! — продолжал он, захлёбываясь злостью. — Как она мучилась! Как страдала! Сейчас ей гораздо лучше! Придёт время — и она забудет тебя. Я ей помогу!

Я не слышал его до конца. Потому что в голове уже было другое.

О том, как найду Лану. Как встану перед ней на колени. Как расскажу ей всю правду — о себе, об отце, о своей жизни.

Я почувствовал, как Томас лезет в мою голову. Я был слишком выжат. И даже не попытался закрыться.

— Даже не думай об этом! — заорал он. — Слышишь?! Ты сделаешь хуже! Она не простит тебя!

Потом он ударил. Резко. Без предупреждения.

Кулак влетел мне в живот так сильно, что из лёгких выбило весь воздух. Я согнулся пополам, не в силах вдохнуть, чувствуя, как боль разрывает всё внутри.

— Не смей, сука! — выкрикнул он и тут же ударил снова, уже в лицо, и я не удержался на ногах, рухнул на пол, ощущая, как всё вокруг плывёт.

Боль была такой сильной, что я на мгновение перестал понимать, где нахожусь, не мог ни вдохнуть, ни пошевелиться и глухо чувствовал, как тело отзывается на каждый удар.

Сегодня он бил сильнее, чем обычно. Жёстче и злее.

И я понимал почему. Он знал. Знал, что она простит меня. Что она может вернуться. И он этого боялся.

— Она будет моей, слышишь, ублюдок?! — кричал он, и в его голосе было не только бешенство, но и что-то ещё — что-то надломленное. — Она полюбит меня и будет счастливой!

Удар ногой пришёлся в живот, и я сжался ещё сильнее, не в силах даже подняться, просто лежал, принимая эту боль, не сопротивляясь.

Но вдруг он остановился, отступил к стене и обеими руками схватился за голову, с такой силой вдавливая пальцы в виски, словно пытался расколоть собственный череп. Потом тяжело опёрся о стену, медленно сполз на корточки, упёрся локтями в колени и шумно выдохнул.

Я едва различал его — лицо горело от боли, тело ныло, перед глазами всё плыло, — но всё равно видел, как он хмурится, до скрипа сжимает челюсть и долго смотрит в потолок. Не двигаясь. Не моргая.

Что это было? Отчаяние? Я никогда не видел его таким.

Он перевёл взгляд на меня. В его глазах была тоска.

— Знаешь, Неймор... я так устал, — глухо сказал он, не поднимая головы. — Устал вечно всех спасать. Быть этим чёртовым героем. Правильным парнем. Постоянно думать, что сказать и как поступить, чтобы не испортить репутацию отцу. Он лидер страны. А я его сын. И обязан соответствовать.

Я смотрел на него и не мог поверить, что слышу это.

— Я всем что-то должен. Постоянно должен. В отличие от тебя. Ты хотя бы живёшь как хочешь. Можешь послать кого угодно, устроить драку, купить любого преподавателя — и тебе за это ничего не будет. А я так не могу. Просто не могу. Мне нельзя быть плохим. Нельзя ошибаться. Я обязан быть хорошим. Для всех.

Он говорил и постепенно начинал захлёбываться собственными словами, будто слишком долго держал всё это в себе.

Я слушал его и неожиданно поймал себя на жалости.

Оказалось, мы не так уж сильно отличались друг от друга.

— И самое смешное... — продолжил он тише, глядя куда-то в сторону. — Как бы ты себя ни вёл, возле тебя всегда люди. Они принимают тебя таким, какой ты есть. А мне приходится играть правильного парня, чтобы всем нравиться. Хотя иногда хочется послать половину из них к чёрту. Особенно тех, кто смотрит на меня, как на какого-то святого только потому, что я сын лидера.

Я, кажется, даже перестал дышать. Брови сами поднялись вверх, и я не смог скрыть своего удивления.

— И когда я увидел тебя и Лану вместе, — продолжил он, — я не мог понять, как такая девушка вообще могла влюбиться в такого подонка, как ты.

Он пристально посмотрел на меня.

— Как у тебя это получилось? Как ты вообще пролез ей в душу? Ты же ужасен.

Он тяжело выдохнул.

— А потом я сам влюбился в неё. И был уверен, что ты просто притворяешься. Манипулируешь ею. Думал: стоит показать ей, какой ты на самом деле, — и она тебя разлюбит. Но нет. Она всё знала... и всё равно любила тебя.

Он ненадолго замолчал.

— А я... сколько ни старался, для неё так и остался другом. Всё время думает о тебе. И я до сих пор не понимаю почему. Я ведь делал всё правильно...

Он замолчал. И в этой тишине было слишком много всего — злости, усталости, боли. Впервые за всё время я смотрел на него не как на соперника. Просто как на человека.

И в этот момент до меня дошло.

Он такой же. Чувствует то же самое. Тоже носит маску. Тоже ломается изнутри.

Ненависть, которая ещё недавно душила меня, вдруг отступила. Вместо неё осталось тяжёлое чувство, больше похожее на жалость.

Я с усилием поднялся с пола, чувствуя, как тело отзывается болью на каждое движение, вытер кровь с лица рукавом и посмотрел на него.

— Может, тебе просто нужно перестать играть, — сказал я хрипло. — Снять свою маску и показать ей, какой ты на самом деле... не тот, кого все хотят видеть, а настоящий.

Я сделал паузу, не отводя взгляда.

— Может, тогда у тебя был бы шанс... ведь именно так я и сделал... снял свою маску...

Я усмехнулся едва заметно, уже без злости.

Он всё так же сидел на корточках и смотрел на меня.

— Ещё один раз... — сказал я уже спокойнее, но твёрдо. — Последний. Я попробую сделать так, чтобы она возненавидела меня... по-настоящему. И если у меня не выйдет — я верну её. Больше не буду мучить ни её, ни себя.

Я выдержал паузу, не отводя от него взгляда.

— Ты не сможешь мне помешать. И не сможешь ничего с этим сделать.

Я развернулся, собираясь уйти, но уже через шаг остановился и снова посмотрел на него.

— Я всегда думал, зачем ты ведёшься и дерёшься со мной... — сказал я уже тише, без злости. — А оказывается, тебе это нужно. Как и мне. Ты так же глушишь свою боль... как и я свою.

Я посмотрел на него уже без привычной вражды.

— Похоже, мы с тобой гораздо больше похожи, чем хотелось бы, Томас... — усмехнулся я без всякой радости. — Жаль, что в детстве мы так и не смогли остаться друзьями. Может, тогда всё сложилось бы иначе.

Последние слова прозвучали заметно тише.

Он так и остался сидеть на корточках, молча глядя на меня.

Я отвернулся и пошёл по коридору. Тело отзывалось болью после ударов Сильвариса. На телепортацию сил уже не осталось, поэтому пришлось идти самому. Медленно. Надеюсь никого не встретить.

Мне повезло.

Было уже поздно. Коридоры опустели.

Я дошёл до ближайшего балкона, вышел наружу, и прохладный сентябрьский ветер ударил в лицо, остудил кожу. Грудь наконец разжалась, позволяя сделать глубокий вдох.

И именно там я всё для себя решил.

Я сказал Сильварису правду. Я сделаю ещё одну попытку. Последнюю. Попробую оттолкнуть Лану, заставить её возненавидеть меня так, чтобы она больше никогда не захотела вернуться.

И если не получится... Я верну её.

И плевать, что будет дальше. Плевать, чем это закончится. Потому что я больше не могу так жить. Не могу притворяться тем, кем не являюсь. Не могу дальше быть этим подонком, которого она видит перед собой. Я хочу быть собой. Я откажусь от всего. От имени. От денег. От семьи. Уеду хоть на край света. Если она примет меня — мы будем вместе. Неважно, как долго. Неважно, чем всё закончится.

Тогда это будет её выбор. Впервые за всё это время — её, а не мой.

Я вернулся в комнату. Дерек и Фин спали. Я тихо вошёл и рухнул на кровать. Тело было в крови, всё болело, но я просто лежал и смотрел в темноту.

И думал, что мне делать дальше.

Так и пролетела ночь. Я сам не заметил, как уснул, а когда открыл глаза — за окном уже было утро.

Нужно было идти на пары, но не хотелось. Тело ныло, голова была тяжёлой, мысли путались. Отвратительное состояние.

Решил, что сначала нужно позавтракать. Может, после этого в голове хоть немного прояснится. Хотя кого я обманывал? Думать больше не хотелось. Хотелось одного — сказать Лане, что я люблю её. Что любил всегда.

Резко сел на кровати, проглотил обезболивающее, залечил раны, принял душ, переоделся. Всё происходило машинально. Тело двигалось само, а мысли были совсем в другом месте.

В столовой я сел, как обычно, рядом с Миллисент. Она тут же попыталась прижаться ко мне. Я не отстранился, но и не ответил. Меня не интересовала ни она, ни её прикосновения. Но разубеждать её я не собирался. Мне было плевать.

Я осмотрел зал.

Ланы не было. Как и Сильвариса.

Это напрягло меня. Я поднялся, взял сумку и направился к выходу. Мысли снова начали затягивать, и я не сразу заметил движение навстречу.

Кто-то врезался в меня с такой силой, что боль резанула плечо. Я не сдержал стона и схватился за руку — показалось, что её переломило пополам.

— Смотри, куда прёшь, — вырвалось у меня, и я опустил взгляд.

Это была Лана.

Она сидела на полу. Сумка валялась рядом, книги и тетради рассыпались. Она держалась за плечо, морщась от боли, и смотрела на меня широко раскрытыми глазами.

Это не было запланировано. Она не ожидала меня увидеть.

Во мне всё дёрнулось. Хотелось помочь. Поднять её. Спросить, всё ли в порядке. Обнять её.

Но я остался стоять.

Я огляделся — коридор был пуст. Все ещё завтракали. Мы были одни.

Мысль вспыхнула мгновенно.

Вот он. Последний шанс. Сейчас она одна. Без Сильвариса. Без защиты. Один на один со мной. С монстром по имени Неймор Дракморн.

— Ты что, ослепла? — ядовито бросил я, прожигая её взглядом.

Она молчала. Тёрла руку, с трудом дыша от боли.

— Как можно было не заметить меня в таком большом коридоре? — я сделал паузу, растягивая слова. — Или ты специально меня караулила?

Я усмехнулся, позволив взгляду скользнуть по ней медленно и откровенно.

Она словно очнулась. Быстро собрала книги, сунула их в сумку и с усилием поднялась. Было видно — ей больно. Но она держалась. И больше не смотрела на меня.

Она попыталась пройти мимо, но я перегородил путь.

— Не спеши, — тихо сказал я.

— Прошу... оставь меня, — так же тихо ответила она и снова попыталась уйти.

Я шагнул ближе. Слишком близко. Между нами не осталось воздуха.

Её дыхание стало прерывистым, сбивчивым, грудь едва заметно поднималась и опускалась, я видел, как её слегка потряхивает, как она на секунду закрывает глаза, будто собирает

последние остатки сил, а потом медленно открывает их, и в этом простом движении было столько напряжения, что оно передавалось мне, проходило сквозь кожу, оседало где-то внутри.

Сейчас или никогда. Либо я заставляю её ненавидеть меня. Либо всё это не имело смысла.

Я наклонился к ней ещё ближе, настолько, что почувствовал запах её волос — знакомый, родной до боли, и на одно короткое мгновение мне стало тяжело дышать, но я тут же задавил это чувство, загнал глубже, туда, где уже не мог до него дотянуться.

Я чуть наклонил голову, почти коснувшись губами её уха, и прошептал:

— Соскучилась по моему члену?.. Можем поиграть... Я уже забыл, какая ты горячая... Только не обольщайся на этот раз.

Каждое слово приходилось буквально проталкивать сквозь боль, но я не остановился, не позволил себе ни замедлиться, ни смягчить тон.

Я сразу отстранился, отдернул себя от неё, не позволяя этой близости выдать меня, и посмотрел ей в лицо.

Она закрыла глаза и глубоко вдохнула. На мгновение её лицо дрогнуло, будто она из последних сил пыталась удержать себя в руках, а потом подняла на меня взгляд.

И тогда я увидел.

Не боль. Не растерянность. А злость. Чистую. Яркую. Острую, как лезвие.

Я никогда не видел её такой.

— Не смей... подходить ко мне, Дракморн, — сказала она. Голос был ровным, жёстким, чужим. Я впервые не узнавал Лану.

Я замер, на долю секунды сжавшись внутри, словно пропустил удар, и с трудом удержал эту чёртову маску на лице.

— Я ненавижу тебя, мерзкий ублюдок! — закричала она так громко, так резко, что я действительно отшатнулся.

Но она даже не обратила на это внимания. Поправила сумку.

Окинула меня взглядом — холодным, презрительным, именно таким, какого я добивался... и к которому всё равно оказался не готов.

И прошла мимо. Не оглядываясь. Для неё меня больше не существовало.

Я не сдвинулся с места.

Просто смотрел ей вслед. Она уходила всё дальше, и с каждым шагом становилось всё очевиднее — назад уже ничего не вернуть.

Потом она исчезла за углом. А я продолжал смотреть в пустой коридор.

В груди было странно тихо. Больно до чёрта, но всё равно легче, чем раньше.

Лана ненавидела меня. Наконец-то.

Я добился именно того, чего хотел. И почему-то это оказалось гораздо больше, чем я представлял.

Я медленно подошёл к стене и опёрся на неё. Сердце колотилось так сильно, что каждый удар отдавался в груди.

И всё же впервые за долгое время стало легче. Огромный груз наконец сдвинулся с места. Да, он всё ещё давил. Да, боль никуда не исчезла. Но теперь хотя бы всё было не зря.

Глава 20 Представление

Лана

Когда мы спустились вниз после посещения третьего этажа и моей панической атаки, проходя мимо бара, Неймор неожиданно остановился. Наклонился к бармену, что-то коротко сказал ему. Тот молча кивнул и принялся возиться за стойкой.

Я стояла рядом, кутаясь в мантию. На меня никто не обращал внимания — все были заняты девушками, работавшими в этом месте. Я чувствовала себя прозрачной.

Неймор протянул мне стакан.

— Выпей. Приди в себя.

В его руке был такой же.

Я сделала глоток через тонкую чёрную трубочку. Вкус оказался неожиданно приятным — сладким, фруктовым, с лёгкой горечью алкоголя. Сам Неймор повернулся к залу, где мужчины сидели среди диванов и столов, будто оценивая происходящее.

Я украдкой поглядывала в ту сторону, но мне было неловко задерживать взгляд.

Вдруг он ухмыльнулся.

— Мне нужно расслабиться. Жди меня здесь.

Не дожидаясь ответа, он шагнул в зал.

Я осталась стоять, ошарашенно глядя ему вслед.

Он подошёл к дивану в центре зала — прямо напротив меня. Поставил бокал на столик, быстро скинул мантию, сел посередине и широко расставил ноги.

Затем слегка склонил голову набок, не сводя с меня глаз.

Я не сразу поняла, что он собирается делать. Но через мгновение всё стало ясно.

С разных сторон к нему уже спешили девушки. Они шли слишком быстро — почти бежали, словно наперегонки. Спотыкаясь, торопясь, каждая старалась оказаться первой.

Я не могла оторваться от происходящего. Всё это время Неймор наблюдал за мной. И была уверена — он видел моё замешательство и шок.

Когда девушки приблизились, они заулыбались — слишком широко, слишком одинаково. Я видела, как блестят их зубы.

Лишь тогда его внимание переключилось на девушек. Он внимательно оглядел каждую по очереди, затем поднял руку и указал на двоих из них.

Они остались. Остальные разошлись, недовольно морщась и скреживая руки. В их лицах читались раздражение, зависть, злость. Я не сразу поняла, чем именно они были недовольны, — и от этого тревога лишь усилилась.

Две девушки сразу опустились перед ним на колени и принялись расстёгивать его ремень и брюки. Они улыбались, извивались, старались привлечь его внимание, бросали томные взгляды, а я не понимала, что чувствую.

В груди разлилось неприятное, давящее чувство. Я наблюдала, как они ласкают его, пытаются угодить, как он отвечает им лёгкой улыбкой и явно наслаждается происходящим. Теперь всё его внимание принадлежало им. Ни разу он даже не взглянул в мою сторону. И почему-то именно это ранило сильнее всего.

Я поймала себя на мысли, что на них он смотрит почти так же, как когда-то смотрел на меня, когда был возбуждён. От этой мысли стало горько.

Чем я вообще отличаюсь от них? Они делают это добровольно. Улыбаются, заигрывают, сами ищут его внимания. А меня никто не спрашивает, чего хочу я.

Мне стало невыносимо одиноко.

Я вспомнила колледж. Вспомнила, как Неймор говорил, что любит меня, как верила каждому его слову и была тогда счастлива. Теперь всё это казалось злой насмешкой.

Просто обманывала себя. Принимала желаемое за действительное. Видела любовь там, где её никогда не было. Неймору была нужна не я. Ему нравилось чувствовать власть надо мной, знать, что я принадлежу ему, что он может получить всё, что захочет, стоит лишь помахать пальцем.

И это представление словно специально показывало мне моё место.

Посмотри, Лана. Посмотри, сколько девушек готовы бежать к нему сами. Посмотри, насколько легко они делают то, чему ты до сих пор сопротивляешься.

И чем дольше я смотрела на них, тем сильнее убеждалась: именно это он и пытается мне сказать.

Пусть он уже закончит — и мы уйдём отсюда.

Я заставила себя отвернуться и больше не смотреть. Нервно крутила трубочку в стакане, пытаюсь хоть немного отвлечься от происходящего.

Не сразу заметила, что кто-то остановился рядом.

— И кто это у нас? Новенькая? — раздался знакомый, до боли неприятный голос.

Я повернула голову. Передо мной стоял невысокий молодой парень. Тёмные брюки, рубашка, такая же мантия и золотая маска. Он внимательно, оценивающе изучал меня. Эта манера рассматривать людей казалась мучительно знакомой.

Я пыталась вспомнить, где уже его видела, но память упрямо молчала.

— Что ты молчишь? — спросил он, без стеснения рассматривая меня.

И вдруг всё всплыло в памяти.

Столовая. Колледж. Смех за длинным столом.

— Мориган... — тихо сказала я. — Ты не узнаёшь меня? Я Лана... Мы учились вместе. Я дружила с Томасом...

— Лана? — Он прищурился. — Да... Помню. Не ожидал встретить тебя здесь.

Я тоже не ожидала встретить его. Знала, что он перешёл на сторону Фодеса — Неймор как-то упоминал об этом за завтраком. Но увидеть Моригана здесь... оказалось совсем другим.

— Рада, что ты жив, Мориган, — прошептала я.

Продолжать разговор не хотелось. Мне было не по себе. Я надеялась, что он уйдёт, но Мориган остался.

— Раз ты теперь работаешь здесь, — сказал он с ухмылкой, оглядев меня с ног до головы, — думаю, не откажешься немного меня развлечь. — Он облизнул губы.

У меня перехватило дыхание. Несколько секунд я просто смотрела на него, не в силах ответить.

— Мориган, мы ведь общались, ты был другом Томаса... — начала я, приходя в себя, но голос предательски дрогнул.

— Как видишь, многое изменилось... Жизнь расставила нас по своим местам. Теперь я в армии Фодеса, а ты... просто шлюха в борделе.

Он откровенно раздевал меня глазами, и на губах появилась мерзкая ухмылка.

— Так что я могу развлечься с тобой, даже если ты будешь против.

От этого у меня по коже пробежал холодок. В глазах не осталось ничего от человека, которого я когда-то знала. Только грязное, хищное любопытство. Казалось, он уже представлял, что сделает со мной.

Я невольно глянула в сторону Неймора, но он был занят девушками и даже не смотрел сюда.

Отлично. Защищать себя придётся самой.

— Я не работаю здесь, Мориган, — твёрдо сказала я.

Голос всё же дрогнул, но я изо всех сил старалась этого не показать.

В горле снова поднялся ком. Я посмотрела на него ещё раз. Улыбка становилась всё шире по мере того, как он медленно сокращал расстояние между нами, наслаждаясь каждым шагом.

— А что ты тогда здесь делаешь? — усмехнулся он. — Не рассказывай мне сказки, Лана. Такие девушки в подобных местах случайно не оказываются.

— Я трофеем Неймора Дракморна, — выдавила я сквозь зубы. — Не смей ко мне приближаться.

Эти слова дались с трудом. Я не верила, что они его остановят, но всё равно цеплялась за них как за последнюю защиту.

— Ах да... — протянул он. — Так это тебя он попросил у повелителя.

Его взгляд скользнул по моему лицу. Моя растерянность явно пришлась ему по вкусу.

— Теперь понимаю почему.

С каждым его словом я чувствовала себя всё грязнее.

— Теперь я хочу тебя ещё больше, Лана.

Он быстро огляделся по сторонам, проверяя, кто может ему помешать.

— Тебя многие хотели. И хотят до сих пор. Я всегда удивлялся, чем ты так цепляла самых сильных и популярных парней колледжа.

Он покосился на Неймора, затем снова сосредоточился на мне. На губах появилась та же отвратительная улыбка.

— Вижу, он занят. И ты ему не нужна. Думаю, он не будет против, если я ненадолго... позаимствую его трофей.

И потянулся ко мне.

Я отступила, но дальше было некуда. Спина упёрлась в белую колонну. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно всем. Меня затрясло. Я уже готовилась закричать, ударить его... или сделать всё сразу.

И в этот момент, когда он оказался совсем рядом, раздался щелчок.

Я резко повернула голову на звук.

Неймор по-прежнему сидел на диване. Одна рука небрежно лежала на спинке, другая ещё не успела опуститься после щелчка пальцами.

Он даже не выглядел раздражённым. Просто наблюдал. Будто всё происходящее было именно таким, как он и ожидал.

Затем что-то коротко сказал девушкам, и те сразу поднялись и отошли в сторону.

Через несколько секунд к нам подошёл мужчина в маске. Наклонился к Моригану и что-то тихо произнёс ему на ухо.

Я не расслышала ни слова. Но увидела, как лицо Моригана мгновенно изменилось. Самодовольная ухмылка исчезла, уступив место раздражению и плохо скрываемой злости. Он бросил взгляд на Неймора и сжал челюсть так сильно, что на скулах заходили желваки.

И тогда до меня дошло.

Меня спас один монстр... от другого.

Облегчение вырвалось вместе с тяжёлым выдохом. Я снова посмотрела на Неймора. Он всё ещё сидел на диване, пристально глядя на меня и не скрывая возбуждения.

И тогда я поняла, что он пытался мне показать.

Вот каким стал этот мир.

Мир, в котором у меня больше нет права даже на собственное тело. Где помощи ждать неоткуда. Где даже те, кто когда-то улыбался мне, теперь готовы растерзать, и им всё равно, что я буду чувствовать.

Для них я всего лишь вещь. Добыча. Потому что когда-то Томас и Неймор проявили ко мне интерес. И пока я принадлежу одному — Неймору Дракморну, — остальные не посмеют ко мне прикоснуться.

Вот о каком выборе он говорил. Выборе, где приходится выбирать меньшее зло.

И я его сделала.

Страх всё ещё сжимал горло, а чувство унижения становилось невыносимым. Хотелось провалиться сквозь землю. Но я заставила себя сделать шаг.

Я чувствовала на себе взгляды других мужчин. Но выбор уже был сделан. Я шла прямо к Неймору. И в этот момент была готова. По-настоящему.

Он не сводил с меня глаз. Смотрел снизу-вверх с тяжёлой, откровенной жадой, от которой по телу пробегала дрожь.

Я села на него сверху и тут же уперлась в его возбуждённый твердый член. Заглянула ему в глаза и ощутила, как его руки ложатся мне на талию, уверенно, тепло, будто он и не сомневался, что я всё равно подойду.

Я чувствовала его желание слишком ясно, и по коже пробегала нервная дрожь. Осторожно двинувшись, я прижалась к нему сильнее, и он тихо выдохнул, почти со стоном, от которого по моей коже прошла горячая волна. Его ладони скользнули ниже, чуть приподнимая ткань мантии, но я сразу остановила его руку.

— Они смотрят на нас... — шепнула я, чувствуя, как от чужих глаз мне становится не по себе.

Он замер, на секунду огляделся по сторонам, тяжело вздохнул, а потом снова посмотрел на меня тем же потемневшим взглядом.

— Пусть смотрят... — так же тихо ответил он. Эти слова прозвучали спокойно, но так твёрдо, что спорить с ними было невозможно. — Они должны знать, кому ты принадлежишь. Тогда никто из них не посмеет к тебе прикоснуться.

После этого его движения стали осторожнее, стараясь не открывать меня перед остальными больше, чем нужно. Его рука скользнула между моих ног, и он сдвинул мои трусы в сторону. Мне нечего было ему сказать, я только кивнула и тут же почувствовала, как он входит в меня.

Я выдохнула и встретила с ним глазами. Лицо оставалось напряжённым, а его внимание снова и снова притягивали мои губы. Руки крепко держали меня, не позволяя отстраниться. Он обхватил меня за бедра под мантией и начал двигаться внутри меня, а я стала отвечать ему в такт его движений.

Всё происходило слишком открыто, слишком на виду, и от этого во мне смешивались стыд, жар и желание, чтобы всё поскорее закончилось. Мне было не по себе под десятками чужих глаз. Я видела, как мужчины откровенно пялились на нас, даже не пытаясь этого скрыть... Будто мы показывали представление на сцене, и от этого становилось ужасно мерзко.

Мне хотелось ухватиться за него, но я не позволила себе этого и вместо этого вцепилась в спинку дивана, пока он всё сильнее и быстрее двигался. Его дыхание становилось тяжелее, и я понимала, что долго это не продлится.

Еще пару толчков и Неймор прижался лицом в мое плечо, пряча стон.

Я чувствовала, как его член пульсирует внутри и была так рада тому, что это произошло так быстро, и те девушки достаточно сильно возбудили его.

Когда всё закончилось, Неймор чуть отстранился, приподнял меня и вышел, я сразу ощутила, как горячая жидкость вытекает по моему бедру, прямо на него. К лицу тут же подступил жар от стыда, и он, заметив это, одним коротким движением магии убрал с меня последние следы произошедшего.

— Всё. Слезай, — приказал он.

Я тут же подчинилась. Поправила мантию, опустила голову. Я больше не смотрела по сторонам — лишь пыталась спрятаться в ткани, исчезнуть из этих глаз.

Он застегнул одежду, поднялся и подошёл ко мне. Наклонился к уху.

— Теперь мы уходим, — коротко сказал Неймор и направился к выходу.

Я пошла за ним, опустив голову. Мне было стыдно. Неловко. Пусто. Но теперь я знала одно — я под защитой Неймора. И пусть цена этой защиты была страшной, я была в безопас-

ности. Мне отчаянно хотелось вернуться в его замок. Спрятаться за его стенами и больше никогда не покидать их.

Но судьба распорядилась иначе.

Почти у самого выхода, я услышала голос.

Голос того, кто убил моего друга.

Голос Фодеса.

— Неймор... — окликнул он его так спокойно, словно заранее знал, что встретит нас именно здесь.

Неймор тут же остановился. Глубоко вдохнул, собираясь с силами, и медленно развернулся. Я сразу встала за его спиной, опустив голову и прячась в тени его фигуры, надеясь, что он меня не заметит. В груди стало холодно. Я уже не верила, что выберусь из этого проклятого, адского борделя.

— Господин... не ожидал вас здесь увидеть, — его голос был ровным, спокойным, слишком спокойным.

Фодес подошёл ближе. Развёл руки в стороны, приветствуя его с показным радушием, и улыбнулся — широко, почти добродушно. Эта улыбка выглядела страшнее любого оскала.

— Старику тоже иногда нужно расслабляться. Тем более после недельного отсутствия. Я как раз вернулся сегодня, — произнёс он, остановившись рядом и легко коснувшись плеча Неймора, как старого приятеля.

Я украдкой поглядывала на него из-под капюшона. Одного его присутствия хватало, чтобы меня сковал страх.

— Понимаю... Желаю вам хорошо провести время, — Неймор склонил голову ещё ниже. — С вашего позволения, мы пойдём.

Я чувствовала его напряжение. Оно читалось в дыхании, в каждом движении, в неестественно прямой спине.

— Неймор... не спеши, — голос Фодеса стал тягучим, приторным и от этого ещё более пугающим.

— Вижу, ты привёл свой трофей в бордель... решил похвастаться? — В его голосе звучала тихая, но острая насмешка.

Неймор поднял голову и встретил его взгляд.

— Да, господин. Хотел, чтобы все знали, как вы великодушны и признательны... и что я ценю ваш подарок.

Он не отводил глаз. Лицо оставалось неподвижным, лишь губы едва заметно сжались.

Фодес внимательно всматривался в него, явно выискивая что-то конкретное. Несколько долгих секунд они молча смотрели друг другу в глаза, и вокруг повисла тяжёлая, давящая тишина. Даже воздух стал плотнее.

Мне стало не по себе от этого напряжения. Лишь спустя несколько секунд я поняла — он читает его мысли.

Потом Фодес улыбнулся. Медленно. Той самой слащавой, пугающей улыбкой.

Значит, снова увидел именно то, что хотел.

Эта мысль ударила особенно больно. Будто мне в очередной раз напомнили, кем Неймор на самом деле меня считает.

— Да, Неймор... Все видели, как ты ценишь мой подарок. Даже я немного понаблюдаю за вами... — Он выдержал короткую паузу, явно наслаждаясь каждым словом.

— Но мне очень хотелось бы услышать мнение твоего трофея.

Я вздрогнула и тут же сжалась. Страх холодной волной прокатился по телу.

Что ему от меня нужно? Он ползет в мои мысли?

Я вспомнила Томаса и то, как он читал мои мысли. Это было странно. Он видел лишь то, о чём я думала в тот момент, и лишь с моего разрешения. Но его отец был Хранителем силы. По словам Томаса, она позволяла заглянуть куда глубже — увидеть всё, что скрыто в голове. Даже то, что человек прячет сам от себя. Почувствовать его эмоции.

А если он увидит моё прошлое с Неймором?

Наверное, он уже всё знает. Наверное, видел это в мыслях Неймора. Но для Неймора всё было лишь игрой... Для меня — настоящими чувствами. Ему это не понравится. И я не знала, что тогда он сделает со мной.

Захотелось заплакать. Я стиснула кулаки и до боли прикусила губу, пытаюсь сдержаться.

Не хочу, чтобы он увидел всё это. Хочу только одного — чтобы он знал: я ненавижу его. Ненавижу Неймора. Что моя жизнь превратилась в ад.

Я была уверена: именно это он и хотел увидеть.

Неймор молчал. Я не видела, куда он смотрит, потому что сама больше не поднимала глаз. Смотрела в пол, изо всех сил пытаюсь собраться, спрятать свои мысли, утопить их как можно глубже, туда, куда не сможет добраться даже телепат.

Я запирала всё прошлое в огромный сундук, с грохотом захлопывала крышку и одну за другой вешала тяжёлые цепи и замки, лишь бы ничто не вырвалось наружу.

Я заставляла себя думать об одном. О боли. О том, как Неймор причинял её мне. О том, как мне было плохо, как это ломало меня.

И вдруг он шагнул в сторону, освобождая пространство между мной и Фодесом. Короткое, едва незаметное прикосновение к спине — и он слегка подтолкнул меня вперёд, вынуждая сделать шаг. Ноги задрожали, волна ужаса прокатилась от макушки до самых пяток, но я удержалась. Всё же шагнула.

— Лана... — медленно произнёс Фодес моё имя, пробуя его на вкус.

Мне казалось, что все мое тело сжалось, стало меньше.

— Скажи мне... — продолжил он тем же мягким тоном. — Тебе нравится жить в доме Неймора?

Я не сомневалась: сейчас он улыбается.

С трудом заставив себя заговорить, я тихо ответила: — Да.

— Он добр к тебе?

— Да, — ответила я, едва слышно.

— Ты благодарна ему за то, что он заботится о тебе? — теперь в его голосе появилась твёрдость. Словно от моего ответа что-то зависело.

— Да... я благодарна ему, — сказала я, стараясь, чтобы голос не выдал меня.

Я чувствовала, как напряжение нарастает, как оно сжимает грудь, не давая дышать, и понимала, что этим всё не закончится. И я прекрасно знала, что под его «заботой» он имеет в виду совсем другое.

— Знаешь, что хорошо, Неймор? — вдруг с ухмылкой сказал Фодес, повернув голову в его сторону.

— Когда читаешь мысли жертв, ты почти не слышишь криков. С трудом понимаешь, о чём они думают. Но боль... — он сделал паузу, смакуя слово. — Боль запоминается.

Его голос стал неприятным — таким, каким говорят о том, чего ждут с нетерпением.

— Она отражается в сознании. Её можно ощутить. Почувствовать. Такую боль невозможно придумать. Её можно только пережить.

От его слов меня охватил настоящий ужас. Я не понимала, о чём он говорит, но знала одно — мне нужно почувствовать боль. Настоящую. Тогда этот ублюдок не сможет прочитать мои мысли.

Я закрыла глаза, пытаюсь вспомнить день, когда Неймор насиловал меня.

Но ничего. Та боль осталась где-то далеко. Приглушённая. Почти недостижимая.

И тогда память сама подбросила другое.
Тот вечер. Когда Неймор бросил меня.
В груди резко сжалось. Острая боль обожгла под рёбрами. Стало нечем дышать. Воздух исчез.

Я снова слышала его голос.

«Ты не нужна мне. Я наигрался с тобой».

Эти слова эхом разносились в голове, не давая вырваться. Они причиняли боль сильнее всего, что случилось потом. Жгучую. Настоящую. Таковую, от которой хотелось вырвать сердце, лишь бы больше ничего не чувствовать.

Мои губы затряслись.

Вот она. Та самая боль.

Теперь оставалось удержать её... и не позволить всплыть ничему другому.

— Дорогая... — его голос прорезал пространство, заставляя меня вздрогнуть.

— Подними голову и посмотри мне в глаза.

Я сжала кулаки, собрала остатки воли, сделала вдох... выдох... и подняла взгляд.

Наши глаза встретились, и в ту же секунду я почувствовала, как он вторгается в моё сознание.

Это было похоже на пытку.

Меня разрывали изнутри. Что-то холодное и вязкое проникало в глаза, уши, под кожу, просачивалось всё глубже, заполняя каждую мысль, не оставляя ни воздуха, ни возможности сопротивляться. Десятки невидимых рук тянулись ко мне, хватали, сжимали, тянули в разные стороны. Я чувствовала: ещё немного — и просто рухну

Но я держалась. Цеплялась за ту самую боль, которую причинил мне Неймор. Она чёрным дымом расплзалась внутри, заполняя каждую клетку моего тела. Я не позволяла себе думать ни о чём другом.

Я снова слышала его голос.

«Я никогда тебя не любил»

Эти слова вновь разрушали меня изнутри.

Я направляла этот чёрный дым прямо в Фодеса. В этого психа. *Пусть чувствует. Пусть видит. Пусть захлебнётся ею.*

Сквозь мутную пелену я заметила, как его зрачки расширились. Ему это нравилось. Он буквально впитывал мои чувства, а губы всё сильнее растягивались в мерзкой улыбке.

И вдруг он моргнул. И вышел из моего сознания.

Всё оборвалось так внезапно, что меня отбросило назад. По телу прокатилась тяжёлая волна, ноги подкосились, и я едва не потеряла сознание. Но упасть я не успела. Неймор поймал меня за предплечье. Я качнулась, удержалась на ногах и машинально спряталась за его спиной. Только рядом с ним я всё ещё чувствовала себя хоть немного в безопасности.

— Неймор... ты не перестаёшь меня удивлять... — голос Фодеса звучал с неподдельным восторгом, безумная улыбка не сходила с его лица.

Он смотрел на Неймора пристально, не моргая, и тот выдерживал этот взгляд так же спокойно.

— Как много страданий ты причинил этой девчонке... — медленно произнёс он. — Я поражён.

В его голосе звучало искреннее восхищение.

— А всё потому, что она влюблена в тебя... — его глаза сверкнули. — Ты знал об этом, Неймор?

Он ответил не сразу. Его лицо на мгновение дрогнуло — так быстро, что я едва успела это заметить.

— Да, господин. Я знал, — тихо и ровно ответил Неймор.

И всё же в том, как он это произнёс, было что-то странное. Может, мне просто почудилось.

Фодес чуть склонил голову, продолжая внимательно смотреть на него.

— Её мысли... — он ненадолго замолчал, возвращаясь к увиденному. — Они слишком хаотичны...

В его голосе мелькнула лёгкая досада, быстро сменившаяся интересом.

— Но боль и любовь... у них слишком яркий след, — продолжил он уже совсем другим тоном.

Он шагнул ближе и посмотрел на Неймора с явным одобрением.

— Раньше я не встречал подобного... — произнёс он, и теперь в его голосе звучало неприкрытое, жадное восхищение.

Он положил руки ему на плечи.

— Я горжусь тобой, сынок...

В этих словах уже не было сомнений — только удовлетворение.

Неймор тут же склонил голову перед ним.

А я едва держалась на ногах. Всё тело ломило, словно из меня вытянули все силы. Ноги подкашивались, я в любой момент могла упасть. Но всё ещё держалась, пытаюсь прийти в себя.

Я показала ему то, что он хотел. И я была рада.

Теперь он отстанет. Теперь я больше не буду ему интересна.

Я цеплялась за эту мысль, как за спасение, надеясь, что сейчас он отпустит нас и мы сможем уйти.

Но, похоже, этого оказалось недостаточно.

Фодес отпустил Неймора и сделал шаг назад.

— Ещё кое-что... — произнёс Фодес, растягивая слова. — И вы сможете идти.

Он поднял руку и махнул в сторону, будто отдавал самый обычный приказ.

Сбоку раздался шаг.

Я обернулась. Двое мужчин в чёрных плащах вывели Мorigана, держа его под руки. Лицо было разбито, всё в крови, губы рассечены, один глаз почти заплыл. Его уже били. И сильно.

От этого зрелища у меня задрожали руки. Я и так едва держалась на ногах, но теперь к горлу подступила тошнота. Дышать стало ещё труднее, и, сама того не осознавая, я шагнула ближе к Неймору, почти касаясь его плечом. Он лишь едва повернул голову. Но не отстранился.

Фодес уже полностью переключился на Мorigана.

Его поставили перед нами и отпустили. Он остался стоять, опустив голову. Его шатало так сильно, что он вот-вот должен был рухнуть. Плечи подрагивали — то ли от тихих стонов, то ли от попыток сдержать рыдания.

Фодес медленно подошёл к нему.

— Мorigан... — в его голосе прозвучало такое разочарование, что на мгновение можно было поверить в его искренность. — Я крайне разочарован в тебе.

Мorigан вздрогнул всем телом.

— Как ты посмел посягнуть на мой подарок Неймору?

— П-прошу прощения, господин... — его голос дрожал, он даже не пытался поднять взгляд. — Я... я не подумал... я решил, что он будет не против...

— Не против? — голос Фодеса стал тихим, но даже так слышались дьявольские ноты. — Не против дать попользоваться своей собственностью?

По залу прокатилась едва уловимая волна. Я не увидела её, но почувствовала кожей — по рукам побежал холод, а волосы на затылке встали дыбом.

— Ты решил, что мой подарок — дешёвая игрушка? — он чуть наклонил голову. — А не ценный трофей?

Он смотрел на него так, словно перед ним стоял не живой человек, а сломанный механизм, который всё ещё вызывал интерес.

Рядом напрягся Неймор. Челюсть у него была сжата, дыхание стало тяжелее, но он не вмешивался.

— Нет... господин... я не так... — Мориган почти задышался. — Простите...

Фодес вдруг поднял голову и усмехнулся.

— Ты должен извиняться перед Неймором. Именно на его собственность ты посягнул.

Мориган тут же повернулся к Неймору и начал сбивчиво умолять:

— Простите, господин... Я ошибся... Я больше никогда...

Фодес сделал шаг в сторону, отступая от Моригана. И это было сделано не просто так.

Он наклонил голову и выжидающе посмотрел на Неймора.

— Решишь его судьбу?

Неймор не медлил. Без единого колебания он поднял руку и направил её к Моригану.

Магия откликнулась мгновенно. Из его ладони вырвалась тёмная магическая волна и рванулась вперёд, обвивая шею Моригана. Она сжималась всё сильнее, не оставляя ему ни единого шанса вырваться.

— Нет, умоляю, не надо! Прости меня! — голос Моригана сорвался, отчаяние звучало в каждом слове.

Но Неймор его не слушал.

Он лишь сильнее напряг руку, усиливая давление. Тьма сжалась плотнее. Свечение стало ярче, всё быстрее закручиваясь вокруг его шеи.

Мориган схватился за горло и захрипел. Его грудь судорожно вздымалась, но каждый вдох обрывался, так и не наполнив лёгкие.

В тот же момент Неймор сжал кулак. Секунда — и шея Моригана свернулась в сторону, и он рухнул на пол. И больше не двигался.

Неймор убил его.

Я закрыла рот рукой. Не могла дышать. Не могла пошевелиться. Не могла собрать ни одной мысли. Просто стояла и смотрела на мёртвое тело Моригана.

Мир вокруг исчез. Звуки погасли, будто кто-то одним движением оборвал их все. Вокруг осталась только вязкая, давящая тишина, сквозь которую до меня доносился голос Фодеса. Он что-то говорил Неймору, хвалил его. Неймор отвечал, но смысл их слов больше не доходил до меня.

В какой-то момент меня схватили за предплечье и повели к выходу. Я послушно шла следом, не замечая дороги. Взгляд всё ещё цеплялся за тело на полу, словно кроме него больше ничего не существовало.

Когда мы вышли наружу, мир дёрнулся. Толчок телепортации выбил воздух из лёгких, всё вокруг закружилось, а навалившаяся тяжесть оказалась такой сильной, что я поняла — больше не удержусь на ногах.

Я начала оседать, но Неймор успел подхватить меня на руки. Сквозь дурноту почувствовала его дыхание у своей щеки.

Ещё один рывок телепортации. Потом ещё один.

Желудок резко свело. Горло обожгло подступившей тошнотой.

— Отпусти... меня сейчас стошнит, — с трудом прошептала я, пытаюсь вырваться.

Он сразу поставил меня на ноги, но они тут же подкосились. Он тут же усадил меня на что-то твердое. И меня вырвало прямо перед собой.

Я закашлялась, судорожно хватая ртом воздух. Холодные пальцы осторожно убрали волосы с моего лица. Всё вокруг расплывалось, переставало существовать.

Когда приступ наконец отпустил, я так и осталась сидеть, согнувшись и обхватив себя руками, пытаюсь прийти в себя.

Но не получалось.

Слёзы сами покатались по щекам. Тело дрожало всё сильнее. Уже не от пережитого страха.

От осознания.

Неймор убил Моригана. Прямо у меня на глазах.

Постепенно мир перестал кружиться. Я наконец смогла оглядеться и поняла, что мы сидим на лавочке в саду дома Неймора. В воздухе витал аромат роз — обычно тёплый и успокаивающий. Теперь же от него к горлу снова подкатывала тошнота.

— Зачем?.. — начала я.

Голос сорвался.

— Зачем ты убил его? — повторила уже громче, поворачиваясь к нему.

Неймор сидел рядом. Внешне спокойный. Только плотно сжатые челюсти да застывший взгляд выдавали, чего ему стоило это спокойствие.

— У меня не было выбора, — тихо ответил он.

— Он сказал решить его судьбу, а не убить! — выкрикнула я, резко выпрямившись.

Голова тут же закружилась, мир поплыл перед глазами. Меня качнуло в сторону. Я попыталась ухватиться за край лавки, но промахнулась.

В следующее мгновение Неймор поймал меня за плечи, удержал и заставил посмотреть ему в глаза.

— Этого он и хотел, — процедил он. Взгляд стал тяжёлым. — Я должен был убить его.

— Ты мог пощадить его... — вывалось у меня.

Слова прозвучали глупо. Я и сама это понимала. Он не мог. Не мог позволить себе слабость перед Фодесом.

— Я сделал то, что должен был, — жёстко сказал он. — Прими это и успокойся. Он не имел права трогать тебя.

Он всё ещё держал меня за плечи. Говорил ровно, холодно. Но я видела — его лицо едва заметно дрогнуло, будто эта ровность давалась ему с усилием.

А я... больше не могла себя сдерживать.

— Это из-за меня... — прошептала я. — Тебе пришлось убить его... из-за меня...

Я опустила голову и разрыдалась. Слёзы застилали глаза, и я больше не видела ничего вокруг.

Он молча притянул меня к себе. Осторожно обнял, медленно провёл ладонью по спине, боясь сделать ещё больше.

Я плакала так же отчаянно, как в тот день, когда убили Томаса. Была уверена — всё произошло из-за меня. Дышать становилось всё труднее, тело дрожало. Пальцы так сильно сжимали ткань его пиджака, что побелели костяшки.

— Ты не виновата, Лана... — тихо сказал он, проводя рукой по моим волосам. — Он проявил неуважение. Я убил его. Я. Не ты.

Я сильнее прижалась к нему. Мир вокруг окончательно сгнил. Хотелось одного — запереться в своей комнате и больше никогда не выходить.

— Успокойся... — почти шёпотом продолжил он. — Не плачь из-за него. Он знал правила. Знал, что трофеем распоряжается только хозяин. Решил, что ему всё позволено.

Он ненадолго замолчал.

— Я видел, что он делал, Лана... Он убивал. Насиловал. И ему это нравилось.

Я крепче сжала его пиджак.

— Ты делал то же самое, Неймор...

— Нет.

Он ответил сразу.

— Я никогда не получал от этого удовольствия.

Я слышала, как быстро билось его сердце. Он прижал меня ещё крепче и коснулся губами моей макушки. От этого прикосновения стало чуть теплее. Его объятия ненадолго укрыли меня от ледяного ветра, который всё это время рвал меня на части.

И я верила ему. Перед глазами вновь возник Мorigан, тянувшийся ко мне. Вспомнились глаза Фодеса. То, с каким удовольствием они наслаждались чужим страхом.

И никогда не видела этого в глазах Неймора.

Даже тогда.

Даже когда он насиловал меня.

Этого в нём не было.

— Зачем?.. — шёпотом спросила я. — Зачем тогда ты всё это делал?..

Слёзы всё ещё текли, но голос уже не дрожал так сильно.

— В этом мире, чтобы выжить, приходится быть жестоким, Лана, — тихо ответил он. — Причинять боль. Играть по новым правилам. За любую слабость здесь платят сразу.

— Значит... ты делал это, чтобы сохранить жизнь?..

Он ответил не сразу.

— Да...

Почти неслышно.

— Сохранить одну очень важную для меня жизнь...

Последние слова прозвучали совсем тихо.

Я немного отстранилась и посмотрела ему в глаза. В них была печаль. Глубокая, тяжёлая, которую невозможно спрятать.

Он смотрел так, будто хотел сказать гораздо больше, чем мог себе позволить. Продолжал молча обнимать меня, поглаживая по спине. И впервые я увидела в его глазах ту же боль, что жила во мне.

На одно короткое мгновение я действительно ощутила её. Она смешивалась с моей болью, делая её ещё тяжелее.

Впервые мне стало жаль его.

Я крепче обняла Неймора, уткнулась лбом ему в грудь и закрыла глаза.

Он тяжело выдохнул, обнимая меня ещё сильнее. Потом едва ощутимо коснулся губами моих волос.

Сердце под моей щекой билось быстро. Слишком быстро. Я слушала его и вдруг с пугающей ясностью поняла:

У чудовищ тоже есть сердце.

Я не знала, как долго мы так просидели.

К этому моменту я уже пришла в себя. Мир больше не кружился, но слабость всё ещё держалась в теле. Я чуть отстранилась и огляделась. Было темно. Пространство освещали лишь фонари у замка и редкий свет из окон. Я глубоко вдохнула прохладный воздух, пропитанный ароматом роз.

Неймор всё ещё обнимал меня. И как только я это осознала, всё внутри резко сдвинулось.

Чувства обрушились разом — страх, грусть, стыд. Всё смешалось, переплелось, не давая за что-то ухватиться. И вместе с этим — как удар — всплыли слова Фодеса.

Что я люблю Неймора.

Эта мысль зацепилась во мне, заставила задуматься. Я могла понимать смысл поступков Неймора, могла видеть, почему ему приходится быть жестоким, почему он убивает, — но это не отменяло того, что он унижал меня, причинял боль, издевался.

Я поспешно отстранилась от него и уставилась в темноту.

Мне вдруг стало мучительно неловко. Я позволила себе лишнее. Вцепилась в него так крепко, будто имела на это право. А ведь он не разрешал мне прикасаться к нему. А я прижималась, как глупая, забыв обо всём.

— Прости... — прошептала я.

Боль отразилась на моём лице, и я не смогла её скрыть.

— За что? — спросил он.

— За то, что вжималась в тебя, — ответила я, обхватывая себя за плечи. — Тебе это не нравится. Я знаю.

Мне стало особенно тяжело от мысли, что я возможно всё ещё люблю его.

— Лана... — начал он.

Но я перебила его. Я боялась, что он усмехнётся. Что посмеётся над моей слабостью. Хотела как можно быстрее поставить точку и вернуться в свою комнату.

— Неймор, всё не важно, — сказала я. — Давай вернемся в замок... у меня совсем нет сил.

Он молчал. А потом вдруг спросил:

— Это правда то, что он сказал?

Я продолжала смотреть в пустоту.

— Ты до сих пор любишь меня? — спросил он ровно, но я уловила в его голосе лёгкую дрожь.

— Нет... — тихо ответила я. — Я не люблю тебя.

Это было неправдой. Или правдой. Я сама не знала ответа.

— Тогда что он увидел? — он взял меня за подбородок и повернул к себе, заставляя смотреть в глаза. — Почему он увидел любовь и боль одновременно?

Он нахмурился.

— Тебе нравится, как я насилую тебя?

— Нет, — быстро ответила я и тут же отвернулась. Почему-то стало стыдно. — Мне не нравится. Он увидел старые чувства. Из прошлого.

— Это невозможно. Это было давно. Он не мог их почувствовать. Тем более если ты думала о насилии... Ты ведь думала об этом?

— Нет... Он сказал, что при сильной боли мысли становятся хаотичными. Но когда я вспоминала насилие... я не чувствовала той боли, которая была ему нужна. Я не хотела, чтобы он прочитал мои мысли... поэтому вспомнила другое.

Я опустила взгляд.

— День, когда ты бросил меня.

Он уставился на меня так, словно не мог поверить в услышанное.

— Ты вспоминала тот день?.. — переспросил он. — Лана... Ты совсем с ума сошла?

— Он сказал, что хочет увидеть боль... — растерянно ответила я. — И увидел. Разве ни это ему было нужно?

— Нет! — перебил он. — Не такую!

Он провёл рукой по лицу и раздражённо выдохнул.

— Если бы ты думала о насилии, он почувствовал бы только боль. Но ты думала о расставании. Это другое. Он должен был увидеть, почему тебе настолько больно.

Я всплеснула руками.

— Прости, но я не очень разбираюсь, как работает сила этого психа! Может, стоило рассказать мне об этом заранее, чтобы я была готова, а не бросать меня на растерзание?!

— Если бы я знал, что он окажется в борделе, я бы никогда не привёл тебя туда!

Я тяжело выдохнула.

— Почему ты вообще переживаешь? Он столько раз читал твои мысли. Если бы увидел это, ничего бы не изменилось. Он и так давно должен всё знать.

— В том-то и дело... Этого он не знает. — тихо сказал Неймор.

Я непонимающе посмотрела на него.

— Что?

— Он не знает о нашем прошлом.

Он поднялся и начал ходить из стороны в сторону, сжимая и разжимая пальцы.

Я молча наблюдала за ним, всё сильнее запутываясь.

Если Фодес столько раз читал его мысли... почему до сих пор не знает о нас? Как это вообще возможно?

— Но почему? — тихо спросила я. — Он ведь не впервые заглядывал в твоё сознание. Почему тогда не увидел этого?..

Неймор покачал головой.

— Не знаю. Значит, у его силы есть ограничения. Может, дело в том, что я из древнего рода. Может, в моей магии. Неважно.

Он остановился и посмотрел на меня.

— Важно другое.

Он сделал паузу.

— Почему он не смог прочитать тебя?

Я растерянно смотрела на него.

— Ты лишена магии. Ты никогда не обладала значительной силой. И всё же ты смогла закрыться от него.

Он снова начал ходить, размышляя вслух.

Я вжалась в лавочку. С каждой секундой становилось всё тревожнее. Я не понимала, что произошло и почему всё пошло не так.

Он заметил это и остановился.

Его глаза медленно скользнули по моему лицу, ниже — к рукам — и замерли на кольце Томаса.

Меня передёрнуло. Я сразу накрыла кольцо ладонью, крепко сжав пальцы. Это вышло само собой, прежде чем я успела подумать.

Он резко вскинул голову и внимательно всмотрелся мне в глаза, слегка прищурившись.

— Я... просто очень испугалась, — поспешно сказала я, чувствуя, как предательски дрожат губы. — Когда он полез в мою голову... это было похоже на насилие.

Я судорожно сглотнула.

— Меня разрывало изнутри. Я ведь не владею магией... Может... поэтому мысли и стали такими хаотичными...

Слова сами сорвались с губ. Я цеплялась за первое объяснение, которое хоть как-то могло всё это объяснить.

— Главное... он ведь ничего не увидел. Ничего не узнал...

Неймор ничего не ответил.

Он молча всматривался в меня, словно пытался найти ответ не в моих словах, а где-то глубже. Потом отвернулся и коротко выдохнул.

— Разберусь с этим позже, — пробормотал он, больше обращаясь к себе, чем ко мне. — Сейчас тебе нужно отдохнуть.

Лишь тогда я смогла нормально вдохнуть. Медленно поднялась. Тело всё ещё не слушалось, ноги дрожали, как после тяжёлой болезни. Я сделала шаг к нему.

Он молча притянул меня к себе. Мир тут же дёрнулся. Пространство исчезло, и уже через мгновение вокруг возникла моя комната.

Неймор помог мне сесть на кровать и, не задержавшись ни на секунду, развернулся и исчез, оставив после себя тишину.

Глава 21 Начало конца

Неймор

За полтора года до настоящих событий.

С того момента, как мы столкнулись с Ланой в коридоре, боль исчезла из её глаз.

Она перестала появляться в наших местах, явно избегая всего, что хоть как-то напоминало обо мне. А если мы всё же сталкивались, встречала меня одним и тем же взглядом — холодным, полным ненависти и отвращения. От прежней Ланы не осталось ничего.

Всё чаще она появлялась рядом с Сильварисом. И замечал это не только я. Старые разговоры о том, что они пара, быстро превратились в главную тему для половины колледжа. Я сколько угодно мог убеждать себя, что это обычные сплетни, но давно уже понимал: скорее всего, так оно и есть.

Я продолжал за ними наблюдать, но так ни разу и не поймал их на поцелуях или чём-то большем. Они просто постоянно были вместе. Лана смотрела на Томаса тепло, улыбалась ему, иногда они обнимались — и на этом всё.

По углам они не зажимались. В отличие от нас.

Видимо, Томас был настолько слюнтяем, что мог позволить себе проявлять чувства только в постели с выключенным светом.

Иногда я представлял, как он прикасается к ней, как целует её, как проводит ладонями по её телу, и каждый раз хотелось разбить ему лицо.

Ревность медленно въедалась под кожу.

Но, как бы это ни бесило, я всё равно хотел, чтобы Лана была счастлива. Поэтому держал себя в руках из последних сил и даже реже искал повод сцепиться с Сильварисом. Помогало это примерно так же, как пытаться потушить пожар стаканом воды. Злость и ревность никуда не исчезали. Они копились день за днём, пока не начинало казаться, что однажды я просто сорвусь.

Когда учебный год закончился, я решил сосредоточиться на том, что действительно имело значение.

На войне.

Я не мог допустить, чтобы Лана жила в мире, который собирался построить Фодес.

С каждым днём он становился сильнее. Всё чаще я ловил себя на мысли, что у него действительно есть шанс победить. К тому времени он уже владел тремя сверхсилами: фазированием, доставшимся ему от отца, регенерацией, позволявшей телу восстанавливаться практически после любых ранений, и магией льда — одной из сильнейших боевых способностей. Любой другой человек давно погиб бы, пытаясь удержать внутри хотя бы две силы, но Фодес каким-то образом выдерживал три.

Этому не существовало объяснения.

Тогда я поставил перед собой новую цель — подобраться к Фодесу как можно ближе.

Мой отец дружил с ним с самого детства, и это давало мне преимущество перед остальными. Но этот ублюдок не доверял никому. Даже мне. Несмотря на то что я был сыном одного из самых преданных ему людей, он всё равно держал меня на расстоянии.

Мне нужно было изменить это. Заставить его обратить на меня внимание. Заслужить его доверие. Добиться того, чтобы он начал посвящать меня в свои планы. Только так я мог узнать, что он готовит, и получить возможность вмешаться, если Лана не успеет закончить колледж и уехать из Скайвордеи вместе с родителями.

Но я был молод. Всё ещё учился в колледже вместе с телепатом. Поэтому мне ничего не рассказывали. Мне не доверяли. Держали в стороне. Оставалось одно. Доказывать свою преданность. Делать всё, чтобы однажды он решил: мне можно доверять.

Первое убийство я помню слишком хорошо. Время не стёрло ни одной детали.

Была тёплая летняя ночь. Мы собрались на очередную встречу с Фодесом, и всё шло как обычно, пока кто-то из наших не привёл за собой хвост. Несколько идиотов, слишком уверенных в собственной силе, решили, что смогут напасть на нас.

Даже сейчас смешно вспоминать. Они понятия не имели, с кем связались. Я не колебался ни секунды. Один из них умер сразу. Он даже не успел воспользоваться магией. По большому счёту его убила собственная самоуверенность.

И, как ни странно, ему повезло.

Повезло всем, кто умер быстро. Потому что двоих Фодес приказал оставить в живых. Тогда я впервые увидел, кто он на самом деле.

Не жестокий правитель. И даже не безумец. А человек, для которого чужая боль никогда не была средством. Она была целью.

Их привязали магическими потоками к стульям, поставили посреди тёмного зала, а нас заставили встать вокруг и смотреть.

Сначала я пытался понять, зачем всё это. Эти двое ничего не знали. Обычные самоуверенные глупцы, решившие поиграть в героев. Пытать их ради информации не имело никакого смысла. Но я молча стоял рядом с отцом.

Фодес, не торопясь, обходил пленников, что-то говорил, усмехался, бросал фразы, которые тут же вылетали у меня из головы.

Потом в его руке появился кинжал. И всё стало ясно. Он оставил их в живых не ради ответов. Ему хотелось насладиться каждым мгновением.

Лезвие медленно скользило по коже, оставляя неглубокие порезы. Он не спешил. Не пытался закончить быстрее. Каждое движение было аккуратным, будто перед ним был не человек, а игрушка, которую можно разбирать столько, сколько захочется.

Кровь стекала по их телам, капала на каменный пол, собиралась в тёмные лужи. Я видел, как она покрывает его руки, и видел, что он даже не пытается их вытереть.

Но страшнее всего было другое. Он не собирался их убивать. Они кричали. Сначала громко. Потом голоса начали срываться. Через какое-то время сил хватало лишь на хриплые мольбы. Они просили смерти. А он продолжал.

Никто вокруг не произнёс ни слова. Все молча смотрели на происходящее так, будто всё происходило именно так, как и должно. На фоне этой тишины каждый крик звучал оглушающе, врезаясь в сознание и не оставляя ни единого шанса от него спрятаться.

Я упрямо смотрел вперёд, не позволяя себе отвернуться, хотя с каждой минутой это давалось всё труднее. В конце концов не выдержал и перевёл взгляд на отца.

Он стоял так же неподвижно, как и остальные, но я заметил плотно сжатые губы, напряжённую челюсть и короткий, едва различимый выдох, который он явно пытался скрыть. Этого оказалось достаточно, чтобы понять: смотреть на происходящее ему было не легче, чем мне.

Именно тогда в голове впервые возник вопрос, который ещё долго не давал мне покоя: если он прекрасно понимает, кто такой Фодес, если видит, во что тот превратился и на что способен, почему продолжает оставаться рядом с ним?

Я ничего не сказал, только посмотрел на него. Отец, кажется, понял, о чём я думаю, встретился со мной глазами и едва заметно покачал головой, давая понять, что сейчас я всё равно не получу ответа. Но этого оказалось достаточно, чтобы понять другое — причина существовала, и, судя по всему, достаточно серьёзная, чтобы о ней молчать.

Я крепче сжал кулаки и заставил себя смотреть дальше, потому что выбора всё равно не было. Именно тогда во мне что-то изменилось. Не исчезли жалость или сочувствие — исчезли сомнения. С того дня, если приходилось убивать, я делал это сразу. Без колебаний. Без ненужной жестокости. Чем быстрее человек умирал, тем меньше был шанс, что однажды он окажется на месте тех двоих, привязанных к стульям в центре зала.

Со временем я начал убеждать себя, что в этом и заключается милосердие. Лучше умереть от моей руки за несколько секунд, чем попасть к Фодесу и часами молить о смерти, которую он всё равно не подарит. И эта мысль позволяла мне жить дальше, не оглядываясь на тех, кого приходилось убивать.

Когда я впервые оказался в том борделе, решил, что это обычное место для развлечений. Проститутки. Клиенты. Ничего особенного. Разве что все они служили Фодесу.

Настоящее назначение этого места начиналось на третьем этаже.

Одного взгляда оказалось достаточно. Я машинально сделал шаг назад, но отец тут же схватил меня за плечо. Его пальцы впились так сильно, что боль мгновенно привела меня в чувство. Он молча развернул меня к себе и посмотрел прямо в глаза. Жёстко. Без жалости. Без колебаний. Только предупреждение.

Я понял всё без слов.

Стоит мне сейчас отвернуться. Сделать хотя бы шаг назад. Позволить себе хоть одну лишнюю эмоцию. И всё закончится.

Поэтому я остался.

Прямо напротив трёх прозрачных комнат стояли диваны и кресла. Между ними — столы с дорогим алкоголем, бокалами и закусками. Всё вокруг было устроено так, чтобы ничто не отвлекало зрителей. Это место создавали не для оргий. Его создавали для наблюдения.

Фодес прошёл вперёд и занял кресло в самом центре, как человек, которому принадлежит весь этот зал. Он откинулся на спинку и перевёл взгляд на прозрачные комнаты, где у всех на виду насиловали женщин.

Одна ещё кричала. Другая слабо пыталась вырваться. Третья лишь тихо плакала, даже не сопротивляясь, будто давно смирилась со своей участью.

Прозрачные стены приглушали звук. Крики доносились глухо, словно из другого мира. Всё происходило прямо перед глазами, но воспринималось так нереально, что разум отказывался верить.

Фодес наблюдал с невозмутимым видом. На его губах держалась едва заметная улыбка. Не безумная. Не восторженная. Так выглядит человек, который получает то, чего ждал.

Я прошёл вперёд и сел на диван сбоку. Оттуда было легче не смотреть прямо. Отец молча опустил рядом.

Из головы не выходила одна мысль: рано или поздно Фодес повернётся к нам, отдаст приказ, и тогда выбора уже не останется. Придётся подняться, войти в одну из этих комнат и сделать то же самое.

Сколько бы я ни пытался её отогнать, она возвращалась снова.

Постепенно начали собираться остальные. Одного взгляда хватало, чтобы понять, кто оказался здесь впервые, а кто давно сделал такие вечера частью своей жизни. Они без спешки рассаживались по местам, наливали себе выпить, негромко переговаривались, обсуждая происходящее так же буднично, как обсуждают хорошее представление.

Фодес тем временем налил себе виски, сделал несколько неспешных глотков, потянулся за закусками и продолжил смотреть вперёд с таким спокойствием, что вскоре остальные начали невольно подстраиваться под него. Через несколько минут происходящее перестало выбиваться из общей картины. Здесь это действительно считалось нормой.

Я держался как мог. Еда не имела вкуса. Каждый кусок приходилось буквально заставлять себя проглотить, но отказаться означало выделиться, а этого я позволить себе не мог.

Потом дверь одной из комнат открылась. Мужчина вышел наружу, поправляя одежду, и мой взгляд остановился на девушке. Она лежала неподвижно. Лишь едва заметно поднималась грудь. Значит, жива.

— Неймор, — неожиданно обратился ко мне Фодес.

Я сразу повернулся к нему. Сердце на миг ухнуло куда-то вниз, но лицо осталось неподвижным.

— Если хочешь, можешь развлечься с ней, — произнёс он, коротко кивнув в сторону одной из комнат.

Воздух словно выбило из лёгких.

Несколько секунд я лихорадочно пытался понять, как отказаться и при этом не вызвать подозрений. Мысль о том, что мне придётся войти туда, прикоснуться к этой девушке и сделать с ней то же, что только что сделал тот ублюдок, вызывала отвращение.

Я едва заметно поморщился. И этого оказалось достаточно.

Фодес громко рассмеялся.

— Как же вы похожи с отцом... — протянул он, откинувшись на спинку кресла и переведя глаза на стеклянные комнаты. — Он тоже всегда брезговал подобными развлечениями. Ни разу туда не вошёл.

Я невольно посмотрел на отца.

Он уже смотрел на меня. Одного этого взгляда хватило.

Не спорь. Не делай глупостей.

— И знаешь... я даже рад этому, Неймор, — продолжил Фодес. — Эти женщины — грязные, жалкие создания. Смотреть на их страдания гораздо приятнее, чем прикасаться к ним.

Он сделал глоток виски.

— Но после победы здесь окажутся совсем другие... Те самые милые создания со светлой душой, которые ещё будут пытаться сопротивляться.

На его губах появилась улыбка.

— Вот тогда начнётся настоящее веселье.

Я опустил взгляд, но перед глазами сразу возникла Лана — не безликий образ, а живая, настоящая, запертая в одной из этих прозрачных комнат, пока десятки людей спокойно наблюдают за её криками.

Челюсть свело так сильно, что заболели зубы. На секунду захотелось схватить его бокал и разбить вместе с лицом.

Но я слишком хорошо понимал, что это ничего не изменит. Убить Фодеса я всё равно не смог бы, а одна вспышка гнева стоила бы мне единственного шанса однажды остановить его и не дать Лане оказаться в одной из этих комнат.

Видимо, я слишком долго сидел, опустив голову.

— Не надо, сынок, не кланяйся мне, — с усмешкой сказал Фодес. — Мы ведь отдыхаем. Здесь нет повелителя и подчинённых. Только друзья.

Он поднял бокал, и остальные тут же повторили его жест. Мне не оставалось ничего, кроме как сделать то же самое.

Он наклонился ко мне почти вплотную.

— Если вдруг передумаешь... — тихо произнёс он. — Можешь взять любую шлюху. Делай с ней всё, что захочешь.

Я улыбнулся в ответ. Той самой улыбкой, которую давно научился надевать без единой ошибки.

— Благодарю, — спокойно ответил я.

На этом разговор закончился.

Я возвращался в этот бордель снова и снова. Менялись только лица. Всё остальное оставалось прежним.

Женщин поднимали с первого этажа вверх за любую провинность. Иногда они говорили лишнее. Иногда не нравились кому-то из посетителей. Иногда просто попадались под руку.

Причина не имела значения. Их запирали в прозрачных комнатах, унижали и насиловали, а мы должны были сидеть рядом и смотреть.

Фодес неизменно занимал своё место в центре. Мы — вокруг него. Никто не отворачивался. Никто не спорил. Все молча подстраивались под его настроение, говорили то, что он хотел услышать, смеялись тогда, когда смеялся он.

Постепенно это перестало требовать усилий.

Я всё так же понимал, что это отвратительно. Но желание отвернуться исчезло. Крики больше не впивались в голову, кровь перестала вызывать тошноту, а всё увиденное стало частью повседневности.

Этого он и добивался.

Не заставить нас получать удовольствие. Заставить перестать чувствовать.

Однажды я заметил, что просто смотрю. Спокойно. Без внутреннего сопротивления. И тогда Фодес начал видеть во мне своего.

Он всё чаще обращался ко мне, чаще втягивал в разговоры, спрашивал моё мнение, а со временем я заметил, что он перестал видеть во мне одного из многих. В его отношении появилось что-то похожее на одобрение. Так смотрят на человека, который наконец оправдал ожидания.

Я знал, что Фодес готовит нападение на Теодора Сильвариса, и эта мысль не отпускала меня всё лето. Теодор был не просто главой совета и одним из сильнейших магов страны. Он был хранителем телепатии — силы, способной проникать туда, куда никто не должен иметь доступа. Она позволяла читать мысли, безошибочно отличать ложь от правды, чувствовать эмоции и добираться до самых тёмных уголков человеческого сознания.

Поэтому Фодес так отчаянно стремился заполучить её. Никто из нас не хотел, чтобы это произошло.

Если телепатия окажется в его руках, скрывать что-либо станет невозможно. Он быстро поймёт, кто ему предан по-настоящему, а кто годами лишь играет свою роль. И тогда все, кто перестанет быть ему полезен, исчезнут.

Напряжение чувствовалось повсюду. Отец становился всё молчаливее, остальные осторожнее подбирали слова, а на встречах всё реже звучали лишние вопросы. Все понимали, что что-то готовится, но никто не знал, когда именно Фодес нанесёт удар. Об этом не говорили вслух.

Меня это не устраивало. Лето подходило к концу, впереди был последний учебный год, а значит, я снова возвращался в колледж и выпадал из всего, что происходило вокруг Фодеса. В самый важный момент я оставался без информации.

Несколько раз я пытался осторожно разговорить отца, но каждый раз слышал одно и то же: нападение состоится ещё не скоро, беспокоиться не о чем и всё находится под контролем. Я делал вид, что принимаю эти ответы, хотя прекрасно понимал: он просто не собирался посвящать меня в то, что считал слишком опасным.

Давить дальше не имело смысла. Я давно понял, что существуют вопросы, на которые мне всё равно не ответят.

Оставалось надеяться лишь на одно — чтобы учебный год закончился раньше, чем Фодес решит действовать, а Лана успела уехать из Скайвордеи вместе с родителями и оказалась как можно дальше от всего, что приближалось.

Что будет со мной потом, меня уже не интересовало.

Я вернулся в колледж. Снова наблюдал за Ланой, не упускал возможности сцепиться с Сильварисом, следил за ними обоими, и после всего, что видел летом, эта жизнь неожиданно показалась спокойной. Настолько спокойной, что временами казалась чужой.

Учебный год пролетел незаметно. До выпуска оставалось меньше месяца, мы сдавали экзамены и впервые за долгое время я позволил себе немного ослабить контроль.

Во время обеда взгляд сам собой всё чаще находил Лану.

За обедом. В коридорах. В аудиториях. Я смотрел на неё... и мысленно прощался.

Она, как обычно, сидела за соседним столом рядом с Томасом. Слишком близко. Он что-то говорил ей, улыбался своей раздражающе правильной улыбкой, а она отвечала смехом, легко толкала его плечом, наклонялась ближе, пока он без всякого смущения касался её спины, задерживая ладонь чуть дольше, чем следовало.

Я молча наблюдал за ними. Ревность, которую столько месяцев удавалось держать под контролем, снова напоминала о себе. Сколько бы я ни убеждал себя, что давно потерял право испытывать подобные чувства, внутри ничего не менялось.

Меня бесил не Сильварис. Не Лана. Меня бесило только то, что рядом с ней теперь был он.

Когда они поднялись из-за стола и ушли, я ещё какое-то время смотрел им вслед, стиснув зубы так сильно, что заболела челюсть.

Рядом сидела Миллисент. Она по-прежнему считала нас парой, хотя за весь этот год я не дал ей ни единого повода так думать. Ни внимания. Ни близости. Ни даже обычного человеческого интереса. Но её это, похоже, совершенно не смущало. Она всё так же садилась рядом, словно моего безразличия для неё просто не существовало.

Напротив сидели Дерек и Фин. Обычно они не замолкали ни на минуту, но сегодня оба молчали. И это настораживало куда сильнее любых разговоров. Что-то изменилось. Это чувствовалось сразу.

Миллисент тяжело вздохнула и опустила взгляд на браслет связи. Она долго читала сообщение, затем нахмурилась, её реакция заставила меня окончательно напрячься.

— Что случилось? — спросил я, уже понимая, что ничего хорошего сейчас не услышу.

— Мама написала... — тихо ответила она. — Просит, чтобы я прямо сейчас уехала из колледжа.

В груди всё мгновенно напряглось.

— Почему? Что ещё она пишет?

Миллисент растерянно покачала головой.

— Больше ничего. Только чтобы я немедленно собралась и уехала.

Этих слов хватило. Я сразу понял, что дело не в ней и не в её семье. Что-то уже произошло или должно было произойти совсем скоро, и это сообщение было лишь первым отголоском того, чего я боялся всё последнее лето.

Я резко поднялся и, не сказав больше ни слова, направился к выходу. Мысли путались, цеплялись одна за другую, но ни одна не давала ответа. С каждой секундой росла лишь уверенность, что всё уже началось и времени почти не осталось.

Едва я вышел в коридор, прозвенел звонок. Студенты расходились по аудиториям, переговаривались, смеялись, спорили между собой, и от этого привычного шума происходящее казалось ещё более неправильным, словно только я один понимал, что обычная жизнь вот-вот закончится.

Я сразу попытался связаться с отцом, но он не отвечал. Попробовал ещё раз. Потом ещё. Безрезультатно. Провёл рукой по лицу, пытаясь хоть немного привести мысли в порядок, и телепортировался наружу, надеясь встретить хоть кого-нибудь, кто сможет объяснить, что происходит.

Никого.

Я снова телепортировался, потом ещё раз, переходя из одного места в другое почти машинально. Казалось, если продолжать двигаться, ответ сам найдётся, но вокруг была лишь всё та же тревожная неизвестность.

Сам не заметил, как оказался возле кабинета ректора. Уже подходя к двери, услышал приглушённые голоса, сразу замедлил шаг и осторожно приблизился. Дверь была приоткрыта совсем немного, но этого хватило, чтобы увидеть происходящее внутри.

За столом сидел ректор. Напротив него — Теодор Сильварис. Рядом с ним стоял мой отец.

По спине медленно прошёл холод, а в голове стало пугающе тихо. Мне больше не нужны были никакие объяснения. Всё, чего я боялся последние месяцы, наконец начало сбываться.

Я попытался прислушаться, но до меня долетали лишь отдельные фразы. Ректор благодарил их за что-то, говорил о нас с Томасом, о наших драках, поведении... И в какой-то момент меня едва не разобрал смех.

За пять лет он ни разу не вызывал наших отцов. Ни разу. А теперь, когда до выпуска оставалось всего несколько недель, они вдруг понадобились ему оба. Слишком поздно для воспитательных разговоров. Слишком вовремя для чего-то другого.

Додумать эту мысль я не успел.

Отец спокойно поднялся, коротко кивнул ректору и Теодору и направился к выходу так уверенно, словно всё уже было решено.

Я мгновенно отступил за дверь, чтобы он меня не заметил. Дождался, пока он отойдёт достаточно далеко, и телепортировался прямо перед ним.

Он остановился без малейшего удивления. Лишь едва заметно дрогнул уголок губ.

— Неймор, — спокойно произнёс он.

— Что ты здесь делаешь? — спросил я резко, чем собирался.

Он внимательно посмотрел на меня, прищурился, задержав взгляд на моём лице.

— Ты выглядишь... жалко, — медленно произнёс он. — Что с твоим лицом, Неймор? Возьми себя в руки. Верни самообладание.

Я глубоко вдохнул, заставляя себя успокоиться. Привычная маска безразличия снова заняла своё место.

— Так зачем ты здесь?

— Лучше скажи, почему ты до сих пор в колледже? Разве мать не связалась с тобой?

— Я был занят.

— Очень зря, сын...

— Не уходи от ответа.

Он несколько секунд молча смотрел на меня.

— Ректор решил поблагодарить нас с Теодором за пожертвования. Мы оба немало сделали для этого колледжа. Или ты действительно думаешь, что он столько лет закрывал глаза на всё, что вы с Томасом устраивали, просто по доброте душевной?

Я коротко оглянулся по сторонам.

— Отец... — тихо сказал я. — Ты ведь приехал не из-за этого.

На этот раз он не ответил сразу. Потом сделал шаг ко мне. Я заметил, как напряглась его челюсть.

— Неймор... не вмешивайся, — произнёс он негромко. — У тебя ещё есть немного времени пожить спокойно. Очень скоро всё изменится.

Он отступил на шаг.

— Покинь колледж немедленно.

И сразу исчез.

Я ещё несколько секунд смотрел туда, где только что стоял отец. Теперь всё окончательно встало на свои места.

Это нападение. Отец приехал помочь Фодесу.

Сердце колотилось так сильно, что каждый удар отдавался в висках. Мысли на миг спутались, но стоило перед глазами возникнуть Лане, как всё остальное перестало иметь значение.

Я должен был найти её раньше, чем всё начнётся. Увести отсюда. Заставить покинуть колледж, даже если придётся сделать это силой. Она не должна оказаться здесь во время нападения.

Она мне не поверит.

После всего, что произошло между нами, она наверняка решит, что это очередная попытка манипулировать ею. Оставался только один человек, которого она действительно слушает.

Томас.

Я не знал, сколько у меня осталось времени. Час. Десять минут. Может, всего несколько секунд. Одно понимал точно — с каждой минутой его становилось всё меньше.

После обеда у Томаса не было занятий. Я телепортировался в спальню, надеясь застать его там, но комната оказалась пустой. Следом переместился в переход, где он часто сидел, — снова никого.

Раздражение росло с каждой новой неудачной попыткой.

Я терял время. На секунду мелькнула мысль бросить поиски и самому отправиться за Ланой, но я сразу отбросил её. Если Томас найдёт её раньше меня, шансов убедить её уйти станет гораздо больше. Поэтому я телепортировался к кабинету, где он обычно проводил собрания. И наконец увидел его.

Томас стоял у стены, слегка склонив голову, внимательно читая сообщение на браслете связи. Он был настолько поглощён этим, что заметил меня лишь тогда, когда я оказался совсем рядом. Подняв голову, он сразу нахмурился.

Я не мог держать лицо. Да и не хотел. Сейчас мне было плевать.

— Томас... нападение... — выдохнул я, тяжело дыша.

— Что? — он вскинул голову, глаза округлились.

— Твой отец в замке. Я видел его в кабинете ректора... и... и мой отец тоже был там.

Он побледнел.

— Это не совпадение, — сказал я уже твёрже. — Всё началось. Найди Лану и немедленно уведи её отсюда.

Я смотрел на него, ожидая, что он сорвётся с места, что побежит, не задавая больше вопросов. Но я ошибся.

— Мне нужно найти отца... — прошептал он вдруг, отступая назад, словно уже был не здесь, а где-то далеко, в своих мыслях.

— Что? Ты вообще слышишь себя? — меня будто ударило изнутри, злость вспыхнула мгновенно. — Они справятся без тебя! Найди Лану!

Он по-прежнему смотрел куда-то сквозь меня.

— Я должен найти его...

— Томас!

Но он не слушал. Он снова посмотрел на меня — растерянным, испуганным взглядом — и, не сказав больше ни слова, развернулся и побежал по коридору.

Я проводил его взглядом, не в силах сделать ни шага, пока он не растворился в длинном коридоре, а сам так и остался стоять на месте.

Томас не будет спасать Лану. Он побежал к отцу. Спасать мир.

И в этот момент завывала сирена.

Я оглянулся по сторонам. Обычно этот звук бил по ушам, но сейчас всё было иначе — будто в уши налили воды. Сирена доносилась глухо, издалека, и на её фоне я отчётливо слышал только одно — как бьётся моё сердце.

Время будто замедлилось.

Из аудиторий начали выбегать студенты и преподаватели. Кто-то выглядел растерянным, кто-то раздражённым, кто-то смеялся, решив, что это очередная учебная тревога. Все спешили к эвакуационным порталам, переговаривались между собой, не понимая, что происходит.

Лишь я один понимал. Это была не тревога. Это было настоящее нападение.

Они пробегали мимо меня, задевая плечами, кто-то что-то говорил, кто-то нервно смеялся, а я всё так же стоял, не в силах сдвинуться с места. В голове осталась только глухая пустота.

И вдруг что-то щёлкнуло. Мозг словно резко переключился, возвращая меня обратно в реальность.

Мне нужно найти Лану. Я должен спасти её любой ценой.

Я сорвался с места и телепортировался в ближайший тёмный закуток. Тело ещё не до конца успокоилось, но движения уже стали привычно точными. Быстро достал из сумки мантию, набросил её на плечи, натянул капюшон так, чтобы лицо осталось в тени, и на несколько секунд замер, прислушиваясь.

Вокруг было тихо.

Если я всё рассчитал правильно, у Ланы сейчас должна была идти история. Я цеплялся за эту мысль, надеясь, что она, как и раньше, спрячется в нашей каморке.

Сейчас это давало мне преимущество. Среди студентов и преподавателей я легко затеряюсь — для них я всего лишь один из учащихся. А вот солдаты Фодеса знали меня слишком хорошо.

Я телепортировался к кабинету истории. Коридор встретил меня непривычной тишиной. Дверь была распахнута. Я вошёл.

Двое солдат уже находились внутри. Они ходили между рядами, переворачивали сумки, сбрасывали вещи со столов, внимательно осматривая кабинет, словно получили вполне конкретный приказ. Заметив меня, оба мгновенно развернулись и вскинули руки, готовясь атаковать.

Я даже не остановился.

Лишь холодно посмотрел на них, давая понять, насколько нелепо выглядит их попытка. Этого оказалось достаточно. Они сразу меня узнали. Их руки медленно опустились.

— Господин Дракморн...

— Что вы здесь ищете? Все уже должны быть у эвакуационных порталов.

— Студентов, господин, — быстро ответил один из них. — Многие разбежались. Нам приказали проверить все аудитории и найти скрытые проходы.

— Здесь их нет, — спокойно ответил я.

Но оба продолжали внимательно осматривать стены и шкафы, явно не собираясь уходить.

Я сразу понял — приказ им дал Фодес, а значит, мои слова для них ничего не значат. Они не уйдут просто так. Их нужно было увести. Я проследил за одним из них — он уже направлялся к той самой стене, за которой была каморка. Та самая. Наша.

Внутри будто резко натянулись все нервы разом, и я на мгновение сбился с дыхания. Я был почти уверен — она там.

— Здесь нет потайных ходов, — повторил я, уже чуть жёстче, привлекая их внимание, заставляя повернуть головы ко мне. — Но я знаю, в каких кабинетах они есть. Пойдёмте, я покажу.

Они переглянулись — всего на мгновение — и молча направились к выходу. Я вывел их из аудитории и провёл через несколько старых кабинетов, показывая давно заброшенные ниши, тайные переходы и проходы, которыми когда-то действительно пользовались. Осмотр занял всего несколько минут. Похоже, увиденного им хватило. Они кивнули друг другу и пошли дальше, уже без меня.

Я исчез ещё до того, как они успели сделать несколько шагов. Оказавшись в кабинете истории, я сразу бросился к каморке.

— Лана... Лана... — голос сорвался, стал громче.

И в ту же секунду остановился. Там было пусто.

— Чёрт... — процедил я сквозь зубы, хватаясь за голову.

Отступил на шаг и тяжело привалился к стене, с силой проводя ладонью по лбу, пытаюсь заставить себя думать, а не паниковать.

Где она? Что с ней? Среди толпы, в коридорах... или уже...

— Нет... — оборвал я сам себя. — Нет.

Грёбаный Сильварис...

Я резко развернулся к стене, чувствуя, как внутри поднимается тёмная неконтролируемая ярость.

— Сука, ты же обещал, что позаботишься о ней!

И со всей силы ударил кулаком в каменную стену. Боль мгновенно отрезвила. Этого хватило, чтобы вернуть самообладание.

Пока я теряю время, Лана может погибнуть. Надо искать. Не останавливаться.

Она не могла уйти далеко. Отец наверняка уже заблокировал все порталы в замке, перекрыв любые пути к отступлению, чтобы никто не смог его покинуть. Только он мог сделать это своей силой — именно поэтому он и пришёл сюда.

На губах сама собой появилась усмешка.

Мою силу он заблокировать не может, а значит, у меня есть преимущество, пусть и единственное.

Я прочёсывал этаж за этажом, проверяя каждую аудиторию, каждую каморку и каждый коридор, не позволяя себе задерживаться ни на секунду. В эвакуационных кабинетах толпились студенты — порталы уже не работали, а сами аудитории превратились в клетки, у дверей которых стояли солдаты Фодеса, внимательно следя за каждым, кто пытался выбраться.

Телепортировался в тёмные углы, в слепые зоны, быстро выхватывая взглядом лица, силуэты, движения.

Ланы нигде не было.

Верхние этажи ещё сохраняли подобие порядка. Там царили напряжённая тишина и тревога, но без паники. Внизу всё выглядело иначе. Там уже шёл бой.

Преподаватели и несколько студентов пытались сдержать натиск, прекрасно понимая, что сил у них не хватит. Коридоры были залиты кровью, повсюду лежали тела, а крики не смолкали ни на секунду. Я отводил взгляд.

Всё это больше не имело для меня никакого значения. Ни этот бой. Ни эти люди. Существовала только одна цель.

Лана.

Я давно потерял счёт телепортациям. Постепенно тело начало наливаться свинцом, каждое новое перемещение давалось всё тяжелее, а магический резерв стремительно пустел, оставляя внутри непривычную, пугающую пустоту. Раньше со мной такого не случалось.

Но останавливаться я не собирался. Лишь закончив обыскивать весь замок, я впервые позволил себе признать очевидное.

Её здесь не было. Ни среди живых. Ни среди мёртвых.

Последний скачок перенёс меня во двор. При приземлении ноги едва не подкосились, перед глазами на мгновение потемнело, а лёгкие жадно хватали воздух. Попытка снова использовать телепортацию не дала ничего. Магия закончилась.

Стиснув зубы, я заставил себя идти дальше, переставляя ноги через силу, пока взгляд не зацепился за две фигуры неподалёку от площади. Фодес и Томас сражались, и одного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять — всё уже кончено. Теодор проиграл, а теперь Фодес

просто играл с его сыном, как кот с мышью, не спеша, не напрягаясь, наслаждаясь каждым движением.

Чем ближе я подходил, тем отчётливее становилось очевидно: у Томаса не осталось ни единого шанса.

Значит... Фодес победил.

Я невольно усмехнулся.

Какой же ты идиот, Сильварис... Я ведь просил тебя только об одном. Об одном. Найти Лану. Увести её отсюда. Но нет. Ты решил играть в героя. Решил, что сможешь остановить человека, которого не сумел победить даже собственный отец. Глупый самоуверенный ублюдок. Ты променял её жизнь на эту бессмысленную драку. Если с Ланой что-то случилось... Это будет на твоей совести.

Злость вспыхнула с такой силой, что я перестал чувствовать усталость. Ноги сами понесли меня вперёд быстрее, а взгляд уже не отрывался от их схватки. И в этот момент Фодес небрежным движением отбросил Томаса в сторону. Тот с глухим ударом отлетел к дереву, и в ту же секунду над площадью раздался крик.

Женский.

До боли знакомый.

Я резко остановился. Воздух застрял в лёгких. Сердце пропустило удар, и вместе с ним исчезло ощущение земли под ногами. Несколько секунд я не мог заставить себя сдвинуться с места, продолжая смотреть вперёд, где медленно оседала поднятая пыль.

Сквозь медленно оседающую пыль к месту падения шёл Фодес.

Пыль наконец рассеялась. И я увидел Лану.

Она сидела возле тела Томаса, склонившись над ним и захлёбываясь слезами. Она не пыталась оглянуться, не замечала ничего вокруг, словно весь мир перестал существовать, сузившись до одного человека, которого уже невозможно было спасти.

У меня застучало в висках так сильно, что остальные звуки исчезли, страх ударил резко и глубоко, перехватывая дыхание, заставляя руки дрожать, а тело — застыть, и в голове осталась только одна мысль, которая звучала слишком чётко и громко:

Он убьёт её. Прямо сейчас. На моих глазах. И я ничего не успею сделать.

И эта мысль не оставила ни секунды на сомнения, поэтому я сжал кулаки до боли, чувствуя, как напряжение проходит по телу и возвращает хоть какое-то подобие контроля, потому что времени думать уже не было, нужно было действовать прямо сейчас.

Я судорожно перебирал в голове один вариант за другим, цепляясь за любую мысль, которая могла дать хотя бы крошечный шанс изменить происходящее, и тогда всё наконец сложилось в одну простую, страшную закономерность.

Он хочет видеть рядом с собой таких же, как он. Психов. Тех, кто наслаждается болью. Тех, кто не чувствует. Я готов стать таким. Если это единственный способ сохранить ей жизнь.

План был безумным, но другого у меня уже не оставалось. Я должен был заставить его увидеть во мне отражение самого себя, убедить, что мы похожи, что меня так же опьяняет чужая боль, что я способен получать удовольствие от страданий так же, как и он. Тогда он отдаст мне Лану. Не из жалости. Не из великодушия. Просто как награду. Как трофей, который больше не представляет для него никакой ценности.

Но всё упиралось в одно. Телепатия. Он забрал силу у Теодора, а значит, теперь он может не просто читать мысли, а копаться в них, разбирать, вытаскивать наружу всё, что скрыто, отличать ложь от правды, видеть не только то, что я покажу, но и то, что я попытаюсь спрятать.

И если он нырнёт глубже, он увидит правду, увидит, что я люблю Лану, увидит, что я не такой.

Но другого выхода я не видел. Я должен попробовать хоть что-то.

Я стиснул зубы и принял решение, от которого уже нельзя было отступить: я подойду к нему и буду думать только о ненависти к Томасу и Лане, о злости, о желании причинить боль, о том, что мне это нравится, и, если он купится, — он отдаст её мне, а если нет и полезет дальше, он всё равно увидит правду, увидит, что я ненавижу его, и тогда убьёт меня. И её. Но даже тогда у меня будет одно — я окажусь рядом. Я успею сказать ей. Я успею попроситься.

Я поднял взгляд и пошёл к ним. С каждым шагом всё отчётливее видел, как Лану хватают за руки, оттаскивают от тела Томаса, зажимают ей рот, а Фодес спокойно что-то говорит, словно перед ним происходила не казнь, а самый обычный разговор. Я продолжал идти, понимая, что дороги назад больше нет.

Либо я спасу её... либо умру рядом с ней.

— Господин! — громко и уверенно обратился я к нему, собирая остатки самообладания и заставляя голос звучать ровно.

Я обошёл его и встал напротив, опустив голову, потому что знал — он любит это, любит видеть, как перед ним склоняются.

— Прошу прощения, господин... прошу вас, отдайте её мне в качестве награды за мою преданность.

Я не поднимал взгляда, но слышал, как в его голосе появляется интерес.

— Неймор... я удивлён. И зачем тебе эта безродная девчонка?

— Она была возлюбленной Томаса Сильвариса. Он был моим врагом всю мою жизнь и сыном вашего заклятого врага, посмел бросить вам вызов. Для меня будет честью получить её в своё распоряжение как награду за мою неизменную преданность вашему величеству.

Я говорил уверенно, точно зная, на что давить.

— Неймор... — он сделал несколько шагов ко мне. — Посмотри мне в глаза.

Собрав всю волю в кулак, я поднял взгляд.

Его вторжение оказалось настолько лёгким, что в первое мгновение я даже не понял, когда именно он проник в моё сознание. Это чувство было мне знакомо. Томас не раз читал мои мысли, и я слишком хорошо помнил, как это ощущается. Сейчас разницы не было вовсе.

Не отводя взгляда, я думал только о Сильварисе. Вспоминал его улыбку, взгляд Ланы, её смех рядом с ним, снова и снова возвращался к одной и той же мысли, пока всё остальное не исчезло. Остались только злость, презрение и отвращение к ним обоим.

Я чувствовал, как он перебирает мои мысли, внимательно рассматривая лишь те, которые я сам ему открывал. Но этого ему оказалось мало. Он попытался проникнуть глубже, и я отчаянно вцепился в ту ненависть, которую сам же разжигал внутри, не позволяя ему пройти дальше. Оставалось только удерживать её перед ним, пока остальное оставалось закрытым.

Секунды тянулись мучительно долго. Время будто остановилось. А потом я почувствовал... спокойно. Он перестал давить. Я не сразу поверил в это. Неужели получилось?

И только тогда увидел, как губы Фодеса медленно растянулись в кривой, мерзкой улыбке.

— Я впечатлён... твоя идея просто превосходна! — протянул он, расплываясь в довольной, хищной улыбке. — Раздать всех непокорных в качестве трофеев моим преданным слугам...

Облегчение обрушилось на меня с такой силой, что ноги едва не подкосились. Я уже почти не слышал Фодеса. Всё моё внимание было приковано к Лане.

Получилось. Неважно как. Я смог. Я обманул его.

Теперь оставалось только дождаться подходящего момента, забрать её, перенести в свой замок и наконец спрятать там, где до неё больше никто не сможет дотянуться.

Тогда я ещё не понимал, что, спасая её, сам веду нас обоих прямо в ад, из которого уже не будет выхода.

Глава 22 Здесь и сейчас

Лана

Следующее утро после борделя оказалось таким же, как и все остальные в этом замке.

Всё та же гостиная. Всё тот же стол. Всё тот же стул. И всё тот же Неймор, сидящий напротив меня.

Только изменилась я сама. Внутри что-то окончательно надломилось. Тот едва заметный огонёк, который ещё теплился где-то глубоко, просто погас.

Проснувшись, я почувствовала лишь одно — желание остаться в постели и больше не вставать. Никого не видеть. Ни с кем не разговаривать. Не выходить из этой комнаты. И уж тем более не покидать этот замок.

Лишь с седьмой попытки мне удалось заставить себя подняться.

Я подумала, что нужно сходить в ванную, но эта мысль вызвала лишь раздражение. То же самое — мысль о том, что нужно одеться, расчесаться и спуститься вниз. Всё, что раньше было таким привычным и естественным, теперь превратилось в тяжёлую, непосильную обязанность.

Воспоминания о борделе не отпускали. В памяти снова и снова возникали те девушки, которых жестоко насиловали. Следом всплывало мёртвое тело Моригана.

Меньше всего я думала о словах Фодеса после того, как он прочитал мои мысли. Любила ли я Неймора, ненавидела ли — сейчас это волновало меньше всего. На фоне всего произошедшего мои чувства к нему казались самой незначительной проблемой в мире.

Сегодняшний завтрак ничем не отличался от всех предыдущих.

Передо мной стояла тарелка с сырниками и малиновым вареньем. В стакан был налит свежесжатый апельсиновый сок. На столе уже ждали подносы с булочками, эклерами и другой свежей выпечкой.

Я медленно скользила взглядом по блюдам. От них поднимался пар, а приятный аромат наполнял гостиную. Но есть совсем не хотелось. Еда, которую я ещё совсем недавно так любила, больше не вызвала ни аппетита, ни желания даже прикоснуться к ней.

А тех девушек вообще кормят? Что происходит с ними после насилия? Или их насилуют до самой смерти?..

Эта мысль возникла внезапно. Желудок неприятно сжался. Я замерла, уставившись в одну точку, нахмутив брови и крепко сжав губы.

— С тобой всё в порядке? — услышала я голос Неймора.

Он звучал ровно, спокойно, будто вчера ему не пришлось убить Моригана у меня на глазах. Он сидел напротив, откинувшись на спинку стула, перебирал вилкой еду в своей тарелке и не сводил с меня глаз. Я же с самого начала завтрака старательно избегала встречаться с ним взглядом.

Его лицо оставалось напряжённым: глаза прищурены, губы плотно сжаты. Проследив за моим движением, он опустил голову и тяжело вздохнул.

— Если ты плохо себя чувствуешь, я могу дать тебе восстанавливающее зелье. Тебе станет лучше, — предложил он непривычно мягким голосом.

Его внимание удивляло всё сильнее, но я не понимала, что изменилось.

Может, он чувствует вину за то, что отвёл меня в бордель? За то, что убил Моригана? А сколько людей он вообще убил? И те женщины... Ему тоже приходилось их насиловать?

От последней мысли грудь обожгло. Сердце забилось сильнее, живот снова скрутило, а воздуха перестало хватать. На мгновение мне показалось: ещё немного — и начнётся паническая атака.

Но я не хотела этого. Не здесь. Не перед Неймором.

Я глубоко вдохнула, пытаясь взять себя в руки.

— Не нужно... Можно, я пойду к себе и ещё немного отдохну? Попробую уснуть, и всё пройдёт.

Желание уйти превратилось в необходимость.

Неймор нахмурился. Между бровями залегла глубокая складка, лицо застыло в напряжении. Через несколько секунд он опустил глаза.

— Хорошо. Иди.

Я сразу поднялась из-за стола и ушла.

Оказавшись в своей комнате, я наконец смогла выдохнуть. Всё это время каждая мышца оставалась напряжённой, и лишь теперь, наедине с собой, я начала понемногу расслабляться. Я легла на кровать и попыталась уснуть. За завтраком мне казалось, что я смертельно хочу спать: всё внутри налилось тяжестью, веки слипались. Но стоило оказаться в постели, как сон исчез.

Как бы я ни старалась, в голову лезли мысли о борделе.

Прозрачные комнаты. Несчастные девушки. Демоны, которые их насиловали. Морган, собиравшийся сделать со мной то же самое. И этот ублюдок Фодес.

При одной мысли о нём во мне вспыхнула ярость. Я сжала кулаки.

Это всё из-за него. Из-за этого психа, маньяка, убийцы. Как же я его ненавижу... Когда он наконец расщепится? Когда его тело не выдержит и он исчезнет из этого мира?

Если бы я могла, то убила бы его сама. Вонзила кинжал ему в сердце или задушила голыми руками. Сделала бы что угодно, лишь бы его не стало. Лишь бы освободить от него этот мир.

Ярость разрасталась, становилась тесной для моего тела. Руки начали дрожать, дыхание участилось, а ногти впились в ладони.

Нужно успокоиться. Перестать об этом думать.

Я подняла руку и посмотрела на кольцо Томаса, пытаюсь найти в нём утешение. Насыщенно-синий камень сверкнул в мягком дневном свете. Я задержала на нём взгляд, невольно приоткрыв рот.

Почему раньше я не замечала, насколько он красив?

Я была уверена, что раньше камень был гораздо светлее — с лёгкой голубизной, почти прозрачный. Теперь же он стал глубокого синего цвета, напоминая морскую волну в солнечный день.

Злость отступила, уступив место воспоминаниям о Томасе. О том, как близки мы были. Как проводили время вместе. Я улыбнулась и прижала руку с кольцом к сердцу.

Как жаль, что нельзя вернуться в прошлое и всё исправить.

Так я и пролежала до самого вечера, не сомкнув глаз. Когда солнце скрылось за горизонтом и наступила ночь, я сняла одежду и быстро забралась под одеяло, натянув его до самой шеи.

Все эти месяцы приходилось спать в одних трусах. Одежды для сна Неймор так и не дал. Плотнее закутавшись в одеяло, я закрыла глаза.

Я слышу голоса. Пытаюсь открыть глаза, но не могу — они туго завязаны плотной повязкой, из-за которой вокруг только темнота.

Меня грубо держат за руки. Пальцы впиваются так сильно, что становится больно, и я невольно начинаю стонать, пытаюсь вырваться, но в ответ слышу незнакомый грубый голос:

— Не дёргайся, а то убью.

От этих слов я сразу замираю. Продолжаю чувствовать боль, но больше не сопротивляюсь, позволяя им тащить меня дальше.

Они о чём-то переговариваются между собой, громко смеются, отпуская какие-то шутки, а я чувствую лишь отвратительную вонь вокруг, слышу, как где-то рядом одна за другой открываются и закрываются двери, и с каждой секундой мне становится всё страшнее. Настолько страшно, что я перестаю воображать, не могу нормально дышать и не способна произнести ни слова. Всё тело цепенеет, переставая мне подчиняться.

Внезапно меня грубо бросают на что-то мягкое. От неожиданности я резко переворачиваюсь, срываю с глаз повязку и жадно хватаю ртом воздух.

Передо мной стоят двое мужчин, которые только что притащили меня сюда. Они молча разглядывают меня, ухмыляются и с удовольствием наблюдают за тем, как мои глаза расширяются от страха, а до меня постепенно доходит, где именно я нахожусь.

Я быстро оглядываюсь по сторонам, пытаюсь найти хоть какой-нибудь выход, но вокруг нет ничего, кроме прозрачных стеклянных стен. За ними стоит толпа мужчин в золотых масках, которые внимательно наблюдают за происходящим.

Меня начинает трясти так сильно, что дрожь проходит по всему телу. Я поспешно отползаю назад, но сразу упираюсь спиной в холодную стеклянную стену и понимаю, что бежать некуда.

— Тебе не сбежать, — с ухмылкой говорит один из них.

— Сейчас мы хорошенько с тобой позабавимся, — добавляет второй.

Не сводя с меня голодных взглядов, они начинают расстёгивать ремни и спускать штаны, а я всё ещё не могу поверить, что это происходит на самом деле. Что всё это происходит именно со мной.

Слёзы быстро застилают глаза, превращая всё вокруг в размытые пятна. Я только беспомощно качаю головой и прикрываю себя руками, будто это ещё способно хоть как-то защитить меня от того, что должно случиться дальше.

Когда они заканчивают раздеваться, один сразу хватается меня за запястья, с силой прижимая руки к кровати, а второй наваливается сверху всем своим весом.

Я кричу и начинаю вырываться изо всех сил, но они гораздо сильнее. Каждая моя попытка лишь смешит их, и от этого они смеются ещё громче, спокойно переговариваясь между собой, словно происходящее для них — обычное развлечение.

— Какая смелая... — насмешливо произносит один. — Интересно, надолго тебя хватит? Когда перестанешь дёргаться?

Он смеётся и ещё сильнее прижимает мои руки к кровати.

— Отпустите меня, грёбанные ублюдки! — кричу я, продолжая отчаянно вырываться, пытаюсь освободить руки и сбросить с себя второго мужчину.

— Какая дерзкая шлюха... — зло цедит он. — Я научу тебя разговаривать с важными господами, стерва. И замахивается рукой над моим лицом.

Я проснулась от резкой боли в голове и спине. Не понимала, где нахожусь. От моего пробуждения подсвечник со свечой, стоявший на прикроватной тумбочке, вспыхнул, едва осветив комнату. Только тогда я поняла, что лежу на полу в своей спальне.

Взгляд беспорядочно метался по комнате. Всё тело трясло, сердце колотилось так сильно, что каждый удар отдавался в ушах. Запутавшись в одеяле, я судорожно начала вырываться, но ткань лишь сильнее сковывала движения. От этого паника накатила новой волной.

Вдруг передо мной возник Неймор и сразу опустился на колени, протянув ко мне руки.

Я вскрикнула и поспешно отползла назад, неотрывно глядя на него.

Он сразу остановился. Поднял руки, показывая открытые ладони, и чуть отодвинулся.

— Всё хорошо... Слышишь? Я не причиню тебе вреда.

Он больше не двигался, стараясь не напугать меня ещё сильнее.

Ужас всё ещё сковывал и не позволял нормально вдохнуть. Я дышала коротко и прерывисто, заставляя себя моргать и медленно вдыхать через нос.

Это просто сон... Просто страшный сон... Я не там... Я здесь... В замке Неймора... Здесь меня никто не тронет...

Спустя минуту мне удалось немного успокоиться.

— Что ты здесь делаешь? — наконец выдавила я.

Дыхание ещё не выровнялось, но я уже могла сосредоточиться на Нейморе. Он сидел напротив и всё это время не сводил с меня глаз, нахмутив брови.

— Ты кричала во сне... Потом я услышал грохот и пришёл проверить, что случилось, — ответил он.

Неймор говорил непривычно тихо, будто боялся меня напугать.

Я перевела взгляд на кровать, затем на себя, на одеяло и собственные руки. Только сейчас до меня дошло, что я упала с кровати прямо во сне.

— Мне приснился кошмар, и ... — Я сглотнула подступивший к горлу ком. — Видимо, сильно ворочалась и упала.

Я потёрла переносицу. Страх медленно отпускал меня. Я глубоко вдохнула, крепче прижала к себе одеяло и наконец посмотрела ему прямо в глаза.

— Прости, я не хотела тебя будить.

Слова сорвались сами собой — мне не хотелось лишний раз привлекать его внимание.

— Не нужно извиняться... Давай я помогу тебе подняться.

Он осторожно протянул мне руку.

Я заморгала чаще, переводя взгляд с его ладони на лицо и обратно. Меня пугало это. Его забота и тревога.

Неймор склонил голову набок и едва заметно улыбнулся. Улыбка вышла печальной и вымученной. Его глаза больше не казались такими ледяными, как обычно. Сейчас в них читалось беспокойство, которое он даже не пытался скрыть.

После пережитого кошмара я мечтала лишь вернуться в постель и наконец выдохнуть. Сил отказываться от его помощи не осталось.

Я плотно сжала губы, коротко кивнула в знак согласия. Одной рукой взялась за ладонь Неймора, а другой сильнее прижала к себе одеяло, чтобы случайно не оголиться перед ним.

Он поднялся первым и помог мне встать. Я сразу опустилась на кровать, а Неймор сел рядом.

Поправляя подушку, я старалась не смотреть на него. Хотелось лишь лечь, закрыть глаза и дожидаться, когда он уйдёт. Неожиданно стало стыдно за свой страх, за дрожь во всём теле, за слабость, которую я не смогла от него скрыть.

— Ложись, — сказал Неймор.

Я тут же легла на самый край кровати.

— Нет. Подвинься дальше, Лана, — продолжил он, указывая на свободную половину.

Я широко распахнула глаза, не скрывая удивления.

— Зачем? — нервно спросила я, но всё же отодвинулась, увеличивая расстояние между нами.

Неймор без всякого разрешения лёг рядом и повернулся ко мне лицом. Я напряжённо следила за каждым его движением, не понимая, что он делает.

Зачем ему это? Зачем ложиться рядом со мной?

— Я останусь с тобой этой ночью. Вдруг тебе снова приснится кошмар, — произнёс он с такой серьёзностью, будто и правда был готов в любой момент прийти на помощь.

Но я слишком хорошо знала: подобная забота была не в его стиле. Неймор был слишком бессердечным. Я отвернулась и нервно рассмеялась.

Рядом с ним мне точно приснится кошмар.

— В этом нет необходимости... — начала я, пытаюсь его отговорить.

— Это не обсуждается, — твёрдо отрезал Неймор, пристально посмотрев на меня.

Я вздохнула. Спорить с ним было бесполезно. Поэтому я сдалась, легла рядом и отвернулась от него, плотнее подтянув к себе одеяло.

Не прошло и минуты, как рука Неймора скользнула по моей талии и обвила живот. Он придвинулся ближе, прижимаясь ко мне. Его нос уткнулся мне в затылок, и я услышала, как он глубоко втянул воздух, вдыхая запах моих волос.

В памяти сразу вспыхнули те редкие ночи, которые мы проводили вместе в колледже. Неймор всегда крепко обнимал меня и утыкался носом в мои волосы.

Раньше мне это нравилось. Сейчас я не понимала, что чувствую.

Сердце забилось быстрее, а по телу прокатилась волна напряжения. Не заметить этого было сложно, но Неймор никак не отреагировал. Он просто обнимал меня и больше не двигался.

Выходило, он действительно собирался только спать рядом, но это не укладывалось в голове и противоречило всему, что я знала о нём.

Какое ему дело до моих снов? До моего самочувствия?

Я уже поняла и приняла, что нужна ему только ради мести и секса. Ничем не отличалась от девушек в борделе. Удовлетворять мужчин — их работа. Моей же стало удовлетворять Неймора.

Но между мной и ними всё же была одна разница.

Пока я нужна ему, он не позволит никому другому прикоснуться ко мне.

Сама не заметила, как сильнее прижалась к нему ягодицами. Он не отстранился и никак не отреагировал.

После пережитого кошмара мне отчаянно хотелось убедиться лишь в одном — что я всё ещё нужна ему. А значит, всё ещё нахожусь под его защитой.

Я прижалась ещё теснее и почувствовала, как его член напрягся от моих движений даже сквозь разделявшее нас одеяло.

Неймор обхватил меня крепче. Я ощущала его желание и тяжёлое тёплое дыхание на своей шее. И была готова к этому. Готова дать ему то, что было нужно прямо сейчас.

Но он заговорил:

— Я здесь не ради этого, Лана, — хрипло прошептал Неймор мне на ухо.

— Тогда зачем ты остался? — так же тихо спросила я. Казалось, стоило лишь повысить голос — и тишина вокруг рассыплется. — Я не верю, что тебя действительно заботят мои сны.

— Я и не прошу тебя верить.

— Что изменилось? Почему ты ведёшь себя так?

— Как? — спросил он.

— Так, будто тебе не всё равно.

Неймор вздохнул и провёл ладонью по моему животу.

— Кошмары снятся тебе из-за меня. Было бы слишком удобно сделать вид, что меня это не касается.

Я не могла поверить услышанному.

— Ты сейчас признаёшь свою вину в моих кошмарах?

Неймор несколько секунд молчал.

— Я не должен был приводить тебя в бордель. Но ты должна была увидеть, что происходит за стенами этого замка. Чтобы больше не строить иллюзий.

— Но теперь я не могу перестать думать о том месте. О девушках. О том, что с ними происходит прямо сейчас, — произнесла я.

Рука Неймора крепче обхватила мой живот.

— Я знаю.

— Тогда как я могу просто лежать здесь и спать?

Он замолчал, подбирая слова.

— Ты не можешь изменить то, что происходит там. Я тоже не могу.

— Я не могу просто забыть об этом...

— Ты и не сможешь, — спокойно ответил он. — Просто помни, где находишься сама. Ты не там, Лана. Ты здесь. Пока ты со мной, туда ты больше не попадёшь.

Мне отчаянно хотелось ему поверить. Но воспоминание о прозрачных комнатах всё ещё стояло в памяти.

— А теперь закрой глаза, — продолжил Неймор. — И спи.

Я промолчала.

Его слова звучали так убедительно.

Но что будет потом? Что, если однажды его интерес ко мне исчезнет, как исчез тогда, в колледже? Сдержит ли он своё обещание?

Ответа не было. Будущее пугало. Но сейчас, лёжа в его объятиях, я постепенно успокаивалась.

Наверное, после всего произошедшего я должна была вздрагивать от каждого его прикосновения. После борделя. После смерти Мorigана. После всех месяцев, проведённых в этом замке. Но отвращения не было. Как не было и желания отодвинуться.

И всё же с того момента, как мы покинули бордель, меня не отпускал один вопрос. От ответа зависело, смогу ли я и дальше спокойно лежать в его руках или Неймор ничем не отличался от мужчин из моего кошмара. Я боялась услышать правду. Но ещё сильнее боялась так её и не узнать.

— Неймор... — позвала я, немного пошевелившись в его объятиях.

— Что? — сразу отозвался он.

Я глубоко вдохнула, собираясь с духом.

— Тебе приходилось... — Слова застряли в горле. — Приходилось... в борделе...

Произнести это вслух я не смогла. Даже мысленно эти слова звучали слишком страшно.

— Приходилось ли мне насильничать женщин в прозрачных комнатах? — шёпотом закончил Неймор за меня.

Я замерла, боясь услышать ответ.

— Нет. Никогда. Ни по собственной воле, ни по чужому приказу. Я этого не делал.

И я поверила ему — сразу, без колебаний. Возможно, лишь потому, что отчаянно хотела услышать именно этот ответ. Я с облегчением выдохнула и только теперь почувствовала, как напряжение покидает тело. Устроившись поудобнее в его руках, я закрыла глаза.

— Спокойной ночи, Лана, — прошептал Неймор мне на ухо и снова уткнулся носом в мой затылок.

— Спокойной ночи, — ответила я.

Я не заметила, как уснула.

Больше этой ночью кошмары не возвращались.

Руки того, кто причинял мне боль, теперь защищали меня от любой другой боли. Это было безумно неправильно. Но в мире, в котором мы жили, всё давно перевернулось с ног на голову. И кто я такая, чтобы не принять это хотя бы на одну ночь?

Когда я проснулась, Неймора рядом уже не было. Стрелки на часах приближались к двум часам дня.

Надо же, как долго я спала. Меня даже не разбудили к завтраку.

Обычно кто-нибудь из прислуги обязательно приходил за мной, будто соблюдение режима было моей строгой обязанностью. Даже когда Неймора не было в замке, я должна была вставать в определённое время и спускаться к завтраку — независимо от того, хотела я этого или нет.

Есть хотелось безумно. Как раз наступило время обеда, поэтому я быстро собралась и пошла вниз.

Неймора в замке не оказалось, и обедать пришлось в одиночестве. Впрочем, меня это только радовало.

Настроение было на удивление хорошим, и это немного пугало. Я не понимала, почему всё так резко изменилось, но решила не искать причин. Впервые за долгое время я могла просто наслаждаться днём, не чувствуя вечной боли в груди, успевшей стать частью меня.

Мне хотелось подышать свежим воздухом и с кем-нибудь поговорить, но у Милании был выходной. Поэтому я решила почитать в саду.

По моей просьбе Феодора собрала корзину с ягодами и соком, а также принесла большой плед. Я взяла из библиотеки несколько книг и отправилась в сад. На небольшой поляне, окружённой кустами роз, я расстелила плед и удобно устроилась с книгой в руках. Читая, я время от времени тянулась за клубникой.

Тёплые солнечные лучи приятно согревали кожу, а лёгкий ветерок то и дело приносил аромат цветущих роз. Иногда я отрывалась от книги, смотрела в небо и, безмятежно улыбаясь, рассматривала причудливые формы облаков.

— Хорошая погода, правда? — голос Неймора нарушил тишину.

Я вздрогнула от его внезапного появления. Привыкнуть к этому так и не получилось. Появляться в самый неожиданный момент он умел превосходно.

— Да... Тепло, но не жарко. Идеальная погода, чтобы побыть на улице, — ответила я, посмотрев на него.

Неймор едва заметно улыбнулся и подошёл ближе. В руках он держал большой картонный пакет. Без приглашения уселся рядом со мной на плед, взял с тарелки клубнику, отправил её в рот и, запрокинув голову, посмотрел на облака.

Я украдкой наблюдала за ним, не понимая, как реагировать на эту странную непринуждённость.

— Как спалось? — неожиданно спросил он, повернувшись ко мне.

— На удивление хорошо. Кошмары больше не снились.

— Как себя чувствуешь?

— Лучше, чем вчера, — ответила я с лёгкой улыбкой, опустив глаза на книгу.

Разговор казался таким простым и спокойным, что я никак не могла избавиться от ощущения, что всё это происходит не со мной.

— Рад это слышать, — сказал Неймор. — Кстати... это тебе.

Он протянул мне пакет. Я неуверенно приняла его, настороженно поглядывая на Неймора, и провела пальцами по бархатистой поверхности белого картона, не решаясь заглянуть внутрь.

— Ну же, посмотри, что там, — с лёгкой улыбкой поторопил меня Неймор.

Я осторожно запустила руку внутрь. Пальцев коснулась мягкая прохладная ткань. Достав содержимое, я на мгновение замерла.

Это были красная шёлковая сорочка и длинный халат из тонкого переливающегося шёлка. Небольшие оборки на рукавах делали его ещё изящнее.

Я невольно улыбнулась, разглядывая вещи, а затем подняла взгляд на Неймора.

— Решил, тебе будет комфортнее спать рядом со мной, если на тебе будет одежда.

Брови сами собой поползли вверх от удивления.

— Ты собираешься и сегодня спать со мной?

— Да. Тем более это помогло. Кошмары больше не возвращались.

Я не стала спорить, хотя и сама не понимала, хочу ли спать рядом с ним. Ночью кошмары действительно не вернулись, а рядом с Неймором мне впервые за долгое время было спокойно. Сегодня мне не хотелось думать о том, насколько неправильным было это чувство.

— Почему красный? — спросила я, кивнув на одежду. — Все мои вещи красного цвета. На губах Неймора появилась лёгкая улыбка.

— Потому что он тебе идёт.

— Никогда так не считала. Раньше в моём гардеробе не было ни одной красной вещи.

— Была.

Я нахмурилась.

— Нет... Ты ошибаешься. Наверное, путаешь меня с кем-то.

Улыбка на его лице стала чуть шире.

— Нет. Ты была в красном платье на весенней вечеринке, на четвёртом курсе. Тогда ещё поссорилась с Томасом и уехала со мной на порттакси. Помнишь?

Память не сразу, но всё же вернула тот вечер. Идти на праздник совсем не хотелось. Селина с Миланией долго уговаривали меня, а потом Селина протянула своё красное платье.

Удивление на несколько секунд лишило меня дара речи.

— Как ты это запомнил? Даже я уже забыла.

В ответ он лишь едва заметно пожал плечами.

— У меня отличная память.

Неймор смотрел на меня просто и мягко. Так же, как раньше. Именно таким я помнила его в колледже. От этого почему-то стало грустно.

— Спасибо за подарок, — сказала я, улыбнувшись уголками губ.

Отставив пакет в сторону, я снова взялась за книгу. Думала, теперь он уйдёт.

Но Неймор остался.

— Что читаешь? — спросил он, кивнув на книгу и потянувшись за очередной клубникой.

— Историю о запретной любви между смертной девушкой и вампиром.

— Интересно. И как там развиваются события?

Он неожиданно лёг на плед боком, подперев голову рукой, и с любопытством посмотрел на меня.

— Я дошла только до середины, но думаю, эта история не закончится хорошо.

— Почему ты так думаешь?

— Они принадлежат к разным мирам. Между ними слишком много препятствий, боли и ненависти. Такие истории редко заканчиваются счастливо. Обычно кто-то погибает, а второй остаётся жить с этим до конца своих дней.

Неймор ненадолго замолчал.

— Наверное, и в жизни так... Людям из разных миров никогда не быть вместе.

Взгляд Неймора стал печальным, а лицо — бледным и уставшим. Мне стало не по себе, и я поспешила сменить тему.

— Во сколько ты сегодня ушёл?

— В семь утра я уже был на работе.

— Так рано? Ты всегда уходишь в такое время?

— Иногда даже раньше.

Я усмехнулась.

— Всегда думала, что у таких богачей, как ты, есть целая команда подчинённых, которая решает все важные вопросы. А вы только контролируете их работу и отдыхаете.

Неймор хмыкнул.

— Обычно так и есть. Но наша страна разрушена, не хватает рабочих и материалов. Мне приходится решать слишком много проблем одновременно и постоянно работать.

Он отвёл взгляд, задумчиво рассматривая что-то вдали.

— К тому же нужно в спешке вникать в управление компанией и дела отца. Это непросто. Я думаю, у меня будет больше времени...

— Что ты имеешь в виду?

— Мой отец болен. Ему осталось недолго, поэтому я должен подготовиться занять его место.

Я уже знала об этом. Феодора однажды рассказала мне о его болезни. Но я не ожидала, что Неймор сам заговорит со мной на эту тему. Это удивило, однако раз он начал этот разговор, я решила продолжить.

— Разве в наше время ещё существуют болезни, от которых нет лекарства?

— К сожалению, от этой болезни лекарства нет.

Мне хотелось узнать больше, но я не была уверена, что он захочет рассказывать. Обычно Неймор не говорил ничего лишнего.

Я легла напротив него, подперев голову рукой, и посмотрела ему в глаза. Мы находились близко, но между нами всё ещё оставалось достаточно пространства.

— Расскажешь? — шёпотом спросила я.

Неймор не ответил сразу. Какое-то время он молчал, собираясь с мыслями.

— В нашем мире, Лана, древние роды веками передают своим наследникам накопленную магию. Именно поэтому их называют хранителями. Не каждый ребёнок, рождённый в такой семье, становится хранителем. Для этого мало родиться в древнем роду — нужно, чтобы в тебе проявился родовой Дар.

Я внимательно слушала, не перебивая.

— Когда хранитель принимает силу своего предшественника, она соединяется с его собственной. С каждым поколением этой магии становится всё больше. Вместе с ней меняется и сам Дар.

Я нахмурилась.

— Меняется?

— Усиливается настолько, насколько природа никогда бы не позволила ему усилиться сама. — Он перевёл взгляд на меня. — Я родился с телепортацией. Для меня естественно перемещаться на несколько километров. Это предел, который природа отвела моей силе. Но мой отец способен пересечь за один прыжок расстояние, которое я не смог бы преодолеть и за сотню. Не потому, что он талантливее меня. Просто он носит магию многих поколений. Она усилила даже его сверхсилу.

Я молчала, пытаюсь осмыслить услышанное. Всю жизнь была уверена, что сверхсила изначально передаётся по наследству такой, какая есть, а не становится сильнее благодаря накоплению.

— Принято считать, что так древние семьи сохраняют своё наследие и могущество, — продолжил он. — Но никто не говорит о цене. Каким бы сильным ни был человек, его тело не создано, чтобы удерживать столько магии. Рано или поздно начинается расщепление.

— Расщепление? — спросила я. — Но разве оно не случается только с теми, кто насильно забрал чужую силу? Или со слабыми магами, не сумевшими выдержать наследие своего рода?

— Нет. Это лишь самые быстрые пути к нему. — Неймор покачал головой. — Насильственно отнятая сила почти сразу начинает убивать своего носителя. Слабый маг тоже долго не выдержит чужую магию. Но даже хранители не могут обмануть природу. Просто она убивает нас медленнее.

Он опустил глаза на свои руки.

— Чем сильнее становится род, тем выше цена, которую он однажды заплатит. Сейчас эту цену платит мой отец.

Неймор отвернулся и сел, уперевшись ладонями в плед. Его плечи заметно напряглись. Я поспешно поднялась следом, не отводя от него глаз.

— Его тело больше не выдерживает силу, которую он носит всю жизнь. Магия медленно разрушает его. Никто не знает, сколько ему осталось. Может быть, год. Может, полгода. За это время я должен подготовиться. А когда он больше не сможет удерживать силу... принять её.

Он ненадолго замолчал.

— И тогда начнётся уже мой отсчёт.

Последние слова прозвучали тише. В обычно ровном голосе появилась хрипота, которую он не смог скрыть.

Смысл сказанного дошёл до меня не сразу. Я смотрела на его напряжённый профиль, пытаюсь осознать услышанное.

— То есть, приняв силу отца, ты сократишь собственную жизнь? — спросила я. — И даже не будешь знать, когда расщепление начнётся у тебя?

Неймор повернул голову.

— Да. Я не буду знать, сколько времени у меня есть. Но рано или поздно это произойдёт, и моё тело начнёт разрушаться так же.

На душе вдруг стало тяжело.

Всё это время я видела перед собой сильного, холодного человека, которому, казалось, ничего не страшно. И только сейчас поняла, что он каждый день живёт рядом с неизбежной смертью отца, зная, что однажды та же участь ждёт и его самого.

— А ты этого хочешь? — неожиданно спросила я.

Неймор нахмурился.

— Чего?

— Стать хранителем.

— Никого не волнует, чего хочу я. Это моя судьба, моя обязанность и мой долг. Я ничего не могу изменить.

— Я понимаю. Но если бы ты мог выбирать? Чего бы ты хотел на самом деле?

Он повернулся ко мне и долго смотрел в глаза.

— Тебе действительно интересно?

Я склонила голову набок и едва заметно улыбнулась.

— Да. Мне интересно.

И это было правдой. Я искренне хотела узнать, о чём он думает, когда говорит не о долге, власти или чужих приказах, а о себе.

Неймор задумался, словно решая, стоит ли отвечать. Он провёл ладонью по пледу и оставил её рядом с моей рукой. Кончики наших пальцев соприкоснулись, но я сделала вид, что ничего не заметила.

— Я хотел бы просто жить, — наконец произнёс он. — Проснуться утром и думать только о сегодняшнем дне. Не вспоминать вчера. Не гадать, что будет завтра. Просто жить тем, что есть сейчас.

Неймор поднял голову и посмотрел на небо.

— Смотреть на облака. Чувствовать солнце. Разговаривать ни о чём. Замечать такие мелочи, на которые обычно даже не обращаешь внимания.

Он говорил спокойно, без эмоций. В его голосе не осталось даже тени надежды. Он придвинул руку ещё ближе. Его пальцы осторожно накрыли мои. Я не отстранилась.

— Потому что никто не знает, сколько времени ему на самом деле отпущено. Завтра может вообще не наступить. Или оказаться совсем не таким, каким мы его представляли.

Он опустил голову. На его лице читалась печаль. Слабая улыбка тронула уголки губ.

— Но именно этого я себе позволить не могу.

От этих слов под рёбрами разлилась тяжесть. Такая простая мечта... И такая недостижимая для него.

— Мне жаль, — тихо ответила я.

Я осторожно повернула ладонь под его рукой, отвечая на прикосновение. Неймор заметил это и уже увереннее накрыл мою кисть своей. Большим пальцем провёл по моей коже.

Он разглядывал меня с едва заметной улыбкой, но в его глазах оставалась тяжёлая грусть. Я не могла отвести от него глаз. Наверное, в моих читалась такая же тоска.

Некоторое время мы просто молчали. Неймор продолжал осторожно гладить мою руку, а я думала лишь об одном.

Может быть, он прав? Может быть, именно поэтому его слова так задели меня?

Я вдруг поймала себя на мысли, что всё это время жила так же, как и он. Только если Неймора преследовало неизбежное будущее, то меня — прошлое. Я снова и снова возвращалась к пережитой боли, боялась того, что ещё может случиться, и совсем забывала о настоящем. О том, что чувствую сейчас. О том, чего хочу в эту самую минуту.

Вдруг солнечный свет померк. Я подняла голову: тёмная туча закрыла солнце, а по саду пронёсся прохладный ветер. Я невольно поёжилась.

— Пора возвращаться в замок. Скоро начнётся дождь, — сказал Неймор, тоже глядя на небо.

— Да, ты прав.

Я поднялась и принялась собирать книги. Неймор помог свернуть плед, взял корзину, и вместе мы вернулись в замок.

До самого вечера его слова не выходили у меня из головы. Я возвращалась к ним, пытаюсь понять, способна ли действительно перестать жить прошлой болью и страхом перед будущим, хотя бы ненадолго позволив себе то спокойствие, которое испытывала рядом с ним.

Перед сном я переоделась в одежду, которую купил мне Неймор, и подошла к зеркалу. Мягкий шёлк приятно струился по телу, прохладной волной скользая по коже, сорочка немного не доходила до колен, а длинный халат почти касался пола, плавно покачиваясь при каждом движении. Я какое-то время молча рассматривала своё отражение, провела ладонью по гладкой ткани на талии, поправила выбившуюся прядь волос и нехотя признала, что красный цвет действительно мне идёт.

В этот момент дверь открылась, и в комнату вошёл Неймор. На нём были чёрные домашние штаны и простая белая футболка, отчего он выглядел совсем иначе, чем обычно, — не как глава древнего рода и один из сильнейших магов этого мира, а как самый обычный человек, вернувшийся домой после тяжёлого дня.

Я сразу повернулась к нему.

— Уже готова ко сну? — спокойно спросил он.

Я быстро кивнула.

Его взгляд медленно скользнул по мне — от лица до самых босых ступней, задерживаясь на новой одежде. На губах появилась едва заметная довольная улыбка. Прислонившись плечом к стене и скрестив руки на груди, Неймор молча продолжил разглядывать меня.

— Отлично выглядишь.

От этих простых слов внутри что-то предательски дрогнуло. Жар мгновенно прилил к щекам, сердце забилось быстрее, а губы невольно тронула улыбка. Я тут же опустила глаза, сделав вид, что поправляю пояс халата. Раньше я бы непременно разозлилась на себя за такую реакцию, начала убеждать, что не имею права радоваться его словам. Но сейчас почему-то не стала. Лишь молча вдохнула поглубже, пытаюсь унять сбившееся дыхание.

В комнате повисла тишина. Я чувствовала на себе его внимание и совсем не хотела, чтобы он отвернулся. Но чем дольше длилось молчание, тем сильнее оно меня смущало.

— Можем ложиться, — первой произнесла я, не выдержав этой тишины.

Я поспешно отвернулась и направилась к кровати. Неймор молча последовал за мной. По его размеренным движениям невозможно было понять, волнует ли его происходящее. Он выглядел так же спокойно, как и всегда.

Он лёг с левой стороны кровати, поправил подушку и, устроившись поудобнее, закинул руку за голову.

Я обошла кровать, быстро сняла халат, аккуратно сложила его на тумбочку и, стараясь лишний раз не смотреть в его сторону, забралась под одеяло. Подтянув его до самой груди, замерла, глядя в потолок и слишком отчётливо ощущая его присутствие рядом. Он лежал совсем близко, но между нами по-прежнему оставалось расстояние, которого никто из нас не решался нарушить.

— Спокойной ночи, — наконец тихо сказал он.

— Спокойной ночи, — так же тихо ответила я.

Свечи одна за другой погасли, и лишь одна осталась гореть у стены, наполняя комнату мягким золотистым светом. Сквозь высокие окна пробивалось бледное лунное сияние, смешиваясь с дрожащими отблесками огня и рисуя на потолке причудливые тени.

Я закрыла глаза, пытаясь уснуть, но сон всё не приходил. Никак не получалось расслабиться. Мысли путались. Я меняла положение, переворачиваясь то на один бок, то на другой, и с каждым движением сердце начинало биться всё быстрее.

Всё это время Неймор лежал неподвижно. Я слышала его размеренное дыхание и почему-то была уверена, что он тоже не спит.

Какая-то часть меня отчаянно хотела придвинуться к нему ближе, почувствовать знакомое тепло и наконец уснуть. Но другая, наоборот, требовала держаться как можно дальше, напоминая обо всём, что произошло между нами. Эти противоречивые чувства не давали мне покоя.

В очередной раз перевернувшись, я оказалась лицом к Неймору и нечаянно коснулась его руки.

Я уже хотела отдернуть ладонь, но не успела. Он мягко накрыл её своей. Через мгновение его пальцы переплелись с моими, и только потом Неймор повернул голову в мою сторону.

— Совсем не спится? — спросил он.

Голос звучал мягко. В нём не было даже намёка на раздражение.

Я замерла, продолжая смотреть на него в полумраке.

— Да... Наверное, потому что я проспала половину дня, — ответила я, всматриваясь в едва различимые черты его лица. — Я мешаю тебе. Ты сегодня очень рано встал, да и завтра, скорее всего, тоже придётся подняться ни свет ни заря...

Неймор повернулся ко мне всем телом, так и не выпуская моей руки.

— Беспокоишься обо мне?

Даже не видя выражения его лица, я знала, что он ухмыляется.

— Нет, — ответила я в той же манере. — Просто не хочу, чтобы ты был не в настроении и решил сорвать злость на мне.

— Я никогда так не делал, — серьёзно возразил Неймор.

Я хмыкнула, однако спорить не стала.

— Мне тоже не спится, — спустя несколько секунд произнёс он. — Можем поговорить.

— Почему ты живёшь именно в этом замке? — спросила я почти сразу.

Раз уж он сам предложил разговор, мне действительно хотелось узнать о нём больше.

Неймор улыбнулся. Похоже, он ожидал услышать совсем другой вопрос.

— Мне всегда нравилось это место. Этот замок находится далеко от города. Здесь тихо, спокойно, свежий воздух, вокруг лес...

— Очень удобно... если собираешься держать кого-то в заложниках, — с лёгкой усмешкой закончила я.

Он рассмеялся.

— И это тоже.

Его пальцы всё так же поглаживали мою ладонь.

— Но ты, Лана, не заложница.

Он сделал едва заметную паузу.

— Ты мой трофей. Мой подарок.

Ещё одна пауза.

— И очень ценный.

Пока он говорил, расстояние между нами незаметно сокращалось. Совсем немного. Настолько, что я осознала это лишь тогда, когда наши лица оказались слишком близко друг к другу.

— Ты говорил, что держишь меня здесь только ради мести Томасу. В этом и заключается вся моя ценность и не более того.

Неймор придвинулся ещё ближе. Теперь между нами оставалось всего несколько сантиметров.

— Я говорил, что хотел ему отомстить, — шёпотом произнёс он. — Слово «только» ты добавила сама.

Его голос прозвучал так близко, что дыхание сразу стало неровным.

— Тогда... какая ещё может быть причина? — так же тихо спросила я.

Он поднял руку. Кончики его пальцев едва коснулись моей щеки.

Так осторожно... Словно боялся спугнуть этот момент.

Он провёл пальцами по моей коже, и по телу сразу пробежала горячая дрожь. Губы сами собой приоткрылись, а сердце забилося так сильно, что я начала слышать его удары.

— Я хотел тебя задолго до того, как Томас влюбился в тебя, — не сводя с меня взгляда, сказал он. — Он никогда не был причиной моего желания, Лана. Лишь одной из причин, по которым ты оказалась здесь.

От этой неожиданной нежности стало больнее, чем от его привычной жестокости. К его холоду я привыкла: он ничего не обещал и не оставлял места надежде, тогда как эта мягкость заставляла снова чувствовать.

— Неймор... — едва слышно произнесла я. — Тебе не нужно притворяться. Не нужно становиться тем парнем, которым ты был в колледже. Я всё равно никуда не денусь. Всё равно останусь рядом с тобой... каким бы ты ни был.

Его ладонь так и лежала на моей щеке. Он не прекращал гладить её, внимательно всматриваясь в мои глаза.

— Я не притворяюсь, — ответил он.

Несколько секунд он просто смотрел на меня.

— Я действительно хочу тебя. И к тому, что чувствую сейчас... Томас не имеет никакого отношения.

Его ладонь соскользнула с моей щеки к талии и осторожно притянула меня ближе. Настолько близко, что между нашими губами почти не осталось воздуха.

Я чувствовала его дыхание — тёплое, немного сбившееся. Моё давно стало таким же.

— Это желание вызываешь во мне ты, Лана. Желание прижаться к тебе. Ласкать тебя... Чувствовать, как ты дрожишь под моими руками. Слышать твои стоны. Обладать тобой полностью.

Каждое его слово отзывалось внутри жаркой волной. Моё тело снова предавало меня, и сдерживаться становилось всё труднее. Мне отчаянно хотелось сократить последние миллиметры между нами, поцеловать его и хотя бы на одно мгновение перестать думать.

Он тоже это чувствовал. Я видела это по напряжённым плечам, по тому, как отчаянно он пытался сдержаться. Но вместо этого Неймор закрыл глаза, сделал глубокий вдох и едва заметно покачал головой.

— Я больше не стану тебя принуждать, — тихо сказал он. — Я хочу лишь одного: чтобы однажды ты сама захотела меня. Не потому, что боишься или считаешь себя обязанной. И даже не потому, что смирилась. А потому, что действительно этого хочешь. Поэтому я не прикоснусь к тебе... пока ты сама не сделаешь этот выбор.

Он отстранился, оставляя между нами то самое расстояние, которое ещё мгновение назад было невыносимым. Его ладонь по-прежнему лежала на моей талии, но больше не двигалась.

Несколько долгих секунд мы просто молчали, пытаюсь справиться со сбившимся дыханием. И каждый из нас понимал, что только что удержался на самом краю.

Почему я снова чувствую это желание? Снова хочу его. Он сделал столько ужасного, причинил мне столько боли и, скорее всего, причинит ещё, несмотря на все свои обещания. Но я всё равно его хочу. Так сильно, что хочется плакать от этого дикого, неправильного желания. Это неправильно. Я не должна. Не могу себе этого позволить.

Слова, сказанные им сегодня в саду, сами всплыли в памяти, и я задумалась.

Но если прошлое уже нельзя изменить... Будущее всё равно наступит. Если однажды Неймор снова причинит мне боль, это случится потом. А это «потом» ещё не наступило.

Неймор был рядом. Мне было хорошо в его объятиях. И впервые я хотела его не из страха, не потому, что была обязана, а потому что сама этого желала.

И какой смысл продолжать бороться с этим? Душевная боль всё равно никуда не исчезнет. Она уже давно стала частью меня. Я могу отказаться от этого желания, могу заставить себя отвернуться, но легче от этого не станет. Наоборот. Я лишь лишу себя единственного, что ещё заставляет хоть что-то чувствовать.

Да, это неправильно. Да, этот человек причинил мне слишком много боли. И, возможно, однажды причинит ещё. Но если даже среди всего этого ужаса моё тело всё ещё способно испытывать желание... почему я должна отказаться и от него?

Я подняла на него глаза.

— Я хочу тебя, — прошептала я. — Прямо сейчас.

Неймор замер. Мои слова явно оказались для него неожиданностью.

А в следующую секунду он впирается в мои губы — резко, жадно, не оставляя ни единой возможности думать. Поцелуй становится всё глубже, всё настойчивее, а его руки крепче прижимают меня к себе. Я отвечаю ему с тем же отчаянием, стараясь не упустить ни единого мгновения.

Мне до дрожи хочется прикоснуться к нему, но где-то глубоко внутри всё ещё живёт страх сделать что-то не так. Осторожно и неуверенно я кладу ладонь ему на грудь, готовая в любой момент отдернуть руку.

Неймор сразу накрывает её своей.

На мгновение мне кажется, что сейчас он уберёт мою ладонь, будто мои прикосновения ему не нужны.

Но вместо этого он лишь сильнее прижимает её к себе, проводит моей рукой по своей груди, позволяя почувствовать тепло его тела, напряжение мышц и частое биение сердца, а затем поднимает её выше и осторожно прижимает к своей щеке.

От этого простого движения обрывается последняя ниточка, которая ещё удерживает меня от него. Все страхи, до сих пор не позволявшие сделать этот шаг, будто растворяются сами собой. Я придвигаюсь ближе, больше не боясь, осторожно провожу пальцами по его щеке, шее, зарываюсь в волосы, отвечая на поцелуй уже без прежней нерешительности.

Он хочет, чтобы я касалась его. Хочет этого так же сильно, как и я.

Неймор лишь ненадолго отстраняется, помогая мне избавиться от сорочки, после чего припадает губами к моей груди. Его прикосновения медленные и мучительно нежные, заставляющие по телу одну за другой пробегать горячие волны дрожи.

Мне вдруг отчаянно хочется увидеть его. Не чувствовать под пальцами ткань, а прикоснуться к нему самому.

Я тянусь к краю его футболки. Неймор понимает меня без слов, едва заметно улыбается и одним движением снимает её через голову. На мгновение у меня перехватывает дыхание.

Взгляд медленно скользит по его телу. Широкие плечи, сильная шея, чётко очерченные мышцы груди и рельефный пресс — каждая линия будто выточена с невозможной точностью. Ни одной лишней детали. Ни одного изъяна. Даже в полумраке его тело напоминает мраморную статую, а тёплый свет свечи лишь подчёркивает игру теней на напряжённых мышцах. На мгновение я ловлю себя на мысли, что он пугающе красив. Настолько, что становится трудно отвести взгляд.

Опустив глаза ниже, я замечаю большую татуировку. Даже в дрожащем свете единственной свечи она живёт собственной жизнью. На ней в вечном поединке застыли две фигуры — ангел и демон с расправленными крыльями. Их лица скрывают глубокие капюшоны, а мечи занесены друг над другом, не желая уступить ни на шаг.

Не задумываясь, я провожу кончиками пальцев по рисунку.

— Красиво... — едва слышно шепчу я.

Неймор смотрит на меня, явно собираясь что-то сказать, но вместо слов перехватывает мою руку, легко касается губами моих пальцев и, не давая мне вновь отвлечься, осторожно опускается ближе ко мне.

Его губы находят мои. На этот раз поцелуй становится медленнее, глубже. Он намеренно растягивает каждое мгновение, позволяя мне прочувствовать его до конца. От этой неторопливости становится только тяжелее. Желание нарастает с каждой секундой, а мысли одна за другой исчезают, растворяясь в его прикосновениях.

— Неймор... ну же... Я больше не могу... — стону я.

На его губах появляется довольная ухмылка.

— Да... — хрипло шепчет он, склонившись к самому моему уху. — Произнеси моё имя ещё раз...

Я чувствую, как он избавляется от последних остатков одежды.

— Неймор... — выдыхаю я, с трудом справляясь со сбившимся дыханием.

— Ещё...

Его голос звучит совсем тихо, непривычно глухо.

— Неймор... — шепчу я, сильнее прижимаясь к нему.

Он прикрывает глаза, словно наслаждаясь одним лишь звуком моего голоса, а затем, больше не заставляя ждать, вставляет в меня свой член.

Я громко стону, крепче вцепившись пальцами в его плечи. Всё моё тело мгновенно напрягается, дыхание перехватывает, а по коже одна за другой прокатываются горячие волны дрожи. Мир перестаёт существовать. Остаются только его объятия, его дыхание, его губы, не перестающие искать мои.

Он делает всего пару движений внутри меня, и я выгибаюсь ему навстречу, зажмуриваясь, чувствуя, как всё внутри захлёстывает волна, и перестаю различать что-либо вокруг.

В голове не остаётся ни одной мысли. Только одна — отчаянно счастливая и безумная:

Как же мне хорошо... И сейчас мне всё равно.

Неймор не останавливается, продолжает покрывать поцелуями моё лицо, шею, плечи, крепко прижимая меня к себе. Каждое движение его члена внутри меня отзывается во мне новой горячей волной, заставляя вновь терять ощущение времени.

Я не знаю, сколько проходит времени и сколько оргазмов испытываю за эту ночь. Но всё равно хочется ещё больше.

Когда Неймор заканчивает, он ложится рядом, тяжело переводя дыхание.

У меня не остаётся сил даже пошевелиться. Каждая мышца приятно ноет, а тело кажется удивительно лёгким, освободившись от напряжения, накопившегося за долгие месяцы.

Он придвигается ближе и молча обнимает меня. Я с трудом поворачиваюсь к нему, утыкаюсь лбом в его грудь и обнимаю в ответ.

Через несколько минут я уже проваливаюсь в сон.

Мне было удивительно спокойно.

Да, где-то глубоко внутри всё ещё жила боль. Она никуда не исчезла. Всё пережитое не стало менее страшным, не растворилось и не перестало существовать. Наверное, эта рана ещё очень долго будет напоминать о себе.

Но сейчас...

Сейчас мне впервые удалось сделать вдох без ощущения, будто что-то неумолимо сжимает сердце. Эти чувства не исцелили меня.

Но они словно разбавили боль, сделали её тише, позволив хотя бы ненадолго перестать думать о ней.

Мне больше не было стыдно — ни перед Томасом, ни перед этим миром, ни перед самой собой. Я больше не собиралась наказывать себя за то, что чувствовало моё тело. Если среди всей этой боли у меня ещё оставалась возможность хотя бы ненадолго забыться, я не хотела отнимать её у самой себя.

Что бы на самом деле ни связывало меня с Неймором — любовь, ненависть или что-то ещё, — теперь я знала одно: я больше не хотела жить только вчерашней болью и завтрашним страхом. Желание никуда не исчезнет, сколько бы я ни пыталась его отрицать. И больше я не собиралась делать вид, будто его нет.

Глава 23 Жить в аду

Неймор 2 месяца назад

Когда Лану доставили в замок, и я вышел из её комнаты, оставив её одну, приходиться себя, впервые за долгое время почувствовал настоящее облегчение, потому что знал — в моём замке она в безопасности. По крайней мере, очень хотел в это верить.

Мне удалось вытащить её оттуда, и уже одно это казалось настоящей победой. Но радоваться было рано. Я совершенно не понимал, что делать дальше, как теперь с ней разговаривать, что сказать и возможно ли вообще объяснить происходящее так, чтобы она хотя бы выслушала.

Но я не имел права спешить.

Фодес мог читать мои мысли, а то, что в этот раз он не добрался до самого важного, ещё ничего не значило. Я не знал, почему так произошло. Возможно, он ещё не успел разобраться с новой силой. Возможно, она ещё не подчинилась ему полностью. Проверять это на собственной шкуре я точно не собирался.

Поэтому я решил пока ничего не менять.

Остаться тем самым холодным Неймором, которого Лана ненавидела, пока не пойму, что происходит на самом деле, пока не буду уверен, что могу позволить себе хотя бы одну ошибку.

И когда мы встретились снова, я сделал именно это: говорил так же холодно, смотрел сверху вниз, позволял себе ту же надменность, к которой она давно привыкла, и если бы кто-нибудь наблюдал за нами со стороны, не заметил бы абсолютно ничего.

Ни единой трещины.

Только внутри я едва держался, потому что единственное, чего мне хотелось на самом деле, — обнять её, успокоить, сказать правду, сказать, что я не враг, что хочу помочь, хочу спасти её. Но запрещал себе даже думать об этом. Один неверный шаг мог разрушить всё.

Этой же ночью Фодес отмечал победу огромным пиром. Его приближённые и лучшие солдаты постепенно разбрелись по фамильному поместью. Повсюду сновали проститутки, которых притащили сюда развлекать гостей. Одни уже сидели у мужчин на коленях, другие исчезали с ними в соседних комнатах. Остальные заливали победу виски, словно сегодня не погибли сотни людей и не разрушились сотни жизней.

Я стоял в самом дальнем углу зала с бокалом виски, надеясь, что сегодня обо мне просто забудут. Единственное, чего мне хотелось, — чтобы этот чёртов вечер поскорее закончился.

— Неймор.

Знакомый холодный голос прозвучал совсем рядом. Я повернул голову и увидел приближающегося отца. По его лицу стало ясно: он недоволен. И очень старался этого не показывать.

— Отец, — без тени эмоций произнёс я, когда он подошёл ближе, уже готовый начать очередное нравоучение.

— Почему ты ослушался моего приказа и остался в колледже? — без приветствия спросил он. — Тебе очень повезло, что ты вообще остался жив.

В его голосе звучало привычное спокойствие, но я слишком хорошо его знал, чтобы не услышать за ним раздражение.

— И что ещё за история с трофеем?

Я устало выдохнул. Сейчас говорить о Лане хотелось меньше всего. Зато наконец появилась возможность разобраться с куда более важным вопросом.

— Давай не сейчас. Есть кое-что важнее.

Отец вопросительно вскинул брови.

— Что с силой Фодеса? Почему он не смог прочитать мои мысли до конца?

Он ответил не сразу. Лишь ненадолго замолчал, будто пытался понять, что произошло.

— Почему ты решил, что должен был?

Я быстро огляделся, убеждаясь, что нас никто не подслушивает.

— Потому что видел, как работала сила Томаса. Даже он проникал в сознание глубже. А Теодор вообще был хранителем телепатии. Если бы захотел, смог бы добраться практически до любых воспоминаний.

Отец глубоко вздохнул и расправил плечи. Он явно нервничал, хотя изо всех сил пытался этого не показать.

Значит, он действительно знает правду.

— Теодор тоже не мог проникнуть абсолютно в любое сознание. Моё, например, было закрыто для него гораздо сильнее, чем сознание других людей.

Я покачал головой.

— Не сравнивай. Ты хранитель. Во мне нет такой силы. Я не должен был суметь защититься от Фодеса. Значит, дело не во мне.

Отец едва заметно усмехнулся и сделал шаг ближе.

— Неймор... — его голос стал тише, а лицо ещё серьёзнее. — Я уже говорил тебе: не лезь туда, куда не следует. И сейчас повторю то же самое. Есть вещи, о которых безопаснее не знать. Особенно сейчас.

— Значит, ты всё-таки знаешь, почему так произошло.

— Знаю гораздо больше, чем могу тебе рассказать.

Он произнёс это спокойно, но твёрдо.

— Поэтому советую перестать копаться в этом. Считай счастливой случайностью то, что Фодес не способен проникнуть в твоё сознание так глубоко, как ему самому хотелось бы.

Он поставил пустой бокал на поднос проходившего мимо слуги и пристально посмотрел мне в глаза.

— И ещё одно. Что бы ни происходило дальше, держи себя в руках. Иногда одна неосторожная мысль может оказаться опаснее любого поступка.

Я молча кивнул.

Как всегда. Ни одного прямого ответа.

Но теперь стало понятно самое важное: Фодес не сможет проникнуть глубоко в моё сознание, даже если будет пытаться. Впервые за весь вечер я почувствовал облегчение.

— Теперь идём, — отец развернулся в сторону гостиной, где за столом уже сидели Фодес и остальные гости. — Повелитель ждёт нас.

Мы направились к длинному столу, за которым продолжался пир. Во главе, развалившись в широком кресле, возвышался Фодес. Перед ним стояли бутылки дорогого виски. Вокруг шумели приближённые, поздравляя его с победой, поднимая бокалы и смеясь так громко, будто без их восторгов он мог забыть, насколько велик.

Он с удовольствием принимал поздравления, жал руки каждому, кто подходил ближе, и выглядел абсолютно довольным собой и всем происходящим.

Мы с отцом заняли свободные места рядом с ним.

Фодес несколько раз бросал на меня короткие взгляды, и каждый раз я ощущал их ещё до того, как поворачивался в его сторону. В них не было подозрения. Только интерес.

Когда отец отвлёкся на разговор с одним из хранителей, сидевших рядом, Фодес слегка повернул голову в мою сторону, сделал глоток виски и, не сводя с меня глаз, негромко спросил:

— Ну что, Неймор, как твои дела?

— Всё хорошо, господин, — ответил я, сохранив спокойствие. — Отмечаю вашу победу вместе со всеми.

Он едва заметно улыбнулся.

— Рад это слышать. Не люблю видеть рядом с собой людей, которые не умеют радоваться по-настоящему.

Он медленно покрутил бокал в руке, наблюдая, как по стеклу стекают капли янтарного виски, а затем неожиданно спросил:

— А как дела у Ланы?

На долю секунды я замер. По телу прошла холодная волна.

Он назвал её по имени. Значит, уже успел узнать о ней всё, что хотел. Значит, она действительно его заинтересовала.

Я заставил себя сохранить непроницаемое выражение лица.

— Её только доставили в замок. Поэтому я сам ещё ничего не знаю.

— Да... — задумчиво протянул он. — Пожалуй, ты прав. Я действительно слишком спешу.

Несколько секунд он молчал, будто размышляя совсем о другом, а затем вновь поднял на меня взгляд.

— Знаешь, Неймор, а ведь сначала я хотел отдать её в бордель. Мне казалось, что такая красивая, упрямая девушка прекрасно впишется в одну из прозрачных комнат. Она смотрела на меня с такой ненавистью... Даже любопытно стало, как быстро она исчезнет, когда девочка поймёт, что выбора у неё больше нет.

В другом конце зала кто-то громко рассмеялся. Несколько бокалов звонко столкнулись друг с другом, и десятки голосов одновременно выкрикнули тост за победу.

— Думаю, посетители были бы от неё в восторге. Такие, как она, всегда вызывают особый интерес. Их не нужно учить сопротивляться. Они и без того делают это до последнего.

Я продолжал молчать, не позволяя себе ни единого лишнего движения. Хотя внутри всё кипело. Каждое его слово резало меня изнутри. Я был уверен, что во время битвы он хотел убить её. Но вместо смерти приготовил ей другую участь. Он хотел, чтобы она жила в аду.

— Но после того как заглянул в твою голову, — продолжил он, небрежно пожав плечами, — я передумал. В твоих мыслях было столько ненависти, что мне даже стало любопытно, насколько далеко ты готов зайти.

Фодес сделал глоток виски и едва заметно улыбнулся.

— Если бы я отдал её в бордель, она сломалась бы слишком быстро. Это было бы слишком просто. А вот человек, который сам мечтает причинить ей боль, способен уничтожить её гораздо лучше любого моего палача.

Напряжение сковало каждую мышцу. Я сжал пальцы до боли. Эта боль не позволяла мне сорваться.

— Я сразу понял, что ты сделаешь с ней то, чего не сможет сделать ни один из моих людей. Не просто изнасилуешь её, не просто унизишь... Нет.

Он замолчал. Несколько секунд слышались лишь музыка, звон посуды и довольные голоса гостей. Где-то неподалёку вновь раздался женский смех. Следом прозвучал ещё один тост.

На его лице медленно расплылась мерзкая улыбка.

— Ты уничтожишь её изнутри. Именно поэтому она твоя.

Я сохранил то же выражение лица, а затем натянул на себя эту мерзкую, чужую улыбку, копируя его настолько точно, насколько это вообще было возможно.

— Господин, я благодарен вам за то, что вы так высоко цените меня и сделали столь щедрый подарок, — ровно произнёс я. — Обещаю, я вас не разочарую. Она в хороших руках.

Несколько секунд он молчал, явно наслаждаясь услышанным. Улыбка стала ещё шире.

— Рад это слышать.

— С вашего позволения я ненадолго отлучусь, — произнёс я.

Он лишь коротко кивнул.

Я поднялся из-за стола и поспешил прочь, потому что чувствовал, как по швам расходится самообладание.

С каждым шагом дышать становилось всё тяжелее. Мысли путались, а напряжение, которое я так долго удерживал под контролем, обрушилось разом с такой силой, что я не замечал, куда иду, пока не оказался у ближайшей уборной.

Захлопнув за собой дверь, я наконец позволил себе снять маску. Упёрся обеими руками в раковину и опустил голову, пытаясь сделать хотя бы один нормальный вдох.

Воздух будто перестал проходить в лёгкие.

Я быстро расстегнул верхние пуговицы рубашки, провёл ладонью по шее и с силой сжал её, словно это могло хоть немного привести меня в чувство.

Спустя несколько долгих секунд дыхание начало выравниваться.

Подняв взгляд, я встретился с собственным отражением. И тогда всё окончательно встало на свои места.

Фодес больше не удовлетворится одной моей маской.

Ему уже недостаточно слышать мои слова или видеть выражение лица. Теперь он будет раз за разом проникать в моё сознание, проверяя, действительно ли перед ним тот человек, которого он хочет видеть рядом с собой.

И теперь дело уже не в мыслях. Ему понадобятся поступки. Он захочет увидеть доказательства.

Смогу ли я продолжать его обманывать? Или однажды мне действительно придётся стать тем человеком, которого он во мне увидел?

Как долго человек способен контролировать каждую собственную мысль... каждую эмоцию... каждую случайную ассоциацию... прежде чем сам перестанет понимать, где заканчивается правда и начинается ложь?

Я невольно усмехнулся своему отражению.

Я хотел лишь одного — чтобы Лана была в безопасности. Теперь единственным способом защитить её становилось то, чего я боялся больше всего. Мне придётся стать человеком, которого она возненавидит. Тем самым чудовищем, от которого я всегда хотел её уберечь.

Когда Фодес приказал устроить приём в моём доме, мне стало ясно, что это не просто прихоть и не желание сменить обстановку. И с этого момента ощущение надвигающегося кошмара не отпускало меня ни на секунду. Оно сжимало горло, не давая нормально дышать, нависало над каждым действием, не оставляя ни минуты покоя. Я не расслаблялся ни на секунду, стараясь держаться в стороне, не попадаться ему на пути, не давать повода, не привлекать внимания.

Но это было бесполезно. Потому что он всё равно нашёл меня. Застал врасплох. Возле лестницы. Сразу после разговора с отцом.

— Неймор, дорогой... — протянул Фодес. На его лице застыла кривая улыбка. — Отец грузит нравоучениями, не так ли?

— Господин... не стоит волноваться. Всё хорошо. Просто болтали. Ничего достойного вашего внимания. — Я продолжал смотреть в пол, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Понимаю, — с неожиданным спокойствием ответил Фодес. — У меня тоже был отец. Пытался учить меня жизни... Жаль, его советы оказались пустыми. Он недооценил меня. А я, как видишь, добился всего. Так что... не ко всем родительским словам стоит прислушиваться.

Он замолчал, продолжая смотреть на меня. Во рту пересохло. Я сделал медленный глоток виски, выигрывая несколько секунд.

— Посмотри мне в глаза, сынок, — наконец произнёс он.

Я сразу подчинился. Уже знал, чего он хочет. Знал, что он ищет.

Из памяти всплыл тот момент в библиотеке. Как накричал на Лану, как она испугалась, как прижал её к столу, как постепенно перестала сопротивляться. Тогда я уже был на грани, но всё же остановился. Пришлось заставить себя пойти дальше. Докрутить воспоминание до

конца. Представить то, чего никогда не было. Как это могло бы быть. Этот образ приходилось удерживать в голове насильно. Но этого не хватило.

— Неймор... фантазии впечатляют... — Фодес тяжело вздохнул. На его лице читалось откровенное разочарование. — Но действия были бы куда убедительнее...

Конечно. Он хотел, чтобы это стало реальностью. Хотел, чтобы я действительно превратился в монстра.

— Господин... я был занят работой. Совсем было не до этого...

— Ох, сынок... — его голос звучал так мягко, что со стороны можно было решить, что он и правда сочувствует. — Ты так молод... а обязанностей уже так много. Мне совсем не хочется, чтобы ты тратил лучшие годы на эту никчёмную работу...

Он снова замолчал, будто тщательно подбирая слова.

— Я могу выделить тебе больше выходных... чтобы ты наконец смог как следует отдохнуть...

— Благодарю, господин, но не стоит. Я уже почти привык к новому ритму.

— Неймор... — его голос стал тише, но жёстче. — Я настаиваю. Тебе нужно выпустить пар... и наконец позволить себе... больше.

Он сделал ещё один шаг и оказался совсем рядом.

Уже было очевидно, к чему он ведёт.

Фодес наклонился ко мне так близко, что его холодное дыхание коснулось моей кожи.

— Ты можешь сделать с ней всё, что захочешь... — произнёс он шёпотом. — Воплотить свои фантазии в жизнь... Не сдерживаться... Быть тем, кем являешься на самом деле...

Я слушал его, всё сильнее сжимая бокал. Пальцы уже побелели, а внутри медленно поднималось тяжёлое осознание неизбежного.

— Я подарил её тебе для этого... — он покрутил бокал с виски в руке. — Но если вдруг она тебе уже не интересна... Я всегда могу отдать её в бордель. Там она быстро станет одной из лучших.

Фодес улыбнулся. Как человек, который уже знает исход игры.

Это не предложение. Это приказ. И выбора у меня больше нет.

— Не стоит, господин... — Я выпрямился, сохраняя внешнее спокойствие, и сделал глоток виски. — Вы правы... мне действительно стоит выпустить пар.

— Отлично, Неймор... — с довольной улыбкой произнёс он. — А я постою здесь и послушаю... надеюсь, это будет громко.

Он тяжело положил ладонь мне на плечо. Как клеймо. Как приговор.

Назад дороги больше нет.

Я коротко кивнул ему и отвернулся, направившись к лестнице. Ещё секунда — и заставить себя пойти к Лане стало бы гораздо сложнее. Я медленно поднимался вверх. Каждый шаг давался с усилием. Само тело сопротивлялось, не желая вести меня туда, куда я его гнал. А в голове крутилась одна тяжёлая мысль.

Мне придётся это сделать. Сейчас. С ней. Грубо. Жестоко. Так, как хочет Фодес. И при этом не позволить себе ни одной настоящей мысли, ни одному настоящему чувству вырваться наружу, потому что стоит ему хоть что-то почувствовать — всё закончится.

С каждым шагом ноги становились тяжелее, я сжимал кулаки так сильно, что ногти впились в ладони, стискивал зубы до боли, пытаясь удержать себя в руках, но в голове один за одним вспыхивали вопросы: Как я смогу это сделать? Где взять силы? Где взять эту ненависть?

Я перебирал одну мысль за другой, пытаясь разжечь в себе злость, пока в голове не вспыхнул один образ.

Сильварис.

Долбаный Сильварис. Сука. Это всё из-за тебя. Почему я тогда тебя не убил? Почему вообще подпустил к ней?

Одного воспоминания о нём хватило, чтобы ярость наконец вспыхнула. Я удержал её. Не позволил ей исчезнуть. Заставлял себя снова думать о Сильварисе, понимая: ненависть — единственное, что доведёт меня до конца.

Остановившись у её двери, я замер на секунду, закрыл глаза и сделал глубокий вдох, чувствуя, как воздух с трудом проходит через сжатое горло, затем выдохнул сквозь зубы, пытаюсь хоть немного успокоиться.

Я делаю это ради неё. Чтобы она была жива, чтобы осталась здесь, чтобы её не забрали в бордель, чтобы её никто не тронул, чтобы всё это закончилось на мне, чтобы дальше ей не пришлось пройти через то, что видел я.

Открыв глаза, я больше не позволил себе думать. Резко распахнул дверь и вошёл в комнату.

Сразу увидел Лану — её испуганное лицо. Сердце болезненно дрогнуло, но это чувство я тут же задавил. Пути назад больше не было. Ни для неё. Ни для меня. Я должен был довести всё до конца.

Старался закончить как можно быстрее. Не думать. Не чувствовать. Просто пережить этот момент. Закончив, я вышел, не оглядываясь. Спускаясь по лестнице, я ощущал одну пустоту. Тяжёлую и глухую. Вместе с этим вечером умерла ещё какая-то часть меня

Я раз за разом прокручивал в голове произошедшее, но так, как было нужно, в той форме, которая была безопасной, не позволяя себе ни одного лишнего образа, ни одной настоящей мысли.

Фодес всё это время стоял внизу. Стоило мне спуститься, как я увидел на его лице довольную улыбку. Он слышал. Каждый её крик. Этого он и добивался.

Оказавшись рядом, я сам открыл ему своё сознание, позволяя увидеть то, что он хотел: ненависть, злость, презрение.

— Впечатляюще, сынок, — он довольно хлопнул меня по плечу. — Столько ненависти... столько злости... Думаю, ты ещё не раз порадуешь меня подобными моментами.

Порадуешь... Если бы ты только знал, кому на самом деле принадлежит вся эта ненависть.

Я почти не слышал, что он говорил дальше. Хотелось уйти. Остаться одному.

— Безусловно, господин, — ответил я автоматически тем голосом, который он привык слышать. — Позвольте ненадолго отлучиться. Мне нужно привести себя в порядок.

— Конечно, сынок... иди, — негромко ответил он.

И тут же телепортировался в кабинет.

Стоило остаться одному, как всё, что я удерживал последние полчаса, рухнуло разом. Ноги подкосились сами собой. Я тяжело опустился в кресло, вцепился пальцами в волосы, сжал их до боли, пытаюсь заглушить этот хаос внутри, но вместо этого из груди вырвался лишь глухой, сдавленный стон.

— Сука... сука... сука... — хрипло повторял я, не замечая собственного голоса. — Как же я тебя ненавижу...

Кого именно — Фодеса, Сильвариса или себя — я уже не понимал.

Меня трясло. Желудок сводило так, что сейчас вывернет наизнанку. Хотелось содрать с себя кожу, избавиться от рук, которыми я её касался, отрезать себе член, стереть этот вечер, чтобы его никогда не было.

Я с такой силой ударил кулаком по столу, что дерево жалобно треснуло.

Этого оказалось мало.

Одним движением я смёл на пол всё, что стояло на столе. Книги, бумаги, бутылка виски с бокалом — всё с грохотом разлетелось по кабинету. Следом полетел и стол. Он с треском перевернулся, врезался в шкаф, и тот, покачнувшись, рухнул следом, увлекая за собой содержимое полок.

Я бил без остановки, ничего не видя перед собой. Когда кулак с хрустом ударился о каменную стену, резкая боль наконец немного привела меня в чувство.

И тогда сознание ударило по мне с той беспощадной ясностью, от которой невозможно было спрятаться.

Какого чёрта у тебя встал член?

Я замер. Соврать самому себе было невозможно.

Слишком хорошо помнил каждое мгновение. Помнил, как тело перестало сопротивляться. Как отозвалось вопреки всему. Как в конце я всё-таки кончил.

Тебе понравилось. Ты испытал удовольствие. Ты такой же, как Фодес.

— Нет... — выдохнул я, мотнув головой, пытаюсь выбросить из неё проклятые мысли. — Нет... это неправда...

Схватившись за голову, я до боли стиснул зубы, заставляя себя дышать ровнее.

Мне не понравилось. Я сделал это потому, что другого выхода не было. Потому что иначе её забрали бы в бордель. Потому что это был единственный способ.

Я повторял эти слова, упрямо заставляя себя в них поверить. Но это уже ничего не меняло. Собственное тело раз за разом разрушало каждое оправдание, не оставляя ни единой возможности спрятаться от правды.

Сколько бы я ни пытался выбросить случившееся из головы, мысли неизменно возвращались к ней. К Лане. К тому, что она сейчас чувствует.

Боже... как же ей сейчас больно...

Я будто очнулся.

Не давая себе ни секунды на раздумья, я бросился к шкафу с зельями, распахнул дверцы и быстро нашёл нужные флаконы.

Я быстро привёл себя в порядок, залечил разбитые костяшки и телепортировался на кухню.

Найдя Миланию, я отвёл её в сторону, туда, где нас никто не мог услышать.

Достав из кармана два пузырька, я вложил их ей в ладонь.

— Отнеси это Лане. Проследи, чтобы она выпила оба.

Милания опустила взгляд на флаконы.

— Господин... Что это за зелья? Что мне сказать ей?

Я указал на красный пузырёк.

— Это обезболивающее. Оно снимет физическую боль и притупит эмоции.

На мгновение я замолчал, чувствуя, как слова застревают в горле.

— Второе... противозачаточное.

Она приоткрыла рот, но я не дал ей сказать ни слова.

— Никаких вопросов, — оборвал я её. — Иди к ней. Сейчас же.

Милания молча кивнула и исчезла.

А я вернулся в гостиную, где приём шёл, как ни в чём не бывало. Сел рядом с Фодесом, окружённым приближёнными. У некоторых на коленях сидели проститутки, которых вызвали сюда для развлечения. Одна из них быстро перебралась ко мне. Я даже не стал её прогонять. В тот момент я был слишком опустошён, чтобы обращать внимание на происходящее вокруг.

Фодес выглядел довольным. Время от времени он бросал на меня взгляд, в котором читалось удовлетворение. Именно такого Неймора он и хотел видеть рядом с собой.

А я думал об одном.

Я не выдержу. Я не смогу так жить и причинять ей боль каждый день. Просто сойду с ума.

Значит, придётся найти другой способ. Прятать свои мысли бессмысленно — Фодеса этим не обмануть. Нужно научиться управлять ими так, чтобы он видел лишь то, что должен.

Чтобы мне больше никогда не пришлось причинять ей боль для того, чтобы сохранить ей жизнь.

Но смогу ли я? Или сломаюсь раньше и действительно стану тем чудовищем, которым он видел меня с самого начала?

Неймор Настоящее

Я с трудом открыл глаза от яркого солнечного света, заливавшего комнату сквозь неплотно задёрнутые шторы. Руку неприятно покалывало, и я машинально пошевелился, но тут же замер.

Лана.

Она крепко спала, обнимая меня и положив голову мне на грудь. Во сне едва слышно сопела и лишь слегка шевельнулась, почувствовав моё движение.

Я невольно улыбнулся.

Воспоминания о прошлой ночи были ещё слишком свежими, и от них внутри разливалось приятное тепло. За всё время, что Лана жила в моём замке, я впервые не почувствовал себя насильником.

Переведя взгляд на часы, я тихо выругался.

Чёрт... Полдень. Я проспал работу. Отец наверняка уже несколько раз пытался связаться со мной. Хорошо ещё, что не явился сюда лично и не застал нас в такой... уютной позе.

Я осторожно попытался высвободить руку, чтобы проверить сообщения на браслете, но стоило мне пошевелиться чуть сильнее, как Лана открыла глаза и сонно посмотрела на меня.

— Не хотел тебя будить, но мне срочно нужно проверить сообщения.

Она тут же приподнялась, освобождая мою руку.

— Который час? — сонно спросила Лана, зевнув, и тут же натянула одеяло повыше, прикрываясь от меня.

Я заметил это и едва сдержал ухмылку.

— Двенадцать сорок.

На браслете уже ждали несколько сообщений от отца. Он явно был недоволен тем, что я не появился на встрече с делегацией из соседней страны, представители которой собирались заключить крупную сделку, однако длинной нравоучительной лекции не последовало. Значит, ничего действительно серьёзного не произошло, и он справился без меня.

Я быстро отправил короткий ответ:

"Скоро буду."

После чего повернулся к Лане.

— Я проспал важную встречу... Но всё в порядке. Без меня справились.

Наклонившись, я легко коснулся губами кончика её носа. Она не отстранилась, но сразу опустила ресницы, заметно покраснев.

Её смущение забавляло меня. Сегодня ночью она без всякого стеснения прижималась ко мне всем телом, просила не останавливаться, а я с огромным трудом сдерживался, чтобы не кончить уже после её первого оргазма. Остановиться тогда было бы настоящим преступлением. А сейчас прикрывается от меня и краснеет.

— Когда ты её сделал? — спросила Лана, скользнув взглядом по моему боку и кивнув на татуировку.

— Прошлым летом.

Она слегка прикусила губу и осторожно потянулась к рисунку. Но за несколько сантиметров до моей кожи её ладонь замерла. Лана нерешительно посмотрела на меня.

Опять боится. Думает, что мне неприятны её прикосновения. Если бы я мог сказать, что всё совсем наоборот. Что каждое её касание вызывает во мне столько чувств, что однажды я просто не смогу скрыть их от Фодеса.

Я лишь молча кивнул.

Она осторожно коснулась татуировки и медленно провела пальцами по тёмным линиям. На её лице читался искренний восторг. Ей действительно нравилось.

— Она такая красивая... Крылья выглядят совсем настоящими. И тени... Никогда не видела подобных татуировок.

— Сейчас покажу тебе ещё кое-что.

Я провёл ладонью по рисунку, и фигуры тут же ожили.

Ангел и демон вновь сошлись в поединке. Их движения стали плавными и естественными, мечи с лязгом сталкивались друг с другом, поднимая вокруг клубы пыли. Маленькая битва разворачивалась прямо на моей коже.

Через несколько секунд магия угасла, и рисунок вновь замер.

Лана всё это время не отрывалась от татуировки. Улыбка не сходила с её лица.

А я смотрел на неё. На растрёпанные после сна волосы. На её счастливое лицо. На эту искреннюю, детскую радость. Мне нравилось видеть её такой. Беззаботной.

Почувствовав, что я наблюдаю за ней, Лана подняла голову. Веселье тут же исчезло с её лица. Она смущённо отвела взгляд и сжала пальцами одеяло.

Каждый раз, когда она так отворачивалась, чувство вины становилось сильнее. Причиной был я. То, что я сделал с ней.

— А она что-нибудь значит для тебя? — Лана вновь взглянула на татуировку.

Я задумался. Она действительно значила для меня очень многое.

— Думаю, эта татуировка — символ того, что внутри меня всегда будут существовать две стороны. Светлая и тёмная. Они будут бороться друг с другом всю мою жизнь, и как бы она ни сложилась, ни одна из них никогда не победит окончательно. Если честно, мне кажется, так устроены все люди. Не существует абсолютно хороших или абсолютно плохих. Каждый из нас способен и на добро, и на жестокость. Всё зависит только от обстоятельств, в которых мы оказываемся.

— Как философски звучит... — сказала она с нарочито серьёзным выражением лица.

Но озорной огонёк в её глазах всё равно выдавал её. Я тут же повернулся к ней и, не дав договорить, мягко повалил на кровать, нависнув сверху.

Лана сразу легко рассмеялась. Но стоило нашим лицам оказаться совсем близко друг к другу, как смех затих сам собой. Она замерла, едва заметно приоткрыв губы.

— Ты всё ещё хочешь, чтобы я касался тебя? — тихо спросил я.

— Хочу... — едва слышно выдохнула она, не разрывая зрительного контакта, и прижалась ко мне ещё сильнее.

Я сократил последние сантиметры между нами и осторожно коснулся её губ своими. Так нежно, боясь разрушить этот момент. Осторожно целовал её, проводя ладонью по её телу.

Я так долго мечтал об этом — касаться её, ласкать её. И так долго не мог позволить себе даже этого. Ведь именно эту любовь, которую я испытывал рядом с ней, было сложнее всего скрыть от Фодеса.

Прикрывал её ненавистью и злостью, накопившимися во мне ко всему миру. А после того как мне пришлось изнасиловать Лану, к ним добавились презрение и отвращение к самому себе. Именно эти чувства я всегда и показывал Фодесу. Его мало интересовало, что именно я делал с ней. Гораздо сильнее его привлекали мои эмоции. Именно ими он упивался. Не знаю почему. Возможно, потому что сам не был способен чувствовать. Я сильно сомневаюсь, что такой псих вообще способен на подобное.

Тогда я осознал главное: нельзя позволить любви к Лане стать сильнее ненависти к самому себе. Пока ненависть была сильнее, Фодес видел именно её. А причин ненавидеть себя за эти два с половиной года у меня накопилось более чем достаточно.

Когда он переключился на поиски телекинеза, проверки почти прекратились.

Но оставалась ещё одна проблема — Лана. Я был уверен, что рано или поздно Фодес захочет заглянуть и в её сознание, чтобы окончательно убедиться в моей преданности. Поэтому я старался быть для неё тем самым чудовищем. Был уверен, что она искренне меня ненавидит.

Тогда, в борделе, я не ожидал встретиться с Фодесом. Но когда это произошло, не сомневался, что в голове Ланы он увидит лишь эпизоды насилия и ненависть ко мне. Однако он нашёл там любовь.

На одно короткое мгновение мне показалось, что нам обоим конец.

Но Фодес не смог прочитать её мысли. Вместо этого он решил, что её сознание сломано так же, как у жертв многолетних пыток, а любовь — всего лишь побочный эффект привязанности к собственному мучителю. Он пришёл в искренний восторг и окончательно признал меня своим.

Но была одна проблема. Лана совсем не походила на жертву пыток, да и я никогда не истязал её так, как это делали со многими другими. Значит, причина была в чём-то другом. Разбираться с этим сейчас было не время.

Куда важнее было другое.

Теперь я мог и дальше прикрывать настоящие чувства ненавистью к самому себе. Лану Фодес тоже проверил и больше не считал угрозой. Даже если однажды снова заглянет в её сознание, ничего, что могло бы выдать меня, он там уже не найдёт.

Я по-прежнему не мог рассказать ей правду. Не мог признаться, что люблю её. Ненависть к самому себе должна была оставаться сильнее любви к ней. Пока это было так, Фодес видел именно её.

Поэтому, как бы сильно я этого ни хотел, мы всё равно не могли быть вместе по-настоящему. Даже если однажды она смогла бы меня простить. Хотя, если честно, я никогда на это не надеялся.

Но теперь всё изменилось.

Мне больше не нужно было заставлять её бояться меня и делать вид, что ненавижу её. Я наконец мог стать мягче. Мог приблизиться к ней настолько, насколько нам вообще было позволено.

И сегодня ночью, когда она сама потянулась ко мне, я впервые подумал, что, возможно, этого достаточно. Что хотя бы так мы сможем быть рядом. А однажды мне удастся всё исправить.

Главное — дождаться того самого момента.

От её нежных губ меня отвлёк звонок браслета. Нехотя прервав поцелуй, посмотрел на экран.

Отец.

Он уже ждал меня на одном из заводов и явно начинал терять терпение.

— Мне пора... — С неохотой я отстранился.

— Даже не будешь завтракать? — Лана слегка приподнялась на кровати, наблюдая за тем, как я одеваюсь.

— Придётся сделать это по дороге. Успею только принять душ, переодеться и отправиться на встречу с отцом. — Я натянул штаны и застегнул ремень. — Он уже недоволен тем, что я не появился вовремя.

Я уже собирался телепортироваться, когда услышал за спиной её тихий голос.

— Неймор...

Я сразу обернулся.

Выражение её лица стало другим. Будто она хотела спросить о чём-то важном, но никак не могла заставить себя произнести это вслух.

— Сегодня понедельник... Мне ждать тебя, как обычно, в семь вечера?

Она отвела взгляд куда-то мне за спину. Я машинально проследил за ним и оглянулся через плечо.

Тот самый пристенный столик.

Я слишком хорошо помнил, что происходило у этой стены. Помнил, как каждый раз заставлял себя принуждать её, потому что никогда не знал, когда Фодес вновь решит проверить моё сознание и потребует очередного подтверждения того, что я действительно стал тем монстром, которым всегда меня считал.

Подойдя к кровати, я сел рядом и осторожно коснулся ладонью её щеки, медленно поглаживая большим пальцем тёплую кожу.

— Нет, Лана... — Я едва заметно покачал головой. — Больше не жди меня там. Этого больше не будет. Теперь всё будет по-другому.

Я легко поцеловал её в щёку. Отныне больше никогда не хотел ничего брать силой. Всё, что однажды она решит мне дать, должно быть её выбором.

Она ничего не ответила. Лишь едва заметно улыбнулась, продолжая внимательно смотреть мне в глаза, а затем молча кивнула.

Только сейчас я вспомнил, что сегодня действительно должно было состояться собрание. Каждый понедельник и четверг они проходили в его фамильном замке. За всё это время привыкнуть к этим собраниям так и не получилось. Каждый раз приходилось выслушивать бесконечные речи Фодеса, от которых хотелось оказаться где угодно, но не там.

— Скорее всего, я вернусь поздно, — сказал я, поднимаясь. — Поэтому ложись спать без меня. Но когда я окажусь дома, сразу приду к тебе. Надеюсь, сегодня кошмары тебя не потревожат.

— До встречи... — тихо ответила Лана.

Я улыбнулся ей ещё раз и телепортировался в свою комнату. Быстро собравшись, отправился к отцу. Остаток дня прошёл за привычными делами, а вечером мы вместе телепортировались на собрание.

Фамильный замок Фодеса. Он был таким же древним, как и замок Дракморнов, в котором жил я.

До сих пор казалось странным, что Фодес всё ещё жил здесь, несмотря на всю ненависть к собственной семье. Он настолько презирал свой род, что после их смерти навсегда отказался от фамилии, оставив себе только имя.

Его род был одним из древнейших родов хранителей силы фазирования. Дара проходить сквозь стены. Благодаря ему их семья заняла высокое положение в обществе, открыв по всему миру предприятия с фазированными порталами.

Отец Фодеса был хранителем этой силы, а значит, его дети тоже должны были родиться с ней, пусть и в более слабой форме. Так один из них мог однажды стать следующим хранителем. Но Фодес родился без неё.

Несмотря на это, он до самого последнего момента надеялся, что сила всё-таки проявится и он станет наследником рода. Однако этого так и не произошло. Будущим хранителем должен был стать его младший брат.

Тогда в нём и зародилась та ненависть, которая в итоге уничтожила всю его семью.

Когда умер отец и сила перешла к младшему брату, Фодес окончательно понял, что никогда не станет хранителем. Тогда он убил брата и завладел его силой.

Но на этом не остановился.

Остальные члены семьи стали следующими. В тот день погибли все, кто носил фамилию его рода. С этого дня начался путь человека, которого позже станет бояться весь мир.

Мы сидели за длинным столом в его кабинете. Казалось, время здесь остановилось: тяжёлые коричневые стены, старые картины в массивных рамах, огромный деревянный стол и такие же тёмные стулья. Всё вокруг выглядело мрачным и давно забытым. Здесь застыли десятки лет.

Таким же был и мой замок. За последние годы эти тяжёлые стены стали настолько привычными, что я перестал обращать на них внимание.

Я сидел между отцом и своим дядей Ардэном Фоллом — братом моей матери и хранителем силы регуляции жизни.

Он мог замедлить движение крови, вызвать паралич и даже отключить боль. Именно поэтому семья Фолл была знаменита в сфере здравоохранения и владела предприятиями по созданию лекарств и зелий.

Пальцы сами начинали тереться друг о друга. Хотелось одного — поскорее уйти отсюда и вернуться к Лане.

Если собрание затянется, она уснёт без меня. И ей может присниться кошмар. Кошмары мучили её и раньше. Она и тогда периодически кричала во сне, но после борделя её крик стал намного громче.

До сих пор не мог простить себе, что сам повёл её в бордель. Забыл, какой была моя собственная реакция, когда я впервые переступил его порог.

Я хотел её напугать. Но даже не представлял, во что всё это выльется. Не ожидал появления Фодеса. Не ожидал, что этот ублюдок Мориган потянет к ней свои грязные руки и напугает её ещё сильнее. И уж точно не думал, что мне придётся убить этого мелкого засранца прямо у неё на глазах.

Видимо, я слишком долго смотрел в одну точку.

— Ты сейчас дыру в столе прожжёшь.

Я тут же повернул голову. Ардэн, как всегда, сидел расслабленно, закинув одну руку на спинку стула.

Раньше в нашей семье не было принято замечать чужие переживания. Каждый жил своей жизнью, не вмешиваясь в дела остальных. Но после победы Фодеса многое изменилось.

До этого мы с дядей никогда не были особенно близки. Он был старше меня на десять лет, и виделись мы лишь на семейных приёмах. Всё изменилось после того, как Фодес пришёл к власти. Мы всё чаще встречались на подобных собраниях, всё чаще разговаривали, и со временем я начал узнавать в нём самого себя.

Он так же не понимал происходящего.

Так же ненавидел Фодеса. Так же с ужасом наблюдал за тем, во что постепенно превращался наш мир. Я видел, как Ардэн смотрит на казни, пытки, бордели, на этот новый порядок, построенный на страхе, и понимал, что его от этого тошнит. Так же, как и меня.

Наверное, поэтому мы и сблизились. Впервые за долгое время рядом оказался человек, которому мне действительно хотелось доверять.

— Да, Ардэн. — Я откинулся на спинку стула и скрестил руки. — Фодес задерживается. Это странно. Ты не знаешь, что случилось?

— Конечно нет. — На губах Ардэна появилась лёгкая улыбка, а зелёные глаза весело блеснули. — Он же вроде без ума от тебя. Разве не должен докладывать тебе о каждом своём шаге?

Я фыркнул. Ардэн никогда не упускал возможности подколоть меня.

— Может, наконец нашёл мне замену? — Я усмехнулся одним уголком губ и ткнул его локтем в бок.

— Ш-ш-ш.

Голос отца резко ударил по нам, заставив одновременно повернуть головы. На его лице читалось такое недовольство, словно мы устроили драку посреди собрания.

— Вы почему ведёте себя как подростки? Ладно Неймор. От него я ещё могу ожидать подобного поведения. Но ты, Ардэн, уже взрослый человек. Должен уметь держать себя в руках, а ведёшь себя как мальчишка.

Отец раздражённо поджал губы, не сводя с нас тяжёлого взгляда.

Ардэн спокойно выдержал его.

— Эварион, не преувеличивай. Мы просто разговаривали, пока ждём повелителя.

Ему никогда не нравился тон, которым отец разговаривал с людьми. Особенно с ним.

Я не стал вмешиваться. Снова устался на стол, мысленно надеясь, что Фодес наконец появится, устроит своё очередное представление и позволит мне как можно быстрее убраться отсюда.

И в этот момент, не открывая двери, Фодес прошёл сквозь неё и вошёл в кабинет. Все тут же поднялись со своих мест и склонили головы.

— Приветствуем, господин, — хором произнесли все присутствующие.

Я в том числе. И каждый раз меня до тошноты злило то, что приходится прислуживать этому ублюдку, изображая преданность и уважение.

Фодес медленно обошёл стол и остановился возле своего кресла в центре кабинета.

— Приветствую, друзья мои, — он театрально развёл руками, приглашая нас обратно за стол. — Сегодня я хотел бы обсудить с вами один важный вопрос. Поэтому садитесь.

Мы тут же подчинились.

— Сразу перейду к делу, господа, — он опустил в кресло и сложил руки на подлокотники. — Сила телепатии, которую я получил после победы над Теодором... оказалась слегка... не такой, как я ожидал.

Он сделал короткую паузу и обвёл нас взглядом.

— Сила работает иначе. Я чувствую, что в ней нет той мощи, которая должна была быть. Она... неполная. Мне досталась лишь часть.

Он чуть прищурился.

— Кто-нибудь из вас это заметил?

За столом повисло напряжение.

Все начали переглядываться, осторожно поджимая губы, пытаясь понять, что вообще можно отвечать на подобный вопрос. Конечно, правду знали все. Но каждый продолжал играть свою роль. Никто не хотел, чтобы Фодес копался в его мыслях.

— Я ничего не скрываю от тебя, Дэс, — вдруг с непроницаемым лицом произнёс отец, пристально глядя на него.

Только он позволял себе разговаривать с Фодесом на «ты» и обращаться к нему как к старому другу. Хотя так оно и было. Они действительно были друзьями много лет.

— Думаю, остальные тоже, — Отец даже не отвёл взгляда от Фодеса. — Наше сознание открыто для тебя. Поэтому нам сложно было понять, что с твоей силой что-то не так.

Несколько человек тут же согласно закивали. Никто не хотел подставиться.

— Что ж... однако я это заметил. Сначала я думал, что это временно. Всё-таки сила новая и ещё не до конца подчинилась мне. Но прошло уже два месяца, а этого времени более чем достаточно, чтобы полностью её освоить. — Его голос стал заметно жёстче. — И я пришёл к выводу, что наш дорогой хитрый Тео каким-то образом передал силу кому-то другому, чтобы спрятать её от меня.

Он демонстративно переплёл пальцы, задерживая глазами на каждом из присутствующих.

— Но, насколько нам известно, способов передачи силы всего два: наследие... и убийство. Поэтому первой моей мыслью было, что Теодор успел передать силу сыну.

Он чуть скривил губы. Даже произносить это ему было неприятно.

— Но я проверил тело мальчишки. Никакого отпечатка силы на нём не осталось.

Фодес снова развёл руками и откинулся на спинку кресла.

— Однако... — Он сделал короткую паузу. — Перед смертью его сын вполне мог передать силу кому-то другому. Тому, кто оказался рядом раньше меня.

В этот момент он пристально посмотрел прямо на меня. Я выдержал его взгляд, не моргая. Напряжение мгновенно сковало тело. Было ясно, что он говорит о Лане. Во рту мгновенно пересохло.

— Но это невозможно. — Голос отца оставался таким же спокойным.

Фодес перевёл внимание на него.

— Та девчонка не выдержала бы такую силу. Её бы уже давно расщепило изнутри.

На губах отца промелькнула скептическая усмешка. Несколько секунд Фодес молчал, а затем едва заметно кивнул.

— И тут ты прав, Эв. К тому же я уверен: если бы Неймор почувствовал хоть что-то странное, он бы сообщил мне.

Теперь всё его внимание было приковано ко мне. Я сглотнул подступивший к горлу ком и коротко кивнул.

— Безусловно, господин. Если бы я что-то заметил, то сообщил бы вам. Но в ней нет никакой силы. Её магия полностью заблокирована мной и никак не проявляется.

— Конечно, сынок. Я верю тебе. — Фодес легко улыбнулся. Своей мерзкой, довольной улыбкой. — Но проверить самому всё равно стоило. И я это сделал.

Он слегка наклонился вперёд.

— Она настолько слаба, что я даже не смог прочесть её мысли.

— Что ты имеешь в виду, Дэс? — Эварион слегка склонил голову. — Почему у тебя не получилось прочесть её мысли?

Фодес не торопился с ответом. Затем выпрямился и криво улыбнулся.

— Её сознание нестабильно... Так же, как и у пленных. Тех самых, которых приходилось пытаться.

В этот момент все находившиеся в кабинете повернулись ко мне. Первым — отец, следом за ним Ардэн и остальные.

Я привык к осуждающим взглядам. За долгие годы они перестали что-либо для меня значить. Но сейчас всё было иначе. Впервые в жизни мне стало по-настоящему тяжело выдерживать то, как на меня смотрели. В каждом взгляде читался один и тот же вопрос, а вместе с ним — молчаливое убеждение, что именно я превратил Лану в человека с искалеченным сознанием.

От этого становилось невыносимо. Хотелось отвернуться, опустить глаза, исчезнуть, лишь бы больше не видеть этого немоего осуждения. Но я оставался неподвижным, до боли сжав пальцы под столом, потому что не имел права показать ни единой слабости.

— Впрочем, сейчас это не главное. — Фодес вновь сцепил пальцы перед собой. — Намного важнее понять, куда хитрый Тео спрятал мою силу.

В кабинете повисло тяжёлое молчание, но спустя несколько секунд его нарушил сухой старческий голос.

— Раньше, ещё до Первой Древней войны, существовали и другие способы передачи силы. Правда, насколько мне известно, все они были уничтожены во время войны, потому что считались слишком нестабильными.

Ну конечно. Вильям Деффи. Министр образования. Кому, как не этому восьмидесятилетнему ходячему архиву, помнить всю историю магического мира. Лучшие бы он вообще молчал и не подкидывал Фодесу новых идей, как найти силу, которая в итоге погубит нас всех.

— Ранее существовали артефакты, через которые можно было передавать силу, — продолжил Деффи, поправляя рукав старого сюртука. — Но они были крайне нестабильны. Чаще всего всё заканчивалось мгновенным расщеплением носителя. Во время Первой Древней войны артефакты уничтожили... поэтому вероятность того, что хоть один из них сохранился, крайне мала.

— Но всё же она есть, Вильям, — протянул Фодес, медленно растягивая слова. — Потому что другого объяснения тому, куда исчезла моя сила, у меня нет.

Он поднялся со своего кресла и прошёлся вдоль стола.

— Значит, нам нужна новая стратегия. Для начала необходимо собрать всю информацию об этих артефактах. Этим займётся Деффи.

Старик коротко кивнул.

— Кроме того, нужно бросить все силы на поиски соратников Теодора. Вероятность того, что сила находится у кого-то из них, слишком велика.

Фодес остановился у окна.

— Я уже распорядился ужесточить контроль на границах и проверять всех тщательнее.

Он повернулся к нам.

— Я и Эварион отправимся в Эвергард. Там обнаружили одну из групп сопротивления. Мы проверим их, а затем двинемся дальше на юг страны.

Отец уверенно кивнул.

— Остальных распределим по группам и отправим в другие части страны.

Затем взгляд Фодеса остановился на мне и Ардэне.

— Неймор и Ардэн останутся в Скайджене. Вы самые молодые и активные среди нас, поэтому на ваши плечи ляжет управление страной, пока нас не будет.

Уголки его губ чуть приподнялись.

— Так что постарайтесь не облажаться.

Мы с Ардэном одновременно кивнули и коротко переглянулись.

После этого разговор окончательно превратился в обсуждение стратегии. Отец, Деффи и остальные начали распределять солдат, спорить о маршрутах, обсуждать сопротивление и возможные укрытия силы.

Я слушал лишь наполовину. Сидел на своём месте, время от времени кивая, изображая интерес ко всему, что здесь происходило.

Но в голове крутилась одна мысль. Та самая, что мучила меня после борделя, но которую я изо всех сил старался задавить.

Почему всё же Фодес не смог проникнуть в голову к Лане? В чём настоящая причина?

Собрание затянулось настолько, что из-за стола мы поднялись ближе к часу ночи. К этому моменту я уже был уверен, что Лана спит, и единственное, чего мне хотелось, — как можно быстрее вернуться в замок и убедиться, что с ней всё в порядке.

Я уже вышел из замка, собираясь телепортироваться, когда за спиной послышались быстрые шаги.

— Неймор, подожди...

Я обернулся. Ардэн быстро догнал меня. Быстро оглядев выходящих из замка людей, он дождался, пока мимо пройдут последние из участников собрания, и только после этого заговорил:

— Что имел в виду Фодес, когда сказал, что у той девушки, которая живёт у тебя...

— Лана... Её зовут Лана... — тихо перебил его я, невольно опустив голову.

Ардэн на мгновение замолчал. Его лицо стало настороженным, а в голосе появилось напряжение.

— Что у Ланы нестабильное сознание, как у жертв пыток?

Настоящий вопрос был совсем не в Лане. Он хотел понять, способен ли я на подобное. Я посмотрел ему прямо в глаза.

— Ардэн. Я не делал с ней ничего подобного. Никогда.

Мне был неприятен этот разговор. Но ещё меньше мне хотелось, чтобы Ардэн действительно поверил, что я способен на такое.

— Я не пытал её. Мне приходилось быть жестоким из-за Фодеса, но её сознание не разрушено. Она разговаривает, смеётся, спорит со мной. Она остаётся собой.

Лицо Ардэна заметно изменилось. Напряжение постепенно исчезло, плечи расслабились, и я понял, что он мне поверил. Только сейчас я почувствовал, что и сам перестал так сильно сжимать челюсти.

Но вопросов меньше не стало.

— Тогда почему Фодес не смог прочитать её мысли? — задумчиво спросил Ардэн, нахмурившись.

Я ненадолго замолчал, прокручивая в голове всё, что произошло в борделе.

— Не знаю. Возможно, сработала её собственная магия или защитная реакция на страх. Но я выясню, что произошло.

Ардэн кивнул, задумчиво проведя пальцами по подбородку.

— Всё возможно, Неймор. Иногда даже под магическими оковами сила способна проявиться в момент сильнейшего стресса. Но настоящую причину всё равно лучше найти.

— Этим я и собираюсь заняться.

— Если понадобится, я могу сам её осмотреть. Проверить жизненные показатели.

Я благодарно кивнул.

— Думаю, так и сделаем. Но после того, как Фодес и отец отправятся на поиски силы. Когда их не будет рядом, можно будет наконец выдохнуть и перестать постоянно оглядываться.

На губах Ардэна появилась лёгкая улыбка.

— Будет непривычно.

Я невольно усмехнулся.

— Никогда не думал, что в двадцать один год окажусь одним из правителей страны. Мне кажется, что из нас двоих ты больше подходишь для этой работы.

Ардэн тихо рассмеялся и покачал головой.

— Ох, нет. Я до сих пор не могу смириться с тем, что стал министром здравоохранения. Эта работа оказалась куда тяжелее, чем я себе представлял. А теперь ещё и управление страной... Так что не вздумай всё свалить на меня.

Я коротко хмыкнул, скрестив руки.

— Пусть будет сложно. Главное, что никто больше не сможет копаться в наших головах.

— И читать бесконечные нравоучения, как это делает Эварион, — с усмешкой добавил Ардэн.

Улыбка сама тронула губы.

Но уже в следующее мгновение браслет на моей руке вспыхнул магическим светом. Я замер. Опустив взгляд на запястье, почувствовал, как внутри всё холодеет.

Ардэн сразу заметил перемену в моём лице.

— Что-то случилось?

Я не ответил. Перед глазами уже развернулась светящаяся карта замка. Внимательно всматриваясь в неё, я чувствовал, как тревога с каждой секундой становится всё сильнее.

— Система безопасности... — тихо произнёс я, всё ещё пытаюсь осознать увиденное. — Кто-то пробил защитное поле.

Ардэн подошёл ближе, всматриваясь в карту.

Я увеличил изображение. Сердце пропустило удар.

Подвал... Нет...

Я резко втянул воздух.

— Мне нужно срочно вернуться.

Я повернулся к Ардэну, уже зная, что нельзя терять ни секунды.

— Никому ничего не говори. Я сам разберусь.

Ардэн только успел кивнуть.

В следующее мгновение я уже шагнул в прямой портал, ведущий в мой замок.